

33(09)

P-50

НАЧАЛА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ
И
ПОДАТНОГО
ОБЛОЖЕНИЯ

ск

ДАВИД РИКАРДО

СОЧИНЕНИЯ

65/02
р-50

ТОМ ВТОРОЙ

5783.Н.

DAVID RICARDO

THE PRINCIPLES
OF
POLITICAL ECONOMY
AND
TAXATION

The State Social and Economic Press

MOSCOW 1935

ДАВИД РИКАРДО

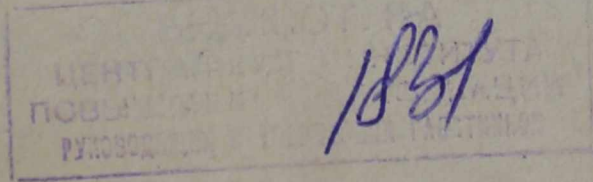
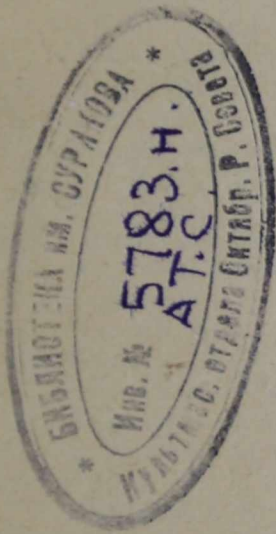
33 (09)

p-50

НАЧАЛА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ

И

ПОДАТНОГО
ОБЛОЖЕНИЯ

О г и з . С о ц и а л и з м

МОСКВА 1935

33

МАЙ 1958

ИЮН 1954

49г.

ИЮН 1961

19

Редактор И. Удальцов.

Технический редактор Е. Этингер.

Ответственный по выпуску Т. Каневская.

Сдано в набор 26/XII 1934 г. Подписано к печати 5/IX 1935 г. Формат бумаги 62×94/16.
 21 печ. л. 49300 зн. в 1 печ. л. Огиз № 1448.
 Москва. Уполномоченный Главлита Б-6423. Заказ № 1390. Тираж 20 000 экз.
 Цена 7 руб. Переплет—1 руб. 35 к.

16-я типография треста «Полиграфкнига», Трехпрудный пер., 9.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Д. Розенберг, Предисловие VII

Начала политической экономии и податного обложения

Предисловие к первому изданию	1
Предисловие к третьему изданию	3
I. О стоимости	5
II. О ренте	33
III. О ренте с рудников	44
IV. О естественной и рыночной цене	46
V. О заработной плате	49
VI. О прибыли	60
VII. О внешней торговле	72
VIII. О налогах	86
IX. Налоги на сырые произведения	90
X. Налоги на ренту	101
XI. Десятина	103
XII. Поземельный налог	106
XIII. Налоги на золото	113
XIV. Налоги на дома	120
XV. Налоги на прибыль	123
XVI. Налоги на заработную плату	131
XVII. Налоги на обработанные продукты	150
XVIII. Налоги в пользу бедных	164
XIX. О внезапных переменах в ходе торговли	169
XX. Стоимость и богатство, их отличительные свойства	171
XXI. Влияние накопления на прибыль и процент	182
XXII. Премия за вывоз и запрещение ввоза	190
XXIII. Премии за производство	203
XXIV. Учение Адама Смита о поземельной ренте	207
XXV. О колониальной торговле	215
XXVI. О валовом и чистом доходе	221
XXVII. О денежном обращении и о банках	225
XXVIII. О сравнительной стоимости золота, хлеба и труда в богатых и бедных странах	240
XXIX. Налоги, уплачиваемые производителем	245
XXX. О влиянии спроса и предложения на цены	247
XXXI. О машинах	250
XXXII. Взгляды Мальтуса на ренту	258
Приложение к главе первой	280
Предметный указатель	287
Указатель цитированных сочинений	295

1958

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рикардо—завершитель классической школы. Система Рикардо является тем высшим пунктом, которого буржуазная политическая экономия, начиная с Вильяма Петти, достигает в своем развитии по восходящей линии. После Рикардо она (буржуазная политическая экономия) стремительно катится вниз. Объясняется это тем, что «развитие политической экономии и из нее же самой вытекающего противоречия идет в ногу с реальным развитием содержащихся в капиталистическом производстве общественных противоречий и классовой борьбы»¹.

Буржуазное общество вышло из недр феодального, и в борьбе против высших сословий феодального мира третье сословие кует свое духовное оружие, в том числе и политическую экономию. Борясь против феодальных привилегий и феодального паразитизма, буржуазия выдвигает труд как источник богатства и себя—как руководителя и организатора труда. Это дало возможность буржуазным мыслителям создать теорию трудовой стоимости, достигшую наивысшего своего развития, в пределах буржуазного кругозора, у Рикардо.

Теория трудовой стоимости служила буржуазии орудием борьбы против оков феодализма, на нее она опиралась в своей борьбе за экономическую свободу. Но эта теория при попытке класть ее в основу анализа капиталистического производства приводила к теории прибавочной стоимости—к рассмотрению прибыли как результата прибавочного труда, что уже шло вразрез со всей установкой буржуазной политической экономии. И неудивительно, что классическая школа с самого начала возникла и развивалась как система противоречий, которые опять-таки у Рикардо находят наиболее острое и законченное выражение.

Рикардо фактически рассматривает прибыль как результат прибавочного труда, сведя прибыль и заработную плату к двум друг другу противоположным частям стоимости, созданной трудом наемного рабочего. Но ограниченность буржуазного кругозора мешает ему углубиться в проблему происхождения и сущности прибыли, и он ограничивается исследованием того, как изменение заработной платы вызывает противоположное изменение прибыли.

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 366.

В результате такого исследования Рикардо, с одной стороны, отождествляет прибыль с прибавочной стоимостью, а с другой—рассматривает прибыль в виде средней прибыли, как нечто данное, как исходный пункт, не вскрывая процесса превращения прибыли в среднюю прибыль.

У Рикардо прибыль является одновременно и прибавочной стоимостью, создаваемой прибавочным трудом, и средней предпринимательской прибылью, определяемой величиной капитала. Чем последовательнее Рикардо развивал теорию трудовой стоимости, тем сильнее—да будет позволено так выразиться—навязывалась ему теория прибавочной стоимости, а невозможность для него развить последнюю и привела к указанным двум трактовкам прибыли. Но «мирное сожительство» друг друга исключающих предпосылок, разных пониманий прибыли долго продолжаться не могло. Развитие экономической мысли, идущее «в ногу с реальным развитием содержащихся в капиталистическом производстве общественных противоречий классовой борьбы», быстро положило конец такому «сожительству».

Переместился фронт борьбы. Промышленный переворот и обусловленные им другие решающие события конца XVIII и начала XIX в. поставили английскую буржуазию перед лицом пролетариата, врага несравненно более грозного, чем феодальные элементы. Буржуазии нужно было перевооружиться. Если борьба против земельной аристократии создала прочный социально-политический базис для развития теории трудовой стоимости, то борьба против пролетариата, наоборот, не только делала невозможным дальнейшее развитие этой теории, но настоятельно требовала пересмотра уже достигнутых результатов. Новый социальный заказ стал выполняться в двух формах: 1) в форме «критики» и «опровержения» Рикардо, 2) в форме интерпретации его учения, выхолащивающей все научное содержание последнего.

Буржуазия отказалась от научного наследства своих классиков, но для пролетариата это наследство является одним из источников теоретического вооружения. Маркс и Ленин, высоко ценя классиков, дали в то же время единственно научно правильную критику их. Марксистско-ленинское изучение буржуазных классиков помогает пониманию политической экономии *наших классиков*—Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, вооружает в борьбе против фальсификаторов истории политической экономии—буржуазных экономистов и теоретиков социал-демократии, подвизающихся на этом поприще.

I

Эпоха Давида Рикардо

Эпоха Рикардо является одной из замечательнейших эпох. В эту эпоху имели место такие решающие события, как промышленный переворот в Англии, французская революция, наполеоновские войны, континентальная блокада и целый ряд других событий.

Промышленный переворот совершился не сразу, он был подго-

Д. Ривардо

товлен всем предыдущим развитием и организационно-технически и экономически. Промышленный переворот ознаменовал собою полное торжество капиталистического способа производства.

За сравнительно короткий промежуток времени последовало одно изобретение за другим. Ареной этих изобретений вначале была хлопчатая промышленность, находившаяся в состоянии войны со своей «старшей сестрой» — шерстяной промышленностью. Ряд изобретений, от прялки «дженин» до мюль-машины Кромптона и механического станка Картрайта, преобразовывают технику тканья и особенно прядения, колоссально увеличив производительность труда. Эти открытия доставили капиталистическому текстильному производству *адекватную* ему техническую основу — машину. Последняя быстро завоевала и шерстяную промышленность. А применение машин с центральными двигателями (сначала вода, а потом пар) ускорило развитие крупного производства.

Переворот охватил и металлургию, также являющуюся ведущей отраслью английской промышленности. До того времени чугун и железо производились на древесном топливе, что ставило металлургию в зависимость от лесных ресурсов, которые стали быстро истощаться. А между тем переход к машинному производству мог быть закреплен и развит дальше при условии развития металлургии. Изобретения способов коксования каменного угля дали возможность заменить древесное топливо минеральным, а изобретение Кортон в 1780 г. «шудлингования» — производить прокатку железа на каменноугольном топливе (производство чугуна на минеральном топливе началось раньше, с 1735 г.).

Если изобретение процесса коксования освободило капиталистическое производство от зависимости от леса, то изобретение парового двигателя освободило его от зависимости от ограниченной силы человека и животного, от силы капризного ветра и от прикрепляющей к определенным местам силы воды. Скоро паровой двигатель стали применять и на транспорте.

Наступил век железа и пара.

Но переход от пользования органической силой к неорганической в отношении двигательной силы стал возможным потому, что орудие труда перешло от человека к автомату. «Только после того, — пишет Маркс, — как орудия превратились из орудий человеческого организма в орудия механического аппарата, — машины, работающей орудиями, — только тогда и двигательная машина приобретает самостоятельную форму, совершенно свободную от тех ограничений, которые сопряжены с человеческой силой»¹.

Появление новой двигательной силы в свою очередь дает возможность превратить отдельную рабочую машину лишь в элемент целой системы машин. «С этого времени, — продолжает Маркс, — та отдельная рабочая машина, которую мы рассматривали до сих пор, низводится до степени простого элемента машинного производства. Один двигательный механизм может теперь приводить в движение

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 285.

много рабочих машин одновременно. С увеличением количества рабочих машин, одновременно приводимых в движение, растет и двигательный механизм, а вместе с тем передаточный механизм разрастается в сложный аппарат»¹.

Итак, суть промышленного переворота с технической стороны заключалась в том, что изобретены были работающие автоматы— «машин, работающие орудиями»,—заменяющие человека, но в то же время находящиеся под его контролем и руководством. Но техника не отделима от экономики, точнее, содержание техники, закон ее движения определяется экономикой, а для капиталистической экономики машина есть «средство производства прибавочной стоимости». Маркс пишет: «Джон Стюарт Милль говорит в своих «Основаниях политической экономии»: «Сомнительно, чтобы все сделанные до сих пор механические изобретения облегчили труд хотя бы одного человеческого существа». Но перед капиталистически применяемыми машинами вовсе и не ставится такой цели. Подобно всем другим методам развития производительной силы труда, они должны удешевлять товары, сокращать ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на самого себя, и таким образом удлинять другую часть его рабочего дня, которую он даром отдает капиталисту. Машины—средство производства прибавочной стоимости»².

Буржуазные исследователи сознательно избегают касаться капиталистического характера воспеваемой ими машинной техники. Капиталистический характер последней остался незамеченным и для Рикардо, но он еще не ставил тех апологетических целей, которые ставились после него.

Общий ход развития промышленного переворота Маркс изображает так:

«Переворот в способе производства, совершившийся в одной сфере промышленности, обуславливает такой же переворот в других сферах. Это относится прежде всего к таким отраслям промышленности, которые переплетаются между собою как фазы одного общего процесса, хотя общественное разделение труда до такой степени изолировало их, что каждая из них производит самостоятельный товар. Так, напр., машинное прядение выдвинуло необходимость машинного ткачества, а оба вместе сделали необходимой механически-химическую революцию в белильном, ситцепечатном и красильном производствах. Таким же образом, с другой стороны, революция в бумагопрядильном производстве вызвала изобретение gin'a, машины для отделения хлопчатобумажных волокон от семян, благодаря чему только и сделалось возможным производство хлопка в необходимом теперь крупном масштабе. А революция в способе производства промышленности и земледелия сделала необходимой революцию в общих условиях общественно-производственного процесса, т. е. в средствах сношений и транспорта... Точно так же средства транспорта и сношений, завещанные мануфактурным периодом, скоро

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 285—286.

² Там же, стр. 280.

превратились в невыносимые пути для крупной промышленности с ее лихорадочным темпом производства, ее массовыми размерами, с ее постоянным перебрасыванием масс капитала и рабочих из одной сферы производства в другую и с созданными ею новыми связями, расширяющимися в мировой рынок. Не говоря уже о парусном судостроении, претерпевшем полный переворот, в деле сношений и транспорта совершилось поэтому при помощи системы речных пароходов, железных дорог, океанских пароходов и телеграфов постепенное приспособление к крупно-промышленному способу производства»¹.

В эпоху Рикардо железных дорог и телеграфа еще не было; первая железная дорога построена была в 1825 г. Но промышленный переворот вызвал кипучую деятельность и в устройстве путей сообщения. С середины XVIII в. началось устройство каналов, получивших особенно важное значение со времени Бриндли², который построил первый большой канал. Было устроено множество каналов по всем направлениям, и многие реки были сделаны судоходными. Но главный переворот в путях сообщения произвел пар, притом не только на суше, но и на воде. Первый пароход был спущен в 1807 г. на р. Гудзон в Северной Америке, а в Великобритании первый пароход был спущен в 1811 г. на р. Клойде.

Промышленная революция, доставившая полную победу капиталистическому производству, принесла с собою и постоянных спутников последнего, периодические промышленные кризисы. Возможность кризисов заложена уже в простом товарном производстве; в реальность и необходимость эта возможность превращается при капиталистическом производстве, достигшем определенного уровня, т. е. уровня машинного производства. Хлопчатобумажная промышленность, первой охваченная промышленным переворотом, первой и стала на путь цикличности, смены фаз кризиса, депрессии и оживления. До наступления общего промышленного кризиса 1825 г. хлопчатобумажная промышленность успела уже, начиная с 1770 г., зарекомендовать себя периодически повторяющимися угнетенным состоянием и оживлением.

Если новый промышленный строй принес трудящимся разорение, нищету, усиленное угнетение и эксплуатацию, то капиталистам он принес громадные барыши. Рост богатства на одном полюсе и нищеты на другом обнаружился с первых дней промышленного переворота. С одной стороны, переполнение рынка труда разорившимися ремесленниками и выброшенными мануфактурными рабочими понижало заработную плату и следовательно увеличивало прибавочную стоимость. С другой стороны, источником добавочной прибавочной стоимости была, благодаря введению машин, разница между индивидуальной и общественной стоимостями. Большая же прибавочная стоимость создала новые капиталы и привлекла старые из других сфер хозяй-

¹ Там же, стр. 290—291.

² Джеймс Бриндли (1716—1772) был самоучкой; всего он провел до 550 км каналов.

ства, в результате чего шло быстрое расширение машинизированной промышленности. Поднявшаяся высоко волна промышленного оживления, правда, поглотила часть избыточного населения (переменный капитал, как известно, падает относительно, но отнюдь не абсолютно), но в то же время увеличилось число эксплуатируемых. Капиталисты выиграли и от роста степени эксплуатации и от роста числа эксплуатируемых.

Нужно еще помнить, что английская промышленность в то время занимала монопольное положение на мировом рынке. Промышленный переворот превратил Англию на сравнительно длительный промежуток времени в «фабрику мира».

Промышленный переворот отразился и не мог не отразиться и на кредите и банковском деле. Уже само расширение производства и обращения вызвало расширение и в сфере кредита. Но суть изменений не в этом, точнее, не столько в этом, а в ряде качественных изменений.

Развитие кредита на новых началах в Англии началось задолго до промышленного переворота—*Английский банк* основан был еще в 1694 г., а его основание знаменовало собою коренной перелом в организации кредитного дела. «Развитие кредитного дела,—говорит Маркс,—возникает как реакция против ростовщичества»¹. И дальше: «Это означает лишь подчинение капитала, приносящего проценты, условиям и потребностям капиталистического способа производства»². Началом этого подчинения и было основание *Английского банка*, а потому оно (основание банка) вызвало упорное сопротивление со стороны ростовщиков, частных банкиров, каковыми в Англии были преимущественно ювелиры³. Сторонники же учреждения банка выдавали последний за большое *национальное дело*, заявив, что учреждение банка вырвет нацию из рук ростовщиков, понизит процент, оживит и организует государственный кредит, расширит обращение, внесет улучшение в область торговли и т. д. и т. д.

Вся эта аргументация преследовала одну цель: «подчинение капитала, приносящего проценты, условиям и потребностям капиталистического способа производства». И дальше Маркс пишет: «Всма триваясь в действительное содержание этих сочинений, теоретически сопровождавших и поощрявших развитие современного кредитного дела в Англии, мы не найдем там ничего, кроме требования подчинить капиталистическому способу производства, как одно из его условий, капитал, приносящий проценты, и всякие ссуды средств производства вообще»⁴.

Английский банк не уничтожил частных банкиров, но он стал возглавлять банковское дело, концентрированное почти целиком в Лондоне, и долгие годы являлся монополистом на английском денежном рынке. А со второй половины XVIII в. происходят дальнейшие крупные изменения: появляется ряд больших *провинциальных*

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 430.

² Там же.

³ До того времени в Англии ювелирное дело совмещалось с банковским.

⁴ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 430.

банков, что обусловлено было появлением ряда крупных промышленных и торговых центров. До 1750 г. провинциальных банков насчитывалось всего около дюжины, а в 1793 г. их было уже 400.

Большие темпы в накоплении торгово-промышленного капитала вызвали и большие темпы в накоплении ссудного капитала; торговля и промышленность стали в огромных размерах выделять денежный свободный капитал, и одновременно колоссально повысился спрос на денежный капитал. Возросли в невиданных до того времени размерах пассивные и активные операции банков; возросла и эмиссионная их деятельность, особенно большое распространение получило чековое обращение. А главное, именно в эту эпоху подчинение капитала, приносящего проценты, условиям и потребностям капиталистического способа производства в *основном завершается*; движение ссудного капитала становится составной частью воспроизводства и обращения всего общественного капитала. Коммерческий кредит и банкирский, переплетаясь между собою, образуют единую кредитную систему, приспособленную к нуждам капиталистического производства и обращения, ставших на прочную ногу благодаря промышленному перевороту.

Громадные размеры приняла и деятельность биржи и не только товарной, но и фондовой. Последнюю в первую очередь питал колоссально возросший государственный долг. Связь между государственным кредитом и биржей нашла символическое выражение в надписи, сделанной на камнях нового здания лондонской биржи, постройка которого начата была 18 мая 1801 г. К этому дню государственный долг возрос до 552 730 924 ф. с., и биржевики об этой радостной для них цифре поспешили возвестить миру в названной надписи.

Государственный кредит—также неотъемлемая часть капиталистической системы. Он был могучим рычагом в эпоху так называемого первоначального накопления, он остается могучим рычагом и в период зрелости капитализма. А ареной, на которой государственный кредит проявляет свою «чудотворную силу», является биржа. Роль государственного кредита Маркс характеризует так: «Словно прикосновением волшебного жезла он одаряет непроеизводительные деньги производительной силой и превращает их таким образом в капитал, устраняя всякую надобность подвергать их опасностям и затруднениям, неразрывно связанным с помещением денег в промышленность и даже с частно-ростовщическими операциями. Государственные кредиторы в действительности не дают ничего, так как ссуженные им суммы превращаются в государственные долговые свидетельства, легко обращающиеся, функционирующие в их руках совершенно так же, как и наличные деньги. Но роль государственных долгов не ограничивается созданием класса таких праздных рантье и импровизированным обогащением финансистов, выступающих посредниками между правительством и нацией, а также откупщиков налогов, купцов и частных фабрикантов, в руки которых, как капитал, свалившийся с неба, попадает добрая доля всякого государственного займа. Государственные займы создали кроме того акционерные общества, торговлю всякого рода ценными бумагами, отчаянную спекуляцию, ажиотаж—

одним словом биржевую игру и современную банкратию [господство банков]»¹.

В рассматриваемую эпоху на рост государственного долга решающим образом влияли войны, начавшиеся против революционной Франции (они начались в 1793 г. и кончились в 1815 г.). Скоро английский государственный долг значительно превысил ту сумму, которая начертана была на здании биржи. В 1810 г. он достиг 734 787 786 ф. с., а в 1816 г. — 1 003 768 694 ф. с.

Расходы на войну покрывались не только при помощи займов, но и при помощи эмиссии; точнее, займы и эмиссия переплетались между собой, так Английский банк — главный кредитор правительства — оказывал последнему кредит при помощи эмиссии. Грань между бумажными деньгами и банкнотами стерлась: в 1797 г. размен банкнот на металл прекращается, и Англия переходит к бумажно-денежному обращению.

Одной из важнейших проблем эпохи стала проблема денежного обращения — вопрос об отношении бумажных денег, под которыми тогда понимались и банкноты, к металлу, вопрос о влиянии выпуска денег на товарные цены и т. д. Словом, в порядке дня стояли те вопросы, которые раньше других, как увидим дальше, заинтересовали Рикардо.

* * *

«История рабочего класса в Англии, — так начинает Энгельс свою книгу «Положение рабочего класса в Англии», — начинается во второй половине XVIII столетия с изобретения паровой машины и машин для обработки хлопка». Рабочие, капиталисты, землевладельцы были конечно и до промышленного переворота, но именно последний вносит, мы бы сказали, резкие очертания в классовую структуру буржуазного общества — каждый класс получает свои ясные и законченные черты.

Английские текстильщики до переворота отчасти еще были и земледельцами, после переворота они становятся только текстильщиками, текстильщиками-пролетариями. Указывая на роль первых машин в хлопчатобумажной промышленности, Энгельс пишет: «Спрос на ткани, который и без того рос, еще более усилился вследствие понижения цен на них, вызванного уменьшением, благодаря новой машине, издержек производства пряжи. Понадобилось больше ткачей, и заработная плата их повысилась. Так как ткацкий станок стал давать больше заработка ткачу, он в результате совершенно забросил свои земледельческие занятия и занялся исключительно ткацким делом... Так исчезал постепенно класс ткачей-земледельцев и превращался в новый класс ткачей, живших только заработной платой, лишенных всякой собственности, даже кажущейся, в виде арендуемого клочка земли, и являвшихся, таким образом, пролетариями (working men)»².

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 606.

² Энгельс, Положение рабочего класса в Англии; или Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 304 (курсив Энгельса. — Д. Р.).

Произошли классовые сдвиги и в составе земледельческого населения. «Но появление, — продолжает Энгельс, — этой первой и весьма еще несовершенной машины вызвало к жизни не только *промышленный*, но и *земледельческий пролетариат*. До этих пор существовала масса мелких землевладельцев, так называемых *иоменов*, которые вели такую же неподвижную, растительную жизнь, как и их соседи ткачи-земледельцы. Они обрабатывали свой небольшой участок земли старыми несовершенными способами, унаследованными от отцов, и противились всякому новшеству с упорством, свойственным людям привычки, выработавшейся в целом ряде поколений. Было среди них и много мелких арендаторов, но не арендаторов в современном смысле этого слова, а людей, которые в силу договорной наследственной аренды или в силу обычая унаследовали от отцов и дедов свои мелкие участки и сидели на них так крепко, как будто бы они были их собственностью. Теперь, после того как промышленные рабочие забросили свои участки, освободилось много земли, и на ней-то свил себе гнездо новый класс *крупных арендаторов*, арендовавших пятьдесят, сто, двести и больше акров, так называемых *tenants-at will*, т. е. арендаторов, которым каждый год могли отказать в аренде, но которые сумели повысить доходность земли лучшей обработкой и ведением более крупного хозяйства. Они были в состоянии продавать свои продукты дешевле, чем мелкий *иомен*, и этому последнему, так как его участок не мог уже кормить его, ничего более не оставалось, как продать его и купить себе или прялку «Дженни», или ткацкий станок, или наняться к крупному арендатору в качестве *поденщика*, *сельского батрака*»¹. Нанесены были сокрушительные удары мелкому производству не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Высокие цены на хлеб и другие с.-х. продукты стимулировали и интенсификацию и укрупнение сельского хозяйства. Крупное фермерство стало развиваться в Англии давно, теперь это развитие идет громадными темпами вперед, и такими же темпами вытесняет оно мелкое хозяйство. Приняло колоссальные размеры и огораживание.

Рядом с интенсивным земледелием развивалось и экстенсивное хозяйство: участки земли отводились под пастбища и сенокос. Как интенсивное земледелие, так и овцеводство и луговое хозяйство уменьшили спрос на рабочие руки в сельском хозяйстве. Земледельческое население уменьшилось, а городское увеличилось. Но значительная масса избыточного деревенского населения заработков в городе не находила, а заполняла ряды *пауперов*, увеличивая резервную промышленную армию в разных ее формах.

Английское общество приближалось к *идеальному* для капитализма типу общества — к обществу, состоящему из трех классов: *пролетариев*, *капиталистов* и *лендлордов*. Промежуточные слои ликвидировались; экономическая основа их существования окончательно была подорвана. Если А. Смит еще плохо отличал наемных рабочих от мелких товаропроизводителей (он часто и тех и других объединял в одну группу трудящихся), то Рикардо уже имеет ясное представле-

¹ Там же, стр. 304—305 (курсив везде Энгельса. — Д. Р.).

ние о наемных рабочих как об особом классе; расплывчатое понятие *трудящийся* для него не существует.

Более четко обозначились и три основных дохода трех классов общества. Резче и чище, если можно так выразиться, стали выявляться классовый антагонизм и классовая борьба. Заработная плата номинально повысилась, но реально она пала. Масса и норма прибыли увеличились; но прибыли грозила опасность со стороны ренты (с одной стороны, высокие цены на с.-х. продукты, а с другой — как следствие этих высоких цен — под обработку отводились все худшие и худшие участки земли). Рента в короткие промежутки времени увеличилась на 100 и больше процентов.

Выигрывали и фермеры, особенно те, которые пользовались землей на основе долговременных договоров; до истечения срока последних вся выгода от высоких цен на с.-х. продукты доставалась им. В этот период и образовался богатый класс фермеров и английское земледелие достигло своего классического типа развития. Лендлорд, капиталист-фермер и наемный рабочий стали его основными и почти единственными фигурами.

Скоро разгорается борьба между землевладельцами и фермерами, с одной стороны, и городской промышленной буржуазией — с другой. Борьба велась из-за высоких хлебных цен — городская буржуазия добивалась свободного ввоза хлеба. В 1822 г. манчестерская торговая палата в своей петиции парламенту заявила, что «без уничтожения пошлин на хлеб неизбежна гибель фабричной промышленности и что только применение в широких размерах принципа свободной торговли может обеспечить дальнейшее процветание индустрии и спокойствие страны». (Двумя годами раньше с требованиями свободной торговли выступили и лондонские купцы.)

Английская промышленная буржуазия настолько уже выросла и окрепла, что она не только не боялась свободной конкуренции, но, наоборот, в последней она видела единственный путь к завоеванию и расширению мирового рынка. И ей стала доступна следующая простая истина: чтобы свободно продавать на рынках других стран, купцы последних, во-первых, должны иметь свободный доступ на английский рынок; во-вторых, иностранные покупатели английских товаров должны иметь *что* продавать — следовательно они должны развивать свое производство. Так, требование свободного ввоза хлеба получило более широкое обобщение, речь шла не только о получении дешевого хлеба для Англии, но и об установлении более правильных коммерческих отношений с заграницей.

В петиции лондонских купцов, за которой последовала масса других петиций, говорится не о свободном ввозе хлеба, а о свободной торговле вообще. Парламентская комиссия, назначенная в ответ на указанные петиции, стала на сторону подателей петиций. В своем докладе парламенту комиссия заявляет: «Время, когда монополия могла существовать или переноситься, безвозвратно миновало. Торговля, сделавшись ничем не стесняемой, делается в то же время источником взаимной дружбы между нациями, и обмен продуктов разовьет промышленность, богатство и счастье всего человечества... (Какой кос-

мополитизм!!—Д. Р.) Комитет думает, что постепенное в будущем приближение к более здоровой системе должно быть базисом всех торговых правил, и это будет не менее в интересах Великобритании, как и всех окружающих наций...»¹.

Возглавляли борьбу со стороны буржуазии хлопчатобумажные промышленники, удельный вес которых был наиболее высок, так как наиболее высок был удельный вес представляемой ими отрасли производства. Хлопчатобумажная промышленность оставила далеко за собою шерстяную промышленность и другие отрасли: ее темпы роста были действительно громадны. Она в то же время больше всего была связана с мировым рынком.

Парламент шел на ряд уступок по вопросу о свободной торговле. Но отменить хлебные законы он отказался: это нанесло бы вред землевладельцам и крупным фермерам. В этом вопросе парламент еще долго оставался непоколебимым—в парламенте интересы землевладения в то время доминировали над интересами торговли и промышленности. Борьба за беспошлинный ввоз хлеба длилась ряд десятилетий и закончилась победой промышленной буржуазии лишь в 1846 г., т. е. после реформы избирательного права, доставившей перевес промышленной буржуазии над лендлордами.

* *
* *

Промышленная буржуазия революции боялась не меньше, чем лендлорды. К французской революции она относилась так же враждебно, как и последние. Все же она не прочь была опереться на народные массы и воспользоваться их движением, чтобы добиться нужных ей реформ.

Старые партии—тори и виги—постепенно стали эволюционизировать: тори—в партию консерваторов современного образца, а виги—в партию либералов. В рассматриваемую эпоху тори были наиболее реакционно настроены, а виги склонны были к компромиссам—они-то и стали рупором либеральных веяний. Выделилось и радикальное крыло, которое держало связь с массами и искало опоры даже среди рабочих.

Рабочие были распылены; были скорее еще «классом в себе», чем «классом для себя». Их движение на первых порах носило преимущественно стихийный характер. «Возмущение рабочих против буржуазии,—говорит Энгельс,—началось вслед за развитием промышленности и прошло через различные фазисы»². Возмущение рабочих сначала носило характер возмущения просто обездоленных и приниженных людей, людей, чувствующих себя выброшенными за борт общества, а потому не считающихся с законами последнего, в том числе и с его законами собственности. Но как класс рабочие стали реагировать иначе. «Как рабочий класс,—продолжает Энгельс,—

¹ Цит. по кн. М. Янжула, Английская свободная торговля, вып. 2-й, изд. 1882 г., стр. 2—3.

² Энгельс, Положение рабочего класса в Англии; или Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 496.

рабочие впервые восстали против буржуазии тогда, когда силой воспротивились введению машин, что произошло в самом начале промышленного переворота. Первых изобретателей, как Аркрайта и др., преследовали именно таким образом, и машины их разбивали. Впоследствии начался ряд восстаний против введения машин, происходивших почти так же, как произошли волнения богемских набойщиков в июне 1844 г.: ломались машины и разрушались фабрики»¹.

Но рабочие скоро поняли, что не машины повинны в их бедствиях, а капиталистическое применение машин, и их борьба приняла иной характер: рабочие стали организовываться и пускать в ход стачку. Против новых форм борьбы господствующие классы, без различия партии, выступили еще более ожесточенно, так как они почувствовали, что рабочие как класс крепнут, что они—хотя и ощупью—становятся на правильный путь. Рабочие союзы, тредюнионы, вначале существовали нелегально, и их участники карались как члены «преступных» заговорщических обществ. Лишь в 1824 г. удалось вырвать после длительной и упорной борьбы билль, легализовавший рабочие союзы. Стачки тоже долго считались «преступным заговором», и право стачек завоевано было в упорной борьбе.

Тори в пику вигам позволяли себе заигрывать с рабочими. Билль 1824 г. провело как раз торийское правительство. Вожди английских тредюнионов впоследствии частенько оппортунистически пользовались ссорой партий господствующих классов и продавали поддержку рабочих то одной, то другой партии за чечевичную похлебку. Но в основном тори, стоявшие у власти, вели в отношении рабочих самую непримиримую политику; этим и пользовалась буржуазная оппозиция и пыталась привлечь рабочих на свою сторону. Особенно старалась она привлечь их на свою сторону в борьбе против хлебных законов; рабочих старались уверить, что снижение цен на хлеб пойдет им на пользу, что поднимется реальная заработная плата. Когда, гораздо позже, хлебные законы были отменены, фабриканты запели иную песню: раз хлеб подешевел, должен подешеветь и труд, и стали снижать заработную плату.

В лагере господствующих классов политическая борьба велась за изменение конституции, в первую очередь за изменение избирательного права. Конституция больше не соответствовала изменившейся экономике—достаточно указать, что если так называемые «гнилые местечки» могли посылать двух депутатов в парламент, то ряд выросших крупнейших промышленных центров не мог посылать ни одного депутата в парламент.

Борьба за парламентскую реформу против хлебных законов и за свободу торговли велась под флагом либерализма и даже радикализма. Буржуазия выделила ряд мыслителей и теоретиков, среди которых был и Рикардо и которые эту борьбу обобщили и перевели на язык принципов.

¹ Энгельс, Положение рабочего класса в Англии; или Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 497.

II

Жизнь и деятельность Давида Рикардо (1772—1823)

Рикардо родился в семье крупного биржевого маклера. Учился он всего два года в торговой школе, и этим закончилось его формальное образование. Еще будучи подростком, Рикардо разошелся со своим отцом, вынужден был покинуть родительский дом и самостоятельно начал выступать на лондонской бирже. Брат Рикардо так характеризует его в этот период: «Рикардо ни в какой области не проявил своих дарований в такой степени, как именно в денежных делах. Умение разбираться во всяких затруднениях, поразительная быстрота во всяких цифровых исчислениях, хладнокровие и изумительная проницательность, наконец очень благоприятное совпадение внешних условий, среди которых ему пришлось действовать,—все это вместе взятое дало ему возможность обогнать своих сверстников и в короткое время достигнуть такого богатства, которое редко кому достается на долю».

Юношеские годы Рикардо протекают вдали от научных интересов и идейной борьбы. Так продолжалось до 25 лет. Рикардо стал миллионером, но, нажив крупный капитал, Рикардо перешел от накопления материального богатства к накоплению богатства духовного. Он набрасывается на математику, физику, химию, минералогию, геологию; обзаводится собственной лабораторией для производства опытов по изучению электричества, света. В 1807 г. он становится одним из учредителей геологического общества, существующего и поныне. Он устанавливает связи с наиболее видными представителями науки, философии и общественно-политического мира.

Политической экономией Рикардо в ту пору еще не занимается, к ней он приходит немного позже. Пока он как бы учится вообще, спешит наверстать упущенное в детские и юношеские годы. Но не подлежит никакому сомнению, что именно в это время, т. е. во время своих усиленных занятий математикой и естественными науками, Рикардо выработал свой метод.

Как и многие из его предшественников экономистов, Рикардо применяет в политической экономии метод естественных наук. А между тем некоторые из его биографов уверяют, что свой метод он... перенес из биржи. «Отрасль деятельности, на которую Рикардо затратил свою жизнь и в которой он сделал такие большие успехи, представляет самую абстрактную из всех отраслей промышленности». Так «объясняет» генезис метода Рикардо английский экономист Беджгот. А ему вторит Туган-Барановский. «Каким же образом,—спрашивает он,—этот банкир и биржевой делец, человек практического дела, явился творцом абстрактного метода в экономической науке?» И отвечает: «Именно на бирже он и усвоил свой метод. Игра на бирже есть самая абстрактная хозяйственная деятельность, какую только можно себе представить...»¹.

¹ Туган-Барановский, Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма, изд. 7-е, 1919 г., стр. 66.

Некоторые исследователи пытаются представить переход Рикардо к политической экономии как *случайность*: он, мол, случайно познакомился с «Богатством народов» А. Смита, увлекся экономическими проблемами и стал экономистом. Эта сказка тесно увязана с другой сказкой, будто Рикардо был круглым невеждой и следовательно мог познакомиться с творением Смита только случайно. В действительности к тому времени, когда Рикардо стал заниматься политической экономией, он уже далеко не был невеждой, а пока он им был, он экономическими проблемами не занимался. Как раз большим плюсом для него является то, что он не сразу стал изучать политическую экономию; не вооружившись научным методом, он дальше отдельных теоретических обобщений не пошел бы. Правда, начал он свою деятельность как экономист с отдельных теоретических обобщений; но, вооруженный научным методом, он эти обобщения превратил во введение, в пролог к главному своему труду. В последнем Рикардо творит то великое и ценное, что оставил он как завершитель классической политической экономии.

Первую свою экономическую работу Рикардо опубликовал в виде анонимного памфлета под названием «Цена золота» 29 августа 1809 г. В этой статье он закладывает основу своей количественной теории денег. Статья вызвала полемику, и Рикардо вынужден был выступить с письмом в редакцию журнала «Morning Chronicle», где помещена была его первая статья. Так Рикардо втянулся не только в экономическую дискуссию по животрепещущим вопросам того времени¹, но и в политическую борьбу, которую оппозиция вела против торийского правительства.

Скоро свою первую статью и письмо Рикардо перерабатывает и выпускает под названием «Высокая цена слитков как доказательство обесценения банкнот». На эту же тему появляется в 1811 г. его «Ответ на практические замечания Бозанкета». А в 1816 г. опубликована была его статья «Проект экономического и прочного денежного обращения».

Все эти работы доставили Рикардо славу крупнейшего знатока и теоретика денежного обращения. К его мнению стали прислушиваться, его начали привлекать к участию в работах комиссий, назначенных парламентом; в частности он участвовал в работах Комитета о слитках, который в своей резолюции принял основные тезисы первого рикардовского памфлета. Рикардо знакомится с Мальтусом, пользовавшимся тогда репутацией крупнейшего экономиста, и вступает с ним в длительную переписку и полемику, имеющую большой интерес для понимания воззрений представителей разных классов в политической экономии.

В 1817 г. появляется главный труд Давида Рикардо, его «Начала политической экономии и податного обложения». В отношении этого труда его предыдущие работы были только прелюдиями. «Начала» выдвинули сразу Рикардо на первое место среди экономистов. Впе-

¹ Мы уже говорили раньше, что проблемы денежного обращения стояли тогда в порядке дня как наиболее актуальные проблемы.

чатление, которое произвели «Начала», не уступает по своей силе впечатлению, произведенному в свое время «Богатством народов» Смита. Но было существенное различие в том, как был встречен труд Смита и как был встречен труд Рикардо. Смита приняли как общенационального экономиста, Рикардо—как партийного экономиста; у Смита искали опоры представители разных групп, Рикардо стал знаменем партийной борьбы.

В 1819 г. Рикардо был выбран в парламент; выступая не только по экономическим вопросам, но и по политическим, он боролся за парламентскую реформу, за свободу торговли, за уничтожение хлебных законов и за другие радикальные требования. Примкнул он к наиболее радикальной группе оппозиции торийскому правительству.

Умер Рикардо на 52-м году своей жизни, в полном разгаре своей политической и научной работы. Его друг и последователь, экономист Джемс Милль, писал сейчас же после его смерти: «Рикардо пришлось самому составить себе состояние, он должен был сам воспитать свой ум и сам руководил своим образованием. Он дал много доказательств того, что интересовался не только политической экономией, но и наукой политики в самом широком смысле этого слова. Вспомним только его отчетливое изложение основ хорошего правительства, его бесстрашную и достопамятную декларацию в защиту неограниченной свободы мысли и свободы речи в области религиозных вопросов, энергию и настойчивость, с которой он защищал свои взгляды на эти предметы»¹.

* *
*

Джемс Милль правильно указал, что Рикардо «интересовался не только политической экономией, но и наукой политики в самом широком смысле слова». Мы еще добавим, что первая—политическая экономия—у него подчинена второй—науке политики. Представление о Рикардо как об абстрактном мыслителе, унесшемся в заоблачные дали, лишено всякого основания. Не нужно смешивать абстрактный метод с узким академизмом, с бегством от волнующих проблем современности. Рикардо свой метод как раз поставил на службу современности; своими абстракциями он наиболее правильно, т. е. наиболее научно (поскольку это возможно было для него как для буржуазного экономиста), разрешал те проблемы, которые тогда волновали буржуазное общество.

Как и Смит, Рикардо был убежден в том, что буржуазные отношения—единственно возможные отношения в человеческом обществе. Более того, если Смит еще противопоставляет первобытное состояние современному ему обществу, то Рикардо и такого противопоставления не знает; он в первобытном охотнике и рыболове уже видит капиталистов. Ему историческая точка зрения совсем чужда.

Также смитовский принцип, что основной двигательной силой

¹ Речь в защиту свободы мысли Рикардо произнес в парламенте в 1823 г., незадолго до своей смерти, в связи с петицией об освобождении Карлейля, одного из наиболее выдающихся радикалов того времени.

является личный интерес и что личному интересу должна быть предоставлена полная свобода действия, не только признается Рикардо, но и развивается им дальше. В его воззрениях сказывается влияние Бентама, пользовавшегося особым авторитетом среди радикальной буржуазной интеллигенции. Бентам был философом-моралистом; им создана философия *утилитаризма*.

Общество согласно этой философии представляет совокупность индивидов, которые, преследуя свои личные интересы и личную выгоду, тем самым создают общее благо. Под общим благом Бентам понимает наибольшее счастье наибольшего числа людей, которое (счастье) достигается по его уверениям при свободной конкуренции. В области политики выставлялось на основе этих принципов требование демократии, а в области экономики—требование ничем неограниченной свободы конкуренции. Последнюю распространяли и на труд, и на рынке труда должна-де господствовать свобода конкуренции; отсюда следовал вывод: долой всякую коалицию рабочих, ибо всякое их коллективное выступление, мол, посягает на свободу... отдельных рабочих. Порицались и предпринимательские коалиции; упускалось из виду то, на что обращал внимание еще Смит, то, что предприниматели всегда находятся в *фактической* коалиции и действуют солидарно против рабочих. Бентам имел *некоторое* основание заявлять: «Я был духовным отцом Милля, а Милль был духовным отцом Рикардо; следовательно Рикардо—мой духовный внук». Однако Рикардо не был «болтливым оракулом здравого буржуазного рассудка»¹. Несмотря на то, что он считал буржуазные отношения естественными, он их не идеализировал и не прикрашивал; наоборот, он их представлял в наиболее обнаженном, оголенном виде, за что всякого рода ханжи и апологеты бросали ему упреки в цинизме, в грубости и т. д. У Рикардо также нет того оптимизма, который свойствен Бентаму и его школе; в воззрениях Рикардо сквозит как раз пессимистическая нотка, особенно ею проникнута рисуемая им перспектива развития общества.

Влияние Бентама на Рикардо сказывалось главным образом в понимании Рикардо общества как суммы индивидов и интересов общества как суммы интересов составляющих его личностей. Смит философии утилитаризма противопоставил свою философию симпатии и этим пытался смягчить свою теорию эгоизма. Рикардо такого смягчения не знает—у него безраздельно господствует эгоизм.

Но для Рикардо не все эгоизмы равноценны; интересы промышленной буржуазии он ставит выше интересов других классов. В этом его *партийность* и в этом его преимущество как честного и добросовестного ученого. А отдает он предпочтение промышленной буржуазии потому, что видит в ней носительницу прогресса; и это для его времени было вполне правильно. Смит благодаря неразвитости буржуазных отношений в мануфактурный период находится еще под влиянием физиократов, воззрения которых завуали-

¹ Так отзывался Маркс о Бентаме.

рованы феодальной мантией; Рикардо, экономист промышленного переворота, уже свободен от всякого влияния физиократизма. Он представляет буржуазные отношения в чистом виде, а носительницей их в чистом виде является только промышленная буржуазия.

В борьбе промышленной буржуазии против лендлордов Рикардо безоговорочно становится на сторону первой. Своими «Началами» он ее теоретически вооружает, а своими парламентскими выступлениями он политически защищает ее требования и ее интересы. Английская буржуазия находилась в гораздо более выгодных для себя условиях, чем французская буржуазия до революции; однако и в Англии она еще «не стала всею», а лишь стремилась «стать всею». Поэтому острее ее оружия направлено было против феодальных классов и в этой борьбе она выступала как класс, возглавляющий все общество и даже как бы сливающийся с ним. Рикардо защищал промышленную буржуазию именно как класс передовой, ведущий за собою общество на борьбу против всего, что мешает его развитию.

Рикардо не солидаризуется с вигами, он в основном примыкает к радикальным элементам; он борется не за интересы отдельных групп буржуазии, а за осуществление исторической миссии буржуазии как класса. В письме к Мак Коллоху он пишет: «Я уже давно убедился, что гарантии хорошего правительства лежат в самих учреждениях и в тех силах, под влиянием которых действуют управляющие наши, а не в большей или меньшей добродетели наших правителей. Поведение двух различных групп людей, воспитанных почти одинаковым образом, действующих в силу одинаковых задержек и имеющих одинаковые цели, поскольку речь идет об их личных интересах, не может быть существенно различным. Партия вигов владеет сама большим количеством гнилых местечек, но с чем они менее всего захотят расстаться, так это с тем влиянием, которым они пользуются над избирателями как крупные землевладельцы или просто капиталисты. Они не согласятся предоставить реальный и свободный выбор народу или той его части, интересы которой тождественны с интересами целого».

Решающим фактором прогресса общества Рикардо считает накопление капитала, а накопление капитала возможно при определенном уровне нормы прибыли. Отсюда его оппозиция против хлебных законов, державших хлебные цены на высоком уровне, что вело к высокой заработной плате (номинальной) и к снижению нормы прибыли. Рикардо не против земельной собственности—он нигде не требует ее уничтожения,—но он интересы капитала ставит выше интересов земельной собственности, и где они сталкиваются, он всегда на стороне первых. Ибо интересы капитала, а не отдельных капиталистов, он отождествляет с интересами всего общества, а интересы земельной собственности, по его мнению, направлены против общества.

«Ясно, что интерес землевладельцев всегда находится,—пишет Рикардо,—в прямой противоположности с интересом всех других

классов общества. Их положение никогда не бывает таким цветущим, как тогда, когда пищи мало и она дорога; между тем как все другие лица считают величайшим благом возможность иметь дешевую пищу».

А свой памфлет против Мальтуса он заканчивает следующим сарказмом: «Если интересы землевладельцев достаточны, чтобы удержать нас от благодеяний ввоза хлеба по дешевым ценам, то они должны также побудить нас воздерживаться от всех усовершенствований в сельскохозяйственных орудиях, так как известно, что от этого хлеб дешевеет, рента падает и способность землевладельца платить налоги уменьшается, чем такие усовершенствования наносят ему, по крайней мере, такой ущерб, как ввоз хлеба. Для последовательности поэтому нам нужно бы одним и тем же актом запретить усовершенствования и ввоз хлеба».

Остановимся еще на отношении Рикардо к социализму и к его английскому представителю Роберту Оуэну.

По окончании наполеоновских войн Англия пережила кризис и безработицу. Обострилась классовая борьба, рабочее движение временами принимало резкие формы. Правящие круги отвечали репрессиями, но чувствовали, что одних репрессий недостаточно. В столь трудную минуту жизни и выступил Оуэн со своим планом ликвидации безработицы.

План вначале правящие круги встретили благосклонно. Им заинтересовались министры, герцоги, епископы, архиепископы. Нужно еще помнить, что Оуэн в то время (1815—1817 гг.) еще не внушал недоверия к себе; он тогда был в зените славы и как крупный и талантливый организатор-фабрикант и как просвещенный общественный деятель-филантроп. С его стороны не ожидалось никакие подвохи, наоборот, в нем видели человека, который благодаря своим огромным способностям может вывести из затруднительного положения.

Сам Оуэн старался создать вокруг своего проекта организации для безработных «кооперативных поселков», получившего скоро большую известность как «план м-ра Оуэна», большое общественное мнение, но апеллировал он исключительно к власти имущим, держась подальше от политической борьбы. И это содействовало благосклонному отношению со стороны высших кругов общества к названному плану.

Оуэн старается свой план теоретически обосновать. Он развивает мысль, правда, еще довольно нечетко, что причина бедности кроется не в природе, а в общественных отношениях—в господстве «принципа индивидуального интереса». Им выдвигается еще одно важное положение, которое будет играть большую роль в социалистическом движении первой половины XIX в. Мы говорим о «праве на труд». Он соглашается с Мальтусом, что законы о бедных никуда не годятся, но он против того, чтобы бедные предоставлены были самим себе,—общество должно им предоставить возможность трудиться. И на одном из своих агитационных собраний он предлагает резолюцию, в которой заявляется, что «мало вероятно, чтобы физи-

ческий труд мог снова приобрести настоящую и необходимую ценность... если общество не произведет реформ, которые *должны дать работу всем, кто способен к ней и хочет ее*».

Действительность сыграла злую шутку с великим утопистом: чем глубже он теоретически обосновывал свой план и шире развивал вокруг него агитацию, следовательно чем больше он мог согласно его теории о силе разума и просвещения рассчитывать на успех, тем с большим скептицизмом стали относиться к нему, а скептицизм скоро перешел в озлобление и звериную ненависть. Своим теоретическим обоснованием и своей агитацией Оуэн помог господствующим классам уяснить себе, что предлагаемый им проект бьет гораздо дальше, чем они предполагали. Он просветил свою высокопоставленную аудиторию, а потому она... отвернулась от него, объявив его не то опасным мечтателем, не то демагогом, преследующим честолюбивые замыслы.

Общим хором выступили против Оуэна клерикалы, консерваторы, либералы и даже радикалы. Высказался против «оуэновских параллелограмов» и Рикардо, состоявший членом парламентской комиссии, в которую сдан был оуэновский проект. Великий буржуазный экономист понял, что предлагается нечто такое, что несовместимо с его «Началами», т. е. с началами буржуазной экономики. В письме к Троруэру он пишет: «Они, м-р Престон и м-р Оуэн, кажется, думают, что ничего, кроме земли, не нужно для производства и счастья растущего населения... Мы имеем землю; ее можно сделать производительной, и поэтому у нас не будет излишка населения. Может ли кто-либо из здравомыслящих людей верить вместе с Оуэном, что такое, как он проектирует, общество будет процветать и производить больше, чем когда-либо производилось равным числом людей, если их усилия будут стимулироваться интересами общества вместо их частных интересов. Разве опыт веков не против него? Он ничего не может противопоставить этому опыту, кроме одного или двух малодостоверных случаев обществ, которые благоденствовали на основе общности благ, но где народ находился под могущественным влиянием религиозного фанатизма. Я надеялся, что сэр В. де Креспиньи даст мне возможность коротко изложить мои взгляды на этот предмет в палате общин, но он решил взять обратно свое предложение о комиссии, и поэтому я вынужден был молчать».

Характерна ссылка Рикардо на «опыт веков» — опыт буржуазного общества он превратил в «опыт веков».

Но к самому Роберту Оуэну он относился тепло и даже имел мужество выставить его как образец высоконравственного человека, в то время как буржуазное общество от него отвернулось и клеймило его как демагога.

Развивая в одной из своих парламентских речей мысль, что «человек может очень честно относиться ко всем общественным делам... и не верить в будущую жизнь», Рикардо восклицает: «Вот например Оуэн из Ланарка. Он оказал великие благодеяния обществу, но, судя по некоторым его взглядам, не верит в будущую жизнь. Кто станет утверждать, видя разительное доказательство против-

ного, что религиозный скептицизм сделал Оуэна менее нравственным? Неужели человек, претендующий на честность и прямоту, может сказать, что у Оуэна, посвятившего всю свою жизнь заботам о других, была бы более чистая душа и искреннее сердце, что Оуэн больше сознавал бы необходимость нравственных ограничений и нравственного контроля, если бы он был больше проникнут предписаниями религии? Почему же такому человеку отказывать в доверии (а закон это делает)? Почему же такого человека за опубликование его взглядов подвергать заключению в тюрьме?»

Отметим еще, что, хотя Рикардо, исходя из своей теории заработной платы, не придавал значения рабочим союзам в деле повышения заработной платы, все же в палате общин он защищал свободу коалиций.

III

Рикардо как экономист

Все литературное наследство Рикардо, если не считать его большую и ценную переписку, которая была издана спустя значительное время после его смерти, состояло из его «Начал политической экономии и податного обложения» и ряда немногочисленных памфлетов.

Для развития политической экономии решающее значение имеет основной труд Рикардо, его «Начала» — именно они и сделали эпоху. Впрочем ряд буржуазных историков политической экономии с этим не согласен. «Только рассуждая о монете, т. е. занимаясь таким отделом нашей науки, в котором имеются в виду лишь несколько элементарных положений, не касающихся морали, он (Рикардо. — Д. Р.) — вполне на месте; но на широком поле социологии он не всегда является удовлетворительным мыслителем»¹. Таков приговор одного из виднейших английских историков политической экономии о Рикардо. Ингрэм снисходительно допускает, что Рикардо «на месте» (даже «вполне» — какое профессорское снисхождение!) при обсуждении несложных вопросов, как вопрос о монете (тут и намек на то, что Рикардо — банкир), но он не «на месте» при исследовании общих экономических проблем, так как на «широком поле социологии» нужна мораль. И этот же профессор поясняет: «Вообще у него (Рикардо. — Д. Р.) нехватало широты взглядов, разумной точки зрения на человеческую природу и жизнь и сильных социальных симпатий, которые являются наиболее ценным пособием... в такой области исследования, как народное хозяйство»².

Можем согласиться, что у Рикардо действительно нехватало перечисленных Ингрэмом добродетелей, являющихся «наиболее ценным пособием» для исторической и социально-этической школы, к которой принадлежит и Ингрэм. Но потому-то Рикардо и обогатил науку политической экономии, двинул ее значительно вперед, а пред-

¹ Джон Ингрэм. История политической экономии, изд. 1891 г., стр. 173 (курсив везде мой. — Д. Р.).

² Там же.

ставители исторической и социально-этической школы своим «наиболее ценным пособием» ровным счетом ничего науке не дали.

Иначе конечно подошел к Рикардо Маркс. Он показал, что наиболее ценное у Рикардо именно в его общей экономической теории, где он вскрывает (в пределах буржуазного кругозора) «физиологию буржуазного общества». Это дано в «Началах», а не в специальных работах, посвященных специальным вопросам. Более того, великое значение «Начал» заключается всего в первых шести главах. «Теория Рикардо... заключается, — говорит Маркс, — исключительно в первых шести главах книги»¹. Во всей книге имеются всего 32 главы; из них 11 глав трактуют о налогах, а остальные состоят «из примечаний, дополнений и прибавлений (исключая отдел о деньгах) к первым 6 главам». И дальше: «20-я глава, «Стоимость и богатство, их отличительные признаки», есть не что иное, как исследование различия между потребительной и меновой стоимостью, следовательно дополнение к первой главе о стоимости. 24-я глава, «Учение А. Смита о земельной ренте», так же как 28-я глава, «О сравнительной стоимости золота, хлеба и труда в богатых и бедных странах», и 32-я глава, «Взгляды господина Мальтуса на ренту», есть просто дополнение и отчасти защита теории земельной ренты Рикардо, т. е. простое приложение ко 2-й и 3-й главам, которые трактуют о ренте. 30-я глава, «О влиянии спроса и предложения на цены», есть простое дополнение к 4-й главе, «Об естественной и рыночной цене». Второе приложение к этой главе составляет 19-я глава, «О внезапных изменениях в направлении торговли». 31-я глава, «О сущности машинного производства», есть простое приложение к 5-й и 6-й главам: «О заработной плате» и «О прибыли». 7-я глава, «О внешней торговле», и 25-я глава, «О колониальной торговле», суть, так же как и главы о налогах, простое применение выставленных ранее принципов. 26-я глава, «О валовом и чистом доходе», и 21-я глава, «Действие накопления на прибыль и процент», являются приложениями к главам о земельной ренте, прибыли и заработной плате. Наконец 27-я глава, «О средствах обращения в банках», стоит в книге совершенно изолированно и есть просто дальнейшее развитие и отчасти модификация взглядов, выставленных в его более ранних сочинениях о деньгах»².

Итак, свою экономическую теорию Рикардо излагает всего в 6 первых главах: в 1-й главе — теорию стоимости, во 2-й и 3-й главах — теорию ренты, в 4-й — теорию естественной и рыночной цены, в 5-й — теорию заработной платы и в 6-й — теорию прибыли. Но и архитектуру указанных 6 глав Маркс называет «странной» и «несообразной». Дело в том, что уже в 1-й главе, разбитой на 7 отделов, даны все перечисленные выше теории за исключением теории ренты (последняя в основном дана во 2-й главе, 3-я глава лишь ее дополняет). «В следующих трех главах только местами пополнены пробы, поскольку они приносят теоретически что-нибудь новое, даны ближайшие определения, которые по праву должны были уже найти

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, стр. 14.

² Там же, стр. 13—14.

себе место в первой и второй главах». И окончательный вывод Маркса: «Все произведение Рикардо содержится, таким образом, в двух его первых главах»¹.

Такая архитектоника может быть оправдана исторически, но она также обусловлена, была методом Рикардо. «Исторически,— говорит Маркс,—этот способ исследования можно оправдать и даже считать необходимым. Политическая экономия развилась в труде А. Смита в одно большое целое; территория, которую она занимает, некоторым образом получила определенные границы, так что Сэй мог в школьном учебнике изложить ее плоско-систематически»².

Но эта «территория» загромождена была всевозможными постройками—известно, что у Смита *эзотерическое* исследование идет рука об руку с *экзотерическим* исследованием. И Рикардо предстояло застроить эту «территорию» так, чтобы воздвигнуто было единое, монолитное здание, построенное из единого материала. «Наконец, выступает Рикардо и кричит науке: стой! Основа, исходный пункт физиологии буржуазной системы—понимания ее внутренней органической связи и жизненного процесса—есть определение *стоимости рабочим временем*. Отсюда исходит Рикардо и требует от науки, чтобы она оставила свою прежнюю рутину и дала себе отчет в том, насколько остальные развитые, выясненные ею категории—отношения производства и обращения—соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту; насколько вообще наука, только отражающая, воспроизводящая формы проявления процесса, точно так же как и сами эти явления, соответствует основе, на которой покоится внутренняя связь, действительная физиология буржуазного общества или которая составляет его исходный пункт; как вообще обстоит дело с этим противоречием между кажущимся и действительным движением системы. В этом-то и заключается историческое значение Рикардо для науки, вследствие чего пошлый Сэй, у которого он отнял почву из-под ног, выразил свое раздражение в фразе: «что ее (науку) под предлогом расширения столкнули в пустое пространство»³.

Отсюда у Рикардо две задачи: 1) основу—определение стоимости рабочим временем—сделать более прочной: очистить теорию стоимости Смита от ее внутренних противоречий; 2) выяснить, «соответствуют или не соответствуют этой основе» остальные категории политической экономии. Обе эти задачи Рикардо решает в первых двух главах своих «Начал».

Первый отдел первой главы начинается с критики смешения Смитом труда *покупаемого* с трудом *затраченным*, и Рикардо устанавливает, что меновая стоимость товаров определяется *только* затраченным трудом. Этим он решает первую задачу. В следующих отделах первой же главы и во второй главе он показывает, что этой основе не противоречат остальные категории политической эконо-

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, стр. 15.

² Там же, стр. 12.

³ Там же, стр. 12—13.

нии, что одни из них суть не что иное, как дальнейшее развитие названной основы, а другие вносят лишь некоторые модификации в последнюю. Так решает Рикардо вторую задачу.

Застроенную Смитом территорию Рикардо перестраивает—это было исторически необходимо. Все же архитектоника воздвигнутого им здания оказалась «странной» и «несообразной», ибо он сразу—как бы одним залпом—дает всю политическую экономию.

Он правильно аналитически *сводит* все категории буржуазной экономики к их основе—это, как мы видим, и исторически диктовалось, но он не умеет генетически *вывести* их из их основы. Это должно было привести и к ошибочным результатам, «потому что этот метод перепрыгивает через необходимые промежуточные звенья и стремится показать *непосредственным* образом совпадение экономических категорий между собою»¹.

Верно например, что цены производства не противоречат стоимости, но первые нужно вывести из второй, т. е. нужно вскрыть все промежуточные звенья, ведущие от стоимости к ценам производства. Иначе получится то, что у Рикардо действительно получилось—непосредственное совпадение стоимости и цен производства, а это уже неверно.

Метод Рикардо есть метод естественных наук, но в политической экономии он применяется иначе, так как в ней нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами—их нужно заменить силой абстракции. Пользуется абстракцией конечно и естествоиспытатель: прежде чем изолировать изучаемое явление в лаборатории и при помощи лабораторных средств, он его изолирует в голове. Однако его абстракции воплощаются, так сказать, в определенных, конкретно осязательных экспериментах. У экономиста-теоретика единственная лаборатория—это его голова. Он мысленно разлагает сложные явления на простейшие их составные части и этим путем добирается до их сущности, скрывающейся за их видимостью.

На этот путь стал уже Вильям Петти. Этот путь был продолжен физиократами, особенно Кэнэ (его гениальная таблица есть не что иное как применение указанного метода). Абстракциями пользовался и Смит (именно благодаря им он дал и мог дать то ценное, что есть в его бессмертном труде). Рикардо пошел гораздо дальше своих предшественников—он пошел дальше, но не порвал с ними; наоборот, проложенный ими же путь он развил дальше и довел до высокого совершенства.

До Рикардо была собрана и расклассифицирована значительная масса фактов; было сделано немало ценных открытий; в лице Смита политическая экономия нашла своего зодчего, построившего уже грандиозное здание. Но здание было не монолитно, ибо Смит незаконно сочетал—что тоже было исторически обусловлено—*эзотерический* метод с *экзотерическим*. Пришел Рикардо, очистил научный метод от чуждых ему примесей и стал перестраивать здание по-новому. Все представлено было в новом свете, и впечатление получи-

¹ Там же, стр. 11 (курсив Маркса.—Д. Р.).

лось колоссальное: одним, как лорду Бруму, казалось, что новый строитель упал с другой планеты, а другим, как Лесли Стефену, что в «храм науки» ворвался биржевик, да еще еврей, и стал... кощунствовать.

Метод Рикардо—метод всей классической политической экономии, и как завершитель последней Рикардо завершил и разработку ее метода. Он довел до высокого совершенства метод своих предшественников, но этот метод у него, как и у его предшественников (у него еще в большей мере именно потому, что он им гораздо дальше развит), оказался односторонним.

Не в том беда, что Рикардо применяет абстракции, а в том, что его абстракции неподвижны, метафизичны. Как неподвижны у него капиталистические отношения, так неподвижны и категории, выражающие эти отношения. Развиваются у него производительные силы, но не производственные отношения; последние им принимаются как раз навсегда данные. Рикардо не знает возникновения товара, денег, капитала и т. д., и не потому, что его метод, как уверяет Ингрэм, непригоден для анализа явлений в их динамике; наоборот, его исследования насквозь динамичны. Он ярый поборник развития производительных сил, и его тревожит мысль, что это развитие может быть приостановлено вследствие тенденции нормы прибыли к падению; его теория ренты имеет своим исходным пунктом развитие общества, вследствие чего оно (общество) вынуждено перейти от лучших земельных участков к худшим. Но его динамика—*количественная*, а не качественная; у него, как мы сказали, развиваются производительные силы, а не производственные отношения.

Отсюда, во-первых, у Рикардо отсутствует понимание единства производственных отношений и производительных сил и их противоречий.

«Рикардо рассматривает буржуазное, еще определеннее—капиталистическое производство как *абсолютную форму* производства; следовательно его определенные формы производственных отношений нигде не должны находиться в противоречии или сковывать цель производства—изобилие, что заключает в себе как массу потребительных стоимостей, так и их разнообразие»¹.

Во-вторых, для Рикардо остался незамеченным процесс модификации, усложнения производственных отношений с развитием буржуазной системы и соответственно процесс модификации и усложнения категорий, выражающих производственные отношения. Отсюда Рикардо в своем исследовании и изложении не *восходит* от простейших категорий к более сложным, а *перепрыгивает* через промежуточные звенья и допускает «непосредственное совпадение категорий»—непосредственное совпадение цен производства со стоимостью, прибыли с прибавочной стоимостью, нормы прибавочной стоимости с нормой прибыли.

В-третьих, весь анализ у Рикардо носит в основном характер

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 38—39 (курсив Маркса.—Д. Р.).

количественный, а не качественный. Стоимость, заработная плата, прибыль, рента интересуют его не как определенные экономические формы, выражающие определенные отношения, а как определенные величины—его интересуют их количественные изменения в связи с развитием общества. Правда, он вскрывает противоположность между заработной платой, прибылью и рентой, следовательно он их фактически рассматривает как выражения классовых отношений. Но сами эти противоположности им рассматриваются как нечто естественное, присущее обществу вообще. Стало быть у него суть не в классовых антагонизмах, не в их нарастании, не в их форме выражения, а в борьбе каждого класса за долю в национальном продукте, словом, опять-таки все сводится к количественным моментам.

Наконец, в-четвертых, абсолютизируя буржуазные отношения, рассматривая буржуазные отношения как неизменные, неподвижные, не видя противоречия между производительными силами и производственными отношениями, Рикардо переносит антагонизм классов в сферу распределения. В той горячей атмосфере борьбы, в которой жил Рикардо, он конечно мимо антагонизма классов пройти не мог; его научная заслуга заключается в том, что этот антагонизм он внес—да будет позволено так выразиться—в политическую экономию, чем придал ей ярко выраженный социальный характер. Но не видя антагонизма классов в сфере производства, так как он не видел противоречия между производительными силами и производственными отношениями, он вынужден был перенести этот антагонизм в сферу распределения.

И физиократы и Смит анализируют классовую структуру общества и следовательно фактически делают проблемы богатства социальными проблемами. Но у Рикардо это сделано гораздо ярче и последовательнее, а главное у него это увязано с единой основой буржуазной экономики—с определением стоимости рабочим временем. Вот почему, несмотря на то, что предметом своих исследований Рикардо делает распределение¹, он все же остается экономистом производства. Ибо и ренту, и прибыль, и заработную плату он сводит к частям стоимости, определяемой трудом. Своим перенесением исследования в сферу распределения он придает, как сказано, этому исследованию ярко социальный характер; точнее, этим перенесением своего исследования он фактически и производство рассматривает как социальное явление. С его точки зрения согласно его методологии он производство как социальное явление мог рассматривать только через распределение. На это именно указывает Маркс, говоря, что «Рикардо, который стремился понять современное производство в его определенной социальной структуре и который является экономистом производства par excellence, именно

¹ Более того, он считает, что распределение—главный предмет политической экономии. В своем предисловии к первому изданию «Начал» он пишет: «Определить законы, которые управляют этим распределением (распределением на ренты, прибыль и заработную плату.—Д. Р.),—главная задача политической экономии...» (курсив мой.—Д. Р.).

поэтому объявляет *не* производство, а распределение собственной темой современной экономики»¹.

Эту же мысль Маркс страницей раньше излагает так: «Экономисты, как Рикардо, которых прежде всего упрекают в том, будто они имеют в виду лишь производство, рассматривали поэтому распределение как единственный предмет политической экономии, ибо они для наглядности избрали формы распределения как точнейшее выражение, в котором фиксируются агенты производства в данном обществе»².

Однако перенесение исследования в сферу распределения наиболее наглядно иллюстрирует основной порок рикардовской методологии—абсолютизирование буржуазных отношений. И Маркс, продолжая приведенную первую цитату, пишет: «За этим снова следуют пошлости экономистов, которые изображают производство в виде вечной истины, изгоняя историю в область распределения».

Рикардо не отрывает распределения от производства—он остается экономистом производства *par excellence*; от этого его охраняют его научный (в пределах буржуазного кругозора) метод и, —что продиктовано последним,—его теория трудовой стоимости, являющаяся основой всех его исследований. Вульгарные экономисты распределение отрывают от производства, объявляя последнее явлением техническим (социальное, мол, обретает только в сфере распределения), и «изгоняют историю в область распределения». Гильфердинг и Рубин и иные с ними, точно так же считая производство явлением техническим, позаимствовали эту пошлость у вульгарных экономистов, но выдали ее—в этом их отличие от последних—за... марксизм.

Гильфердинг и Рубин обвиняют Рикардо в том, что он не *социален* или недостаточно социален, а их учителя, вульгарные экономисты, обвиняют его в том, что он не историчен. В устах этих обвинителей одно обвинение стоит другого. Историзм в нашем марксистско-ленинском понимании чужд автору «Начал», но требование историзма в устах буржуазных экономистов имеет совсем другой смысл.

Буржуазные критики, обвиняя Рикардо в том, что ему чужд историзм, что он сложные явления упрощает, что он политическую экономию превращает в математику, фактически обвиняют его в том, что он... не вульгарный экономист или что он не сочетает наподобие Смита эзотерический метод с экзотерическим. Ибо в пределах буржуазного кругозора—а Рикардо за эти пределы не выходил—сочетать *подлинный* историзм с теоретическим рассмотрением явлений нельзя, как нельзя сочетать абстрактное с конкретным. «Заслуга» представителей исторической школы заключается в том, что они наглядно продемонстрировали вульгарное понимание историзма, ибо, став на путь «историзма», они похоронили теорию.

¹ К. Маркс, К критике политической экономии (Введение), стр. 22, изд. 1933 г.

² Там же, стр. 21.

Подлинный историзм означает: 1) рассмотрение общества в его революционных переходах от одной экономической формации к другой, 2) рассмотрение каждой экономической формации, в первую очередь буржуазной, в ее возникновении, развитии (через противоречия) и революционной гибели. Вульгарный «историзм» сводится: 1) к собиранию и описанию фактов в том виде, в каком они выступают на поверхности общества, 2) к разграничению эпох на основе внешних признаков, 3) к оправданию настоящего «вековыми традициями», уходящими своими корнями в далекое прошлое, 4) к смешению в одну кучу разнородных явлений—экономических, политических, этических и т. д.—лишь на том основании, что они в действительности переплетаются между собой и друг на друга влияют. Рикардо подлинный историзм был недоступен—этому мешала буржуазная ограниченность его кругозора¹, а от вульгарного историзма он отказался, за что и заслуживает всяческих похвал, а не порицания. Для Рикардо остался один путь—чисто теоретический, он по этому пути пошел и полностью его использовал.

Вследствие недоступности Рикардо подлинного историзма он одновременно и слишком абстрактен и недостаточно абстрактен. Он слишком абстрактен, ибо он абстрагируется от исторической определенности *данного* способа производства. Категории буржуазной экономики им абсолютизированы, они у него витают вне пространства и времени. Они фактически не выражают производственных отношений, последние являются лишь предпосылками, данными раз навсегда. Он конечно понимает, что товар не просто полезная вещь, а полезная вещь, предназначенная для купли-продажи. Он хотя и отождествляет капитал с средствами производства, но прекрасно понимает, что эти средства производства должны принести прибыль, иначе они перестают быть капиталом, а прибыль он сам фактически сводит к прибавочной стоимости. Но поскольку товарно-капиталистические отношения им мыслятся как естественные отношения, постольку эти отношения, выпадая из поля зрения, перестают быть предметом исследования, и товар и капитал фактически превращаются в вещи, лишь *предполагающие* отношения людей. Отсюда постоянное смешение отношений вещей с выраженными в них отношениями людей. Отсюда также и то, что Рикардо одной рукой, если можно так выразиться, вскрывает «физиологию» буржуазного общества, а другой рукой он ее опять закрывает, так как «физиология» буржуазного общества в его освещении оказывается «физиологией» всякого общества—общества вообще. Рикардо несравненно лучше своих предшественников очертил классовую структуру буржуазного общества, но вследствие метафизичности его подхода классовая структура буржуазного общества потеряла свою историческую определенность и свою историческую конкретность. Абстрактное и конкретное у него оказались несовместимыми, друг друга исключаящими.

¹ Этому мешало не то, что он был биржевик и еврей, а то что он был буржуа. Отцы теперешних буржуа иначе смотрели на автора «Начал»: они им увлекались, видели в нем своего идейного вожака и идеолога, и они в этом не ошибались.

Но та же метафизическая абстрактность приводит Рикардо к тому, что он и недостаточно абстрактен. Экономические формы у него сливаются с их содержанием, диалектическое единство формы и содержания превращается у него в их абсолютное тождество. У него нет и не может быть анализа товара как формы продукта труда, денег—как денежной формы стоимости, капитала—как формы классовых отношений и т. д. Его изолирующая абстракция проходит мимо них, их не выделяет.

Гильфердинг и вслед за ним Рубин недостатки рикардовской методологии видят в том, что Рикардо, как и другими классиками, не исследуются экономические формы (на языке Рубина—социальные формы). Бесспорно, у Рикардо отсутствует анализ экономических форм и это является крупным недостатком его методологии. Маркс неоднократно указывает на этот недостаток классиков, в том числе и Рикардо¹. Извращение Гильфердинга и Рубина заключается в том: 1) что они указанный недостаток рикардовской методологии делают основным, так сказать ведущим, 2) что они не вскрывают классового содержания его (этого недостатка), 3) что они именно по этой линии проводят водораздел между рикардовской методологией и марксистской, 4) что они таким образом по-социал-фашистски выхолащивают революционное содержание марксистской политической экономии и ее методологии.

Основной и решающий порок в методологии Рикардо—это абсолютизирование буржуазных отношений, их *увекочивание*. В этом ее классовая суть. Отсюда, как говорится, все ее качества. Отсюда ее метафизичность, перепрыгивание через промежуточные звенья, игнорирование экономических форм, а также изгнание «истории в область распределения». Отсюда далее ее противоречивость, которая приводит к грубым ошибкам в исследовании отдельных проблем. Молодая промышленная буржуазия, рвавшаяся в бой против феодальных остатков, не могла игнорировать классовую борьбу, не могла пройти мимо классовой структуры общества, ибо лишь анализ последней мог определить ее место, дать ей перспективу, указать ей направление, по которому она должна была двигаться и действовать. Но, с другой стороны, анализ классовой структуры не должен был быть слишком глубоким и до конца последовательным, не должен был добираться до корней всякого классового господства, в том числе и буржуазного,—ведь это подрезало бы тот сук, на котором буржуазия уже сидела и собиралась усесться еще прочнее. Поэтому хотя Рикардо и его школа фактически сводят например прибыль к прибавочной стоимости, однако «инстинкт совершенно правильно подсказал этим буржуазным экономистам что

¹ Не будем приводить цитат—их слишком много. Ссылемся хотя бы на примечание Маркса к гл. 1, т. I «Капитала» (конец главы), где Маркс упрекает классиков, что ими не анализируется форма стоимости. Дальше Маркс вскрывает и причину их невнимания к формам. Также и в самом тексте он указывает, что «она (классическая политическая экономия.—Д. Р.) ни разу даже не поставила вопроса, почему это содержание принимает такую форму?» (стр. 38).

очень опасно слишком глубоко исследовать жгучий вопрос о происхождении прибавочной стоимости»¹.

Рикардовская методология насыщена социальными элементами, но она социальна *по-буржуазному* и в той мере, в какой это нужно было буржуазии, в какой мере это ее вооружало, когда она была прогрессивна и революционна. Этим также определяется и ее историческое значение и степень ее научности.

* *
*

Остановимся вкратце и на содержании экономического учения Рикардо. Мы уже отметили, что Рикардо освободил теории стоимости от смитовского смещения труда покупаемого с трудом затраченным. Он доказал, 1) что труд, который покупался на товар, и труд, который овеществлен в товаре, — величины разные и 2) что стоимость товаров определяется только тем трудом, который затрачен на их производство. И отсюда он делает следующий вывод: «Если меновая стоимость товаров определяется количеством труда, овеществленного в них, то всякое возрастание этого количества должно увеличивать стоимость соответствующего товара, а всякое уменьшение — понижать ее»². Другими словами, он формулирует закон, согласно которому меновая стоимость товаров прямо пропорциональна количеству труда, затраченного на их производство, и обратно пропорциональна — это вытекает из его дальнейших суждений — производительности труда.

Смит полагал, что стоимость определялась трудом только при первобытном состоянии, т. е. тогда, когда еще отсутствовали капиталы и частная собственность на землю; в современном обществе стоимость определяется доходами. Рикардо отвергает это. По его мнению, этот закон действует и в современном обществе, а потому Рикардо отбрасывает смитовское разграничение между первобытным состоянием и современным обществом. Но довод, на основании которого он это разграничение отбрасывает, очень характерен для его методологии. Он пишет: «Даже в том первобытном состоянии общества, на которое указывает Адам Смит, нужен охотнику для своего промысла некоторый капитал, хотя бы созданный и накопленный им самим. Без какого-либо оружия нельзя убить ни бобра, ни оленя, и потому стоимость этих животных регулируется не только временем и трудом, необходимым, чтобы убить их, но и временем и трудом, необходимым для снабжения охотника капиталом — оружием, которое служит для охоты на них»³.

Отождествление капитала со средствами производства Рикардо доводит, что называется, до логического конца. Хотя и Смит отождествляет капитал со средствами производства, но он все же не решается считать камень или палку первобытного охотника капиталом; Рикардо на это решается. У Смита чувство реальности берет

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 401.

² Рикардо, Начала, стр. 3.

³ Там же, стр. 9—10.

верх над логикой, и он идет на компромисс: капитал, по Смиуту, имеется только в современном обществе, но капитала нет в первобытном состоянии. У Рикардо же логика берет верх над чувством реальности: раз капитал тождествен средствам производства, он имеется везде, где только существуют средства производства.

Чувство реальности подсказало Смиуту, что закон стоимости в современном обществе не может *так* действовать, как при первобытном состоянии, и он был прав; но он не ограничился этим и пошел дальше: стал утверждать, что с появлением капитала и частной собственности стоимость определяется уже не рабочим временем, а доходами. Следуя своей железной логике, Рикардо умозаключает, что действие закона стоимости одинаково как раньше, так и теперь, и это неверно; но зато Рикардо прав, утверждая, что и в современном обществе стоимость определяется трудом. И он правильно доказывает, что распадение стоимости товаров на заработную плату и прибыль (когда капитал и труд принадлежат разным лицам) не меняет определение стоимости рабочим временем. По Рикардо, стоимость — первичный фактор, а доходы — производный; стоимость разлагается на доходы, но не слагается из них.

Отбрасывая смитовское разграничение между первобытным состоянием и современным обществом, т. е. фактически различие между простым товарным производством и капиталистическим, Рикардо оставляет вне своего поля зрения процесс превращения первого во второе и процесс превращения стоимости в цены производства. Мы уже говорили, что для Рикардо стоимость и цены производства — категории, непосредственно совпадающие. Промежуточных звеньев, ведущих от стоимости к ценам производства, он не видит, он через них перепрыгивает. И рыночные цены как при первобытном состоянии, так и в современном обществе колеблются вокруг стоимости, являющейся одновременно и ценой производства¹.

Но допущение совпадения стоимости с ценой производства создало большие трудности, с которыми справиться Рикардо конечно не смог. Это не дало ему возможности объяснить равенства прибылей на равные капиталы. Рикардо в полном согласии со своей теорией трудовой стоимости утверждал, что падение или повышение заработной платы вызывают соответствующие повышение и падение прибыли. Но при разных отношениях между капиталом, авансированным на зарплату, и капиталом, авансированным на средства производства, короче, при разном органическом строении капиталов (Рикардо последнее не известно) и разной скорости обращения разных капиталов повышение или понижение заработной платы не должно вызывать соответствующие понижение и повышение прибыли. Там, где рабочих занято много, повышение, скажем, заработной платы должно сильнее задеть прибыль, чем в тех предприятиях, где рабочих меньше. Следовательно при продаже товаров в среднем по стоимости не могут быть равны нормы прибыли, и существование последних

¹ Точнее, эта категория ему не известна, хотя фактически он ею оперирует.

(даже как тенденция) говорит о том, что товары не продаются по стоимости и в среднем. На это натолкнулся Рикардо еще в своих «Началах»; он пытался выйти из тупика тем, что объявил несопадение средних цен со стоимостью исключением. Но его противникам никаких трудов не стоило доказать, что то, что Рикардо причисляет к исключениям, есть правило, и наоборот: совпадение средних цен со стоимостью есть исключение.

Отождествляя стоимость с ценой производства, Рикардо не только не мог объяснить тенденцию уравнивания прибылей на равные капиталы, он не мог объяснить образование и средней прибыли. Не зная процесса превращения стоимости в цены производства, он не знает и процесса превращения прибавочной стоимости в прибыль и прибыли—в среднюю прибыль. Последняя им принимается за данное: всякий капитал дает среднюю прибыль. На последнюю плюс заработную плату он разлагает стоимость товаров, не замечая, что имеет дело уже не с категорией стоимости, а с категорией цены производства¹.

Отождествление стоимости с ценами производства не дает Рикардо возможности, как сказано, проследить процесс превращения прибыли в среднюю прибыль, а раз средняя прибыль из результата превращается в исходный пункт, то этим самым она становится и самостоятельным фактором наряду с трудом. И теория трудовой стоимости у Рикардо терпит крушение так же, как и у Смита, хотя он ее развивает гораздо дальше и глубже последнего.

Рикардо также не различает стоимости от меновой стоимости: обычно он употребляет их одинаково. Чаще всего он употребляет термины: относительная стоимость, сравнительная стоимость. Отсюда ряд исследователей заявляет, что Рикардо признает только относительную, но не абсолютную стоимость. Автор книги «Теория стоимости у Рикардо и Маркса» И. Розенберг пишет: «Маркс блестяще исправил второй большой недостаток теории стоимости Рикардо—игнорирование им абсолютной стоимости»². Но сам Маркс говорит другое: «Под *реальной стоимостью* Рикардо понимает в вышеприведенном месте товар, как выражение определенного рабочего времени. Под *относительной стоимостью*—выражение заключенного в нем рабочего времени в потребительных стоимостях других товаров»³.

Следовательно исправлять Рикардо по данному вопросу *по существу* не нужно было. Рикардо признает и то, что стоимость есть выражение определенного рабочего времени, т. е. то, что И. Розенберг называет абсолютной стоимостью, и то, что стоимость одного товара выражается в другом товаре, т. е. то, что названный автор называет относительной стоимостью. Рикардо их признает, но он их не различает—они у него слиты. Это конечно недостаток, но далеко не то, о чем говорит И. Розенберг.

¹ Мы здесь не говорим о другой ошибке Рикардо, разлагающего товарную стоимость только на $v + m$, т. е. об унаследованной догме Смита.

² И. Розенберг, Теория стоимости у Рикардо и Маркса, стр. 188, 1924 г.

³ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 108, изд. 1932 г. (курсив Маркса.—Д. Р.).

Отсутствие разграничения между реальной стоимостью и относительной у Рикардо обусловлено тем, что все свое внимание он концентрирует на величине стоимости. Рикардо, как мы уже говорили, свою задачу видит в количественном анализе, а не в качественном. А с точки зрения количественного анализа это разграничение теряет свою остроту.

Абсолютизируя буржуазный способ производства, рассматривая его как естественный и вечный способ производства, Рикардо, как и его предшественники, не исследовал—и не мог себе ставить такую проблему,—почему затраченный труд принимает форму стоимости. Ему это казалось естественным. Поэтому хотя он и сводил все виды труда к количественному выражению, к рабочему времени, однако «двоякого характера заключенного в товарах труда» он не заметил и заметить не мог, как не заметил он и единства противоположностей товара, его стоимости и потребительной стоимости.

Не ставя вопроса, почему продукт труда принимает форму товара, а овеществленный в товаре труд—форму стоимости, Рикардо не ставит и вопроса, почему один из товаров, выделяясь из всего товарного мира, становится деньгами. У Рикардо полностью отсутствует анализ форм стоимости и анализ денег как денежной формы стоимости. В деньгах он видит лишь орудие обращения, и это лежит в основе его количественной теории денег. Раз деньги—только орудие обращения, то всякое изменение их количества при неизменности товарной массы, находящейся в обращении, *означает*, что последняя покупается либо меньшим, чем равным, количеством денег, либо большим. В первом случае мы имеем понижение товарных цен вследствие изменившегося отношения между товарной массой и массой денег, во втором случае—повышение цен.

Аргумент в пользу своей количественной теории Рикардо черпал, так сказать, в своих наблюдениях над бумажноденежным обращением, которое, как мы уже отметили, имело место в его время. Рост эмиссии бумажных денег вызывал рост товарных цен. Правда, существует принципиальное различие между металлическими деньгами и бумажными: последние—лишь заместители первых. Но это различие осталось для Рикардо незамеченным опять-таки потому, что он деньги свел лишь к орудию обращения. Имея в поле зрения только эту функцию денег и не понимая, что они являются «бытием стоимости» и всеобщим эквивалентом, Рикардо не замечает различия между бумажными деньгами и металлическими и считает, что на товарные цены излишек металлических денег влияет точно так, как и излишек бумажных денег.

Не анализируя специфики товара и денег, Рикардо не анализирует и специфики капитала и не ставит проблемы превращения денег в капитал. Как товар и деньги, так и капитал Рикардо принимает за данный; следовательно за данный принимает он и наемный труд. И здесь его внимание концентрировано на количественном анализе, т. е. на анализе того, чем определяется доля труда—заработная плата, и чем определяется доля капитала—прибыль.

Но, определяя заработную плату стоимостью средств существо-

вания рабочего и его семьи и рассматривая прибыль как излишек стоимости, созданной трудом, над заработной платой, Рикардо делает одно из важнейших своих открытий: он вскрывает противоположность между прибылью и заработной платой, следовательно и противоположность между рабочим классом и классом капиталистов. Именно за это открытие Рикардо подвергся наиболее ожесточенным нападкам со стороны вульгарных экономистов, превративших его... в отца коммунизма.

В этом «грехе» Рикардо конечно неповинен, но, сведя прибыль к прибавочной стоимости, создаваемой прибавочным трудом, он действительно причинил немало неприятностей буржуазии: ведь этим он разоблачил тайну прибыли и следовательно источник буржуазного богатства. Однако Рикардо меньше всего думал об этих разоблачениях, и прибавочная стоимость *как таковая* им никогда не исследовалась. «Рикардо, — говорит Маркс, — никогда не задавал себе вопроса о происхождении прибавочной стоимости. Он рассматривает ее как нечто присущее капиталистическому способу производства, который в его глазах является естественной формой всякого общественного производства. Там, где он говорит о производительности труда, он ищет в ней не причину существования прибавочной стоимости, а лишь причину, определяющую величину последней»¹.

Рикардо не ставил, повторяем, задачи разоблачения тайны прибыли, его задача совсем иная. Она сводилась к следующему: раз единственной причиной роста прибыли является снижение заработной платы, а последняя определяется стоимостью средств существования рабочего и его семьи, то прибыль следовательно может повышаться, если понижается стоимость предметов широкого потребления. Но среди последних наиболее видное место занимают хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. Вывод: промышленная буржуазия заинтересована в снижении стоимости последних. И этим вскрыта была противоположность интересов промышленной буржуазии и землевладельцев.

Вскрытие противоположности заработной платы и прибыли дало Рикардо возможность вскрыть противоположность прибыли и ренты. Последнее и было его главной целью, так как этим он теоретически вооружил промышленную буржуазию в ее борьбе против лендлордов. Если происхождение прибавочной стоимости Рикардо не исследует, то происхождение ренты и тенденции ее развития, ее роста он довольно внимательно изучает, и проблема ренты занимает центральное место в его системе.

Логически теория ренты Рикардо является завершением его теории стоимости. Тот факт, что в земледелии помимо заработной платы и прибыли получается еще особый доход — рента, казалось, опрокидывал теорию трудовой стоимости; Рикардо же блестяще доказал, что этот факт не только не противоречит теории трудовой стоимости, но ею именно и объясняется. А *социально-политически* рикардовская теория ренты своим острием была направлена против

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 401.

аграриев, в частности она подвела теоретический фундамент под требование свободного ввоза хлеба. Следовательно теория стоимости нужна была для обоснования теории ренты.

Суть этой теории в том виде, как ее развил Рикардо, сводится к следующим четырем положениям: 1) разные земельные участки отличаются друг от друга своим плодородием, следовательно равные вложения капитала в разные по своему плодородию участки дают различные результаты; 2) стоимость земледельческих продуктов устанавливается применительно к худшим участкам; 3) всякий участок, хоть немного лучше последних, должен дать добавочную прибыль как результат разницы между стоимостью, регулируемой худшим участком, и индивидуальной стоимостью на средних и лучших участках; 4) эта прибыль в результате конкурентной борьбы между фермерами достается целиком землевладельцу.

А с развитием общества и ростом населения, утверждает Рикардо, приходится пустить в обработку все худшие и худшие земли. Следовательно: 1) рента растет, 2) заработная плата хотя реально и не изменяется, но номинально растет вследствие роста стоимости сельскохозяйственных продуктов, 3) прибыль вследствие роста заработной платы уменьшается¹. Отсюда и требование Рикардо свободы ввоза хлеба из тех стран, где обрабатывают еще плодородные земли; это, правда, будет в ущерб землевладению, но зато это будет на пользу обществу, т. е. промышленной буржуазии.

* *
*

Рикардо защищал буржуазию, но последняя давным давно от него отреклась. Рикардо довольно недружелюбно относился к социализму, но его усердно изучают в СССР, в стране социализма.

И в этом нет ничего удивительного. Защищая буржуазию, Рикардо защищал ее как носительницу прогрессивных отношений, являющихся формой развития производительных сил. Ограниченность буржуазного кругозора мешала ему видеть относительный и временный характер прогрессивности буржуазных отношений, он не мог понять, что последние превратятся в оковы производительных сил. А когда это случилось и буржуазия стала реакционной силой, она должна была отречься от таких защитников, как Рикардо.

Победивший буржуазию и ставший наследником всего ценного, что создано было ее крупными мыслителями, пролетариат внимательно изучает полученное наследство, отделяя зерна от плевел. Пролетариат предъявляет большой спрос на все классическое, что создано было в разных областях знания, — он предъявляет большой спрос и на работу Рикардо.

Д. Розенберг.

¹ Этим Рикардо объяснил тенденцию нормы прибыли к падению.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Продукт земли,—все, что получается с ее поверхности путем соединенного приложения труда, машин и капитала,—делится между тремя классами общества, а именно землевладельцами, собственниками денег или капитала, необходимого для ее обработки, и рабочими, трудом которых она обрабатывается.

Но доли всего продукта земли, достающиеся каждому из этих классов под именем «ренты», «прибыли» и «заработной платы», на разных стадиях общественного развития существенно различаются, в зависимости главным образом от данного плодородия почвы, от накопления капитала и роста населения, от искусства и изобретательности и от орудий, применяемых в земледелии.

Определить законы, которые управляют этим распределением,—главная задача политической экономии: как ни обогатили эту науку исследования Тюрго, Стюарта, Смита, Сэя, Сисмонди и других, все-таки объяснения, которые они дают относительно естественного движения ренты, прибыли и заработной платы, весьма мало удовлетворительны.

В 1815 г. Мальтус в своем «Исследовании о природе и движении ренты» и анонимный автор, член университетской коллегии в Оксфорде, в «Опыте о приложении капитала к земле» опубликовали почти в одно и то же время истинное учение о ренте. Без знакомства с ним нельзя понять влияния роста богатства на прибыль и заработную плату или удовлетворительно проследить влияние налогов на различные классы общества, особенно когда предметом обложения служат продукты, получаемые непосредственно с поверхности земли. Адам Смит и другие талантливые писатели, о которых я выше упоминал, не имея ясного понятия о началах ренты, проглядели, как мне кажется, много важных истин, которые могут быть раскрыты лишь тогда, когда сущность ренты ясно усвоена.

Чтобы пополнить этот пробел, требуются способности, значительно превышающие те, которыми обладает автор следующих страниц. Но он уверен, что никто не сочтет притязательной его попытку изложить свои взгляды на законы прибыли и заработной платы и на влияние налогов—взгляды, к которым он пришел после самого внимательного рассмотрения этого предмета, руководясь указаниями, которые он черпал в трудах вышеупомянутых выдающихся писателей, и стараясь кроме того использовать драгоценный

опыт, который дали настоящему поколению последние годы, столь богатые новыми фактами. Если принципы, которые он считает правильными, действительно будут признаны таковыми, то задачу проследить их во всех их главных следствиях возьмут на себя другие, более талантливые писатели.

Подвергая критике установившиеся взгляды, автор считает необходимым обратить особенное внимание на те места в сочинениях Адама Смита, с которыми он имел основание не соглашаться. Он однако надеется, что никто вследствие этого не подумает, что он не разделяет вместе со всеми, кто признает важное значение политической экономии, удивления, столь справедливо возбуждаемого глубоким трудом этого знаменитого автора.

То же самое замечание автор должен сделать и о превосходных трудах Сэя. Он не только был первым или одним из первых континентальных писателей, правильно оценивших и прилагавших принципы Смита; он не только сделал больше всех их, взятых вместе, для ознакомления европейских наций с принципами этой просвещенной и благотворной системы, но сумел также внести в науку более логический и поучительный порядок и обогатил ее многими оригинальными, точными и глубокими исследованиями¹. Однако уважение, питаемое автором к трудам этого писателя, не помешало ему подвергнуть критике со всей свободой, какой требуют, по его мнению, интересы науки, все взгляды Сэя (в «Economie politique»), с которыми он не может согласиться.

¹ В особенности гл. XV, отд. I, «Рынки», содержит некоторые весьма важные принципы, которые, кажется, впервые были изложены этим выдающимся писателем.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

В этом издании я старался разъяснить полнее, чем в предыдущем, свои взгляды на трудный вопрос о стоимости и с этой целью сделал несколько дополнений к первой главе. Я прибавил также новую главу «о машинах» и о влиянии их усовершенствования на интересы различных классов государства. В главе «об отличительных свойствах стоимости и богатства» я подверг критике взгляды Сэя на этот важный вопрос, как они изложены, в исправленном виде, в четвертом и последнем издании его сочинений. В последней главе я сделал попытку обосновать еще строже, чем прежде, учение, согласно которому страна способна уплачивать добавочные денежные налоги даже в том случае, если бы валовая денежная стоимость всей массы товаров понизилась: оттого ли, что благодаря улучшениям в сельском хозяйстве уменьшилось количество труда, требующегося для производства хлеба внутри самой страны, или же оттого, что часть хлеба получается теперь по более дешевой цене из-за границы в обмен на мануфактурные товары. Это соображение имеет большое значение для решения вопроса о целесообразности политики неограниченного ввоза иностранного хлеба, особенно в стране, которая вследствие огромного национального долга обременена тяжелыми постоянными денежными налогами. Я старался показать, что способность платить налоги зависит не от валовой денежной стоимости массы товаров и не от чистой денежной стоимости доходов капиталистов и землевладельцев, а от соотношения денежной стоимости дохода каждого человека и денежной стоимости товаров, которые он обыкновенно потребляет.

26 марта 1821 г.

ГЛАВА I
О СТОИМОСТИ
ОТДЕЛ I

Стоимость товара, или количество всякого другого товара, на которое он обменивается, зависит от относительного количества труда, которое необходимо для его производства, а не от большего или меньшего вознаграждения, которое уплачивается за этот труд.

«Слово «стоимость»,—замечает Адам Смит,—имеет два разных значения: иногда оно означает полезность какого-нибудь отдельного предмета, а иногда покупательную силу по отношению к другим благам, которую дает обладание им. Первую можно назвать *потребительной стоимостью*, вторую—*меновою*. Вещи, имеющие величайшую потребительную стоимость,—продолжает он,—часто обладают малой или не обладают вовсе меновой стоимостью, и наоборот, вещи, обладающие величайшей меновой стоимостью, имеют малую потребительную стоимость или вовсе лишены ее» *. Вода и воздух чрезвычайно полезны, они прямо необходимы для существования, однако при обычных условиях за них нельзя ничего получить в обмен. Напротив, золото, хотя полезность его в сравнении с воздухом или водой очень невелика, обменивается на большое количество других благ.

Таким образом полезность не является мерой меновой стоимости, хотя она абсолютно необходима для нее. Если предмет ни на что не годен, другими словами, если он ничем не служит нашим нуждам, он будет лишен меновой стоимости, каковы бы ни были его редкость или количество труда, которое требовалось бы на его производство.

Раз товары обладают полезностью, то свою меновую стоимость они черпают из двух источников: своей редкости и количества труда, требующегося для их добывания.

Существуют некоторые товары, стоимость которых определяется исключительно их редкостью. Никаким трудом нельзя увеличить их количество, и потому стоимость их не может быть понижена вслед-

*[«Богатство народов», кн. 1, гл. IV, «О происхождении и употреблении денег»].

ствие роста предложения. К такого рода товарам принадлежат некоторые редкие статуи и картины, редкие книги и монеты, вина особого вкуса, выделяемые только из винограда, растущего на редко встречающейся почве с специфическими свойствами. Стоимость их совершенно не зависит от количества труда, первоначально затраченного на их производство, и изменяется в зависимости от богатства и вкусов лиц, которые желают приобрести их.

Но в массе товаров, ежедневно обращающихся на рынке, такие товары составляют лишь незначительную долю. Подавляющее большинство всех благ, являющихся предметом желания, доставляется трудом. Количество их может быть увеличиваемо почти до бесконечности не только в одной стране, но и во многих вместе, если только мы расположены затратить необходимый для этого труд.

Вот почему, говоря о товарах, их меновой стоимости и законах, управляющих их относительными ценами, мы всегда имеем в виду только такие товары, количество которых может быть увеличено человеческим трудом и в производстве которых соперничество не подвергается никаким ограничениям.

На ранних ступенях общественного развития меновая стоимость этих товаров, или правило, определяющее, какое количество одного товара должно обмениваться на другой, зависит почти исключительно от сравнительного количества труда, затраченного на каждый из них.

«Действительная цена всякого предмета,—говорит Адам Смит,— т. е. то, что каждый предмет стоит в действительности тому человеку, который хочет приобрести его, есть труд и усилия, которые он должен употребить, чтобы приобрести этот предмет. Действительная стоимость каждого предмета для того, кто приобрел его и хочет или сам пользоваться им или променять его на какой-нибудь другой предмет, это—труд и усилия, которые он может сберечь себе, обладая этим предметом, или которые он может возложить на других» *.

«Труд был первой ценой, первоначальными деньгами, которыми платили за все предметы»**. И далее: «В первобытном, некультурном состоянии общества, которое предшествовало как накоплению капитала, так и обращению земли в частную собственность, соотношение между количествами труда, необходимого для добывания различных предметов, было повидимому единственным основанием, которое могло служить руководством при обмене одних товаров на другие. Например, если у охотничьего народа убить бобра стоит обычно вдвое больше труда, чем оленя, то естественно, один бобр будет меняться на двух оленей, или стоить столько, сколько стоят два оленя. Естественно, что всякое произведение, стоящее обыкновенно двухдневного или двухчасового труда, будет стоить вдвое дороже того, на что требуется обыкновенно один день или один час труда»¹.

* [«Богатство народов», кн. 1, гл. V, «О реальной и номинальной цене товаров»].

** [Ibidem].

¹ «Богатство народов», кн. 1, гл. V [Ошибка или опечатка в оригинале. Этой цитатой начинается гл. VI «О составных частях цены товаров»].

Эта теория, по которой основанием меновой стоимости всех товаров, кроме тех, количество коих не может быть увеличено человеческой промышленностью, является труд—имеет для политической экономии чрезвычайно важное значение: ничто не порождало так много ошибок и разногласий в этой науке, как именно неопределенность понятий, которые связывались со словом «стоимость».

Если меновая стоимость товаров определяется количеством труда, овеществленного в них, то всякое возрастание этого количества должно увеличивать стоимость соответствующего товара, а всякое уменьшение—понижать ее.

Но Адам Смит, который так правильно определил коренной источник меновой стоимости, оказался непоследовательным. Вместо того чтобы строго держаться принципа, в силу которого стоимости предметов увеличиваются или уменьшаются в зависимости от увеличения или уменьшения затраченного на них труда, он выдвинул еще другую единицу-меру стоимости и говорил, что предметы стоят больше или меньше, смотря по тому, на большее или меньшее количество этой единицы-меры они обмениваются. Иногда он принимает за такую единицу-меру хлеб, иногда труд—не количество труда, затраченное на производство того или другого предмета, а то количество его, какое можно купить за этот предмет на рынке—как будто это одно и то же, как будто рабочий необходимо получит за свой труд вдвое больше против прежнего, раз труд его стал вдвое успешнее, и он может поэтому производить вдвое больше товара.

Будь это действительно верно, будь вознаграждение рабочего всегда пропорционально тому, сколько он произвел, количество труда, затраченное на товар, и количество труда, которое за этот товар можно купить, были бы равны, и любым из них можно было бы измерять изменения в стоимости других предметов. Но они неравны: первое при многих обстоятельствах является неизменным масштабом, точно показывающим изменения в стоимости других предметов, а последнее подвержено стольким же колебаниям, как и стоимость товаров, сравниваемых с ним. Адам Смит, весьма искусно показав недостаточную пригодность такого изменчивого мерил, как золото или серебро, для определения изменения стоимости других вещей сам избрал не менее изменчивое мерило, остановившись на хлебе или труде.

Несомненно, стоимость золота или серебра подвержена колебаниям вследствие открытия новых, более богатых рудников; но такие открытия редки, и действие их, хоть и могущественное, ограничено сравнительно короткими периодами. Она подвержена колебаниям также и вследствие усовершенствований в горном деле и машинах, с помощью которых разрабатываются рудники; благодаря этим усовершенствованиям с тем же количеством труда добывается больше золота и серебра. Далее, стоимость их подвержена колебаниям и вследствие истощения рудников, снабжавших ими мир в течение веков. Но разве стоимость хлеба не подвергается действию какой-нибудь из этих причин? Разве не изменяется она вследствие улучшений в обработке земли, в машинах и орудиях, применяю-

щихся в сельском хозяйстве, а также вследствие открытия новых участков плодородной земли в других странах, которые могут быть обращены под обработку и окажут таким образом влияние на стоимость хлеба на всех рынках, куда ввоз его свободен? Разве, с другой стороны, стоимость его не увеличивается вследствие запрещения ввоза, увеличения населения и богатства, а также вследствие возрастающей трудности увеличить предложение, так как обработка худших земель требует дополнительного труда? И разве не так же изменчива и стоимость труда, на которую, как и на все другие вещи, влияет не только отношение между спросом и предложением, — отношение, обязательно изменяющееся с каждой переменной в состоянии общества, — но и непостоянство цены пищи и других предметов необходимости, на которые тратится заработная плата?

В одной и той же стране производство данного количества хлеба в одну эпоху может требовать вдвое больше труда, чем в другую, более давнюю, вознаграждение же рабочего при этом может уменьшаться очень мало. Если в прежний период заработная плата рабочего составляла известное количество пищи и предметов необходимости, то он вероятно не мог бы существовать, если бы это количество уменьшилось. В этом примере стоимость пищи и предметов необходимости поднялась на 100%, считая по количеству труда, необходимого для их производства; между тем, если измерять стоимость их количеством труда, на которое они обмениваются, то она едва ли изменилась.

И то же самое явление мы заметим, если возьмем две или несколько стран. В Америке и Польше на земле [поступившей в обработку позже других] годичный труд [данного числа людей] произведет больше хлеба, чем [на такой же земле] в Англии*. Предполагая, что все прочие предметы необходимости одинаково дешевы в этих странах, не будет ли большой ошибкой заключить, что достоящееся рабочему количество хлеба будет в каждом из них пропорционально легкости его производства?

Если бы благодаря улучшению машин на производство обуви и платья рабочего шло вчетверо меньше труда, чем теперь, то стоимость их вероятно упала бы на 75%, но из этого еще вовсе не следует, что рабочий благодаря этому получил бы возможность потреблять четыре сюртука или четыре пары обуви вместо одной. Более вероятно, что в непродолжительном времени его заработная плата под влиянием соперничества и роста населения была бы приведена в соответствие с новой стоимостью предметов необходимости, на которые она расходуется. Если бы такие улучшения распространились на все предметы потребления рабочего, то мы вероятно нашли бы, что если через несколько лет количество получаемых им предметов потребления и увеличилось, то в очень незначительной степени, и это несмотря на то, что меновая стоимость указанных товаров в сравнении с стоимостью других, в производстве которых

* [Слова, заключенные в прямые скобки, прибавлены во втором издании. — Пер.]

не было сделано никаких улучшений, значительно понизилась, так как они теперь представляют продукт гораздо меньшего количества труда.

Итак, неправильно говорить вместе с Адамом Смитом, что «если труд может *купить* иногда больше, иногда меньше разных предметов, то изменяется здесь только стоимость этих последних, а не стоимость труда, на который они покупаются», и что следовательно «один труд, *никогда не изменяющийся в своей внутренней стоимости*, представляет собой единственную действительную и последнюю меру, которой во все времена и во всех местах определяется стоимость всех товаров» *. Зато совершенно верно, что, как говорил Адам Смит раньше, «соотношение между количеством труда, необходимого для приобретения различных предметов, является повидимому единственным основанием, которое могло служить руководством при обмене одних товаров на другие», или, другими словами, что настоящую или прошедшую сравнительную стоимость товаров определяет сравнительное количество их, которое труд производит, а не сравнительные количества товаров, которые даются рабочему в обмен на его труд **.

[Относительная стоимость двух товаров изменяется; как же узнать, в котором из них действительно произошло изменение? Сравнив настоящую стоимость одного со стоимостью обуви, чулок, шляп, железа, сахара и всех других товаров, мы находим, что он обменивается на то же самое количество этих вещей, что и прежде. Сравнив с этими же товарами другой, мы находим, что он изменился относительно всех их; в таком случае мы можем с большим вероятием заключить, что изменение произошло в этом товаре, а не в товарах, с которыми мы его сравнивали. Если, исследуя подробнее все обстоятельства, связанные с производством этих различных товаров, мы найдем, что на производство обуви, чулок, шляп, железа, сахара и пр. затрачивается то же количество труда и капитала, что и прежде, а на производство того единственного товара, относительная стоимость которого изменилась, иное, то вероятность превратится в достоверность, и мы будем уверены, что изменение произошло единственно в этом товаре: мы открываем таким образом причину его изменения.]

Если я нашел, что унция золота обменивается на меньшее количество перечисленных выше товаров и многих других, если

* [«Богатство народов», кн. 1, гл. V. Цитата приведена с сокращениями].

** [В первом и втором изданиях имелся следующий абзац:

«Если бы можно было найти товар, который теперь и всегда требовал бы того же самого количества труда для его производства, то этот товар имел бы неизменяющуюся стоимость и был бы в высшей степени полезен как масштаб, при помощи которого можно было бы измерить изменения стоимости других предметов. Но мы не знаем ни одного такого товара и поэтому не в состоянии установить масштаб стоимости. Однако весьма полезно в целях достижения правильной теории установить, каковы должны быть существенные качества масштаба, чтобы мы могли знать причину изменения в относительной стоимости товаров и чтобы мы были в состоянии определить степень, в какой они могут производить свое действие».

Дальше и до конца первого отдела следует прибавление, сделанное только в третьем издании].

сверх того я нашел, что данное количество золота благодаря открытию новых и более богатых рудников или более выгодному применению машин можно получить с меньшим количеством труда, то я в праве буду сказать, что причиной изменения стоимости золота относительно других товаров была большая легкость его производства или уменьшение количества труда, необходимого для его получения. Точно так же, если стоимость труда значительно понизилась в сравнении со стоимостью всех других предметов, если я нашел, что это падение было следствием обильного предложения, поощряемого большей легкостью производства хлеба и других предметов необходимости рабочего, то, по моему мнению, я имел бы право сделать вывод, что стоимость хлеба и других предметов необходимости понизилась вследствие уменьшения количества труда, необходимого для их производства, и что вследствие большей легкости прокормить рабочего понизилась также и стоимость труда. Нет, возражают Адам Смит и Мальтус, в примере с золотом вы были правы, объясняя это изменение падением его стоимости, так как стоимость хлеба и труда не изменялась в этом случае. А так как за золото можно было бы теперь получить только меньшее количество их, как и всех других предметов, то совершенно правильно было заключить, что все вещи остались в том же положении и только золото подверглось изменению (в своей стоимости). Но если изменяется относительная стоимость труда и хлеба, предметов, избранных нами единицей-мерой стоимости, то, несмотря на все изменения, которым она подвергается и по нашему признанию, было бы в высшей степени неверно сделать тот же самый вывод. Точная терминология требует, чтобы мы сказали, что стоимость труда и хлеба не изменилась и что, наоборот, возросла стоимость всех остальных предметов.

Но против этого способа выражения я и протестую. Я нахожу, что точно так же, как и в примере с золотом, причиной изменения стоимости хлеба относительно других вещей служит уменьшение количества труда, необходимого для его производства. Поэтому, рассуждая последовательно, я должен назвать изменение в стоимости хлеба и труда падением их стоимости, а не повышением стоимости вещей, с которыми они сравниваются. Если мне надо нанять рабочего на неделю и я плачу ему вместо десяти шиллингов восемь, причем в стоимости денег не произошло никакой перемены, то рабочий вероятно может получить больше пищи и предметов необходимости за восемь шиллингов, чем раньше получал за десять. Но это произойдет не вследствие повышения действительной стоимости его заработной платы, как утверждал Адам Смит и недавно Мальтус, а вследствие падения стоимости предметов, на которые рабочий расходует свою заработную плату, а это совершенно различные вещи. И однако, когда я называю это падением действительной стоимости заработной платы, мне говорят, что я употребляю новую и необычную терминологию, не согласную с истинными принципами науки. А мне, наоборот, кажется, что именно мои противники употребляют и несостоятельную и необычную терминологию.

Предположим, что рабочему платят бушель хлеба за неделю труда, когда цена хлеба составляет 80 шилл. за квартал, и бушель с четвертью, когда цена его падает до 40 шилл. Предположим далее, что рабочий с своей семьей потребляет полбушеля хлеба в неделю, а остальной хлеб он обменивает на топливо, мыло, свечи, чай, сахар, соль и пр. и пр. Если три четверти бушеля, которые останутся у него в одном случае, не доставят ему столько же названных товаров, сколько в другом случае полбушеля, то повысилась или упала стоимость труда? Повысилась, должен сказать Адам Смит, потому что у него масштабом служит хлеб, а рабочий получает больше хлеба за неделю труда. Упала, должен сказать тот же Адам Смит, «потому что стоимость вещи зависит от покупательной силы, которую дает обладание ею по отношению к другим вещам» *, а покупательная сила труда относительно названных предметов уменьшилась].

О Т Д Е Л II

Труд различного качества вознаграждается различно. Это обстоятельство не служит причиной изменения относительной стоимости товаров.

Но если я говорю, что труд является основой всякой стоимости и что относительное количество его [почти исключительно]** определяет относительную стоимость товаров, то из этого еще не следует, что я упускаю из виду качественные различия труда и трудность сравнения между часом или днем труда в одной отрасли промышленности с трудом одинаковой продолжительности в другой. Расценка труда различного качества скоро устанавливается на рынке с достаточной для всех практических целей точностью и в значительной мере зависит от сравнительного искусства рабочего и напряженности выполняемого им труда. Раз сложившаяся скала подвергается незначительным изменениям. Если день труда рабочего-ювелира стоит больше, чем день труда простого рабочего, то это отношение уже давно установлено и заняло свое надлежащее место в скале стоимостей ¹.

Таким образом при сравнении стоимости одного и того же товара в различные эпохи едва ли надо принимать в расчет сравнительную ловкость и напряженность труда, применяемые при про-

* [Хотя эта цитата заключена в кавычки, но она верна только по смыслу («Богатство народов», кн. 1, гл. V)].

** [Слова «Почти исключительно» вставлены только в третьем издании].

¹ «Хотя труд есть действительное мерило меновой стоимости всех товаров, но не трудом обыкновенно определяется их стоимость. Часто трудно установить соотношение между двумя различными количествами труда. Это соотношение не всегда определяется одним временем, затрачиваемым в двух различных родах работы. Нужно принимать в расчет еще и различия в степени трудности работы и применяемой ловкости. В часе тяжелой работы может заключаться больше труда, чем в двух часах легкой, в часе занятия делом, которому надо учиться десять лет, больше, чем в месяце простой и не требующей выучки работы. Но найти какую-нибудь точную меру трудности работы или степени ловкости очень трудно. Фактически при обмене различных произведений различных родов труда друг на друга обыкновенно делается некоторый учет того и другого. Но сравнение производится не с помощью какой-либо

изводстве этого товара, так как это обстоятельство одинаково действует и в ту и в другую эпоху. Определенный вид труда в данную эпоху сравнивается с тем же видом труда в другую; если прибавилась или убавилась одна десятая, одна пятая или одна четверть труда, то это несомненно окажет соответствующее действие на относительную стоимость товара.

Если кусок сукна стоит теперь двух кусков полотна, а спустя десять лет обыкновенная стоимость куска сукна будет равна четырем кускам полотна, то мы можем с уверенностью заключить, что или больше труда идет на изготовление сукна, или меньше на изготовление полотна, или что действовали обе причины.

Так как анализ, на который я хочу обратить внимание читателей, ставит себе целью исследовать влияние изменений не абсолютной, а относительной стоимости товаров, то для нас вовсе не важно рассматривать сравнительную оценку различных видов человеческого труда. Мы в праве заключить, что неравенство, какое первоначально было между ними вследствие того, что для усвоения одного ремесла требуется больше сообразительности, искусства или времени, необходимого для приобретения специальных навыков в определенной отрасли, чем для усвоения другого, продолжает существовать почти без перемен из поколения в поколение или по крайней мере, что ежегодное изменение весьма незначительно; поэтому, если брать короткие периоды, оно мало влияет на относительную стоимость товаров.

«На отношение между различными нормами заработной платы и прибыли в разных отраслях применения труда и капитала богатство или бедность, прогресс, застой или упадок общества оказывают, как мы уже видели, лишь слабое действие. Такие перевороты в общественном благосостоянии, хотя отражаются и на заработной плате и на прибыли, должны в конце концов отразиться на них одинаково во всех различных отраслях. Поэтому отношение между ними должно оставаться прежним и не может измениться в силу какого-либо из таких переворотов,—по крайней мере на сколько-нибудь продолжительное время»¹.

О Т Д Е Л III*

На стоимость товаров влияет не только труд, затраченный непосредственно на их производство, но и труд, затраченный на орудия, инструменты и здания, участвующие в процессе производства.

Даже в том первобытном состоянии общества, на которое указывает Адам Смит, охотнику нужен для своего промысла некоторый

точной меры, а путем рыночного торга, согласно той грубой сравнительной справедливости, которая, не отличаясь точностью, достаточна для обыденных житейских сделок». «Богатство народов», кн. 1, гл. X [В действительности кн. 1, гл. V].

¹ «Богатство народов», кн. 1, гл. X [Заключительный абзац десятой главы].

* [Во втором издании первые два отдела первой главы составляют один отдел. Второй отдел—в третьем издании третий—открывается следующим те-

капитал, хотя бы созданный и накопленный им самим. Без какого-либо оружия нельзя убить ни бобра, ни оленя, и потому стоимость этих животных регулируется не только временем и трудом, необходимым, чтобы убить их, но и временем и трудом, необходимым для снабжения охотника капиталом, оружием, которое служит для охоты на них.

Предположим, что изготовление оружия, необходимого для охоты на бобра, требует гораздо большей затраты труда, чем оружие, необходимое для охоты на оленя, так как близко подойти к первому животному труднее, и потому оружие должно быть более метким; один бобр будет, естественно, стоить больше двух оленей, и именно на том основании, что в целом требуется больше труда, чтобы убить его. [Или, предположим, что на изготовление того и другого оружия идет одинаковое количество труда, но долговечность их весьма неодинакова; из стоимости оружия, которое служит долго, на товар будет переноситься лишь небольшая доля, из стоимости же недолговечного оружия будет овеществляться в товаре, для добывания которого оно служило, гораздо большая доля*.]

Все орудия, необходимые для охоты на бобра и оленя, могут принадлежать одному классу людей, а труд, применяющийся при охоте, доставляться другим классом; и все-таки сравнительные цены дичи будут соразмерны труду, действительно затраченному как на образование капитала, так и на охоту. В зависимости от различных условий изобилия или скудости капитала сравнительно с трудом, в зависимости от различных условий изобилия или скудости пищи и других предметов, необходимых для содержания рабочих, те, кто вложил капитал одинаковой стоимости в тот или другой промысел, будут получать половину, четверть или одну восьмую добытого продукта, а остальное будет уплачиваться в виде заработной платы тем, кто доставил труд. Но это разделение не отра-

зисом: накопление капитала не вносит никакого различия в принцип, установленный в последнем отделе, и начинается следующим вступлением, которое Рикардо в третьем издании выпустил, но которое имелось уже и в первом.

«Из цитаты, приведенной мною на стр. 2 из «Богатства народов», явствует, что хотя Адам Смит полностью признавал принцип, что соотношение между количеством труда, необходимого для добывания различных предметов, представляет единственное основание, которое может служить руководством при обмене одних товаров на другие, однако он ограничивает его применение „первобытным, некультурным состоянием общества, которое предшествовало как накоплению капитала, так и обращению земли в частную собственность“, как будто, если бы выплачивались прибыль и рента, то они имели бы известное влияние на относительную стоимость товаров, независимо от одного только количества труда, которое было необходимо для их производства. Несмотря на это, Адам Смит нигде не анализирует влияние накопления капитала и обращения земли в частную собственность на относительную стоимость. Поэтому важно определить, в какой степени действие, которое неизменно производится на меновую стоимость товаров сравнительным количеством труда, затраченного на их производство, изменяется или модифицируется накоплением капитала и уплатой ренты.

Во-первых, что касается накопления капитала, то» даже и т. д., как в тексте].

* [Эта вставка сделана в третьем издании].

зится на относительной стоимости этих товаров, потому что, будет ли прибыль на капитал больше или меньше, составит ли она пятьдесят, двадцать или десять процентов, будет ли заработная плата труда высока или низка, все это окажет одинаковое влияние на оба промысла.

Если мы предположим, что количество отдельных занятий в обществе увеличилось, что одни доставляют лодки и снасти, необходимые для рыбной ловли, другие—семена и грубые орудия, применяющиеся в первобытном земледелии, то остается в силе принцип, что меновая стоимость произведенных товаров пропорциональна труду, затраченному на их производство, не только на непосредственное производство, но и на орудия и машины, требующиеся, чтобы привести в действие труд, который к ним применяется.

Если мы представим себе состояние общества, в котором достигнуты большие успехи, в котором промышленность и торговля процветают, то мы попрежнему найдем, что стоимость товаров регулируется тем же принципом. Определяя например меновую стоимость чулок, мы увидим, что их стоимость сравнительно с другими вещами зависит от всего количества труда, которое необходимо для изготовления их и доставления на рынок. Сюда войдет, во-первых, труд обработки земли, на которой разводят хлопок; во-вторых, труд доставки хлопка в страну, где будут изготовлены из него чулки,—сюда же включается также часть труда, затраченного на постройку судна, на котором он перевозится и который оплачивается в фрахте товаров; в-третьих, труд прядильщика и ткача; в-четвертых, часть труда машиностроителя, кузнеца и плотника, которые строили здание и машины, с помощью которых изготавливаются чулки; в-пятых, труд мелочного торговца и многих других лиц, которых мы не будем перечислять. Общая сумма этих различных видов труда определяет, на какое количество других предметов будут обменены чулки, а чтобы определить, какое количество каждого из этих предметов будет дано в обмен за чулки, опять-таки надо сосчитать общую сумму различных видов труда, затраченного на них.

Чтобы убедиться, что именно это является действительным основанием меновой стоимости, предположим, что сделано какое-нибудь усовершенствование, сберегающее труд в каком-либо из различных процессов, через которые должен пройти хлопок-сырец, прежде чем чулки будут готовы и поступят на рынок, и посмотрим, каковы будут последствия этого. Если для возделывания хлопка-сырца требовалось меньше рабочих, или меньше матросов было занято перевозкой его, или меньше корабельных плотников работало при сооружении судна, на котором он был доставлен к нам, если меньше рук работало над сооружением здания и машин или последние сделались более производительными, то стоимость чулок неизбежно понизится, а потому в обмен за них будет получено меньше других предметов. Стоимость их понизилась, потому что количество труда, необходимое на их производство, уменьшилось. Вследствие этого они будут обмениваться на меньшее количество пред-

метов, на производство которых требуется то же самое количество труда.

Экономия в труде всегда понизит относительную стоимость товара, все равно, касается ли она труда, необходимого для изготовления самого товара, или же необходимого для образования капитала, с помощью которого товар производится. Цена чулок упадет во всех случаях, будет ли меньше занято белильщиков, прядильщиков и ткачей—лиц, непосредственно занятых их изготовлением, или же матросов, перевозчиков, машиностроителей и кузнецов—лиц, занятых в этом производстве более косвенным образом. В первом случае все сбережение труда придется на чулки, потому что эта доля труда всецело уходила на производство чулок; во втором—только часть придется на чулки, а остальная часть придется на все другие товары, производству которых служили строения, машины и средства перевозки*.

Предположим, что на ранних ступенях общественного развития как лук и стрелы охотника, так и лодка и орудия рыболова имеют одинаковую стоимость и долговечность, так как те и другие являются продуктами одинакового количества труда. При этих обстоятельствах стоимость оленя—продукта дня труда охотника—будет в точности равна стоимости рыбы—продукта дня труда рыболова. Сравнительная стоимость рыбы и дичи будет всецело регулироваться количеством труда, овеществленного в той и другой, каково бы ни было количество продуктов или как бы высока или низка ни была

* [В первом и втором изданиях имелась следующая вставка:

«1. Во всяком обществе капитал, употребляемый в производстве, необходимо отличается ограниченной долговечностью.

2. Пища и платье, потребляемые рабочим, здание, в котором он работает, орудия, которыми он пользуется при работе, имеют преходящий характер. Но есть однако огромная разница во времени, в течение которого эти различные капиталы могут служить в производстве: паровая машина служит дольше корабля, корабль—дольше платья рабочего, а платье рабочего—дольше потребляемой им пищи.

3. В зависимости от того, быстро ли изнашивается капитал и часто ли требует воспроизведения или же потребляется медленно, он причисляется или к оборотному или к основному капиталу¹. О пивоваре, который пользуется ценными и долговечными зданиями и аппаратами, говорят, что он употребляет значительную долю своего капитала в форме основного; напротив, о сапожнике, капитал которого идет главным образом на уплату заработной платы, которая расходуется на пищу и одежду, товары, менее долговечные, чем здания и машины, о таком сапожнике говорят, что он употребляет значительную часть своего капитала в форме оборотного.

4. Так в двух отраслях промышленности могут употребляться капиталы одинаковой величины, но эти капиталы различным образом подразделяются на долю основную и оборотную.

5. Далее, два фабриканта могут употреблять основной и оборотный капитал одной и той же величины, но долговечность их основных капиталов весьма различна. У одного паровые машины стоимостью в 10 тыс. ф. ст., у другого—корабли той же стоимости.

6. Помимо изменений в относительной стоимости товаров, вызванных тем, что для производства их требуется больше или меньше труда, они также под-

¹ Разделение несущественное, в котором разграничительная линия не может быть точно проведена [это примечание сделано только во втором издании].

обычная заработная плата или прибыль. Если бы например лодки и орудия рыболова стоили 100 ф. ст. и могли служить десять лет; если бы он занимал десять рабочих, которым он платил бы в год 100 ф. ст. и которые доставляли бы ему двадцать лососей в день; если бы орудия, употребляемые охотником, также стоили 100 ф. ст. и могли служить десять лет, и если бы охотник тоже держал десять рабочих, которым он платил бы в год 100 ф. ст. и которые добывали бы ему ежедневно 10 оленей,—то, как бы ни была велика или мала доля всего продукта, доставшаяся людям, добывшим его, естественная цена оленя равнялась бы двум лососям. Какая доля продукта уплачивается в форме заработной платы—вопрос, в высшей степени важный при изучении прибыли. Ибо нужно сейчас же заметить, что последняя будет высока или низка в той же самой пропорции, в какой будет низка или высока заработная плата. Но это обстоятельство несколько не повлияет на относительную стоимость рыбы и дичи, так как заработная плата как в том, так и в другом промысле будет одинакова. Если бы охотник требовал у рыболова больше рыбы в обмен на свою дичь на том основании, что он платил своим рабочим большую часть дичи или ее стоимости в форме заработной платы, то последний ответил бы ему, что он сам находится в таком же положении. Поэтому, пока труд одного дня доставляет те же самые соответственные количества рыбы и дичи, естественная норма обмена останется без изменения—два лосося за одного оленя, как бы при этом ни изменялись заработная плата и прибыль и какое бы действие ни оказывало накопление капитала.

Если бы то же самое количество труда доставляло меньшее количество рыбы или большее количество дичи, то стоимость рыбы повысилась бы сравнительно со стоимостью дичи. Если, напротив, то же количество труда давало бы меньшее количество дичи или большее количество рыбы, то стоимость дичи повысилась бы в сравнении со стоимостью рыбы.

Если бы существовал какой-нибудь другой товар, стоимость которого не изменялась бы, то мы могли бы, сравнив стоимость рыбы и дичи со стоимостью этого товара, определить, в какой степени это изменение должно быть приписано причине, повлиявшей

вергаются колебаниям вследствие роста заработной платы и следующего за ним падения прибыли, если основные капиталы, занятые в промышленности, представляют неодинаковую стоимость или неодинаково долговечны.

7. Следует также заметить, что оборотный капитал может оборачиваться или возвращаться к своему хозяину в весьма неодинаковые промежутки времени. Пшеница, купленная фермером для посева, есть основной капитал сравнительно с пшеницей, купленной булочником для приготовления из нее хлеба. Один оставляет ее в почве и не может получить обратно раньше года, другой может перемолоть ее в муку, продать в виде хлеба своим покупателям, и уже через неделю его капитал освободится для возобновления того же самого дела или чтобы начать какое нибудь новое».

Первый абзац в третьем издании исключен, абзацы 2, 3, 4 и 5 перенесены в четвертый отдел; шестой во втором издании перенесен в третий отдел второго же издания и составляет его начало. Он заменен седьмым, который в свою очередь в третьем издании перенесен в четвертый отдел.]

на стоимость рыбы, и в какой степени причине, повлиявшей на стоимость дичи.

Положим, что таким товаром являются деньги. Если лосось стоит 1 ф. ст., а олень—2 ф. ст., то один олень стоит столько, сколько два лосося. Но один олень может стоить столько, сколько стоят три лосося, если потребуются больше труда, чтобы убить оленя, или меньше, чтобы поймать лососей. Обе эти причины могут действовать также одновременно. И если бы в нашем распоряжении был такой неизменный масштаб, мы легко могли бы определить, в какой степени влияла каждая из этих причин. Если лосось попрежнему продается за 1 ф. ст., а олень теперь продается за 3 ф. ст., то мы можем заключить, что теперь требуется больше труда, чтобы убить оленя. Наоборот, если бы олень продавался по прежней цене, за 2 ф. ст., а лосось—за 13 шилл. 4 пенса, то мы могли бы сказать с уверенностью, что для поимки лосося требуется меньше труда. А если бы цена оленя возросла до 2 ф. 10 шилл. и цена лосося упала до 16 шилл. 8 пенса, то мы были бы убеждены, что изменение относительной стоимости этих товаров вызвано действием обеих причин.

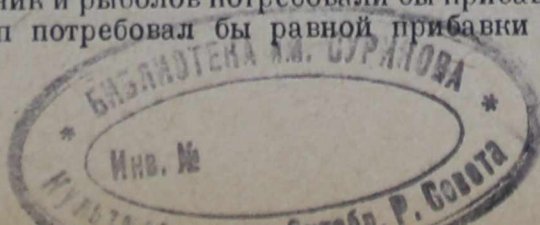
Никакое изменение в заработной плате не вызвало бы изменения в относительной стоимости этих товаров. Если мы предположим даже, что заработная плата повысилась *, то все-таки ни в одном из этих промыслов не увеличится количество необходимого труда,

* [Во втором, а также и в первом издании вместо слов «если мы предположим даже, что заработная плата повысилась» следует большой абзац с подробным обоснованием, почему изменение в заработной плате не вызывает изменения в относительной стоимости товаров:

«Ибо, если прибыль составляла бы 10%, то, чтобы возместить 100 ф. ст. оборотного капитала плюс 10% прибыли, требуется выручка в 110 ф. ст.; чтобы возместить такую же долю основного капитала, когда норма прибыли составляет 10%, то требовалась бы ежегодная поправка в 16,27 ф. ст., ибо существующая стоимость аннуитета в 16,27 ф. ст. в течение десяти лет, когда деньги ссужаются из 10%, составляет 100 ф. ст., следовательно вся дичь охотника должна была бы ежегодно продаваться за 126,27 ф. ст. Но так как капитал рыбака составляет такую же величину и делится в той же самой пропорции на основной и оборотный капитал, а также одинаково долговечен, то, чтобы получить ту же самую прибыль, он должен продавать свои продукты за ту же самую стоимость. Если бы заработная плата возросла на 10% и в силу этого в каждой отрасли промышленности потребовалось бы на 10% больше оборотного капитала, то это оказало бы одинаковое воздействие на оба занятия. В обоих потребовалось бы 210 ф. ст. вместо 200, чтобы произвести прежнее количество товаров, и последние продавались бы за такую же точно сумму денег, именно за 126,27 ф. ст.; следовательно их относительная стоимость не изменилась бы и прибыли одинаково понизились бы в обеих отраслях промышленности.

Цены товаров не повысились бы, ибо деньги, в которых определяется их стоимость при предположении их неизменной стоимости, всегда требуют того же количества труда для их производства.

Если бы золотой рудник, из которого добываются деньги, находился в той же стране, то в этом случае, после повышения заработной платы, необходимо, может быть, употребить как капитал 210 ф. ст., чтобы получить то же самое количество металла, которое получалось прежде на 200 ф. ст., по той же самой причине, по которой охотник и рыбак потребовали бы прибавки в 10 ф. ст. к своим капиталам и рудокоп потребовал бы равной прибавки к своему». — Дальше, как в тексте.

а увеличится только цена за этот труд. Те же основания, которые заставят охотника и рыбака стараться увеличить стоимость их дичи и рыбы, заставят и владельца рудника увеличить стоимость своего золота. Так как это побуждение действует с одинаковой силой на все эти три промысла и так как относительное положение занимающихся ими как до, так и после повышения заработной платы одинаково, то относительная стоимость дичи, рыбы и золота останется без перемены. Заработная плата может увеличиться на 20%, и прибыль вследствие этого может упасть в большей или меньшей пропорции, не вызывая ни малейшего изменения в относительной стоимости этих товаров.

Предположим теперь, что с тем же трудом и основным капиталом можно добыть больше рыбы, но не больше золота или дичи; тогда относительная стоимость рыбы понизится сравнительно со стоимостью золота или дичи. Если продуктом одного дня труда являются вместо двадцати лососей двадцать пять, то цена лосося будет 16 шилл. вместо 1 ф. ст. и в обмен на одного оленя будет даваться два с половиной лосося вместо двух, но цена оленя будет оставаться попрежнему 2 ф. ст. Точно так же, если с тем же капиталом и трудом получилось бы меньше рыбы, то сравнительная стоимость рыбы повысится. Таким образом меновая стоимость рыбы повышалась бы или понижалась только потому, что требовалось бы больше или меньше труда для получения данного количества. Но это повышение или понижение всегда было бы пропорционально увеличению или уменьшению количества требующегося труда.

Итак, если бы мы имели неизменный масштаб, которым могли бы измерять изменения в стоимости других товаров, то мы нашли бы, что крайний предел постоянного повышения стоимости товаров, если они производятся при предположенных нами обстоятельствах, пропорционален прибавочному количеству труда, требующемуся для их производства; и что если для производства их не требуется больше труда, то стоимость их вовсе не могла бы повыситься. Рост заработной платы не увеличил бы их стоимости ни относительно денег, ни относительно всех других товаров, для производства которых не требовался добавочный труд, и сохранялось бы то же отношение между основным и оборотным капиталом, причем этот основной капитал был бы той же долговечности. Если бы для производства какого-нибудь другого товара потребовалось больше или меньше труда, то, как мы уже показали, это непосредственно вызвало бы изменение в его относительной стоимости, но это изменение произошло бы вследствие изменения количества требующегося труда, а не от повышения заработной платы *.

* [Во втором издании после слов «а не от повышения заработной платы» имеется следующий абзац, заканчивающий второй отдел:

«Таким образом из этого отдела явствует, что, несмотря на накопление капитала, относительная стоимость товаров не будет необходимо возрастать, вследствие повышения заработной платы, если это не сопровождалось возросшей легкостью или трудностью в производстве одного или более из них». После этого начинается третий отдел].

ОТДЕЛ IV

Принцип, согласно которому количество труда, затрачиваемого на производство товаров, регулирует их относительную стоимость, видоизменяется в значительной степени вследствие употребления машин и другого основного и долговечного капитала.

В предыдущем отделе мы предполагали, что снаряды и оружие, необходимые для охоты на оленей и ловли лососей, одинаково долговечны и являются результатом одинакового количества труда. Мы видели, что изменения в относительной стоимости оленя и лосося зависели исключительно от изменений в количествах труда, необходимого для их добывания; но в каждом состоянии общества инструменты, снаряды, здания и машины, употребляющиеся в различных промыслах, могут иметь различную долговечность и требовать различных количеств труда для своего производства. Кроме того пропорции между капиталом, предназначенным для оплаты труда, и капиталом, вложенным в инструменты, машины и здания, могут комбинироваться весьма различным образом. Это различие в степени долговечности основного капитала и разнообразие пропорций, в каких могут комбинироваться эти две формы капитала, вводят другой фактор, являющийся причиной изменений в относительной стоимости товаров независимо от большего или меньшего количества труда, необходимого для их производства. Этим новым фактором служит увеличение или уменьшение стоимости труда.

Пища и платье, потребляемые рабочим, здание, в котором он работает, орудия, которыми он пользуется при работе, имеют переходящий характер. Но есть однако огромная разница во времени, в течение которого эти различные капиталы могут служить в производстве: паровая машина служит дольше корабля, корабль — дольше платья рабочего, а платье рабочего — дольше потребляемой им пищи.

В зависимости от того, быстро ли изнашивается капитал и часто ли требует воспроизведения или же потребляется медленно, он причисляется или к оборотному или к основному капиталу¹. О пивоваре, который пользуется ценными и долговечными зданиями и аппаратами, говорят, что он употребляет значительную долю своего капитала в форме основного; напротив, о сапожнике, капитал которого идет главным образом на уплату заработной платы, которая расходуется на пищу и одежду, товары менее долговечные, чем здания и машины, — о таком сапожнике говорят, что он употребляет значительную часть своего капитала в форме оборотного.

Следует также заметить, что оборотный капитал может оборачиваться или возвращаться к своему хозяину в весьма неодинаковые промежутки времени. Пшеница, купленная фермером для посева, есть основной капитал сравнительно с пшеницей, купленной булочником для приготовления из нее хлеба. Один оставляет ее

¹ Разделение несущественное, в котором разграничительная линия не может быть точно проведена. [Это примечание появляется только во втором издании.]

в почве и не может получить обратно раньше года, другой может перемолоть ее в муку, продать в виде хлеба своим покупателям, и спустя неделю его капитал освободится для возобновления того же самого дела или уже через неделю, чтобы начать какое-нибудь новое.

Так, в двух отраслях промышленности могут употребляться капиталы одинаковой величины, но эти капиталы различным образом подразделяются на долю основную и оборотную.

В одной отрасли очень мало капитала употребляется в качестве оборотного капитала, т. е. на содержание труда: он вложен главным образом в машины, орудия, здания и пр., это—капитал сравнительно основного и долговечного характера. В другой отрасли промышленности употребляется то же количество капитала, но главным образом на содержание труда, и очень мало его вложено в орудия, машины, здания. Повышение заработной платы не преминет отразиться неодинаковым образом на товарах, произведенных при столь различных условиях.

Далее, два фабриканта могут употреблять основной и оборотный капитал одной и той же величины, но долговечность их основных капиталов весьма различна. У одного—паровые машины стоимостью в 10 тыс. ф. ст., у другого—корабли той же стоимости.

Если бы люди не применяли в производстве машин, а только труд, и если бы для доставки ими их товаров на рынок требовались одинаковые промежутки времени, то меновая стоимость их товаров была бы точно пропорциональна количеству употребленного труда.

Если бы они употребляли основной капитал одной и той же стоимости и долговечности, то стоимость произведенных товаров была бы и тогда одинакова и она изменялась бы в зависимости от большего или меньшего количества труда, употребленного на их производство.

Хотя относительная стоимость товаров, произведенных в одинаковых условиях, будет изменяться только вследствие увеличения или уменьшения количества труда, необходимого для производства того или другого из них, но зато в сравнении с другими товарами, произведенными при другом соотношении основного капитала, стоимость их будет изменяться также и от другой причины, упомянутой мною выше, а именно, от повышения стоимости труда, хотя бы на производство этих товаров затрачивалось такое же самое количество труда. Ячмень и овес при всяком изменении заработной платы будут находиться в одном и том же отношении друг к другу. То же самое произошло бы с ситцем или с сукном, если бы они были произведены при совершенно сходных условиях. И все-таки при повышении или падении заработной платы стоимость ячменя может в большей или меньшей степени измениться в сравнении со стоимостью ситца, а стоимость овса—в сравнении со стоимостью сукна.

Предположим, что два лица употребляют по сто рабочих в течение года на сооружение двух машин, а третье лицо—то же количество рабочих на производство хлеба; каждая из машин в конце

года будет иметь одинаковую стоимость с хлебом, потому что произведена одинаковым количеством труда. Предположим, что владелец одной машины употребит ее в следующем году для изготовления сукна при ста рабочих, а владелец другой машины—для изготовления ситца тоже при ста рабочих, фермер же будет попрежнему держать сто рабочих для производства хлеба. Во второй год все они будут употреблять одинаковое количество труда, но товары и машины как фабриканта сукон, так и фабриканта ситцев будут результатом труда двухсот рабочих, занятых в течение года, или, скорее, труда ста рабочих, работавших два года; следовательно, если стоимость хлеба равняется 500 ф. ст., то сукно и машина фабриканта сукон должны представлять стоимость в 1 000 ф. ст., а стоимость машины и ситцев хлопчатобумажного фабриканта должны быть тоже вдвое больше стоимости хлеба. Но она будет превышать стоимость хлеба больше чем вдвое, потому что прибыль на капитал фабриканта сукон и ситцев за первый год была просоединена к их капиталам, между тем как фермер свою прибыль издержал на личные нужды. Следовательно, ввиду различной долговечности их капиталов, или, что одно и то же, ввиду различия промежутков времени, через которые готовые товары поступают на рынок, стоимость их не будет точно пропорциональна затраченному на них труду. Отношение их стоимостей будет уже не 2 : 1, а несколько больше, чтобы вознаградить за больший промежуток времени, который должен пройти, прежде чем более дорогой товар поступит на рынок.

Предположим, что каждый рабочий будет получать за труд 50 ф. ст. в год или что употреблен капитал в 5 000 ф. ст. и прибыль равнялась 10%. Тогда стоимость каждой машины, так же как и хлеба, в конце первого года будет 5 500 ф. ст. Во втором году фабриканты и фермер употребят снова по 5 000 ф. ст. на содержание труда и поэтому опять продадут свои товары за 5 500 ф. ст. Но лица, пользующиеся машинами, чтобы быть в равных условиях с фермером, должны получить не только 5 500 ф. ст. за равные капиталы в 5 000 ф. ст., употребленные на труд, но и дальнейшую сумму в 550 ф. ст. как прибыль на 5 500 ф. ст., которые они вложили в машины. Следовательно их товары должны быть проданы за 6 050 ф. ст. Здесь, значит, мы имеем перед собою капиталистов, которые употребляют ежегодно совершенно одинаковое количество труда в производстве своих товаров, и однако стоимость товаров, которые они производят, будет неодинакова, ввиду того что различны количества основного капитала или накопленного труда, употребляемые каждым из них. Сукно и ситец имеют одинаковую стоимость, потому что они—продукты одинаковых количеств труда и одинаковых количеств основного капитала; но хлеб не будет иметь одинаковой стоимости с этими товарами, потому что, поскольку дело касается основного капитала, он производится при иных условиях.

Но как же отразится на их относительной стоимости повышение стоимости труда? Очевидно, что относительная стоимость сукна и ситца не подвергнется никаким изменениям, ибо при предположенных нами условиях все, что действует на один из этих товаров,

точно так же действует и на другой товар. Не испытывают никакой перемены и относительные стоимости пшеницы и ячменя, потому что, поскольку дело касается основного и оборотного капиталов, они производятся при одинаковых условиях; но стоимость хлеба относительно сукна или хлопчатобумажных товаров должна измениться вследствие повышения стоимости труда.

Повышение стоимости труда невозможно без соответствующего падения прибыли. Если хлеб делится между фермером и рабочим, то, чем больше доля последнего, тем меньше остается первому. Точно так же, если сукно или хлопчатобумажные товары делятся между рабочими и их хозяевами, то, чем большая доля дается первым, тем меньше остается последним. Предположим, что благодаря повышению заработной платы прибыль понизится с 10 до 9%. Тогда вместо прибавки в 550 ф. ст. к общей цене их товаров (5 500 ф. ст.) в качестве прибыли на их основной капитал фабриканты прибавят только 9% этой суммы, или 495 ф. ст., и следовательно цена будет 5 995 ф. ст. вместо 6 050. Так как хлеб будет попрежнему продаваться за 5 500 ф. ст., то стоимость мануфактурных товаров, на которые употреблено больше основного капитала, понизится в сравнении со стоимостью хлеба или каких-либо других товаров, в производство которых входит меньшая доля основного капитала. Степень изменения относительной стоимости товаров вследствие повышения или падения стоимости труда, будет зависеть от того, какую долю всего занятого капитала составляет основной капитал. Понизится относительная стоимость всех товаров, при производстве которых употребляются очень ценные машины или очень ценные здания, или которые требуют большего промежутка времени, прежде чем они могут поступить на рынок, тогда как относительная стоимость тех товаров, которые производятся главным образом трудом или которые быстро поступают на рынок, повысится.

Читатель однако должен заметить, что эта причина изменения стоимости товаров действует сравнительно слабо. При таком повышении заработной платы, которое вызовет падение прибыли на 1%, относительная стоимость товаров, произведенных при предположенных мною условиях, понизилась бы только на 1%; при таком падении прибыли стоимость их понизится с 6 050 ф. ст. до 5 995. Наибольшее действие, какое могло бы оказать на относительные цены этих товаров повышение заработной платы, не превысило бы 6—7%, потому что прибыль вероятно при каких бы то ни было обстоятельствах не выдержала бы более значительного, общего и постоянного понижения, чем в этом размере.

Иначе обстоит дело с другой крупной причиной изменений стоимости товаров, а именно—с увеличением или уменьшением необходимого для производства их количества труда. Если для производства хлеба требуется 80 человек вместо ста, то стоимость хлеба упадет на 20%, или с 5 500 ф. ст. до 4 400. Если для производства сукна достаточно труда восьмидесяти рабочих вместо ста, то стоимость сукна упадет с 6 050 ф. ст. до 4 950. Сколько-нибудь значительное изменение в постоянной норме прибыли является следствием причин, дей-

ствующих в течение ряда лет, между тем как изменения в количестве труда, необходимого для производства товаров, совершаются повседневно. Каждое улучшение в машинах, в инструментах, в зданиях, в добывании сырого материала сберегает труд и в значительной степени облегчает производство соответствующего товара, а вследствие этого стоимость его изменяется. Итак, хотя при исследовании причин изменений стоимости товаров и было бы неправильно совершенно упускать из виду действие повышения или падения стоимости труда, но было бы также неправильно приписывать ему слишком большое значение. Поэтому, хотя в следующих частях этого сочинения мне придется иногда ссылаться на эту причину изменений, я все-таки буду рассматривать все крупные изменения, происходящие в относительной стоимости товаров, как определяемые бóльшим или меньшим количеством труда, которое в различное время могло потребоваться для их производства.

Едва ли нужно говорить, что меновая стоимость товаров, на производство которых пошло одинаковое количество труда, будет неодинакова, если они не могут быть доставлены на рынок в одно и то же время.

Предположим, что я занимаю в производстве товара двадцать рабочих с расходом в 1 000 ф. ст. в год и по прошествии года занимаю снова двадцать человек с дальнейшим расходом в 1 000 ф. ст. для отделки или окончательной обработки того же товара и что я доставляю его на рынок через два года; тогда при норме прибыли в 10% мой товар должен быть продан за 2 310 ф. ст., потому что я употребил один год 1 000 ф. ст. капитала и другой год 2 100 ф. ст. капитала. Другое лицо употребляет точно такое же количество труда, но употребляет его все в течение первого года, занимая сорок рабочих с расходом в 2 000 ф. ст. и в конце первого года продавая товар с прибылью в 10%, или за 2 200 ф. ст. Итак, два товара, на производство которых пошло одинаковое количество труда, продаются один за 2 310 ф. ст., другой—за 2 200.

Этот случай повидимому отличается от предыдущего, но в действительности одинаков с ним. В обоих случаях увеличение цены товара вызвано большей продолжительностью времени, которое должно протечь, прежде чем он поступит на рынок. В первом случае машины и сукно имели стоимость, превышавшую более чем вдвое стоимость хлеба, хотя на них ушло лишь вдвое больше труда. Во втором случае один товар имеет большую стоимость, чем другой, хотя на производство его ушло не больше труда. Различие в стоимости в обоих случаях происходит оттого, что прибыль накапливается как капитал и является лишь справедливым вознаграждением за время, когда прибыль не могла быть использована.

Итак, разделение капитала на основной и оборотный в различных пропорциях в разных отраслях производства вводит, оказывается, значительное видоизменение в правило, которое имеет всеобщее применение, когда в производстве применяется почти исключительно труд, а именно, что стоимость товаров не изменяется, если на их производство не затрачивается больше или меньше труда.

А в этом отделе было показано, что даже при отсутствии каких-либо изменений в количестве труда одно повышение его стоимости вызовет падение меновой стоимости тех товаров, в производстве которых употребляется основной капитал, и чем большую долю составляет основной капитал, тем больше будет это падение.

ОТДЕЛ V

Принцип, в силу которого стоимость не изменяется вследствие повышения или падения заработной платы, видоизменяется также вследствие неодинаковой долговечности капитала и неодинаковой скорости, с которой он возвращается к своему предпринимателю.

В последнем отделе мы предполагали, что в двух равных капиталах в двух разных отраслях промышленности доля основного и доля оборотного капитала не равны: теперь предположим, что они одинаковы, но долговечность их неодинакова. Чем менее долговечен основной капитал, тем более он приближается по своему характеру к оборотному капиталу. Он будет потребляться и его стоимость воспроизводиться в более короткий срок, чтобы капитал фабриканта сохранялся. Мы только что видели, что при повышении заработной платы стоимость товаров, произведенных на фабрике, где преобладает основной капитал, понижается в сравнении со стоимостью товаров, произведенных на фабриках, где преобладает оборотный капитал. Тот же результат и от действия той же причины будет обнаруживаться по мере того, как основной капитал становится менее долговечным и приближается по своему характеру к оборотному.

Если основной капитал скоро изнашивается, то ежегодно требуется большое количество труда, чтобы сохранить его в первоначальном состоянии; но затраченный таким образом труд может считаться действительно затраченным на изготовленный товар, на который потому должна переходить соразмерная с ним стоимость. Если я имею машину стоимостью в 20 тыс. ф. ст., при которой для производства товаров нужно очень небольшое количество труда, если изнашивание такой машины ничтожно и общая норма прибыли равняется 10%, то к цене моих товаров мне надо прибавить немногим больше 2 000 за употребление моей машины. Но если изнашивание машины велико, если для того, чтобы она сохраняла свою работоспособность, требуется труд пятидесяти человек в течение года, то я должен требовать за свои товары добавочной цены, равной той, какую получил бы всякий другой фабрикант, который занимал бы пятьдесят человек в производстве других товаров и вовсе не применял машин.

Но повышение заработной платы неодинаково отразится на товарах, производимых с помощью быстро изнашивающихся машин, и на товарах, производимых с помощью медленно изнашивающихся машин. В производстве первых на производимый товар постоянно переносится значительное количество труда, в производстве других — очень малое количество. Поэтому всякое повышение заработной

платы—или, что одно и то же, всякое падение прибыли—понижает относительную стоимость товаров, которые производятся с помощью более долговечного капитала, и соответствующим образом повышает стоимость тех, которые производятся с помощью капитала, более быстро изнашивающегося. Падение заработной платы будет иметь диаметрально противоположное действие.

Я уже сказал, что основной капитал имеет различные степени долговечности. Предположим теперь, что перед нами машина, которая может применяться в известной отрасли промышленности и делать работу ста человек в год, и что она может продержаться только один год. Предположим также, что эта машина стоит 5 000 ф. ст. и что заработная плата 100 рабочих составляет в год 5 000 ф. ст. Очевидно, что для фабриканта все равно, купить ли машину или нанять рабочих. Но пусть стоимость труда повысится: тогда годовая заработная плата ста человек составит 5 500 ф. ст. Очевидно, что теперь фабриканту нечего колебаться: в его интересах купить машину, которая выполнит ему ту же работу за 5 000 ф. ст. Но не повысится ли также и цена машины, не будет ли и она тоже стоить 5 500 ф. ст. вследствие повышения стоимости труда? Ее цена поднялась бы, если бы при ее сооружении не применялось никакого капитала и если бы машиностроитель не получал никакой прибыли. Если бы например машина была продуктом труда ста человек, работающих год и получающих заработную плату в 50 ф. ст. каждый, и цена была следовательно 5 000 ф. ст., то в случае повышения заработной платы до 55 ф. ст. ее цена была бы 5 500 ф. ст. Но это невозможно: или занято менее ста рабочих, или машина не может быть продана за 5 000 ф. ст., так как из этой суммы должна быть уплачена прибыль на капитал, затраченный на рабочих. Итак, предположим, что было занято только 85 чел. с расходом в 50 ф. ст. на каждого, или 4 250 ф. ст. в год, и что 750 ф. ст., которые доставила продажа машины сверх заработной платы, уплаченной рабочим, составляли прибыль на капитал машиностроителя. При повышении заработной платы на 10% он будет вынужден употребить добавочный капитал в 425 ф. ст. и поэтому будет употреблять 4 675 ф. ст. вместо 4 250 ф. ст. — капитал, на который он получит только 325 ф. ст. прибыли, если попрежнему продаст машину за 5 000 ф. ст. Но точно в таком же положении находятся все фабриканты и капиталисты: повышение заработной платы отражается на всех их одинаково. Поэтому, если бы машиностроитель поднял цену машины вследствие повышения заработной платы, то капитал стал бы притекать в отрасль промышленности, производящую такие машины, в таких необычных размерах¹, что

¹ Мы видим теперь, почему старые страны постоянно побуждаются употреблять машины, а новые—труд. С каждым затруднением в получении предметов, служащих для пропитания рабочих, необходимо повышается стоимость труда, а с каждым увеличением стоимости труда является новое побуждение к применению машин. Эта трудность содержания рабочих постоянно растет в старых странах, в новых же может происходить очень большое увеличение населения без малейшего повышения заработной платы. Там бывает так же легко снабдить пищей 7-й, 8-й и 9-й миллион, как и 2-й, 3-й и 4-й.

цены машин скоро бы вернули прибыль к обычному уровню. Мы видим следовательно, что цены машин не повысятся вследствие повышения заработной платы.

Однако фабрикант, при общем повышении заработной платы располагающий машиной, которая не увеличит издержек производства его товара, имел бы особую выгоду, если бы мог брать прежнюю цену за свои товары; но он, как мы уже видели, будет вынужден понизить цену своих товаров, в противном случае в его промышленность будет притекать капитал до тех пор, пока его прибыль не упадет до общей нормы. Таким образом в выигрыше от машин оказывается публика: эти немые агенты всегда являются продуктом гораздо меньшего труда, чем сколько они вытесняют, хотя бы они имели ту же денежную стоимость. Благодаря их влиянию увеличение в цене средств пропитания, которое повышает заработную плату, отражается на меньшем числе лиц. В вышеприведенном примере оно коснется 85 чел. вместо 100, и явившееся в результате этого сбережение скажется в уменьшенной цене изготовленных товаров: действительная стоимость машин и изготовленных с их помощью товаров не только не повысится, но, наоборот, стоимость товаров, изготовленных с помощью машин, понизится и притом пропорционально долговечности машин.

Мы видим таким образом, что на ранних ступенях общественного развития, до применения в больших размерах машин или долговечного капитала, товары, произведенные равными капиталами, будут иметь приблизительно равную относительную стоимость, которая повышается или падает только в силу того, что на производство их стало нужно больше или меньше труда. После же введения этих дорогих и долговечных орудий товары, производимые с применением одинаковых капиталов, будут иметь весьма неодинаковую стоимость. Хотя относительная стоимость их всегда будет повышаться или понижаться в зависимости от увеличения или уменьшения количества труда, необходимого для их производства, она кроме того будет подвергаться еще другим, хотя и меньшим, изменениям вследствие повышения или падения заработной платы и прибыли. А так как товары, продающиеся за 5 000 ф. ст., могут быть продуктом капитала, равного по величине тому, которым произведены другие товары, продающиеся за 10 тыс. ф. ст., то производство их должно давать одинаковую прибыль; но прибыли были бы не равны, если бы цены товаров не изменялись вместе с повышением или падением нормы прибыли.

Таким образом оказывается, что соразмерно с долговечностью капитала, занятого в какой-либо отрасли производства, относительные цены тех товаров, на производство которых употребляется такой долговечный капитал, будут изменяться в обратном отношении к заработной плате: они будут падать с повышением заработной платы и подниматься с падением ее; напротив, те товары, которые производятся главным образом трудом с участием меньшего основного капитала или основного капитала менее долговечного характера, чем измеритель, которым измеряется цена, будут повышаться в цене

вместе с повышением заработной платы и падать с ее понижением*.

ОТДЕЛ VI **

О неизменной мере стоимости

Так как относительная стоимость товаров постоянно меняется, то желательно было бы иметь способ для определения того, стоимость каких из них повысилась и каких понизилась. Это возможно сделать только путем последовательного сравнения их с какой-нибудь неизменной единицей-мерой стоимости, которая не подвергалась бы сама ни одному из тех колебаний, какие испытывают другие товары. Иметь такую меру невозможно, потому что нет товара, стоимость которого не подвергалась бы тем же изменениям, что и стоимость остальных предметов, которую мы хотим измерить. Другими словами, нет товара, производство которого не требовало бы то больше, то меньше труда. Но если бы даже эта причина колебаний стоимости для выбранного нами мерила могла быть устранена, если бы для производства наших денег в различные эпохи требовалось одно и то же количество труда, все-таки они не были бы безупречным масштабом, или неизменной мерой стоимости. Как я уже прежде старался показать, относительная стоимость их подвергалась бы изменениям вследствие повышения или падения заработной платы, если при этом различны доли основного капитала, участвующего в производстве денег и других товаров, изменение стоимости которых мы желаем определить. Она подвергалась бы изменениям кроме того еще и потому, что долговечность основного капитала, употребляемого на производство денег и других товаров, подлежащих сравнению с ними, очень различна или что время, необходимое для доставки их на рынок, может быть дольше или короче времени, необходимого для доставки сравниваемых с ними товаров. Все эти обстоятельства мешают какому-либо товару стать совершенно точной мерой стоимости.

Предложим, что мы выбираем золото как масштаб стоимости. Очевидно, что оно является таким же товаром, как и другие предметы, добываемые при таких же условиях и требующие для своего производства труда и основного капитала. Как и при производстве других товаров, возможны улучшения, сберегающие труд добывания золота, а следовательно и относительная стоимость его может уменьшаться вследствие большей легкости его добывания.

Если даже предположить, что эта причина изменений устранена, что для получения одного и того же количества золота всегда требуется одно и то же количество труда, то все же золото не будет совершен-

* [Вместо последних строк: «напротив, те товары—и падать с ее понижением» во втором издании сказано: «и что никакие товары не увеличиваются в своей меновой стоимости только потому, что повышается заработная плата; меновая стоимость их увеличивается, если тратится больше труда на их производство, если понижается заработная плата или если снижается стоимость мерила, в котором они оцениваются»].

** [Отдел шестой вставлен только в третьем издании].

ной мерой стоимости, с помощью которой мы могли бы точно установить изменения стоимости всех других товаров. И вот почему. Во-первых, отношение между основным и оборотным капиталом в производстве золота и других вещей может быть совершенно различно; во-вторых, основной капитал может иметь различную степень долговечности; в-третьих, для доставки золота на рынок может требоваться другое количество времени, чем для доставки других товаров. Оно было бы совершенной мерой стоимости для всех вещей, производимых при точно таких же условиях, что и оно, но не для других. Если бы например оно производилось при тех же условиях, какие по нашему предположению необходимы для производства сукна и ситца, оно было бы совершенной мерой стоимости этих вещей. Но оно не годилось бы для хлеба, каменного угля и других товаров, производимых при участии большей или меньшей доли основного капитала. Мы уже показали, что всякое изменение в постоянной норме прибыли имело бы некоторое влияние на относительную стоимость всех этих товаров независимо от всякого изменения в количестве труда, употребленного на их производство. Если бы золото производилось при тех же условиях, что и хлеб, то, даже если бы эти условия не изменялись, оно по указанным уже причинам не могло бы служить совершенной мерой стоимости сукна и ситца для разных эпох. Итак, ни золото, ни какой-либо другой товар не могут служить всегда совершенной мерой стоимости для всех вещей; но я уже заметил, что изменение в прибыли оказывает сравнительно слабое действие на относительные цены предметов, что гораздо большее действие оказывает изменение количества труда, необходимого для производства. Поэтому, предполагая, что эта важная причина изменения устранена по отношению к производству золота, мы вероятно будем иметь в нем наибольшее теоретически мыслимое приближение к единице-мере стоимости. Нельзя ли смотреть на золото, как на товар, производимый при таком соотношении двух родов капитала, какое всего ближе к среднему отношению, встречающемуся в производстве большинства товаров? Разве мы не можем рассматривать это соотношение, как одинаково далекое от обеих крайностей, когда в одном случае употребляется мало основного капитала или когда в другом употребляется мало труда, и не занимает ли оно среднее место между ними?

Таким образом предполагая, что я обладаю масштабом, в такой степени приближающимся к неизменному, я буду иметь ту выгоду, что буду в состоянии говорить об изменениях стоимости других вещей, не озабочиваясь каждый раз рассмотрением возможного изменения в стоимости мерила, в котором исчисляется цена и стоимость.

Поэтому, хотя я вполне признаю, что золотые деньги подвергаются большей части изменений, которым подвергается и стоимость других предметов, я все-таки, чтобы облегчить предмет этого исследования, буду считать их неизменными (в стоимости). Таким образом всякие изменения в ценах товаров я буду рассматривать как следствия изменения стоимости товара, о котором будет идти речь.

Прежде чем расстаться с этой темой, уместно будет заметить, что Адам Смит и все последующие писатели без единого исключения утверждали, что за повышением цены труда последовало бы однообразное повышение цены всех товаров. Надеюсь, мне удалось показать, что этот взгляд совершенно неверен. Поднялись бы только цены тех товаров, на которые употребляется меньше основного капитала, чем на мерилу, в котором исчисляется цена, а цены тех, на производство которых его идет больше, в случае повышения заработной платы понизились бы. Напротив, если бы заработная плата понизилась, то упали бы цены только тех товаров, производство которых ведется с меньшей долей основного капитала, чем производство мерилу, в котором исчисляется цена, а цены всех товаров, в производстве которых участвует большая доля основного капитала, непременно поднялись бы.

Я считаю нужным также заметить, что я не сказал, что раз на один товар пошло труда на 1 000 ф. ст., а на другой на 2 000 ф. ст., то поэтому стоимость первого будет 1 000 ф. ст., а стоимость второго—2 000. Я сказал только, что их стоимости будут относиться как 1:2 и что в этой пропорции они будут обмениваться. Моя теория остается одинаково верной, будет ли первый товар продан за 1 100 ф. ст., а второй—за 2 200, или первый—за 1 500, а второй—за 3 000. Я в настоящее время не исследую этого вопроса, я утверждаю только, что относительные стоимости их определяются относительными количествами труда, затраченного на их производство¹.

ОТДЕЛ VII

Различные следствия, вызываемые изменением стоимости денег, мерилу, в котором всегда выражается *цена*, или изменением стоимости товаров, которые покупаются за деньги.

Я уже объяснил выше, что с целью более отчетливого выяснения причин изменений в относительной стоимости других товаров я буду считать стоимость денег неизменной. Но все-таки я считаю полезным указать теперь на различные следствия изменения товарных цен, происходящего в силу указанных причин, а именно: вследствие различия в количестве труда, требующегося для производства товаров, и вследствие колебаний стоимости самих денег.

Так как деньги—изменяющийся (в стоимости) товар, то повышение денежной заработной платы часто вызывается падением стоимости

¹ Мальтус замечает по поводу этой теории: «Мы конечно можем произвольно называть труд, употребленный на товар, действительной стоимостью его, но, делая так, мы употребляем слова не в том смысле, в каком они обыкновенно употребляются; мы при этом забываем весьма важную разницу между издержками производства и стоимостью, а в таком случае почти невозможно выяснить с точностью главное побуждение к производству богатства, которое фактически зависит от этой разницы» [«Principles of Political Economy, 1820, p. 61»].

Мальтус повидимому думает, что в силу моей теории издержки производства и стоимость тождественны; это так, если он под издержками понимает «стоимость производства», включая прибыль. В вышеприведенном отрывке он думает не это, следовательно он неясно понял меня.

денег*. Действительно, повышение заработной платы вследствие этой причины неизменно сопровождается повышением цены товаров; но в таких случаях оказывается, что изменение произошло не в относительной стоимости труда и других товаров, а что изменилась только стоимость денег.

Представляя собой товар, получаемый из-за границы, деньги служат общим орудием обмена между всеми цивилизованными странами и распределяются между ними в количествах, которые меняются с каждым усовершенствованием в торговле и машинах, с каждым увеличением трудности добывания пищи и других предметов необходимости для растущего населения. В силу всех этих причин они подвергаются постоянным колебаниям. Устанавливая принципы, регулирующие меновую стоимость и цены, мы должны тщательно отличать изменения, причины коих лежат в самом товаре, от изменений, вызываемых переменами в мериле, в котором определяется стоимость или выражается цена.

Повышение заработной платы вследствие изменения в стоимости денег оказывает общее давление на все цены и по этой причине не оказывает никакого реального действия на прибыль. Напротив, повышение заработной платы в силу того обстоятельства, что рабочий получает более щедрое вознаграждение, или вследствие затруднения в добывании предметов необходимости, на которые расходуется заработная плата, не влияет на повышение цены, за исключением некоторых случаев, но оказывает большое влияние на понижение прибыли. В одном случае на содержание рабочих не уделяется более значительная доля годового труда страны, во втором—уделяется.

Судить о повышении или падении ренты, прибыли и заработной платы можно лишь в соответствии с разделением всего продукта земли [какой-либо фермы**] между тремя классами—землевладельцев, капиталистов и рабочих, а не в соответствии со стоимостью этого продукта, выраженной в заведомо изменчивом мериле.

Не по абсолютному количеству продукта, получаемому данным классом, можно с точностью судить о норме прибыли, ренты и заработной платы, но по количеству труда, требующегося для получения этого продукта. Благодаря улучшению машин и прогрессу в земледелии весь продукт может удвоиться; но если заработная плата,

* [Во втором издании этот отдел—пятый—имеет другое начало; Рикардо перенес из четвертого отдела первого издания в пятый отдел второго следующий абзац:

«Вышепригеденное положение, доказывающее совместимость повышения заработной платы с понижением цен, имеет, мне известно, невыгоду новизны и должно опираться на собственную состоятельность, чтобы найти защитников, а пока оно имеет своими противниками писателей выдающейся и заслуженной репутации. Следует однако тщательно помнить, что во всей этой аргументации я исхожу из того, что деньги имеют неизменную стоимость, другими словами, являются всегда продуктами одного и того же количества труда без всякого стороннего содействия. Так как деньги представляют изменяющийся (в стоимости) товар, то повышение заработной платы, а равно и цены товаров часто вызываются падением стоимости денег». Дальше во всех трех изданиях, за незначительными исключениями, изложение тождественно].

** [В первом и во втором изданиях: продукта земли «и труда страны»].

рента и прибыль тоже удвоятся, то отношение между ними останется без изменения и ни об одной из них нельзя будет сказать, что она относительно изменилась. Но если бы заработная плата не участвовала в полной мере в этом увеличении, если бы она вместо того, чтобы удвоиться, увеличилась бы лишь наполовину; если бы рента, вместо того чтобы удвоиться, возросла бы только на три четверти, а остальное увеличение досталось бы на долю прибыли, то, мне кажется, я был бы в праве сказать, что рента и заработная плата упали, а прибыль повысилась. Если бы мы имели неизменный масштаб для измерения стоимости этого продукта, мы нашли бы, что классу рабочих и землевладельцев досталась меньшая стоимость, чем прежде, а классу капиталистов большая, чем прежде. Мы могли бы найти например, что, хотя абсолютное количество товаров удвоилось, они все-таки являются продуктом точно такого же количества труда, как и прежде. Если из каждой сотни произведенных шляп, сюртуков и кварталов хлеба

рабочие получали бы раньше	25
землевладельцы	25
а капиталисты	50
	<hr/>
	100

и если, после того как количество этих товаров удвоилось, из каждой сотни их

рабочие получали бы только	22
землевладельцы	22
а капиталисты	56
	<hr/>
	100

то я сказал бы в этом случае, что заработная плата и рента упали, а прибыль повысилась, хотя вследствие обилия товаров количество продуктов, уплачиваемых рабочему и землевладельцу, увеличилось в пропорции 25:44. Заработную плату следует измерять ее реальной стоимостью, т. е. количеством труда и капитала, требующихся на ее производство, а не номинальной стоимостью ее в сюртуках, шляпах, деньгах или хлебе. При обстоятельствах, только что предположенных мною, стоимость товаров понизилась бы наполовину, а если бы стоимость денег не изменилась, то и цена их тоже понизилась бы наполовину. Если бы при наличии неизменившегося в своей стоимости мерила оказалось, что заработная плата понизилась, то это еще не означает, что понизилась бы и реальная заработная плата, так как рабочий на теперешний заработок может купить большее количество дешевых товаров, чем на прежний.

Как бы велико ни было изменение в стоимости денег, оно не влияет на *норму* прибыли. Положим, что цена товаров фабриканта поднялась с 1 000 ф. ст. до 2 000 ф. ст., или на 100%, но если бы его капитал, на который изменения в стоимости денег влияют так же, как и на стоимость продукта, если цены его машин, зданий и запасов тоже поднялись на 100%, то норма его прибыли не изменится, и он будет располагать таким же количеством продуктов труда данной страны, как и прежде.

Если с помощью капитала данной стоимости он может путем экономии в труде увеличить вдвое количество продуктов и понизить их цены наполовину, то отношение между стоимостью капитала и произведенного продукта останется таким же, а следовательно не изменится и норма прибыли.

Если в то самое время, как он удвоил количество продукта, употребляя тот же капитал, стоимость денег в силу какой-либо причины понизится наполовину, то продукт будет продан за вдвое большую денежную стоимость, чем раньше; но капитал, употребленный на его производство, также будет представлять вдвое бóльшую денежную стоимость в сравнении с прежней. Значит, и в этом случае стоимость продукта сохранит к стоимости капитала то же отношение, что и прежде. Хотя количество продукта удвоилось, рента, заработная плата и прибыль изменятся лишь постольку, поскольку изменятся пропорции, в каких этот удвоенный продукт делится между тремя классами, разделу между которыми он подлежит*.

* [В первом издании глава о стоимости заканчивалась следующим образом:

«Таким образом оказывается, что накопление капитала, вызывая различные пропорции основного и оборотного капитала употребляемого в различных отраслях промышленности, и придавая различные степени долговечности такому основному капиталу, вводит значительное изменение в правило, которое имеет всеобщее применение на ранних ступенях общественного развития.

Хотя стоимость товаров повышается или падает пропорционально большему или меньшему количеству труда, необходимого для их производства, их относительная стоимость изменяется вследствие повышения или снижения прибыли, так как одинаковые прибыли могут быть получены с товаров, которые продаются за 2 000 ф. ст., и с товаров, которые продаются за 10 тыс. ф. ст., а потому изменения этих прибылей, независимо от увеличения или уменьшения количества труда, требующегося для производства данных товаров, должны влиять на их цены в различных пропорциях.

Оказывается также, что стоимость товаров может понижаться вследствие действительного повышения заработной платы, но никогда не может повыситься в силу этой причины. С другой стороны, она может повышаться вследствие снижения заработной платы, так как данные товары теряют особенные преимущества производства, которые доставлялись им высокой заработной платой.]

ГЛАВА II

О РЕНТЕ

Теперь нужно еще рассмотреть, не вызывает ли обращение земли в собственность и следующее за ним создание ренты какого-либо изменения в относительной стоимости товаров, независимо от количества труда, необходимого для производства. Чтобы выяснить эту сторону вопроса, надо исследовать природу ренты и законы, управляющие ее повышением и падением.

Рента, это—та доля продукта земли, которая уплачивается землевладельцу за пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы. Ее однако часто смешивают с процентом и прибылью на капитал, и в обыденной речи этот термин прилагается ко всем ежегодным платежам фермера землевладельцу. Положим, что из двух смежных ферм одинаковой величины и одинакового естественного плодородия одна имеет все преимущества в виде хозяйственных строений и кроме того надлежащим образом осушена, удобрена и как следует разделена на участки плетнями, изгородями и стенами, тогда как другая не имеет ни одного из этих преимуществ. Вполне естественно, что за пользование первую будет платиться большее вознаграждение, чем за пользование второю, а между тем в обоих случаях это вознаграждение называется рентой. Очевидно однако, что только часть денег, ежегодно уплачиваемых за улучшенную ферму, дается за первоначальные и неразрушимые силы почвы, другая же часть платится за пользование капиталом, который был употреблен на улучшение качества почвы и на сооружение зданий, необходимых для хранения продукта и предохранения его от порчи. Адам Смит говорит о ренте иногда в том строгом смысле, какой я хочу придавать ей, но чаще в том смысле, в каком этот термин обычно употребляется в обыденной речи. Он рассказывает нам, что спрос а строевой лес и вследствие этого высокая цена его в более южных странах Европы были причиной того, что в Норвегии стали платить ренту за леса, которые раньше не давали ее*. Не ясно ли однако, что лицо, платившее так называемую ренту, платило ее за обладавший стоимостью товар, находившийся на данном участке, чтобы посредством продажи строевого леса выручить свои деньги с прибылью? Правда, если бы после того, как лес был вырублен, землевладельцу платилось какое-либо вознаграждение за пользование землей для разведения леса или какого-либо другого

* [«Богатство народов» кн. 1, гл. XI].

продукта в расчете на будущий спрос, то такое вознаграждение справедливо было бы называть рентой, потому что оно уплачивалось бы за производительные силы земли. Но в том случае, о каком говорит Адам Смит, вознаграждение платилось за право вырубki и продажи леса, а не за право разведения его. Он говорит также о ренте, получаемой с каменноугольных копей и с каменоломен*, но к ней приложимо то же замечание, а именно вознаграждение, даваемое за копи или каменоломни, уплачивается за стоимость каменного угля или камня, которые могут быть извлечены из них, и не стоит ни в какой связи с первоначальными и неразрушимыми силами почвы. Это различие имеет большую важность при исследовании ренты и прибыли. Ибо, как мы после увидим, законы, управляющие движением ренты, совершенно отличаются от законов, управляющих движением прибыли, и редко действуют в одном и том же направлении. Во всех культурных странах ежегодная плата землевладельцу, которая носит смешанный характер ренты и прибыли, при действии противоположных причин остается неподвижной, а иногда повышается или понижается в зависимости от преобладания той или другой из них. Вот почему на следующих страницах этого сочинения, каждый раз, когда я говорю о ренте, я говорю только о том вознаграждении, которое уплачивается собственнику земли за пользование ее первоначальными и неразрушимыми силами.

При первом заселении страны, где имеется в изобилии тучная и плодородная земля, лишь незначительная доля которой нужна для снабжения пищей наличного населения или же может быть обработана при капитале, которым располагает это население, ренты не существует. Ведь никто не станет платить за землю, раз есть налицо масса еще не обращенной в собственность земли, которую может располагать всякий, кто захочет обрабатывать ее.

По общим законам предложения и спроса никто не будет платить ренту за такую землю, точно так же, как никто не платит ренты за пользование воздухом и водой или каким-либо другим даром природы, существующим в неограниченном количестве. При наличности известного количества материалов с помощью давления атмосферы и упругости пара машины выполняют известную работу и сокращают таким образом в значительной степени человеческий труд. Но никто не взимает платы за пользование этими силами природы, потому что они неистощимы и могут быть использованы всяким. Точно так же пивовар, водочный заводчик, красильщик постоянно пользуются воздухом и водой¹ при производстве своих товаров; но так

* [«Богатство народов», кн. 1, гл. XII].

¹ «Земля, как мы видели, не единственная стихия, которая обладает производительной силой, но она единственная или почти единственная стихия, которую одна группа людей забирает себе, отстраняя других, и благоденствия которой она следовательно может присваивать. Воды рек и морей благодаря тому, что обладают силой приводить в движение наши машины, перевозить наши суда, питать нашу рыбу, тоже имеют производительную силу; ветер, который вертит наши мельницы, и даже солнечная теплота работают на нас; но, к счастью, еще никто не мог сказать: «ветер и солнце мои, и за услуги, которые они оказывают, надо платить» («Economie politique», par I.-B. Say, v. II, p. 124).

как запасы их безграничны, то за них не платится никакой цены. Если бы вся земля имела одинаковые свойства, если бы она имелась в неограниченном количестве и была однородна по качеству, то за пользование ею нельзя было бы брать плату, за исключением тех случаев, когда она отличается особенно выгодным положением. Следовательно рента платится за пользование землей только потому, что количество земли не беспредельно, а качество ее неодинаково и с ростом населения обращается под обработку земля худшего качества или расположенная менее удобно. Когда с развитием общества поступает в обработку земля второго разряда по плодородию, на земле первого разряда тотчас возникает рента, и величина этой ренты будет зависеть от различия в качестве этих двух участков.

Когда поступает в обработку земля третьего разряда по качеству, тотчас начинает давать ренту земля второго разряда. Как и раньше, рента зависит от различия в их производительной силе. В то же время поднимается рента с земли первого разряда, потому что она всегда должна быть выше ренты с земли второго разряда на величину разницы в продукте, который они дают при данном количестве капитала и труда. С каждым приростом населения, который заставляет страну прибегать к земле худшего качества, чтобы иметь возможность снабжать себя пищей, будет подниматься рента со всех более плодородных земель.

Предположим, что участки — № 1, 2 и 3 — дают при равных затратах капитала и труда чистый продукт в 100, 90 и 80 кварталов хлеба. В новой стране, где плодородная земля имеется в изобилии сравнительно с населением и где поэтому необходимо возделывать только № 1, весь чистый продукт будет принадлежать земледельцу и составит прибыль на затрачиваемый им капитал. Когда население увеличится настолько, что необходимо будет возделывать № 2, с которого, за вычетом содержания рабочих, получается только 90 кварталов, тогда № 1 начнет давать ренту. Иначе существовали бы две нормы прибыли на земледельческий капитал, или 10 кварталов (или стоимость 10 кварталов) должны быть вычтены из продукта № 1 для какой-нибудь иной цели. Возделывал ли землевладелец или же какое-либо другое лицо участок № 1, эти 10 кварталов все равно составят ренту, потому что возделывавший № 2 получит одинаковый результат от своего капитала, будет ли он возделывать № 1, платя 10 кварталов ренты, или же попрежнему № 2, не платя никакой ренты. Точно таким же образом можно показать, что, когда приступают к обработке № 3, рента с № 2 должна равняться 10 кварталам или стоимости 10 кварталов, а рента с № 1 поднимется до 20 кварталов, потому что возделывавший № 3 будет иметь одинаковую прибыль, уплачивает ли он 20 кварталов ренты за № 1, 10 кварталов ренты за № 2 или же возделывает № 3, не платя никакой ренты.

Случается часто, — и в действительности это обычное явление, — что еще до перехода к обработке № 2, 3, 4 или 5 или худших земель капитал может быть более производительно затрачен на тех участках, которые уже обрабатываются. Может оказаться, что при удвоении первоначального капитала, применявшегося на № 1, продукт,

хотя и не удвоится, все же увеличится если не на 100, то на 85 кварталов, и это количество будет превышать то, которое было бы получено при приложении такого же капитала к земле № 3.

В подобных случаях капитал будет предпочтительно прилагаться к старой земле и также доставит ренту, потому что рента всегда является разницей в продукте, полученном посредством приложения двух одинаковых количеств капитала и труда. Если при помощи капитала в 1 000 ф. ст. арендатор получает 100 кварталов пшеницы с арендуемой им земли и если, употребив второй капитал в 1 000 ф. ст., он получит еще 85, то владелец земли сможет по истечении срока аренды обязать его платить добавочной ренты 15 кварталов или эквивалент их стоимости, ибо существование двух различных норм прибыли невозможно. Если арендатор помирится с уменьшением на 15 кварталов дохода со своей второй тысячи, то это потому, что для нее нельзя отыскать более прибыльного помещения. Такова была бы общая норма прибыли, и если бы первый арендатор отказался, то нашелся бы кто-нибудь другой, согласный отдать весь излишек прибыли сверх этой нормы владельцу земли, с которой он получит его.

В этом примере, как и в первом, последний приложенный к земле капитал не дает никакой ренты. За большую доходность первой 1 000 ф. ст. платится 15 кварталов в качестве ренты, за приложение второй 1 000 ф. ст. не платится никакой ренты. Если к той же земле будет приложена третья 1 000 ф. ст. с доходом в 75 кварталов, то со второй 1 000 ф. ст. будет взиматься рента, равная разности в продукте второй и третьей тысячи, т. е. 10 кварталам, и в то же самое время рента с первой 1 000 ф. ст. поднимется с 15 до 25 кварталов; последняя же тысяча не будет вовсе платить никакой ренты.

Если бы следовательно хорошей земли было гораздо больше, чем сколько ее нужно для снабжения пищей растущего населения, или если бы капитал можно было беспредельно прилагать к старой земле без уменьшения выручки, то рента не могла бы возникнуть, потому что рента неизменно происходит оттого, что приложение добавочного количества труда дает пропорционально меньший доход.

Наиболее плодородная и наиболее удобно расположенная земля поступит в обработку раньше других, и меновая стоимость ее продукта будет определяться точно так же, как и меновая стоимость всех других товаров, т. е. всем количеством труда, необходимого—в различных его формах от начала до конца процесса производства—для его изготовления и доставки на рынок. Когда поступит в обработку земля худшего качества, меновая стоимость сырого продукта повысится, потому что на производство его требуется больше труда.

Меновая стоимость всех товаров—будут ли то фабричные изделия, или продукты рудников, или земледельческие произведения—никогда не регулируется наименьшим количеством труда, необходимым для их производства при очень благоприятных условиях, составляющих исключительный удел тех, кто пользуется особыми удобствами. Напротив, она регулируется наибольшим количеством труда, необходимо затрачиваемым на их производство теми, кто не пользуется такими удобствами,—теми, кто продолжает производить

при самых неблагоприятных условиях, понимая под последними самые неблагоприятные из тех, при каких необходимо вести производство, чтобы было произведено необходимое количество продукта.

Так, в благотворительных учреждениях бедняки работают на средства благотворителей, но общие цены соответствующих товаров определяются не особыми удобствами, предоставленными этим рабочим, а средними обычными и естественными трудностями, с которыми приходится считаться всякому другому фабриканту. Правда, фабрикант, не пользующийся такими выгодами, может быть совершенно вытеснен с рынка, если количество, доставляемое этими рабочими, поставленными в благоприятное положение, будет покрывать весь спрос общества. И если он продолжает свой промысел, то только при том условии, что он будет получать от него обычную среднюю прибыль на капитал, а это возможно только в том случае, когда он за свой товар выручает цену, соразмерную с количеством труда, которое было затрачено на его производство¹.

Правда, на самой лучшей земле тот же продукт будет все еще получаться при прежней затрате труда, но стоимость его повысится вследствие того, что те, кто применяет новый труд и капитал на менее плодородной земле, добывают меньше продукта. Таким образом, несмотря на то, что преимущества более плодородных земель перед менее плодородными не утрачиваются ни в каком случае, а только переходят от возделывателя или потребителя к землевладельцу, все-таки, как только потребовалось бы больше труда для обработки худших земель, при условии, что необходимое добавочное количество сырых произведений мы можем получить только с последних участков, сравнительная стоимость этих произведений поднимется выше прежнего уровня, и они будут обмениваться на большее количество шляп, платья, обуви и пр. и пр., в производстве которых не требуется такого добавочного количества труда.

Итак, сравнительная стоимость сырых произведений повышается потому, что на производство последней добытой доли их употребляется больше труда, а не потому, что землевладельцу уплачивается

¹ Не забыл ли Сэй в следующем отрывке, что цена в конце концов регулируется издержками производства? «Продукт труда, приложенного к земле, имеет ту особенность, что не дорожает, становясь более редким, потому что одновременно с уменьшением пищи уменьшается и население, и следовательно *спрос* на эти продукты уменьшается вместе с уменьшением предложения. Кроме того мы не видим, чтобы там, где необработанная земля имеется в изобилии, хлеб был дороже, чем в странах, где возделывается вся земля. В Англии и Франции в средние века земля возделывалась гораздо хуже, чем теперь, в них добывалось гораздо меньше сырых произведений, однако, судя по всему, хлеб продавался не дороже сравнительно со стоимостью других вещей. Если продукта добывалось меньше, то и населения было меньше; слабость спроса уравновешивала слабость предложения» (v. II, p. 338). Убежденный, что цена товаров регулируется ценой труда, и справедливо полагая, что всякого рода благотворительные учреждения имеют тенденцию увеличивать население свыше цифры, на какой оно иначе стояло бы, и понижать таким образом плату, Сэй говорит: «Я подозреваю, что дешевизна товаров, получаемых из Англии, отчасти обусловлена существованием в этой стране множества благотворительных учреждений» (v. II, p. 277). Для того, кто утверждает, что заработная плата регулирует цену, это вполне последовательное заключение.

рента. Стоимость хлеба регулируется количеством труда, затраченного на производство его на земле того качества или с той долей капитала, которая не платит ренты. Не потому хлеб дорог, что платится рента, а рента платится потому, что хлеб дорог. Вполне справедливо поэтому было замечено, что цена хлеба несколько не понизилась бы, если бы землевладельцы отказались от всей своей ренты. Это только позволило бы некоторым фермерам жить по-барски, но не уменьшило бы количества труда, необходимого для получения сырых произведений с наименее производительной земли, находящейся под обработкой.

Нам часто говорят о преимуществах земли перед всеми другими источниками полезных продуктов—ввиду того избытка, который она дает в форме ренты. Но когда земля имеется в особенном изобилии, когда она наиболее производительна и наиболее плодородна, она не дает вовсе ренты, и только тогда, когда ее плодородие падает и она дает за труд менее, часть первоначального продукта более плодородных участков обособляется в качестве ренты. Замечательно, что особенным преимуществом земли выставляется как раз то свойство ее, которое должно было бы считаться недостатком ее, сравнительно с естественными факторами, в которых находят помощь фабриканты. Если бы воздух, вода, упругость пара и давление атмосферы были неоднородны по своим качествам, если бы они могли быть обращены в собственность и каждый разряд имелся бы только в ограниченном количестве, то и они, подобно земле, давали бы ренту по мере обращения к низшим разрядам. С каждым обращением к низшему разряду стоимость товаров в той отрасли, где он употребляется, повышалась бы потому, что то же самое количество труда давало бы менее продукта. Человек трудился бы больше в поте лица своего, природа выполняла бы меньше и земля не славилась бы больше тем преимуществом, что силы ее ограничены.

Если прибавочный продукт, который земля дает в форме ренты, есть преимущество, то желательно, чтобы с каждым годом вновь сооруженные машины были менее производительны, чем старые. Ведь это несомненно сообщило бы большую меновую стоимость товарам, фабрикуемым не только с помощью этих машин, но и всех других машин в стране, и всем владельцам более производительных машин платилась бы рента¹.

Рост ренты всегда является результатом роста богатства страны и трудности снабжения пищей ее возросшего населения. Это симп-

¹ «К тому же в земледелии,—говорит Адам Смит,—наряду с человеком работает и природа, и, хотя ее труд и ничего не стоит, продукт ее имеет свою стоимость наравне с продуктом труда самого дорогого рабочего». Труд природы оплачивается не потому, что она делает много, а потому, что она делает мало. Чем скупер становится она на свои дары, тем большую цену требует она за свою работу. Когда она щедро благоденствует, она всегда работает даром. «В то время как рабочий в промышленности воспроизводит только стоимость, равную его собственному потреблению или капиталу, затраченному на него вместе с прибылью его владельца, рабочий скот в земледелии воспроизводит гораздо большую стоимость. Сверх капитала фермера и всей прибыли на него он регулярно воспроизводит еще ренту землевладельца. Эту ренту можно рассматривать как продукт тех сил природы, пользование которыми землевладелец ссужает фермеру.

том, но ничуть не причина богатства, потому что богатство часто растет всего быстрее, когда рента остается неподвижной или даже падает. Рента увеличивается всего быстрее, когда уменьшается производительность земли, имеющейся в распоряжении. Богатство всего быстрее увеличивается в тех странах, где имеющаяся в распоряжении земля всего плодороднее, где ввоз наименее ограничен и где благодаря земледельческим улучшениям количество земледельческих продуктов может быть умножено без соответствующего увеличения в количестве труда, где следовательно рента растет медленно.

Если бы высокая цена хлеба была следствием, а не причиной ренты, то цена его изменялась бы пропорционально повышению или понижению нормы ренты и рента была бы составной частью цены. Но так как регулятором цены хлеба является хлеб, производящийся с наибольшим количеством труда, то и рента не входит и не может ни в малейшей степени входить в качестве составной части в его цену¹.

Поэтому Адам Смит безусловно ошибается, предполагая, что

Она бывает больше или меньше, сообразно с предполагаемым размером этих сил, или, другими словами, сообразно с естественным или искусственным плодородием земли. Она—работа природы, которая остается за вычетом или оплатой всего, что можно считать работой человека. Она редко бывает меньше четверти, а часто бывает больше трети всего продукта. Никогда равное количество производительного труда, прилагаемого в обрабатывающей промышленности, не выразится в таком большом воспроизводстве. *В обрабатывающей промышленности природа не делает ничего, а человек—все*, и воспроизводство должно всегда быть пропорционально силе обуславливающих его факторов. Капитал, прилагаемый в земледелии, поэтому не только приводит в движение большее количество производительного труда, чем какой-либо равный ему капитал, прилагаемый в обрабатывающей промышленности, но и прибавляет гораздо большую стоимость к ежегодному продукту земли и труда страны, к *реальному* богатству и доходам ее жителей, пропорционально количеству производительного труда, которое он занимает. Из всех возможных способов приложения капитала это наиболее выгодный для общества» (кн. 2, гл. V, стр. 15).

Разве природа не делает ничего для человека в обрабатывающей промышленности? Разве силы ветра и воды, которые приводят в движение наши машины и корабли, равняются нулю? Разве давление атмосферы и упругость пара, которые позволяют нам приводить в движение самые колоссальные машины,—не дары природы? Я уже не говорю о действии тепла при размягчении и плавлении металлов, о действии атмосферы в процессах окрашивания и брожения. Нельзя назвать ни одной отрасли промышленности, в которой природа не оказывала бы помощи человеку, притом помощи щедрой и даровой.

Комментируя приведенный мною отрывок из Адама Смита, Бьюкенен замечает: «Я старался показать в замечаниях, содержащихся в четвертом томе, что земледелие прибавляет к национальному богатству не больше, чем всякая иная отрасль производства. Настаивая на воспроизводстве ренты, как столь большой выгоды для общества, доктор Смит забывает, что рента есть результат высокой цены и что то, что землевладелец получает таким путем, он получает за счет всего общества. Общество ничего не выигрывает от воспроизводства ренты: им пользуется один класс за счет другого. Представление, что земледелие дает продукт и—как его последствие—ренту, потому что в процессе земледелия природа участвует вместе с человеческим трудом,—просто фантазия. Рента берется не из продукта, а из цены, за которую этот продукт продается. А эта цена выручается не потому, что природа помогает производству, а потому, что такая цена приспособляет потребление к предложению».

¹ Ясное понимание этого принципа имеет, по моему убеждению, величайшую важность для науки политической экономии. [Это примечание сделано только во втором издании.]

первоначальное правило, регулировавшее меновую стоимость товаров,—а именно, сравнительное количество труда, которым они произведены,—может сколько-нибудь быть изменено вследствие обращения земли в частную собственность и платежа ренты. Сырой материал входит в состав большинства товаров, но стоимость его, так же как и хлеба, регулируется производительностью последней доли капитала, приложенной к земле, не платящей никакой ренты. Поэтому рента не есть составная часть цены товаров.

До сих пор мы исследовали влияние естественного развития богатства и населения на ренту в стране, в которой земля имеет различную производительность, и мы видели, что каждый раз, когда становится необходимым прилагать добавочный капитал к земле, дающей меньше продукта, рента повышается. Из тех же принципов следует, что всякие обстоятельства в жизни общества, которые делают ненужным приложение прежнего количества капитала к земле и которые поэтому делают последнюю приложенную долю его более производительной, будут понижать ренту. Всякое значительное уменьшение капитала страны, которое материально уменьшило бы фонд, предназначенный для содержания труда, естественно будет иметь такое действие. Население регулируется фондом, назначенным на доставление ему занятий, и следовательно всегда увеличивается или уменьшается с увеличением или уменьшением капитала. Поэтому за всяким уменьшением капитала необходимо следует уменьшение спроса на хлеб, падение цены и сокращение обработки. Уменьшение капитала будет понижать ренту в порядке, обратном тому, в каком накопление капитала повышает ее. Будут последовательно покидаться земли менее доходные, начиная с самой малопродуктивной, меновая стоимость продукта будет падать, пока под обработкой останется только самая плодородная земля, которая тогда уже не будет приносить ренты.

Однако такие же результаты может дать увеличение богатства и населения страны, если оно будет сопровождаться столь значительными улучшениями в земледелии, что необходимость возделывать более плохие земли уменьшится, или то же количество капитала будет затрачиваться на возделывание более плодородных участков.

Если на прокормление данного населения нужен миллион кварталов хлеба, который получается с участков № 1, 2 и 3, если после будет открыто улучшение, благодаря которому он может быть получен с № 1 и 2, не прибегая к № 3, то очевидно, что непосредственным результатом должно быть падение ренты, потому что тогда без уплаты ренты будет возделываться № 2 вместо № 3 и рента с № 1, вместо того чтобы равняться разности в продукте № 3 и № 1, будет равняться только разности между № 2 и № 1. Раз население не увеличилось, то спроса на какое-либо добавочное количество хлеба не может быть; капитал и труд, употреблявшиеся на № 3, будут посвящены на производство других товаров, в которых нуждается общество, но это повлекло бы за собой повышение ренты только в том случае, если сырой материал, из которого они делаются, не мог бы быть получен без менее производительного приложения капитала к земле, а тогда снова должен возделываться № 3.

Несомненно, что падение относительной цены сырья, вследствие улучшений в земледелии или, вернее, вследствие того, что меньше труда будет затрачиваться на его производство, естественно приведет к увеличению накопления, потому что прибыль на капитал значительно увеличится. Это накопление приведет к увеличению спроса на труд, повышению заработной платы, увеличению населения, дальнейшему спросу на сырье и расширению обработки. Однако рента достигнет своей прежней высоты лишь после увеличения населения, т. е. после того, как пойдет под обработку № 3. До этого пройдет значительный период, связанный с положительным уменьшением ренты.

Но земледельческие улучшения бывают двух родов: одни увеличивают производительные силы земли, другие позволяют нам путем усовершенствования наших машин получать ее произведения с помощью меньшего труда. И те и другие ведут к падению цены сырых произведений; и те и другие оказывают влияние на ренту, но не в одинаковой степени. Если бы они не вызывали падения цены сырых произведений, они не были бы улучшениями, потому что существенное свойство улучшения—уменьшать количество труда, требовавшегося прежде для производства товара, а это уменьшение не может иметь места, не вызывая падения его цены или относительной стоимости.

К улучшениям, увеличивающим производительные силы земли, относятся более рациональный севооборот или лучшее удобрение. Эти улучшения позволяют нам получать тот же продукт с абсолютно меньшей площади земли. Если, введя в севооборот турнепс, я могу получать помимо хлеба еще и корм для своих овец, то земля, на которой паслись раньше овцы, становится ненужной, и то же самое количество сырого продукта будет получено с меньшей площади земли. Если я открою удобрение, которое позволит мне повысить урожай хлеба на данной площади на 20%, то я могу извлечь долю своего капитала, которую затрачивал на самую непроизводительную часть моей фермы. Но, как я уже заметил раньше, нет необходимости оставлять землю без обработки, чтобы рента понизилась. Для этого достаточно, чтобы из последовательных долей капитала, прилагающихся к одной и той же земле с неодинаковыми результатами, была извлечена обратно та, которая дает наименьший доход. Если, введя в севооборот турнепс или же пользуясь более сильным удобрением, я могу получить тот же продукт, затратив меньший капитал и не нарушая разницы между производительностью последовательных долей капитала, то я понижу ренту, потому что теперь норму, по которой будет делаться расчет, будет составлять иная, более производительная доля капитала. Если бы например последовательные доли капитала давали 100, 90, 80, 70, то, когда я затрачивал эти четыре доли, моя рента равнялась бы 60, или разности между

$$\begin{array}{r}
 70 \text{ и } 100 = 30 \\
 70 \text{ и } 90 = 20 \\
 70 \text{ и } 80 = 10 \\
 \hline
 60
 \end{array}
 \left. \vphantom{\begin{array}{r} 70 \text{ и } 100 = 30 \\ 70 \text{ и } 90 = 20 \\ 70 \text{ и } 80 = 10 \\ \hline 60 \end{array}} \right\} \text{ а продукт был } 340
 \left\{ \begin{array}{l}
 100 \\
 90 \\
 80 \\
 70 \\
 \hline
 340
 \end{array} \right.$$

Пока я затрачиваю эти доли, рента останется прежней, хотя бы продукт каждой доли показывал одинаковое увеличение. Если от 100, 90, 80, 70 продукт возрастет до 125, 115, 105, 95, то рента все же будет 60, или разница между

$$\begin{array}{r}
 95 \text{ и } 125 = 30 \\
 95 \text{ и } 115 = 20 \\
 95 \text{ и } 105 = 10 \\
 \hline
 60
 \end{array}
 \left. \vphantom{\begin{array}{r} 95 \text{ и } 125 = 30 \\ 95 \text{ и } 115 = 20 \\ 95 \text{ и } 105 = 10 \\ \hline 60 \end{array}} \right\} \begin{array}{l} \text{а количество продуктов} \\ \text{увеличится до } 440 \end{array}
 \left\{ \begin{array}{l} 125 \\ 115 \\ 105 \\ 95 \\ \hline 440 \end{array} \right.$$

Но при таком увеличении продукта без увеличения спроса¹ не было бы побуждения прилагать такой большой капитал к земле; одна доля была бы извлечена, и следовательно последней долей капитала была бы та, которая дает 105, а не 95, а рента понизилась бы до 30, или разница между

$$\begin{array}{r}
 105 \text{ и } 125 = 20 \\
 105 \text{ и } 115 = 10 \\
 \hline
 30
 \end{array}
 \left. \vphantom{\begin{array}{r} 105 \text{ и } 125 = 20 \\ 105 \text{ и } 115 = 10 \\ \hline 30 \end{array}} \right\} \begin{array}{l} \text{а количество продуктов все же было бы} \\ \text{достаточно для нужд населения, составляя} \\ \text{345 кварталов или} \end{array}
 \left\{ \begin{array}{l} 125 \\ 115 \\ 105 \\ \hline 345 \end{array} \right.$$

в то время как спрос равнялся бы только 340 квартерам. Но есть улучшения, которые могут понизить относительную стоимость продукта, не понижая хлебной ренты, хотя они и понижают денежную земельную ренту. Они не увеличивают производительности земли, но позволяют нам получать продукт с помощью меньшего количества труда. Целью этих улучшений является, скорее, усовершенствование земледельческого инвентаря, чем самой обработки земли. Такой характер носят улучшения в земледельческих орудиях, как плуг и молотилка, экономия в употреблении лошадей в сельском хозяйстве, усовершенствование ветеринарного искусства. К земле благодаря им прилагается меньше капитала, или—что то же—меньше труда, но для получения того же продукта нужно возделывать не меньшее количество земли.

Отразятся ли улучшения этого рода на ренте, выраженной в хлебе, будет зависеть от того, возрастает ли, остается ли без перемены или же уменьшается разница в продукте, получаемом от применения различных долей капитала. Если прилагаются к земле четыре доли капитала—50, 60, 70 и 80, дающие все одинаковые результаты, и если какое-нибудь улучшение в составе такого капитала позволит мне уменьшить каждую на 5, так что они будут составлять теперь 45, 55, 65

¹ Надеюсь, меня не поймут в том смысле, что я не дооцениваю важности всякого рода улучшений в земледелии для землевладельцев—их непосредственное действие состоит в понижении ренты, но так как они дают большой толчок размножению населения и в то же время позволяют нам возделывать худшие земли с меньшим трудом, то в конце концов они приносят громадные выгоды землевладельцам. Однако должен пройти известный период, в течение которого они приносят им положительный ущерб. [Это примечание сделано только в третьем издании.]

и 75, то в хлебной ренте не произойдет никакого изменения. Но если улучшения были таковы, что позволили мне сберечь только ту долю капитала, которая прилагается наименее производительно, то хлебная рента непосредственно понизится, потому что уменьшится разница между капиталом наиболее производительным и капиталом наименее производительным, а эта-то разница и составляет ренту.

Я не буду увеличивать числа примеров. Надеюсь, я уже достаточно доказал, что всякая причина, уменьшающая разницу в продукте, получаемом от последовательных долей капитала, прилагаемого к той же или к новой земле, имеет тенденцию понижать ренту, а все, что увеличивает эту разницу, необходимо производит противоположное действие и имеет тенденцию повышать ее.

Говоря о ренте, мы рассматривали ее больше как долю продукта, полученного с помощью данного капитала на данной ферме, и вовсе не касались ее меновой стоимости; но так как та же причина—трудность производства—повышает и меновую стоимость сырья и долю сырого продукта, уплачиваемую землевладельцу в качестве ренты, то очевидно, что увеличение трудности производства дает землевладельцу двойную выгоду. Во-первых, он получает более значительную долю, и, во-вторых, товар, которым она уплачивается, имеет более высокую стоимость ¹.

¹ Чтобы сделать это очевидным и показать, что хлебная и денежная рента изменяются в неодинаковой степени, предположим, что труд 10 рабочих на земле известного качества дает 180 кварталов пшеницы стоимостью в 4 ф. ст. квартал, или 720 ф. ст., и что труд 10 добавочных рабочих на той же или другой земле произведет только 170 кварталов добавочного продукта. Цена пшеницы поднимется тогда с 4 ф. ст. до 4 ф. ст. 4 шилл. 8 пенс., так как $170 : 180 = 4 \text{ ф. ст.} : 4 \text{ ф. ст. 4 шилл. 8 пенс.}$, или так как для производства 170 кварталов в одном случае нужен труд 10 рабочих, а в другом—только 9,44, то повышение будет равно $9,44 : 10$, или 4 ф. ст. : 4 ф. ст. 4 шилл. 8 пенс. Если будет употреблено еще 10 рабочих и продукт будет равняться

160,	то цена	повысится	до	4 ф. ст.	10 шилл.
150	»	»	»	4 »	» 16 »
140	»	»	»	5 »	» 2 » 10 пенс.

Теперь, если не платилось никакой ренты за землю, которая давала 180 кварталов при цене квартала в 4 ф. ст., то, когда может быть получено только 170, в виде ренты будет уплачиваться стоимость 10 кварталов, что при цене квартала в 4 ф. ст. 4 шилл. 8 пенс. составит 42 ф. ст. 7 шилл. 6 пенс. Рента будет равняться:

20 кварталов, когда производится 160, что при цене в 4 ф. ст.	10 шил.	0 пенс.
	составит 90 »	» 0 »
30 кварталов, когда производится 150, что при цене в 4 »	» 16 »	0 »
	составит 144 »	» 0 »
40 кварталов, когда производится 140, что при цене в 5 »	» 2 »	10 »
	составит 205 »	» 13 » 4 »

Рента в хлебе будет увеличиваться в пропорции $\left\{ \begin{array}{l} 100 \\ 200 \\ 300 \\ 400 \end{array} \right\}$ а рента в деньгах—в пропорции $\left\{ \begin{array}{l} 100 \\ 212 \\ 340 \\ 485 \end{array} \right\}$

ГЛАВА III

О РЕНТЕ С РУДНИКОВ

Металлы, как и все другие предметы, добываются трудом. Правда, производит их природа, но извлекает их из недр земли и приспособляет к нашим нуждам труд человека.

Рудники, как и земля, обыкновенно дают ренту владельцу, и эта рента, подобно поземельной ренте, есть следствие, а никак не причина, высокой стоимости их продукта.

Если бы имелись в изобилии одинаково богатые рудники, которыми каждый мог бы завладеть, они не могли бы давать никакой ренты; стоимость их продукта зависела бы от количества труда, необходимого для извлечения металла из рудника и доставки его на рынок.

Но рудники бывают разного качества, и затрата на их разработку одинаковых количеств труда дает весьма неодинаковые результаты. Металл, добываемый из самого бедного рудника, должен по меньшей мере иметь меновую стоимость, которая покрыла бы не только все издержки для снабжения платьем, пищей и другими предметами необходимости всех, занятых его добыванием и доставкой его на рынок, но кроме того давала бы обычную среднюю прибыль тому, кто затрачивает капитал, необходимый для ведения предприятия. Доход, доставляемый беднейшим рудником, не платящим никакой ренты, будет регулировать ренту всех других более производительных рудников. Предполагается, что этот рудник дает обычную прибыль на капитал. Все, что другие рудники дают сверх нее, необходимо будет уплачиваться их владельцам в качестве ренты. Так как принцип этот совершенно одинаков с тем, который мы уже установили относительно земли, то нет надобности дальше распространяться о нем.

Достаточно будет заметить, что общий закон, регулирующий стоимость сырья и мануфактурных товаров, прилагается и к металлам; их стоимость зависит не от нормы прибыли, не от нормы заработной платы и не от ренты, уплачиваемой за рудник, а от количества труда, необходимого для получения металла и для доставки его на рынок.

Стоимость металлов, как и всякого другого товара, подвержена изменениям. В орудиях и машинах, применяемых в горном деле, могут быть сделаны усовершенствования, значительно сокращающие труд; могут быть открыты новые, более производительные рудники, из которых при том же количестве труда можно добыть больше металла; может облегчиться также доставка продукта на рынок. В каж-

дом из этих случаев стоимость металлов понизится, и они потому будут обмениваться на меньшее количество других предметов. С другой стороны, если возрастает трудность добывания металла, — вследствие ли того, что металл приходится добывать из большей глубины, или необходимости выкачивать из рудников воду, или по какой-либо другой причине, — стоимость их может значительно увеличиться сравнительно со стоимостью других вещей.

Поэтому справедливо было замечено, что, как бы точно ни соответствовала монета данной страны своему масштабу, стоимость золотых и серебряных денег все же будет подвержена не только случайным и временным, но естественным и постоянным изменениям наравне с другими товарами.

Открытие Америки с ее многочисленными богатыми рудниками очень сильно повлияло на естественную цену драгоценных металлов. Многие предполагают, что действие его еще и до сих пор не кончилось. Вероятно однако, что влияние, произведенное открытием Америки на стоимость металлов, давно прекратилось, и если в последние годы в их стоимости произошло какое-либо понижение, то его следует приписывать улучшенным способам разработки рудников.

Но действие это, от какой бы причины оно ни происходило, было так медленно и постепенно, что чувствовалось очень мало практических неудобств оттого, что общим мериллом, в котором вычисляется стоимость всех других вещей, служат золото и серебро. Хотя и они несомненно представляют изменчивую меру стоимости, но нет вероятно товара, подверженного меньшим изменениям. Это и другие преимущества, которыми обладают драгоценные металлы, как-то: их плотность, ковкость, делимость и многие другие, по праву обеспечили за ними повсюду предпочтительное употребление в качестве денежной единицы цивилизованных стран.

Если бы с помощью равных количеств труда, при равных количествах основного капитала, всегда добывались из рудника, не платящего никакой ренты, равные количества золота, оно представляло бы наиболее неизменную меру стоимости, какую мы могли бы получить*. Правда, количество золота увеличивалось бы вместе с спросом, но стоимость его была бы неизменна, и оно превосходнейшим образом служило бы для измерения изменений в стоимости всех других вещей. В предыдущей части этого труда я уже предположил, что золото одарено таким постоянством, и я буду держаться этого предположения и в следующей главе. Итак, говоря об изменении цен, мы всегда будем считать, что изменение происходит в товаре, а не в мериле, которым измеряется его стоимость.

* [В первом и втором изданиях этот абзац (от «Если бы» до «получить») отсутствует. Вместо него имеется следующий: «Признав все несовершенства, которые свойственны золотым и серебряным деньгам как мерилу стоимости в зависимости от большего или меньшего количества труда, которое может быть необходимо при изменяющихся условиях для добывания этих металлов, мы считаем себя в праве сделать предположение, что все эти несовершенства были устранены и что одинаковые количества труда могут всегда добыть из рудника, не платившего ренты, одинаковые количества золота. Золото и было бы тогда неизменным мериллом стоимости»].

ГЛАВА IV

О ЕСТЕСТВЕННОЙ И РЫНОЧНОЙ ЦЕНЕ

Но если мы считаем труд основой стоимости товаров, а сравнительное количество труда, необходимого для их производства,—нормой, определяющей относительные количества товаров, которые должны обмениваться друг на друга, то из этого еще не следует, что мы отрицаем случайные и временные отклонения действительной или рыночной цены товаров от этой их первичной и естественной цены.

При обыкновенных условиях нет ни одного товара, который в течение сколько-нибудь долгого времени постоянно поставлялся бы как раз в том количестве, какого требуют нужды и желания людей. А потому нет ни одного товара, цена которого не подвергалась бы случайным и временным изменениям.

Только путем таких изменений и уделяется ровно столько капитала, сколько требуется, а не больше, на производство различных товаров, на которые существует спрос. С повышением или понижением цен прибыль поднимается выше или падает ниже общей нормы, и капитал то притекает в известную отрасль промышленности, в которой произошло такое изменение, то отливает.

Когда каждый волен употреблять свой капитал, как ему угодно, он конечно будет искать для него наиболее прибыльного помещения; он, естественно, будет неудовлетворен прибылью в 10%, если, вложив свой капитал в другое дело, он может получить прибыль в 15%. Это неутомимое стремление всех капиталистов оставлять менее доходное дело для более доходного имеет сильную тенденцию приводить прибыль всех к одной норме или устанавливать между ними такую пропорцию, какая по расчету заинтересованных сторон уравновешивает действительные или кажущиеся преимущества одних перед другими. Может быть очень трудно проследить последовательные фазы этого процесса. Для этого, вероятно, вовсе не требуется, чтобы предприниматель совершенно менял свое дело. Достаточно, чтобы он только уменьшил капитал, вложенный в него. Во всех богатых странах есть известное число людей, составляющих так называемый денежный класс. Эти люди сами не занимаются какой-либо отраслью промышленности, но живут на проценты со своих денег, употребляя их на учет векселей или ссужая более промышленной части общества. Банкиры также употребляют большой капитал на подоб-

ного рода дела. Капитал, употребляемый таким образом, образует оборотный капитал значительного размера, и им пользуются в большей или меньшей долях все различные отрасли промышленности страны. Нет, пожалуй, фабриканта, который, как бы богат он ни был, ограничивал бы свое дело теми размерами, какие допускают одни его собственные средства. У него всегда находится некоторая доля этого текучего капитала, которая возрастает или уменьшается в соответствии с энергией спроса на его товары.

Когда увеличивается спрос на шелк и уменьшается спрос на сукно, суконщик не переведет своего капитала в шелковую промышленность, а рассчитает часть своих рабочих и уменьшит свой спрос на займы у банкиров и денежных людей. С фабрикантом шелка дело обстоит обратно: он будет употреблять больше рабочих, и потому его стремление к займам усиливается; он занимает больше, и капитал таким образом переходит из одного занятия в другое, без необходимости для фабриканта прекращать свое обычное дело. Когда мы посмотрим на рынки большого города и обратим внимание на то, как регулярно снабжаются они местными и иностранными товарами в требуемом количестве при всех обстоятельствах, несмотря на изменения спроса, зависящего от прихотей или перемены в величине населения, как редко происходит переполнение от слишком изобильного предложения или возникает непомерная дороговизна от несоответствия между спросом и предложением,—мы должны будем признать, что принцип, распределяющий капитал по всем отраслям производства в требуемых размерах, проявляет свое действие гораздо сильнее, чем обыкновенно полагается.

Капиталист, ищущий прибыльного занятия для своих средств, естественно будет принимать в соображение все преимущества того или другого занятия перед прочими. Поэтому он может поступиться частью своей денежной прибыли ради верности помещения, опрятности, легкости или какой-либо другой действительной или воображаемой выгоды, которыми одно занятие отличается от другого.

Если в силу учета всех этих обстоятельств прибыль на капитал установилась так, что в одной отрасли прибыль составляет 20, в другой—25, в третьей—30%, то они вероятно долго будут сохранять эту относительную разницу. И эта разница сохранялась бы потому, что если в силу какой-нибудь причины прибыль в одной из этих отраслей повысилась бы на 10%, то или это увеличение было бы временным и она скоро вернулась бы к своей обычной норме, или же прибыль в прочих отраслях повысилась бы в той же пропорции.

[Настоящее время является повидимому одним из исключений по отношению к правильности этого наблюдения. Окончание войны настолько нарушило прежде существовавшее разделение занятий в Европе, что не каждый еще капиталист отыскал свое место при новом разделении, которое теперь стало необходимым]*.

Предположим, что все товары продаются по своей естественной цене и что следовательно нормы прибыли на капитал во всех занятиях

* [Эта вставка сделана только в третьем издании].

одинаковы или же разнятся лишь постольку, поскольку разница, по мнению заинтересованных сторон, компенсируется какой-либо действительной или воображаемой выгодой, которую они приобретают или от которой отказываются. Предположим теперь, что перемена моды увеличит спрос на шелковые и уменьшит спрос на шерстяные изделия; их естественная цена, количество труда, необходимого для их производства, останутся без перемены, но рыночная цена шелковых изделий поднимется, а шерстяных—понижится. Вследствие этого прибыль фабриканта шелка будет выше, а фабриканта шерсти—ниже обычной и общей нормы. Это отразится не только на прибыли, но и на заработной плате рабочих в этих отраслях. Однако увеличенный спрос на шелковые изделия скоро будет уравновешен предложением благодаря переходу капитала и труда из шерстяного производства в шелковое; тогда рыночные цены шелковых и шерстяных изделий снова приблизятся к их естественным ценам, и фабриканты этих товаров будут получать каждый свою обычную прибыль.

Таким образом стремление всех фабрикантов вынимать свои фонды из менее прибыльного и помещать в более прибыльное дело не позволяет рыночной цене товаров надолго оставаться или много выше или много ниже их естественной цены. Соперничество между ними устанавливает меновую стоимость товаров таким образом, что по уплате вознаграждения за труд, необходимый для их производства, и покрытия всех прочих расходов, требующихся, чтобы применяемый капитал сохранял состояние своей первоначальной пригодности, остаток стоимости или избыток ее будет в каждой отрасли пропорционален стоимости затраченного капитала.

В седьмой главе* «Богатства народов» весь этот вопрос прекрасно исследован. Мы вполне признаем временное влияние, которое случайные причины могут оказывать на цены товаров, а также на заработную плату и прибыль на капитал в различных отраслях промышленности. Но так как это влияние не затрагивает средних цен товаров, естественных размеров заработной платы или прибыли и одинаково действует на всех стадиях общественного развития, то мы совершенно не будем принимать его во внимание при изучении законов, управляющих естественными ценами, естественной заработной платой и естественной прибылью—явлениями, совершенно не зависящими от этих случайных причин. Итак, говоря о меновой стоимости или покупательной силе того или другого товара, я всегда разумею ту покупательную силу, которой он обладал бы, если бы она не нарушалась временными или случайными причинами, и которая представляет его естественную цену.

* [«О естественной, и рыночной цене товаров», кн. 1, гл. 7].

ГЛАВА V

О ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ

Как и все другие предметы, которые покупаются и продаются и количество которых может увеличиваться и уменьшаться, труд имеет свою естественную и свою рыночную цену. Естественной ценой труда является та, которая необходима, чтобы рабочие имели средства к существованию и к продолжению своего рода, без увеличения или уменьшения их числа.

Способность рабочего содержать себя и семью так, чтобы число рабочих не уменьшалось, зависит не от количества денег, которое он получает в виде заработной платы, а от количества пищи, предметов необходимости и комфорта, ставшего для него необходимым в силу привычки, и которое можно купить за эти деньги. Поэтому естественная цена труда зависит от цены пищи, предметов необходимости и удобства, требующихся для содержания рабочего и его семьи. С повышением цены пищи и предметов необходимости естественная цена труда поднимется, с падением их цены—упадет.

С прогрессом общества естественная цена труда всегда имеет тенденцию повышаться, потому что один из главных товаров, которым регулируется его естественная цена, имеет тенденцию становиться дороже, в зависимости от возрастающей трудности его производства. Так как однако улучшение в земледелии и открытие новых рынков, откуда можно получать жизненные припасы, могут временно ослаблять тенденцию к повышению цены предметов необходимости и даже вызывать понижение их естественной цены, то эти факторы будут оказывать соответствующее действие и на естественную цену труда.

Естественная цена всех товаров, кроме сырья и труда, имеет тенденцию падать с прогрессом богатства и населения. И вот почему: хотя их действительная стоимость, с одной стороны, повышается вследствие повышения естественной цены сырого материала, из которого они сделаны, но это повышение, с другой стороны, более чем уравновешивается улучшениями в машинах, лучшим разделением и распределением труда и растущим опытом производителей в науках и ремеслах.

Рыночная цена труда есть та цена, которая действительно платится за него в силу естественного действия отношения предложения

к спросу: труд дорог, когда он редок, и дешев, когда имеется в изобилии. Но как бы рыночная цена труда ни отклонялась от естественной цены его, она, подобно цене товаров, имеет тенденцию согласоваться с нею.

Когда рыночная цена труда превышает его естественную цену, рабочий достигает цветущего и счастливого положения, он располагает большим количеством предметов необходимости и житейского удобства и может поэтому вскормить здоровое и многочисленное потомство. Но когда вследствие поощрения к размножению, которое дает высокая заработная плата, число рабочих возрастет, заработная плата опять понизится до своей естественной цены. Она может даже иногда, в силу реакции, упасть ниже ее.

Когда рыночная цена труда ниже его естественной цены, положение рабочих в чрезвычайной степени ухудшается: бедность лишает их тогда тех предметов житейского удобства, которые привычка делает абсолютно необходимыми. Лишь после того, как лишения сократят их число или спрос на труд увеличится, рыночная цена труда поднимется до его естественной цены, и рабочий будет пользоваться умеренным комфортом, который доставляет ему естественная норма заработной платы.

Несмотря на тенденцию заработной платы согласоваться с ее естественной нормой, рыночная цена труда может в прогрессирующем обществе в течение неопределенного периода быть постоянно выше ее, потому что едва только импульс, который увеличение капитала дает новому спросу на труд, повлечет за собой определенные следствия, новое увеличение капитала может произвести то же действие. Таким образом если капитал будет постепенно и постоянно расти, то спрос на труд может давать постоянный стимул к росту населения.

Капитал есть та часть богатства страны, которая употребляется в производстве и состоит из пищи, одежды, инструментов, сырых материалов, машин и пр., необходимых, чтобы труд мог произвести свое действие.

Количество капитала может возрасти одновременно с повышением его стоимости. Может увеличиться количество пищи и одежды в стране в то самое время, как для производства их добавочного количества требуется больше труда, чем прежде; в таком случае увеличится не только количество капитала, но и его стоимость.

Или количество капитала может увеличиться, а стоимость его остается без изменения или даже фактически уменьшается; может даже увеличиться количество пищи и одежды в стране, но благодаря машинам это добавочное количество может быть получено без всякого увеличения и даже при абсолютном уменьшении относительного количества труда, необходимого для его производства. Количество капитала может возрасти, и в то же время стоимость его в целом или отдельных его частей не станет большей, чем прежде [или даже фактически уменьшится]*.

* [Вставка во втором и третьем изданиях].

В первом случае естественная цена [труда]*, которая всегда зависит от цены пищи, одежды и других предметов необходимости, повысится; во втором—она или останется без перемены или понизится; но в обоих случаях рыночная норма заработной платы повысится, потому что пропорционально росту капитала возрастет и спрос на труд. Пропорционально работе, которую надо выполнить, будет расти и спрос на тех, кто должен выполнять ее.

Сверх того в обоих случаях рыночная цена труда поднимется выше его естественной цены, и в обоих случаях она будет иметь тенденцию согласоваться с его естественной ценой, но в особенности скоро это приспособление совершится в первом случае. Положение рабочего улучшится, но не намного, потому что увеличение цены пищи и предметов необходимости поглотит значительную долю увеличения его заработной платы. Поэтому небольшое предложение труда или незначительное увеличение населения скоро сведет рыночную цену труда к его естественной цене, которая при этом увеличится.

Во втором случае положение рабочего улучшится весьма значительно; он будет получать увеличенную денежную плату, не будучи вынужден платить повышенную цену за товары, которые потребляют он и его семья, а, пожалуй, будет даже платить за них меньшую цену. И только после того, как население значительно увеличится, рыночная цена [труда]** опять будет сведена к [его]*** естественной цене, которая при этом уменьшится.

Таким образом с поступательным движением общества, с каждым увеличением его капитала рыночная заработная плата будет повышаться; но устойчивость этого повышения будет зависеть от того, повысилась ли также и естественная цена [труда]****. А это опять-таки будет зависеть от повышения естественной цены тех предметов необходимости, на которые расходуется заработная плата.

Не следует думать, что естественная цена [труда]*****, даже посколькун она определяется в пище и предметах необходимости, абсолютно неподвижна и постоянна. Она изменяется в разные времена в одной и той же стране и очень существенно различается в разных странах¹. Она главным образом зависит от нравов и обычаев народа. Английский рабочий считал бы, что его заработная плата стоит ниже ее естест-

* [В первом издании еще «заработной платы»].

** [То же].

*** [В первом издании—«их»].

**** [В первом издании—«заработной платы»].

***** [В первом издании—«заработная плата»].

¹ «Жилище и одежда, необходимые в одной стране, могут быть вовсе не нужны в другой. В Индостане рабочий может постоянно работать и сохранять всю свою работоспособность, получая в качестве естественной заработной платы такие жилища и одежду, каких в России было бы недостаточно для предохранения рабочего от гибели. Даже в странах, расположенных в одном и том же климате, различия в образе жизни часто вызывают различия в естественной заработной плате, столь же значительные, как и произведенные естественными причинами» («An Essay on the External Corn Trade» by R. Torrens, Esq., p. 68). (Торренс Р., Опыт о внешней торговле хлебом, стр. 68). Весь этот вопрос весьма умело освещен полковником Торренсом. [Это примечание только во втором и третьем изданиях.]

венной нормы и слишком скудна для содержания семьи, если она не позволяет ему покупать иной пищи, кроме картофеля, и жить в лучшем жилище, чем мазанка, но эти скромные естественные потребности часто считаются достаточными в странах, где «жизнь человека дешева» и его нужды легко удовлетворяются. Многие из удобств, которые теперь имеются в английском коттедже, считались бы роскошью в более ранний период нашей истории.

Так как вместе с развитием общества цена мануфактурных товаров постоянно падает, а сырого продукта—столь же постоянно повышается, то в конце концов создается такое несоответствие между относительной стоимостью этих различных товаров, что в богатых странах рабочий, пожертвовав лишь небольшим количеством своей пищи, может с избытком покрыть все свои прочие нужды.

Независимо от изменений в стоимости денег, которые необходимо отражаются на [денежной]* заработной плате, но на действие которых мы до сих пор не обращали внимания, так как принимали, что деньги постоянно имеют одинаковую стоимость, заработная плата [повидимому]** подвержена повышению или падению в силу двух причин:

- 1) предложения и спроса на рабочих;
- 2) цены товаров, на которые расходуется заработная плата.

На разных стадиях общественного развития накопление капитала или средств потребления труда идет с большей или меньшей быстротой и должно во всех случаях зависеть от производительных сил труда. Производительные силы труда выше всего тогда, когда имеется в изобилии плодородная земля: в такие периоды накопление часто идет так быстро, что рост предложения рабочих отстает от роста капитала.

Было вычислено, что при благоприятных условиях население может удвоиться в 25 лет, но при таких же благоприятных условиях весь капитал страны может, пожалуй, удвоиться в более короткий период. В таком случае заработная плата в течение всего этого периода будет иметь тенденцию повышаться, потому что спрос на труд будет расти еще быстрее, чем предложение.

В новых колониях, в которых вводятся ремесла и знания более цивилизованных стран, капитал вероятно имеет тенденцию возрастать быстрее, чем размножаются люди. И если недобор рабочих не будет покрыт приливом их из более населенных стран, то эта тенденция будет сильно повышать цену труда. По мере того как эти страны заселяются и поступает в обработку земля худшего качества, тенденция капитала к возрастанию уменьшается, потому что избыток продукта, остающийся за удовлетворением нужд существующего населения, необходимо должен быть пропорционален легкости производства, т. е. меньшему числу лиц, занятых в производстве. Следовательно, хотя и вероятно, что при самых благоприятных обстоятельствах производительные силы превосходят способность населения к размножению, но долго это состояние продолжаться не может,

* [Вставка в третьем издании].

** [Вставка во втором и третьем изданиях].

потому что при ограниченности количества земли и неодинаковом качестве ее производительность ее с каждым новым увеличением капитала, прилагаемого к ней, будет понижаться, тогда как способность населения к размножению остается всегда одною и тою же.

В тех странах, где плодородная земля имеется в изобилии, но где в силу невежества, лености и варварства население подвергается всем бедствиям нужды и голода, где, как говорится, население давит на средства существования, следует употреблять совсем другие средства исцеления, чем в давно заселенных странах, которые испытывают все бедствия перенаселения вследствие падения уровня производительности в производстве сырых продуктов. В одном случае [зло происходит от дурного управления, от необеспеченности собственности и от недостатка образования во всех слоях народа. Чтобы последний стал счастливее, надо только улучшить систему управления и обучения, и тогда капитал неизбежно будет увеличиваться быстрее, чем население. Никакое увеличение населения не может быть слишком большим, так как производительные силы увеличиваются все еще больше. В другом случае население растет быстрее средств, требующихся для его содержания. Всякое увеличение промышленного трудолюбия, поскольку оно не сопровождается уменьшением нормы прироста населения, только усилит зло, так как производство не может поспевать за населением.

Когда население давит на средства существования, единственными средствами исцеления являются или уменьшение населения, или более быстрое накопление капитала. В богатых странах, где вся плодородная земля уже поступила в обработку, последнее средство и непрактично и не весьма желательно, потому что результатом его при слишком усердном применении будет одинаковое обнищание всех классов. Но в бедных странах, где средства производства имеются в большом количестве, ввиду того что еще не вся плодородная земля возделывается, это—единственно верное и действительное средство для искоренения зла, тем более что результатом его явится улучшение положения всех классов населения.

Друзья человечества могут только желать, чтобы во всех странах рабочие классы всюду развивали в себе потребность к комфорту и развлечениям и были поощряемы в своих усилиях добиться их всеми законными средствами. Нет лучшей гарантии против перенаселения]*. В тех странах, где рабочие классы имеют самые малые

* [В первом издании Рикардо стоял на прямо противоположной точке зрения. Вместо строк: «В одном случае зло происходит» до «Нет лучшей гарантии против перенаселения», Рикардо писал: «Нищета происходит от лени народа. Чтобы последний стал счастливее, он нуждается только в стимуле к трудолюбию. При таком трудолии никакое увеличение населения не может быть слишком большим, так как производительные силы увеличиваются все еще больше. В другом случае население растет быстрее средств, требующихся для его содержания. Всякое увеличение промышленного трудолюбия, поскольку оно не сопровождается уменьшением нормы прироста населения, только усилит зло, так как производство не может поспевать за населением. В некоторых странах Европы и многих в Азии, а также на южноокеанских островах народ бедствует от плохого управления или от привычек беззаботности, которые за-

нужды и довольствуются самой дешевой пищей, население подвержено величайшим превратностям и нищете. Ему негде укрыться от беды; оно не может искать убежища в более низком состоянии: его состояние уже настолько низко, что ниже оно опуститься не может. При всяком недостатке в главном средстве его пропитания население может прибегнуть лишь к очень немногим суррогатам, и дороговизна сопровождается для него почти всеми бедствиями голода.

При естественном поступательном ходе развития общества заработная плата имеет тенденцию к падению, поскольку она регулируется предложением и спросом, потому что приток рабочих будет постоянно увеличиваться в одной и той же пропорции, тогда как спрос на них будет увеличиваться медленнее. Если например заработная плата регулируется ежегодным возрастанием капитала, составляющим 2%, то она упадет, когда процент его накопления будет составлять только $1\frac{1}{2}$. Она упадет еще ниже, когда капитал будет увеличиваться только на 1 или $\frac{1}{2}$ %. Так будет продолжаться до тех пор, пока не остановится накопление капитала, а вместе с ним и движение заработной платы, и последняя будет достаточна только для поддержания существующего населения. Я утверждаю, что при таких обстоятельствах заработная плата, поскольку она регулировалась бы исключительно предложением и спросом рабочих, будет падать, но мы не должны забывать, что заработная плата регулируется также ценами товаров, на которые она расходуется.

С ростом населения цены этих предметов необходимости будут постоянно повышаться, потому что для их производства будет требоваться все больше труда. Если бы, значит, денежная заработная плата падала и в то же время каждый товар, на который она расходуется, становился дороже, то рабочий страдал бы вдвойне и скоро совершенно лишился бы возможности существовать. Поэтому

ставляют его предпочитать имеющиеся удобства и бездеятельность, хотя и без гарантии против нужды, умеренному трудолюбию с избытком пищи и предметов необходимости. Уменьшая население этих стран, мы им не окажем никакой помощи, ибо производство будет уменьшаться в такой же, если еще не большей, пропорции. Средством против зла, от которого страдают Польша и Ирландия и которое, подобно злу, испытываемому на южноокеанских островах, заключается в том, чтобы стимулировать трудолюбие, создать новые потребности и развить новые вкусы, ибо эти страны должны накопить гораздо большее количество капитала, пока уменьшенная норма производства сделает рост капитала необходимо менее быстрым, чем рост населения. Легкость, с которой удовлетворяются нужды ирландцев, позволяет этому народу проводить большую часть своего времени в лени: если бы население уменьшилось, это зло возросло бы, потому что повысилась бы заработная плата и вследствие этого рабочий имел бы возможность получить в обмен на еще меньшую часть своего труда все, что требуется для удовлетворения его умеренных потребностей.

Создайте у ирландского рабочего вкус к комфорту и удовольствиям, которые привычка сделала существенно необходимыми для английского рабочего, и он будет тогда согласен посвятить дальнейшую часть своего времени производству, чтобы иметь возможность получить их. Тогда будут добываться не только все добываемые теперь средства пропитания, но и большая добавочная стоимость во всех тех товарах, на производство которых может быть направлен не занятый теперь труд страны»].

денежная заработная плата будет не падать, а повышаться, но не в достаточной мере для того, чтобы рабочий имел возможность покупать столько же предметов комфорта и необходимости, сколько он покупал до повышения цены этих товаров. Если раньше его заработная плата составляла 24 ф. ст. в год, или 6 кварталов пшеницы, при оценке квартера в 4 ф. ст., то он вероятно будет получать только стоимость 5 кварталов, когда цена квартера хлеба поднимется до 5 ф. ст. за квартал. Но 5 кварталов будут стоить 25 ф. ст.; следовательно он получит прибавку к своей денежной заработной плате, хотя и с этой прибавкой ему нельзя будет иметь столько же хлеба и других товаров, сколько он и его семья потребляли прежде.

Несмотря на то что рабочий будет в действительности оплачиваться хуже, увеличение его заработной платы необходимо уменьшит прибыль фабриканта, потому что товары его будут продаваться не по более высокой цене, хотя издержки производства их увеличатся. Но это явление мы рассмотрим после, при исследовании законов, регулирующих прибыль.

Итак, оказывается, что та же причина, которая повышает ренту, а именно, возрастающая трудность получения добавочного количества пищи с помощью пропорционального добавочного количества труда, будет повышать и заработную плату. А потому, если стоимость денег останется без изменения, то и рента и заработная плата будут иметь тенденцию расти вместе с ростом богатства и населения.

Но между ростом ренты и ростом заработной платы есть существенная разница. Повышение денежной стоимости ренты сопровождается увеличением ее доли в продукте; не только денежная рента землевладельца становится больше, но и его хлебная рента; он получает больше хлеба, и каждая единица меры этого хлеба будет обмениваться на большее количество всех других товаров, стоимость которых не повысилась. Судьба рабочего будет менее счастливой; правда, он будет получать большую денежную плату, но его хлебная заработная плата сократится. И он не только будет распоряжаться теперь меньшим количеством хлеба. Ухудшится также и его общее положение, потому что ему труднее будет поддерживать рыночную норму заработной платы выше ее естественной нормы. Когда цена хлеба будет повышаться на 10%, заработная плата всегда будет повышаться менее чем на 10%, рента же всегда будет повышаться более; положение рабочего будет вообще ухудшаться, а землевладелец—становиться все лучше и лучше.

Предположим, что заработная плата рабочего составляла 24 ф. ст. в год при цене квартера пшеницы в 4 ф. ст., или равнялась по стоимости 6 квартерам пшеницы, и предположим, что половину своего заработка он расходовал на пшеницу, а другую половину, или 12 ф. ст., на прочие вещи.

Он получал бы:

24 ф. ст. 14 шилл.	$\left\{ \begin{array}{l} \text{когда} \\ \text{пшеница} \\ \text{стоила} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} 4 \text{ ф. ст. } 4 \text{ шилл. } 8 \text{ пенс.} \\ 4 \text{ » } \text{ » } 10 \text{ » } 8 \text{ »} \\ 4 \text{ » } \text{ » } 16 \text{ » } 8 \text{ »} \\ 5 \text{ » } \text{ » } 2 \text{ » } 10 \text{ »} \end{array} \right.$	$\left. \begin{array}{l} \text{или} \\ \text{стои-} \\ \text{мость} \\ \text{в} \end{array} \right\}$	5,83 квартера
25 » » 10 »				5,66 »
26 » » 8 »				5,50 »
27 » » 8 » 6 пенс.				5,33 »

Получая эту заработную плату, он имел бы возможность жить так же хорошо, как и прежде, но не лучше. Потому что, когда хлеб стоит 4 ф. ст. за квартал, он тратил бы

на 3 квартера хлеба по 4 ф. ст. квартал	12 ф. ст.
и на другие вещи	12 » »
	<hr/>
	24 ф. ст.

Когда пшеница стоила 4 ф. ст. 4 шилл. 8 пенс.,
3 квартера, которые потреблял он и его семья,
стоили ему 12 ф. ст. 14 шилл.
а прочие вещи, цены которых не изменились, 12 » »

24 ф. ст. 14 шилл.

При цене в 4 ф. ст. 10 шилл. 3 квартера
пшеницы стоили 13 ф. ст. 10 шилл.
а прочие вещи 12 » »

25 ф. ст. 10 шилл.

При цене в 4 ф. ст. 16 шилл., 3 квартера
пшеницы 14 ф. ст. 8 шилл.
прочие вещи 12 » »

26 ф. ст. 8 шилл.

При цене в 5 ф. ст. 2 шилл. 10 пенс.
3 квартера пшеницы 15 ф. ст. 8 шилл. 6 пенс.
прочие вещи 12 » »

27 ф. ст. 8 шилл. 6 пенс.

Пропорционально вздорожанию хлеба он получал бы меньшую заработную плату, поскольку она выражается в хлебе; денежная же заработная плата его все увеличивалась бы, а другие его житейские удобства, по сделанному выше предположению, оставались бы совершенно без изменения. Но так как цены других товаров повышаются пропорционально количеству входящего в них сырого продукта, то за некоторые из них он должен был бы платить больше. Хотя его чай, сахар, мыло, свечи и квартирная плата вероятно будут не дороже, ему придется платить больше за ветчину, сыр, масло, холст, обувь и платье. Поэтому даже при принятом выше увеличении заработной платы его положение сравнительно ухудшится. Но могут сказать, что, рассматривая влияние заработной платы на цены, я предполагал, что золото, или металл, из которого изготавливаются деньги, есть продукт той страны, в которой изменялась заработная плата, и что следствия, мною выведенные, мало согласуются с действительным положением дел, потому что золото—металл, добываемый за границей. Однако то обстоятельство, что золото—иностраный продукт, не ослабляет еще силы аргументации: можно показать, что, добывается ли золото дома или же ввозится из-за границы,—результаты в конце концов и даже непосредственно будут одни и те же.

Когда повышается заработная плата, то это происходит вообще потому, что увеличение богатства и капитала вызывает новый спрос на труд, который будет неминуемо сопровождаться увеличением производства товаров. Для обращения этих добавочных товаров, хотя бы по тем же ценам, что и раньше, потребуется добавочное количество денег, добавочное количество того иностранного товара, из которого делаются деньги и который может быть получен только путем ввоза. Всякий раз, как товар требуется в большем количестве, чем прежде, его относительная стоимость повышается в сравнении со стоимостью тех товаров, за которые он покупается. Если бы потребовалось больше шляп, их цена повысилась бы и за них давали бы больше золота. Если бы понадобилось больше золота, то повысилась бы его цена, а цена шляп упала бы, так как для покупки прежнего количества золота тогда было бы необходимо большее количество шляп и всех других вещей. Но сказать в предположенном случае, что цены товаров повысились, потому что повысилась заработная плата, значит допускать положительное противоречие: сначала мы говорим, что вследствие спроса поднимается относительная стоимость золота, а затем—что его относительная стоимость падает, потому что цены поднимутся,—две вещи, совершенно несовместимые друг с другом. Сказать, что повысились цены товаров,—то же самое, что сказать, что понизилась относительная стоимость денег, потому что относительная стоимость золота вычисляется в товарах. Значит, если повысились цены всех товаров, то золото не притекало бы из-за границы для покупки этих дорогих товаров. Оно, наоборот, уходило бы из страны и употреблялось бы с выгодой для покупки сравнительно дешевых иностранных товаров. Таким образом видно, что повышение заработной платы не поднимет товарных цен, все равно, производится ли металл, из которого делаются деньги, дома или за границей. Цены всех товаров не могут подняться в одно и то же время без добавочного количества денег. Эта прибавка не может быть получена дома, как мы уже показали, и не может также быть ввезена из-за границы. Для покупки какого-либо добавочного количества золота за границей наши товары должны быть дешевы, а не дороги. Ввоз золота и поднятие цен всех местных товаров, на которые покупается золото,—абсолютно несовместимые вещи. Широкое употребление бумажных денег не изменяет дела, потому что бумажные деньги согласуются—или должны согласоваться—со стоимостью золота, и потому на их стоимость влияют те же причины, которые влияют и на стоимость этого металла.

Таковы следовательно законы, управляющие заработной платой и судьбой самой значительной части всякого общества. Подобно всем другим договорам, заработная плата должна быть предоставлена нормальной и свободной рыночной конкуренции и никогда не должна контролироваться вмешательством законодательства.

Ясная и прямая тенденция законов о бедных прямо противоречит этим очевидным принципам: эти законы ведут не к улучшению положения бедных, что имели в виду благодушные законодатели, а к ухудшению положения и богатых и бедных. Вместо того чтобы делать

бедных богаче, они как бы рассчитаны на то, чтобы сделать богатых беднее. Пока эти законы остаются в силе, вполне естественно, что суммы на содержание бедных будут прогрессивно расти, пока они не поглотят весь чистый доход страны, или, по крайней мере, все, что государство оставит нам за покрытием своих собственных обязательных потребностей по государственным расходам¹.

Эта пагубная тенденция законов о бедных уже не является тайной, после того как она была вполне выяснена талантливым пером Мальтуса, и всякий друг бедных должен горячо желать полной отмены их. К несчастью однако они изданы так давно и бедняки настолько свыклись с ними, что радикальное устранение их из нашей политической системы требует величайшей осторожности и умения. Даже самые ревностные сторонники отмены этих законов согласны, что, если желательна оградить от самой гнетущей нищеты тех, для блага которых они были ошибочно изданы, их отмена должна быть проведена с величайшей постепенностью.

Не подлежит никакому сомнению, что довольство и благосостояние бедных не могут быть обеспечены надолго, если вследствие их собственных стараний или некоторых усилий со стороны законодательства не будет урегулировано увеличение их численности и если не будет уменьшено среди них число ранних и непредусмотрительных браков. Действие системы призрения бедных было прямо противоположное. Оно делало воздержание излишним и поощряло неблагоразумных, предлагая им долю заработка благоразумных и трудолюбивых².

Природа этого бедствия сама указывает на лекарство. Постепенно суживая сферу применения законов о бедных, внушая беднякам понятие о значении независимости, приучая их рассчитывать в деле пропитания не на систематическую или случайную благотворительность, а на свои собственные усилия, разъясняя им, что благоразумие и предусмотрительность далеко не лишние и не бесполезные добродетели, мы постепенно приблизимся к более нормальному и здоровому состоянию.

¹ Если г. Бьюкенен в следующей цитате говорит только о временном состоянии бедности, то я согласен с ним, что «великое зло в судьбе рабочего есть бедность, происходящая от недостатка или пищи или работы, и во всех странах издано было бесчисленное множество законов, чтобы помочь ему. Но при нашем общественном устройстве существуют и такие бедствия, которых законодательство не может облегчить, и потому полезно знать пределы его мощи, чтоб мы в погоне за неосуществимым не упустили того хорошего, что действительно в нашей власти» (Buchanan, p. 61).

² К счастью, прогресс в понимании этого вопроса, какой обнаружила палата общин с 1796 г., довольно велик, как можно видеть из сравнения последнего доклада комитета по рассмотрению законов о призрении бедных со следующими заявлениями Питта, сделанными в названном году. «Пусть,—сказал он,—получение помощи в тех случаях, когда есть много детей, будет делом права и чести, а не предметом позора и презрения. Это сделает большое семейство благословением, а не проклятием, и проведет надлежащую разграничительную линию между теми, кто может пропитать себя собственным трудом, и теми кто, обогатив страну большим числом детей, имеют право на помощь с ее стороны в деле их пропитания» (Hansard's Parliamentary History, v. XXXII, p. 710). [Это примечание имеется только во втором и третьем изданиях].

Всякий план реформы законов о бедных, который не ставит себе целью их окончательную отмену, не заслуживает ни малейшего внимания. И лучшим другом бедняков и дела всего человечества мы признаем того, кто сможет указать самые верные и в то же время наименее принудительные меры для достижения этой цели. Если бы мы каким-нибудь новым способом, отличным от настоящего, увеличили фонд для содержания бедных, мы несколько не смягчили бы это зло. Наоборот, если бы мы увеличили этот фонд или, как некоторые предлагают, собирали его как общий фонд со всей страны, мы не только не облегчили бы зло, которое мы желаем устранить, но еще более увеличили бы его. Настоящий способ его собирания и расходования способствовал смягчению его пагубных действий. Каждый приход собирает отдельный фонд для содержания своих собственных бедных. Поэтому люди более заинтересованы в том, чтобы держать местные сборы на бедных на низком уровне, и это более осуществимо, чем если бы собирался один общий фонд для помощи бедным всего королевства. Приход более заинтересован в экономном взимании налога и в осмотрительном распределении пособий, когда вся экономия пойдет в его собственную пользу, чем если сотни других приходов будут участвовать в ней.

Только этой причиной мы можем объяснить, что законы о бедных не поглотили еще всего чистого дохода страны; строгой разборчивости при оказании помощи мы обязаны тем, что гнет их не возрос до колоссальных размеров. Если бы всякое человеческое существо, нуждающееся в поддержке, было уверено, что получит ее в силу закона и получит в размере, вполне достаточном для сносной жизни, то на основании теории можно было бы ожидать, что все другие налоги, взятые вместе, были бы безделицей в сравнении с одним налогом на бедных. Законы о бедных имеют тенденцию—и эта тенденция их действует не менее фатально, чем закон тяготения,—превращать богатство и силу в нищету и бессилие; они направляют все усилия труда только на одну цель—добывание пропитания; они уничтожают всякие умственные различия и занимают ум одной мыслью об удовлетворении физических потребностей, пока наконец все классы не будут поражены чумой всеобщей бедности. К счастью, эти законы действовали в период возрастающего благосостояния, когда фонд заработной платы возрастал регулярно и размножение населения не стимулировалось искусственным путем. Но если бы наш прогресс замедлился, если бы мы достигли неподвижного состояния, от которого, я уверен, мы еще весьма далеки, тогда гибельная сущность этих законов проявилась бы в более явственных и опасных формах, и тогда отмена их встретила бы много новых затруднений.

ГЛАВА VI

О ПРИБЫЛИ

Мы уже показали прежде, что прибыль на капитал в разных отраслях сохраняет известное соотношение и имеет тенденцию изменяться в одинаковой степени и в одинаковом направлении. Теперь мы должны рассмотреть, какова причина длительных изменений в норме прибыли и связанных с ними длительных перемен в норме процента.

Мы видели, что цена¹ хлеба регулируется количеством труда, необходимого для его производства с помощью той части капитала, которая не платит никакой ренты. Мы видели далее, что цены всех мануфактурных товаров повышаются или падают соразмерно тому, больше или меньше труда необходимо для их производства. Ни фермер, обрабатывающий землю того разряда, который регулирует цену, ни фабрикант, который изготавливает мануфактурные товары, не поступаются никакой долей продукта ради ренты. Вся стоимость их товаров делится только на две части: одна составляет прибыль на капитал, другая—заработную плату.

Если предположить, что хлеб и мануфактурные изделия всегда продаются по одной и той же цене, то прибыль будет высока или низка в соответствии с тем, низка или высока заработная плата. Но предположим, что цена хлеба поднялась, потому что требуется больше труда для его производства; эта причина не повысит цены мануфактурных товаров, в производстве которых не требуется добавочного количества труда. Если бы следовательно заработная плата осталась прежней, то и прибыль фабриканта осталась бы прежней; но если—а это безусловно произойдет—заработная плата повысится вместе с повышением цены хлеба, то прибыль необходимо упадет.

Если фабрикант всегда продает свои товары за одни и те же деньги, например 1 000 ф. ст., то его прибыль зависит от цены труда, необходимого для изготовления этих товаров. Она будет меньше, когда заработная плата составляет 800 ф. ст., чем когда она составляет только 600. Следовательно прибыль будет падать соразмерно повы-

¹ Прошу читателя помнить, что для большей ясности я принимаю, что стоимость денег неизменна, и потому всякое изменение в цене должно быть относимо на счет перемены в стоимости товара.

шению заработной платы. Но мне могут задать вопрос: раз цена сырых произведений увеличится, то не будет ли в конце концов прибыль фермера оставаться на прежнем уровне, хотя он и должен платить добавочную сумму в качестве заработной платы? Наверное нет: ведь ему придется наравне с фабрикантом не только платить увеличенную заработную плату каждому рабочему, которого он держит, но и платить ренту или же употреблять добавочное число рабочих для получения того же количества продукта. А повышение в цене сырых произведений будет соразмерно только этой ренте или же этому добавочному числу рабочих и не вознаградит его за повышение заработной платы.

Если как фабрикант, так и фермер держали по десяти рабочих с жалованием в 24 ф. ст. в год каждому, которое теперь повысилось до 25 ф. ст., то вся сумма, уплачиваемая каждым из них, будет составлять 250 ф. ст. вместо 240. Фабриканту придется нести только этот добавочный расход, чтобы получить то же количество товаров; но фермер, ведущий хозяйство на новой земле, будет, пожалуй, вынужден держать лишнего рабочего и платить поэтому добавочную сумму в 25 ф. ст. в качестве заработной платы, а фермер на старой земле вынужден будет платить точно такую же добавочную сумму в 25 ф. ст. в качестве ренты: не будь нужен добавочный труд, ни цена хлеба не могла бы подняться, ни рента увеличиться. Итак, одному фермеру придется платить 275 ф. ст. в качестве одной только заработной платы, а другому—в качестве заработной платы и ренты вместе, каждому из них на 25 ф. ст. больше, чем фабриканту; за последние 25 ф. ст. фермер вознаграждается прибавкой к цене сырых произведений, и потому его прибыль все еще будет согласоваться с прибылью фабриканта. Ввиду важности этого положения я постараюсь разъяснить его еще больше.

Мы показали, что на ранних стадиях общественного развития как доля землевладельца, так и доля рабочего в *стоимости* продукта земли весьма невелика и что она возрастает пропорционально возрастанию богатства и трудности добывания пищи. Мы показали кроме того, что, хотя стоимость доли рабочего возрастает вследствие высокой цены жизненных припасов, его действительная доля уменьшается. Что же касается доли землевладельца, то возрастает не только ее стоимость, но и ее количество.

Часть продукта земли, остающаяся за уплатой землевладельцу и рабочим, безусловно принадлежит фермеру и составляет прибыль на его капитал. Но мне могут возразить, что хотя с поступательным движением общества доля фермера во всем продукте уменьшается, он, несмотря на это, так же как землевладелец и рабочий, может получать более значительную стоимость, так как повысится стоимость всего продукта.

Могут сказать например, что когда цена хлеба поднимается с 4 до 10 ф. ст., то 180 кварталов, полученных с наилучшей земли, будут продаваться за 1 800 ф. ст. вместо 720. Поэтому, хотя бы и было доказано, что землевладелец и рабочий в виде ренты и заработной платы будут получать большую стоимость, все же стоимость прибыли

фермера может также увеличиться. Это однако невозможно, как я сейчас постараюсь показать.

Во-первых, цена хлеба поднимается только пропорционально увеличению трудности добывания его с земли худшего качества.

Уже было замечено, что если труд 10 рабочих на земле известного качества дает 180 кварталов пшеницы стоимостью в 4 ф. ст. квартал, или всего 720 ф. ст., и если труд десяти добавочных рабочих произведет на той же или другой земле только 170 добавочных кварталов, то цена пшеницы поднимется с 4 ф. ст. до 4 ф. ст. 4 шилл. 8 пенс. ($170 : 180 = 4 \text{ ф. ст.} : 4 \text{ ф. ст. 4 шилл. 8 пенс.}$) или иначе: так как для производства 170 кварталов пшеницы во втором случае нужен труд десяти человек, а в первом—только 9,44, то повышение будет в пропорции 9,44 к 10, или 4 ф. ст. к 4 ф. ст. 4 шилл. 8 пенс. Точно таким же образом можно показать, что если труд десяти добавочных рабочих произведет только 160 кварталов, то цена поднимается далее до 4 ф. ст. 10 шилл.; если 150,—то до 4 ф. ст. 16 шилл. и т. д. и т. д.

Но когда на земле, не платящей ренты, производилось 180 кварталов и цена была 4 ф. ст. за квартал, они продавались за 720 ф. ст.

А когда на земле, не платящей ренты, производилось 170 кварталов и цена поднималась до 4 ф. ст. 4 шилл. 8 пенс., они продавались все еще за 720 ф. ст.

Точно так же 160 кварталов по 4 ф. ст. 10 шилл. дадут 720 ф. ст.

И 150 кварталов по 4 ф. ст. 16 шилл. дадут ту же сумму в 720 ф. ст.

Очевидно теперь, что если из этих равных стоимостей фермер вынужден сегодня платить заработную плату, регулируемую ценой пшеницы в 4 ф. ст., а завтра заработную плату, регулируемую более высокими ценами, то норма его прибыли будет уменьшаться соразмерно повышению цены хлеба.

Итак, мне кажется, в этом случае ясно доказано, что повышение цены хлеба, которое увеличивает денежную заработную плату рабочего, уменьшает денежную стоимость прибыли фермера.

Но и фермер, обрабатывающий старую, более плодородную землю, будет не в лучшем положении; он также будет платить повышенную заработную плату и, как бы ни была высока цена его продукта, никогда не будет удерживать из стоимости его более 720 ф. ст. Эта сумма должна быть поделена между ним и его рабочими, число которых остается одинаковым; и чем больше будут получать они, тем меньше будет оставаться ему.

Когда цена хлеба была 4 ф. ст., все 180 кварталов принадлежали земледельцу, и он продавал их за 720 ф. ст. Когда цена хлеба поднялась до 4 ф. ст. 4 шилл. 8 пенс., он вынужден был платить стоимость 10 кварталов в качестве ренты, следовательно остальные 170 кварталов давали ему не более 720 ф. ст. Когда цена хлеба поднялась далее до 4 ф. ст. 10 шилл., он платил 20 кварталов—или их стоимость—в качестве ренты и следовательно удерживал в свою пользу только 160 кварталов, которые давали ту же сумму в 720 ф. ст.

Мы видим таким образом, что, как бы ни повышалась цена хлеба вследствие необходимости употреблять больше труда и капитала для получения данного добавочного количества продукта, такое повы

шение всегда будет уравниваться стоимостью добавочной ренты или добавочного труда, так что, продается ли хлеб по 4 ф. ст., 4 ф. ст. 10 шилл. или 5 ф. ст. 2 шилл. 10 пенс., фермер всегда будет получать за часть продукта, которая останется ему после уплаты ренты, одну и ту же реальную стоимость. Итак, мы видим, что, составляет ли продукт, принадлежащий фермеру, 180, 170, 160 или 150 кварталов, он всегда будет выручать за него одну и ту же сумму—720 ф. ст.; цена растет обратно пропорционально количеству.

Таким образом рента, как оказывается, всегда падает на потребителя и никогда на фермера. Ибо, если продукт его фермы постоянно будет составлять 180 кварталов, то с повышением цены он будет удерживать в свою пользу стоимость меньшего количества и отдавать стоимость большего количества землевладельцу. Но вычет этот должен быть таков, чтобы у него оставалась всегда одна и та же сумма в 720 ф. ст.

Мы видим кроме того, что во всех случаях одна и та же сумма в 720 ф. ст. должна быть разделена между заработной платой и прибылью. Если стоимость сырых произведений, доставляемых землей, превышает эту стоимость, то излишек, какова бы ни была его величина, присоединяется к ренте. Если бы излишка не было, то и ренты не было бы. Поднимается ли заработная плата или прибыль, или же падает, все равно и та и другая должны быть выплачены из этой суммы в 720 ф. ст. Прибыль, с одной стороны, никогда не может подняться так высоко, чтобы поглотить из этих 720 ф. ст. такую большую часть, что остатка нехватило бы на снабжение рабочих предметами абсолютной необходимости; заработная плата, с другой стороны, никогда не может подняться так высоко, чтобы из этой суммы ничего не осталось для прибыли.

Таким образом во всех случаях прибыль, как в земледелии, так и в промышленности, понижается при повышении цены сырых произведений, если оно сопровождается повышением заработной платы¹. Если фермер не выручает добавочной стоимости за хлеб, остающийся ему за уплатой ренты, если фабрикант не выручает добавочной стоимости за производимые им товары и если оба они вынуждены платить более значительную стоимость в виде заработной платы, то можно ли яснее показать, что прибыль должна падать с повышением заработной платы?

Итак, фермер, хотя он и не платит в действительности ни одной частицы ренты землевладельцу, так как она всегда регулируется ценой продукта и неизменно падает на потребителей, все-таки решительно заинтересован в том, чтобы рента держалась на низком уровне или, лучше сказать, чтобы цена сырых произведений держалась на низком уровне. Как потребитель сырых произведений и предметов, в состав которых они входят, он вместе с другими потребителями

¹ Читатель знает, что мы оставляем без рассмотрения случайные изменения, зависящие от плохих и хороших урожаев или от увеличения или уменьшения спроса вследствие каких-либо внезапных перемен в состоянии населения. Мы говорим о естественной и постоянной, а не о случайной и колеблющейся цене хлеба.

заинтересован в том, чтобы цена оставалась на низком уровне. Но всего чувствительнее затрагивает его высокая цена хлеба ввиду влияния ее на заработную плату. С каждым повышением цены хлеба ему придется платить из одной и той же неизменной суммы в 720 ф. ст. прибавочную сумму к заработной плате десяти рабочих, которых он, по нашему предположению, постоянно держит. Мы видели при рассмотрении заработной платы, что она неизменно повышается с повышением цены сырых произведений. Положив в основу нашего вычисления тот же самый расчет, мы увидим, что если при цене пшеницы в 4 ф. ст. за квартал заработная плата равняется 24 ф. ст. в год, то

		ф. ст. шилл. пенс.			ф. ст. шилл. пенс.			
при цене пшеницы в	{	4	4	8	} заработная плата будет равняться	24	14	0
		4	10	0		25	10	0
		4	16	0		26	8	0
		5	2	10		27	8	6

Теперь из неизменного фонда в 720 ф. ст., подлежащего распределению между рабочими и фермером,

		ф. ст. шилл. пенс.			ф. ст. шилл. пенс.		ф. ст. шилл. пенс.						
когда цена пшеницы составляет	{	4	0	0	} рабочие получают	{	240	0	0	} фермер получает	480	0	0
		4	4	8			247	0	0		473	0	0
		4	10	0			255	0	0		465	0	0
		4	16	0			264	0	0		456	0	0
		5	2	10			274	5	0		445	15	0 ¹

При предположении, что первоначальный капитал фермера равнялся 3 000 ф. ст., прибыль на его капитал, будучи в первом случае равной 480 ф. ст., составит 16%. Когда его прибыль падала до 473 ф. ст., она составляла 15,7%, когда она падает до

465 ф. ст.	15,5%
456 » »	15,2 »
445 » »	14,8 »

Но норма прибыли упадет еще больше, потому что капитал фермера, как мы уже видели, состоит в значительной мере из сырых произведений, как его хлеб и сено, невымолоченная пшеница и ячмень, лошади и коровы, цена которых повысится, как только повысится цена продуктов. Его абсолютная прибыль упадет с 480 ф. ст. до 445 ф. ст. 15 шилл.; но если по только что указанной мною причине его капитал возрастет с 3 000 до 3 200 ф. ст., то при цене хлеба в 5 ф. ст. 2 шилл. 10 пенс. его прибыль будет ниже 14%.

¹ 180 кварталов пшеницы будут делиться при вышеуказанных изменениях в стоимости хлеба в следующих пропорциях между землевладельцами, фермерами и рабочими:

Цена квартера ф. ст. шилл. пенс.	Рента в пшенице	Прибыль в пшенице (в квартерах)	Зарботная плата в пшенице (в квартерах)	Итого
4 0 0	нет никакой	120	60	} 180
4 4 8	10	111,7	58,3	
4 10 0	20	103,4	56,6	
4 16 0	30	95	55	
5 2 10	40	86,7	53,3	

Если фабрикант затрачивает в своем деле тоже 3 000 ф. ст., то он будет вынужден вследствие повышения заработной платы увеличить свой капитал, чтобы иметь возможность вести попрежнему дело. Если его товары продавались раньше за 720 ф. ст., то они будут и впредь продаваться по этой же цене, но заработная плата, которая раньше составляла 240 ф. ст., поднимается при цене хлеба в 5 ф. ст. 2 шилл. 10 пенс. до 274 ф. ст. 5 шилл. В первом случае у него оставалось в качестве прибыли с 3 000 ф. ст. — 480 ф. ст., во втором—он получит всего 445 ф. ст. 15 шилл. прибыли на увеличенный капитал, и следовательно его прибыль приспособится к изменившейся норме прибыли фермера.

Товары, на цене которых не отражалось бы в большей или меньшей степени повышение цены сырых произведений, встречаются очень редко, потому что получаемый от земли сырой материал входит в состав большинства товаров. Цены таких товаров, как ситец холст и сукно, поднимутся вместе с повышением цены пшеницы, но они поднимутся потому, что на сырой материал, из которого они изготовляются, затрачивается больше труда, а не потому, что фабрикант больше платит рабочим, которые изготовляют для него эти товары.

Во всех этих случаях цены товаров повысятся потому, что на них затрачивается больше труда, а не потому, что труд, который затрачивается на них, имеет более высокую стоимость. Цены драгоценных вещей, цены изделий из железа, жести и меди не поднимутся, потому что в состав их не входит никакой сырой материал, получаемый с поверхности земли.

Могут сказать, что я принимал за доказанное то, что денежная заработная плата поднимается вместе с повышением цены сырых произведений, но что это вовсе не является необходимым следствием, потому что рабочий в состоянии довольствоваться меньшими житейскими удобствами.

Действительно, заработная плата могла раньше стоять на высоком уровне и может вынести некоторое понижение. Если так, то падение прибыли будет замедлено. Но невозможно думать, чтобы денежная цена заработной платы упала или оставалась неподвижной при постепенном увеличении цен предметов необходимости. И потому можно считать доказанным, что при обычных обстоятельствах не может иметь места никакое длительное повышение цен предметов необходимости, которое не сопровождалось бы или которому не предшествовало бы повышение заработной платы.

И при тех же обстоятельствах денежные—рента, заработная плата и прибыль—будут составлять:

Цена квартера			Рента			Прибыль			Заработная плата			Итого		
ф. ст.	шилл.	пенс.	ф. ст.	шилл.	пенс.	ф. ст.	шилл.	пенс.	ф. ст.	шилл.	пенс.	ф. ст.	шилл.	пенс.
4	0	0	нет никакой			480	0	0	240	0	0	720	0	0
4	4	8	42	7	6	473	0	0	247	0	0	762	7	6
4	10	0	90	0	0	465	0	0	255	0	0	810	0	0
4	16	0	144	0	0	456	0	0	264	0	0	864	0	0
5	2	10	205	13	4	445	15	0	274	5	0	925	13	4

Одинаковое, или почти одинаковое, действие на прибыль произвело бы повышение цен других предметов необходимости, помимо пищи, на которые расходуется заработная плата. Необходимость платить повышенную цену за эти предметы заставит рабочего требовать большей заработной платы, а все, что увеличивает заработную плату, уменьшает прибыль. Но предположим, что повысились цены шелка, бархата, мебели и разных других товаров, в которых рабочий не нуждается, и что повышение это произошло вследствие того, что на них расходуется больше труда. Отразится ли это на прибыли? Конечно нет: ведь на прибыли не может отразиться ничего, кроме повышения заработной платы; шелк и бархат не потребляются рабочими, и потому повышение их цен не может повышать заработной платы.

Следует помнить, что я говорю о прибыли вообще. Я уже заметил, что рыночная цена товара может превышать его естественную или необходимую цену, потому что он может быть произведен в меньшем количестве, чем сколько требует новый спрос на него. Это однако лишь временное явление. Высокая прибыль на капитал, занятый в производстве такого товара, будет естественно привлекать капиталы в данную отрасль промышленности, и, как только будут доставлены необходимые фонды и количество товара увеличится в достаточной степени, цена его упадет, и прибыль в данной отрасли придет в соответствие с общей нормой. Падение общей нормы прибыли вовсе не несовместимо с частичным повышением прибыли в отдельных отраслях. Благодаря именно неравенству прибыли капитал и перемещается из одного занятия в другое. Таким образом в то время как общая прибыль падает и для нее постепенно устанавливается более низкая норма вследствие повышения заработной платы и возрастающей затруднительности снабжения увеличивающегося населения предметами необходимости, прибыль фермера может в течение короткого промежутка времени стоять на более высоком уровне в сравнении с прежним. Точно так же на некоторое время может быть дан необычайный толчок той или другой отрасли внешней и колониальной торговли, но допущение этого факта ничуть не лишает силы теорию, в силу которой прибыль зависит от высокой или низкой заработной платы, а заработная плата—от цены предметов необходимости, и цена предметов необходимости—главным образом от цен жизненных припасов, потому что количество всех других предметов может быть увеличено почти беспредельно.

Следует также помнить, что рыночные цены постоянно меняются и прежде всего в связи с сравнительным состоянием спроса и предложения. Хотя сукно может быть поставлено по 40 шилл. за ярд и дать при этом обычную прибыль на капитал, цена его может подняться до 60 или до 80 шилл. вследствие общей перемены моды или какой-либо другой причины, которая неожиданно и сразу усилит спрос на него или уменьшит предложение. Фабриканты сукна временно будут пользоваться необычной прибылью, но капитал, естественно, станет притекать в эту отрасль промышленности, пока спрос и предложение не уравниваются снова, а тогда цена сукна опять упадет

до 40 шилл., до его естественной или необходимой цены. Точно таким же образом с увеличением спроса на хлеб цена его может подняться так высоко, что будет давать фермеру прибыль больше средней. Если плодородная земля имеется в изобилии, то цена хлеба опять упадет до прежнего уровня, после того как на производство его будет обращено необходимое количество капитала, и прибыль опять вернется к своей прежней норме; но если плодородная земля не имеется в изобилии, если для производства добавочного количества требуется больше капитала и труда, чем прежде, то цена хлеба не понизится до своего прежнего уровня. Его естественная цена поднимется, и фермер, вместо того чтобы долго получать большую прибыль, окажется вынужденным довольствоваться меньшей нормой как неизбежным последствием повышения заработной платы, вызванного повышением цен на предметы необходимости.

Следовательно прибыль имеет естественную тенденцию падать, потому что с прогрессом общества и богатства требующееся добавочное количество пищи получается только при затрате все большего и большего труда. К счастью, эта тенденция, это, так сказать, тяготение прибыли время от времени задерживается улучшениями в машинах, употребляемых в производстве предметов необходимости, а также открытиями в агрономической науке, которые позволяют нам сберечь часть труда, требовавшегося раньше, и таким образом понизить цену предметов первой необходимости рабочего. Повышение цены предметов необходимости и заработной платы имеет однако свой предел: как только заработная плата будет равна (как в приведенном раньше случае) 720 ф. ст., всей выручке фермера, должен наступить конец накоплению; никакой капитал не может тогда давать прибыли и не может быть спроса на добавочный труд, а следовательно и население достигнет своей наивысшей точки. Однако задолго до этого периода весьма низкий уровень прибыли остановит всякое накопление, и почти весь продукт страны, за вычетом платы рабочих, станет собственностью землевладельцев и сборщиков десятины и налогов.

Таким образом, положив в основу вычисления прежний, правда, очень несовершенный расчет, мы увидим, что, когда хлеб будет стоить 20 ф. ст. за кварталер, весь чистый доход страны будет принадлежать землевладельцам, потому что тогда то же количество труда, которое первоначально было необходимо для производства 180 кварталеров, будет необходимо для производства 36 (20 ф. ст.: 4 ф. ст. = 180 : 36). Фермер, который произвел 180 кварталеров (если отыщется таковой, потому что старый и новый капитал, вложенные в землю, настолько перемешаются, что их никак нельзя будет различить), будет продавать

180 кварталеров по 20 ф. ст. за	3 600 ф. ст.
минус стоимость 144 кварталеров { в пользу землевладельца в форме ренты, равняющейся разнице между 36 и 180 кварталерами }	2 880
36 кварталеров	720
минус стоимость 36 кварталеров 10 рабочим	720

Итак, на прибыль не остается ничего.

[Я предполагал, что]* при этой цене 20 ф. ст. за квартал рабочие будут попережнему потреблять

три квартера в год каждый или	60 ф. ст.
и что на другие товары они будут расходовать . . .	12 » »
Итого, на каждого рабочего	72 ф. ст. в год

Следовательно десять рабочих будут стоить в год 720 ф. ст.

Всеми этими вычислениями я желал только выяснить основной принцип, и едва ли надо оговариваться, что все мое вычисление основано на случайно взятых цифрах и может служить только для примера. Я мог бы самым точным образом определить разницу в числе рабочих, которое необходимо для получения последовательных количеств хлеба, требуемых растущим населением, количество, потребляемое семьей рабочего, и пр. и пр., но результаты получились бы в сущности те же самые, несмотря на различие абсолютных цифр. Для большей ясности я старался упростить предмет нашего исследования и потому не принимал в расчет увеличение цены других предметов необходимости кроме пищи рабочего. А такое увеличение было бы непременно следствием увеличения стоимости сырых материалов, из которых они сделаны; вздорожание их конечно еще более увеличило бы заработную плату и понизило бы прибыль.

Я уже сказал, что еще задолго до того, как это состояние цен станет постоянным, исчезнет побуждение к накоплению, потому что никто не накапливает иначе, как с целью производительного применения накопленного капитала, а последний только при производительном употреблении действует на прибыль. Без такого побуждения не может быть накопления, и следовательно такое состояние цен никогда не может иметь места. Фермер и фабрикант так же мало могут жить без прибыли, как рабочий без заработной платы. Их побуждение к накоплению будет уменьшаться с каждым уменьшением прибыли. Оно совершенно прекратится, когда их прибыль будет так низка, что не будет давать им надлежащего вознаграждения за хлопоты и риск, которым они необходимо должны подвергаться при производительном употреблении своего капитала.

Я должен опять оговориться, что норма прибыли будет падать гораздо быстрее, чем я это принимал в своем вычислении. Ибо при той стоимости продукта, какую я принимал при предположенных обстоятельствах, стоимость капитала фермера значительно возросла бы, так как он необходимо состоит из многих таких товаров, стоимость которых увеличилась бы. Прежде чем цена хлеба поднялась бы от 4 ф. ст. до 12, стоимость капитала фермера вероятно удвоилась бы и равнялась бы 6 000 ф. ст. вместо 3 000. И если его прибыль составляла 180 ф. ст., или 6%, на его первоначальный капитал, то норма прибыли в действительности была бы теперь не выше 3%, потому что 6 000 ф. ст. по 3% дают 180 ф. ст.; и только на этих условиях мог бы новый фермер, имеющий 6 000 ф. ст. в кармане, заняться сельским хозяйством.

* [Вставка во втором и третьем изданиях].

Многие отрасли промышленности извлекли бы большую или меньшую выгоду из того же источника. Пивовар, водочный заводчик, фабрикант сукон, фабрикант холста были бы отчасти вознаграждены за уменьшение их прибыли повышением стоимости их запасов сырых и обработанных материалов, но фабриканты железных и вообще металлических изделий, драгоценных вещей и многих других товаров, а также те, капитал которых вообще состоит из денег, подверглись бы в полном размере уменьшению нормы их прибыли без какого-либо вознаграждения.

Мы могли бы также ожидать, что, как бы ни уменьшилась норма прибыли на капитал вследствие накопления капитала в земледелии и повышения заработной платы, общая сумма прибыли увеличилась бы. Так, предполагая, что с накоплением каждых новых 100 тыс. ф. ст. норма прибыли будет падать с 20% до 19, 18, 17, постоянно уменьшаясь, следовало бы ожидать, что величина прибыли, полученной всеми последующими владельцами капитала, будет всегда прогрессировать; что она будет больше, когда капитал равняется 200 тыс. ф. ст., чем когда он достигает всего 100 тыс., еще больше, когда он составляет 300 тыс. и т. д., увеличиваясь, хотя и в понижающейся пропорции, с каждым увеличением капитала. Однако эта прогрессия верна только для известного периода: так, 19% с 200 тыс. составляют больше, чем 20% с 100 тыс., 18% с 300 тыс.—больше, чем 19% с 200 тыс., но когда капитал накопится до известной большой суммы и прибыль опять упадет, дальнейшее накопление будет уменьшать сумму прибыли. Положим, что накопление достигло 1 млн., а прибыль равна 7%, тогда вся сумма прибыли будет 70 тыс.; если теперь к миллиону прибавится еще 100 тыс., а прибыль понизится до 6%, то собственники капитала получают 66 тыс., или на 4 тыс. меньше, хотя вся величина капитала поднялась с 1 млн. до 1100 тыс.

Однако пока капитал вообще дает какую-либо прибыль, немислимо накопление капитала, которое не сопровождалось бы увеличением как количества, так и стоимости продукта. Затрата добавочных 100 тыс. ф. ст. не сделает ни одну из частей прежнего капитала менее производительной. Продукт земли и труда страны должен увеличиться, и стоимость его увеличится не только на стоимость добавочного количества продуктов, но и на новую стоимость, которая прибавляется ко всему продукту земли вследствие увеличения трудности производства последней доли его*. Однако когда накопление капитала станет очень большим, то, несмотря на это увеличение стоимости, продукт будет распределяться таким образом, что на долю прибыли будет доставаться меньшая стоимость, чем прежде, а на долю ренты и заработной платы большая. Так, при последовательных прибавках к капиталу, совершаемых каждый раз в размере 100 тыс. ф. ст., и при падении нормы прибыли с 20% до 19, 18 и 17, количество годового продукта увеличится. Но стоимость его увеличится на сумму более значительную, чем добавочная стоимость,

* [В первом издании сказано было: «какая новая стоимость всегда прибавляется к ренте»].

которая должна быть произведена добавочным капиталом. Стоимость продукта повысится с 20 тыс. ф. ст. до 39 тыс. с лишним, затем до 57 тыс. с лишним. А когда затраченный капитал будет, как мы предположили раньше, равен миллиону, то, хотя при прибавке новых 100 тыс. ф. ст. общая сумма прибыли будет в действительности меньше, чем прежде, все-таки доход страны увеличится больше чем на 6 000 ф. ст. Но это увеличение достанется землевладельцам и рабочим. Они получают больше, чем составляет добавочный продукт, и будут в состоянии даже по своему положению захватить часть прежней прибыли капиталиста. Предположим, что цена хлеба—4 ф. ст. за квартал и что поэтому, как мы раньше считали, из каждых 720 ф. ст., остающихся фермеру за уплатой ренты, 480 удерживаются им, а 240 уплачиваются его рабочим. Когда цена поднимется до 6 ф. ст. за квартал, он будет вынужден платить своим рабочим 300 ф. ст. и будет удерживать себе в виде прибыли только 420 ф. ст.; [он будет вынужден платить им 300 ф. ст., чтобы они имели возможность потреблять то же количество предметов необходимости, что и прежде, но не более]*. Теперь, если употребленный капитал так велик, что дает сто тысяч раз 720 ф. ст., или 72 млн. ф. ст., то вся сумма прибыли составляет 48 млн. ф. ст., когда пшеница стоила 4 ф. ст. за квартал; и если вследствие употребления более значительного капитала будет получено 105 тыс. раз 720 ф. ст., когда пшеница стоит 6 ф. ст., или 75 600 тыс. ф. ст., то прибыль фактически упадет с 48 млн. до 44 100 тыс. или, 105 тыс. раз 420 ф. ст., а заработная плата повысится с 24 000 тыс. ф. ст. до 31 500 тыс. Заработная плата повысится, потому что пропорционально капиталу будет занято больше рабочих и каждый рабочий будет получать более значительную денежную заработную плату; но положение рабочего, как мы уже показали, будет хуже, потому что он будет располагать меньшим количеством продукта страны. Действительно выиграют одни только землевладельцы; они будут получать более высокую ренту, во-первых, потому, что продукт будет иметь большую стоимость, и, во-вторых, потому, что им будет доставаться большая доля [этого продукта]**.

Хотя производится более значительная стоимость, но за то и более значительная часть того, что остается за уплатой ренты, потребляется производителями, а именно это, и только это, регулирует прибыль. Пока земля дает обильные урожаи, заработная плата может временно повыситься и производители могут потреблять больше, чем обыкновенно, но поощрение, которое таким образом будет дано размножению населения, скоро заставит рабочих вернуться к их обычному потреблению. Но когда в обработку поступают плохие земли или когда больше капитала и труда затрачивается на старой земле, а количество продукта уменьшается, тогда результаты должны быть более постоянными. Более значительная часть той доли продукта, которая остается за уплатой ренты и подлежит разделу между собственниками капитала и рабочими, будет уделяться

* [Слова текста в прямых скобках представляют вставку, сделанную во втором и третьем изданиях].

** [Эти слова прибавлены только в третьем издании].

последним. Каждый рабочий может и вероятно будет иметь меньшее абсолютное количество, но так как больше рабочих будет занято пропорционально ко всему продукту, удерживаемому фермером, то пропорционально большая стоимость всего продукта будет поглощена заработной платой, и следовательно на долю прибыли достанется пропорционально меньшая стоимость. Это необходимо будет постоянным явлением в силу законов природы, которые ограничили производительные силы земли.

Таким образом мы снова приходим к тому же заключению, какое пытались установить раньше, а именно, что во всех странах и во все времена прибыль зависит от количества труда, требующегося для снабжения предметами необходимости рабочих, на той земле или с тем капиталом, который не дает никакой ренты. Значит, действия накопления будут различны в разных странах в зависимости главным образом от плодородия земли. Как бы обширна ни была страна, почва которой недостаточно плодородна и куда ввоз жизненных припасов запрещен, самое умеренное накопление капитала будет сопровождаться значительным понижением нормы прибыли и быстрым повышением ренты. И наоборот, небольшая, но плодородная страна, особенно если она разрешает свободный ввоз пищевых продуктов, может накапливать капитал в изобилии без того, чтобы это накопление сопровождалось значительным уменьшением нормы прибыли или значительным увеличением поземельной ренты. В главе о заработной плате мы старались показать, что денежная цена товаров не поднимется вследствие повышения заработной платы, все равно, является ли золото, денежное мерило, продуктом данной страны или же ввозится из-за границы. Но если бы это даже было иначе, если бы даже высокая заработная плата влекла за собою постоянное повышение цен товаров, все же вполне верно, что высокая заработная плата неизменно отражается на нанимателях труда, лишая их части их действительной прибыли. Предположим, что шляпочник, чулочник и сапожник платят каждый на 10 ф. ст. больше заработной платы при изготовлении данного количества своих товаров и что цена шляп, чулок и башмаков поднялась на сумму, окупающую эти 10 ф. ст., — положение фабрикантов будет не лучше, чем оно было до этого повышения. Если чулочник продал свои чулки за 110 ф. ст. вместо 100, то его прибыль будет равняться такой же сумме денег, что и раньше, но так как в обмен за эту равную сумму он получит на одну десятую меньше шляп, башмаков и всякого другого товара и так как при прежнем размере своих сбережений он, ввиду повышения заработной платы, может употреблять меньше рабочих и покупать меньше сырых материалов ввиду повышения их цен, то он будет не в лучшем положении, чем если бы его денежная прибыль фактически уменьшилась, а цены всех других предметов не изменились. Итак, я старался показать, во-первых, что повышение заработной платы не повышает цены товаров, но неизменно понижает прибыль, и, во-вторых, что, если бы цены всех товаров и повысились, то действие на прибыль осталось бы прежним и фактически понизилась бы только стоимость мерила, в котором вычисляются цены и прибыль.

ГЛАВА VII О ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ

Никакое расширение внешней торговли не может увеличить непосредственно сумму стоимостей в стране, хотя оно и будет очень сильно способствовать увеличению массы товаров и следовательно суммы житейских удобств. Так как стоимость всех иностранных товаров измеряется количеством продуктов нашей земли и труда, которое отдается в обмен на них, то мы не будем иметь больше стоимостей, если вследствие открытия новых рынков будем получать вдвое большее количество иностранных товаров в обмен на данное количество наших. Если, купив английских товаров на 1 000 ф. ст., купец может получить за них такое количество иностранных товаров, которое он может продать на английском рынке за 1 200 ф. ст., то посредством такого употребления своего капитала он получит 20% прибыли, но ни его барыш, ни стоимость ввозимых товаров не увеличится и не уменьшится вследствие увеличения или уменьшения количества полученных иностранных товаров. Ввозит ли он например двадцать пять или же пятьдесят бочек вина, на его барышах это несколько не отражается, раз он продает в первом случае двадцать пять, а во втором—пятьдесят бочек за одну и ту же сумму в 1 200 ф. ст. В обоих случаях прибыль его составляет 200 ф. ст., или 20% на его капитал, и в обоих случаях в Англию ввозится одинаковая стоимость. Если пятьдесят бочек будут проданы больше чем за 1 200 ф. ст., прибыль данного купца будет превышать общую норму, и естественно, капитал будет притекать в эту прибыльную отрасль торговли, пока падение цены вина не восстановит прежнее положение вещей.

Правда, некоторые утверждали, что более значительная прибыль, которая получается отдельными купцами в той или иной отрасли внешней торговли, должна увеличить общую норму прибыли в стране и что перемещение капитала из прежних занятий в более доходную внешнюю торговлю должно вообще повысить цены, а вместе с тем и прибыль. Один высокий авторитет утверждал даже, что если на возделывание хлеба, изготовление сукна, шляп, обуви и пр. уделяется по необходимости меньше капитала, а спрос остается прежним, то цены этих товаров повысятся настолько, что фермер, шляпочник, суконщик и сапожник будут получать увеличенную прибыль наравне с торговцем иностранными товарами¹.

¹ А. Смит, Богатство народов, кн. 1, гл. IX.

Те, кто выдвигает этот довод, признают вместе со мною, что прибыли в различных занятиях имеют тенденцию выравниваться, вместе возвышаясь и понижаясь. Разногласие наше состоит в следующем: они утверждают, что равенство прибылей произойдет в силу общего повышения прибылей, я же держусь того мнения, что прибыль, получаемая в благоприятствуемой отрасли торговли, быстро опустится до общего уровня.

Я, во-первых, отрицаю, что на производство сукна, шляп, обуви и пр. будет необходимо уделяться меньше капитала, раз спрос на эти товары не уменьшился; а если так, то цена их не поднимется. На покупку иностранных товаров будет употребляться или столько же, или больше, или меньше продукта земли и труда Англии. Если столько же, то на сукно, обувь, хлеб и шляпы будет существовать такой же спрос, как и прежде, и на их производство будет уделяться прежняя доля капитала. Если вследствие удешевления цены иностранных товаров на покупку их будет употребляться меньшая доля ежегодного продукта земли и труда Англии, то больше останется на покупку других вещей. Если возрастет спрос на шляпы, обувь, хлеб и пр., а это вполне возможно, так как потребители иностранных товаров имеют в своем распоряжении добавочную долю своего дохода, то имеется к услугам и капитал, который раньше шел на покупку иностранных товаров, когда стоимость их была больше. Таким образом наравне с увеличением спроса на хлеб, обувь и пр. существуют и средства для доставления увеличенного количества их, и потому ни цены, ни прибыль не могут повыситься надолго. Если на покупку иностранных товаров будет употребляться больше продукта земли и труда Англии, то меньше может быть употреблено на покупку других вещей, и следовательно меньше потребуется шляп, обуви и пр. По мере того как капитал освобождается из производства обуви, шляп и пр., большее количество его должно употребляться на изготовление тех товаров, за которые покупаются иностранные товары. Следовательно во всех случаях спрос на иностранные и местные товары вместе, поскольку дело касается стоимости, ограничивается доходом и капиталом страны. Если увеличивается спрос на одни, то должен уменьшиться спрос на другие товары. Если в обмен на одно и то же количество английских товаров дается вдвое больше вина, чем прежде, то английский народ может или потреблять вдвое больше вина, чем прежде, или прежнее количество вина, но гораздо больше английских товаров. Если мой доход равнялся 1 000 ф. ст., из которых 100 ф. ст. я тратил на покупку бочки вина и 900 ф. ст. на известное количество английских товаров, то, когда цена вина упадет до 50 ф. ст. за бочку, я могу 50 ф. ст. затратить или на покупку лишней бочки вина или на покупку большего количества английских товаров. Если я буду покупать больше вина и каждый потребитель вина поступит так же, то внешняя торговля не потерпит никакого ущерба; в обмен на вино будет вывозиться прежнее количество английских товаров, и мы будем получать вдвое большее количество вина, но не вдвое большую стоимость. Но если я и другие будем довольствоваться прежним количеством вина, то будет вывозиться меньше английских товаров,

и потребители вина будут потреблять или товары, которые раньше вывозились, или какие-нибудь другие, смотря по наклонностям. Капитал, требующийся для их производства, будет доставлен капиталом, освободившимся из внешней торговли.

Процесс накопления капитала может происходить двояким способом: он сберегается или путем увеличения дохода или путем уменьшения потребления. Если моя прибыль повысится с 1 000 ф. ст. до 1 200, а расходы останутся прежними, то я буду накапливать ежегодно на 200 ф. ст. больше, чем раньше. Если я сберегу 200 ф. ст. на своих расходах, а прибыль моя останется прежней, то получится такой же результат: к моему капиталу будет прибавляться по 200 ф. ст. в год. Купец, который ввез вино после того, как прибыль поднялась с 20 до 40%, купит свои английские товары вместо 1 000 ф. ст. за 857 ф. ст. 2 шилл. 10 пенс., продавая в то же время вино, которое он ввозит взамен их, все еще за 1 200 ф. ст., или если он попрежнему покупал свои английские товары за 1 000 ф. ст., то он должен повысить цену своего вина до 1 400 ф. ст. Лишь таким образом он получил бы 40% прибыли вместо 20 на свой капитал. Но если вследствие дешевизны всех товаров, на которые расходовался его доход, он и все другие потребители могут сберечь стоимость в 200 ф. ст. из каждой 1 000 ф. ст., которые они тратили раньше, то они более существенным образом увеличат действительное богатство страны: в одном случае сбережение было бы сделано вследствие увеличения дохода, в другом—вследствие уменьшения расхода.

Если вследствие введения машин стоимость всех товаров, на которые тратился мой доход, упадет на 20%, я буду в состоянии сберегать так же успешно, как если бы мой доход повысился на 20%; но в одном случае норма прибыли остается без изменения, в другом она повысилась на 20%. Если путем ввоза дешевых иностранных товаров я могу сберечь 20% на своих расходах, результат будет совершенно такой же, как если бы машины понизили издержки их производства, но прибыль не повысилась бы.

Итак, норма прибыли повышается не вследствие расширения рынка, хотя такое расширение может соответствующим образом увеличить массу товаров и тем дать нам возможность увеличить фонды, предназначенные для содержания труда, и материалы, к которым может быть приложен труд. Для счастья человечества одинаково важно, происходит ли увеличение наших житейских удобств вследствие лучшего распределения труда, вследствие того, что каждая страна производит те товары, к производству которых она приспособлена в силу своего положения, климата и других своих естественных или искусственных преимуществ, и обменивает их на товары других стран, или оно происходит вследствие повышения нормы прибыли.

Я старался во всем этом труде показать, что норма прибыли может повыситься только вследствие падения заработной платы и что заработная плата может понизиться надолго только вследствие падения стоимости предметов необходимости, на которые расходуется заработная плата. Если следовательно благодаря расширению внешней торговли или благодаря улучшениям в машинах пища и пред-

меты необходимости рабочего могут быть доставлены на рынок по пониженной цене, то прибыль поднимется.

Если вместо того чтобы возделывать хлеб и изготавливать платье и другие предметы необходимости рабочего у себя дома, мы откроем новый рынок, откуда можем получать эти товары по более дешевой цене, то заработная плата упадет и прибыль повысится; но если товарами, получаемыми по более дешевой цене, благодаря расширению внешней торговли или улучшениям в машинах, будут те, которые потребляются исключительно богатыми, в норме прибыли не произойдет никакого изменения. Норма заработной платы не изменится, если вино, бархат, шелк и другие дорогие товары упадут на 50% и следовательно прибыль останется без перемены.

Таким образом внешняя торговля, хотя она и весьма полезна для страны тем, что увеличивает массу и разнообразие предметов, на которые может расходоваться доход, и дает, благодаря обилию и дешевизне товаров, побуждение к сбережению и к накоплению капитала, не имеет тенденции повышать прибыль с капитала, кроме тех случаев, когда ввозимые товары принадлежат к разряду тех, на которые расходуется заработная плата.

Замечания, сделанные относительно внешней торговли, одинаково приложимы и к внутренней. Норма прибыли никогда не повышается вследствие лучшего распределения труда, изобретения машин, проведения дорог и каналов или каких-либо других способов сокращения труда в производстве или перевозке товаров. Эти причины действуют на цены и приносят всегда большую пользу потребителям, так как позволяют им за тот же труд или за стоимость продукта того же труда получать в обмен большее количество товара, в производстве которого применяются усовершенствованные способы, но на прибыль они не оказывают вовсе никакого действия. С другой стороны, всякое уменьшение заработной платы повышает прибыль, но не оказывает никакого действия на цену товаров. Одно выгодно всем классам, потому что все классы являются потребителями; другое приносит пользу только производителям; они получают больше барыша, в то время как цены всех товаров остаются без изменения. В первом случае они получают столько же, сколько и прежде, но меновая стоимость предметов, на которые они расходуют свои барыши, уменьшается.

Закон, регулирующий относительную стоимость товаров в одной стране, не регулирует относительную стоимость товаров, обмениваемых между двумя или большим числом стран.

При системе полной свободы торговли каждая страна, естественно, затрачивает свой капитал и труд на такие отрасли промышленности, которые доставляют ей наибольшие выгоды. Это преследование индивидуальной выгоды самым удивительным образом соответствует общей выгоде всех. Стимулируя развитие промышленности, вознаграждая изобретательность, утилизируя наиболее действительным образом все особенные силы, доставляемые природой, этот принцип приводит к очень удобному и экономическому разделению труда между разными нациями. И в то же время, увеличивая общее количество всех продуктов, он распространяет всеобщее благосостояние и с

помощью тесных уз выгоды и сношений все сильнее связывает все цивилизованные нации в одну всемирную общину. Именно этот принцип объясняет нам, почему вино должно производиться во Франции и Португалии, почему хлеб должен возделываться в Америке и Польше, а различные металлические изделия и другие товары должны изготовляться в Англии.

В одной и той же стране норма прибыли, вообще говоря, всегда одинакова. Различия происходят только потому, что одно помещение капитала более или менее безопасно и удобно, чем другое. Но этого нельзя сказать по отношению к различным странам. Если прибыль на капитал, занятый в Йоркшире, превышает прибыль на капитал, занятый в Лондоне, то капитал быстро переместится из Лондона в Йоркшир и равенство прибыли восстановится. Но если вследствие уменьшения производительности земледельческого труда в Англии, если вследствие увеличения капитала и населения заработная плата повысится, а прибыль понизится, то из этого еще не следует, что капитал и население необходимо переместятся из Англии в Голландию или Испанию, или Россию, где прибыль может быть больше.

Если бы Португалия не находилась в торговых сношениях с другими странами, она была бы вынуждена извлечь значительную часть своего капитала и труда из производства вин, за которые она покупает необходимые для нее металлические изделия и сукна из других стран, и затратить их на изготовление этих товаров, причем получала бы их вероятно меньше и они были бы ниже по качеству. Количество вина, которое она отдает в обмен на английские сукно, не определяется относительными количествами труда, затрачиваемого на производство того и другого, как было бы, если бы оба товара изготовлялись или в Англии, или в Португалии.

В Англии условия могут быть таковы, что производство сукна требует труда 100 рабочих в течение года, а на производство вина, — если бы она вздумала выделывать его, — потребовался бы труд 120 чел. в течение того же времени. Поэтому Англия найдет более выгодным ввозить вино и покупать его посредством вывоза сукна.

Производство вина в Португалии может требовать только труда 80 чел. в течение года, а производство сукна потребовало бы труда 90 чел. в течение того же времени. Поэтому для нее будет выгодно вывозить вино в обмен на сукно. Этот обмен может иметь место даже в том случае, если ввозимый Португалией товар мог быть произведен там с меньшим количеством труда, чем в Англии. Хотя бы она могла изготовить сукно трудом 90 чел., она будет ввозить его из страны, где на производство его требуется труд 100 чел. Для нее будет выгоднее употреблять свой капитал предпочтительно на производство вина, за которое она получит больше сукна из Англии, чем она произвела бы сама, если бы она переместила часть своего капитала из виноделия в производство сукна.

Таким образом Англия отдавала бы продукт труда 100 чел. за продукт труда 80. Такой обмен не мог бы иметь места между гражданами одной и той же страны. Труд 100 англичан не может быть отдан за труд 80 англичан, но продукт труда 100 англичан может быть отдан

за продукт труда 80 португальцев, 60 русских или 120 индусов. Разница в этом отношении между отдельной страной и несколькими легко объясняется, если мы примем во внимание трудность перемещения капитала из одной страны в другую в поисках более прибыльного занятия и легкость, с какою он неизменно перемещается из одной области в другую в пределах одной и той же страны¹.

Несомненно, как для английских капиталистов, так и для потребителей обеих стран было бы выгодно, чтобы при таких обстоятельствах и вино и сукно изготовлялись в Португалии и следовательно чтобы английский капитал и труд, занятые в производстве сукна, переместились для той же цели в Португалию. В таком случае относительная стоимость этих товаров определялась бы точно так же, как если бы один из них производился в Йоркшире, а другой в Лондоне; и во всех других случаях, если бы капитал свободно отливал в те страны, где он мог бы быть помещен наиболее выгодно, не было бы никакой разницы в норме прибыли и никакой другой разницы в реальной или трудовой цене товаров кроме той, которую покрывается добавочное количество труда, требующееся для перевозки их на разные рынки, где они должны быть проданы.

Опыт однако показывает, что мнимая или действительная необеспеченность капитала, когда он уже не находится под непосредственным контролем своего владельца, естественное нерасположение всех людей покинуть свою родину, рвать старые связи и вверять себя, со всеми своими установившимися привычками, чужестранному правительству и новым законам, задерживают выселение капитала. Эти чувства, на ослабление которых я бы смотрел с печалью, побуждают большинство лиц со средствами скорее довольствоваться низкой нормой прибыли у себя на родине, чем искать более выгодного помещения для своего богатства в чужих странах.

Так как золото и серебро выбраны всеобщим средством обращения, то они в силу торговой конкуренции распределяются между различными странами мира в пропорциях, соответствующих естественному обмену, который происходил бы, если бы не существовало таких металлов и международная торговля была чисто меновой торговлей.

Так, сукно не может ввозиться в Португалию, если не продается там за большее количество золота, чем сколько стоит в стране, откуда оно ввозится, и вино не может ввозиться в Англию, если оно не продается там дороже, чем сколько стоит в Португалии. Если бы тор-

¹ Оказывается таким образом, что страна, обладающая очень значительными преимуществами по части машин и мастерства и потому изготовляющая товары с помощью меньшего количества труда, чем ее соседи, может в обмен на такие товары ввозить часть хлеба, требующегося для ее потребления, даже в том случае, если бы ее земля была плодороднее и возделывание хлеба требовало в ней меньше труда, чем в стране, откуда он ввозится. Два человека возделывают обувь и шляпы, и один превосходит другого в обоих занятиях, но, изготовляя шляпы, он может превзойти своего соперника на одну пятую, или 20%, а изготовляя обувь—на одну треть, или на 33%; не будет ли для них выгоднее, чтобы более искусный занялся исключительно изготовлением обуви, а менее искусный—производством шляп?

говля была чисто меновой торговлей, то она могла бы продолжаться лишь до тех пор, пока Англия может выделывать сукно так дешево, что, изготовляя сукно, получает с помощью данного количества труда больше вина, чем если бы она занималась виноделием, и пока в Португалии промышленность дает совсем другие результаты. Предположим теперь, что Англия открыла такой способ выделки вин, при котором ей выгоднее самой производить его, чем ввозить; естественно, часть своего капитала она перенесет из внешней торговли во внутреннюю: она перестанет фабриковать сукно для вывоза и станет возделывать для себя виноград. В соответствии с этим будет регулироваться и денежная цена этих товаров: в Англии цена вина упадет, а цена сукна останется без изменения, в Португалии же не произойдет никакого изменения в цене ни того, ни другого товара. Сукно будет некоторое время попрежнему вывозиться от нас, потому что цена его в Португалии будет попрежнему выше, чем здесь, но вместо вина за него будут расплачиваться деньгами, пока накопление денег здесь и уменьшение их количества за границей не подействует на относительную стоимость сукна в обеих странах так, что вывоз его перестанет быть выгодным. Если усовершенствование в выделке вин будет весьма значительно, то для этих стран может оказаться выгодным поменяться занятиями так, чтобы Англия производила все вино, а Португалия все сукно, потребляемые ими; но это может произойти только при посредстве нового распределения драгоценных металлов, которое бы подняло цену сукна в Англии и понизило ее в Португалии. Относительная цена вина упала бы в Англии вследствие действительной выгоды от улучшения его выделки, т. е. его естественная цена упала бы; относительная же цена сукна поднялась бы тут вследствие накопления денег.

Так, предположим, что до улучшения в выделке вина в Англии цена вина здесь равнялась 50 ф. ст. бочка, а цена известного количества сукна—45 ф. ст., тогда как в Португалии цена того же количества вина была 45 ф. ст., а того же количества сукна—50 ф. ст.; вино вывозилось бы из Португалии с прибылью в 5 ф. ст., а сукно из Англии—с прибылью того же размера.

Предположим, что после улучшения цена вина падает в Англии до 45 ф. ст., а цена сукна остается без изменения. Всякая сделка в торговле есть самостоятельная сделка. Пока купец может покупать сукно в Англии по 45 ф. ст. и продавать его с обычной прибылью в Португалии, он будет продолжать вывозить его из Англии. Его дело заключается просто в покупке английского сукна с уплатой за него векселем, который он покупает на португальские деньги. Для него совершенно безразлично, что станет с этими деньгами: он расплатился со своим долгом, переведя вексель. Его сделка несомненно регулируется условиями, на каких он может получить этот вексель, но они известны ему в данное время, а до причин, которые могут повлиять на рыночную цену векселей, или вексельный курс, ему нет дела.

Если условия рынка будут благоприятны вывозу вина из Португалии в Англию, то экспортер вина будет продавцом векселя, который будет куплен или импортером сукна, или лицом, которое про-

дало ему свой вексель. Таким образом экспортерам в каждой стране будет уплачено за их товары без перемещения денег из одной страны в другую. Деньги, уплаченные в Португалии импортерам сукна, будут уплачены португальскому экспортеру вина, хотя между этими двумя лицами нет прямых сделок, а в Англии, путем учета того же векселя, экспортер сукна приобретет право получить его стоимость от импортера вина.

Но если цены на вино будут таковы, что вино не может вывозиться в Англию, импортер сукна будет попрежнему покупать вексель, но цена этого векселя будет выше, потому что продавец его знает, что на рынке нет обратного векселя, которым он мог бы в конце концов ликвидировать счета между двумя странами. Он мог знать, что золотые или серебряные деньги, которые он получает в уплату за его вексель, должны быть действительно пересланы его корреспонденту в Англию, чтобы дать ему возможность уплатить по векселю, который он дал право предъявить к нему, и мог поэтому включить в цену своего векселя все соответствующие издержки вместе с своей нормальной и обычной прибылью.

Если следовательно эта премия за вексель на Англию будет равна прибыли от ввоза сукна, то ввоз конечно прекратится; но если премия на вексель будет составлять только 2%, если, чтобы иметь возможность покрыть долг в 100 ф. ст. в Англии, надо уплатить в Португалии 102 ф. ст., тогда как сукно, обходящееся в 45 ф. ст., будет продано за 50 ф. ст., то векселя будут покупаться и деньги вывозиться до тех пор, пока уменьшение количества денег в Португалии и накопление их в Англии не приведет к такому состоянию цен, при котором уже будет невыгодно продолжать дальше эти сделки.

Но уменьшение количества денег в одной стране и увеличение количества их в другой влияет на цену не одного товара, а на цены всех. Поэтому цена как вина, так и сукна в Англии повысится и понизится в Португалии. Цена сукна с 45 ф. ст. в одной стране и 50 ф. ст. в другой вероятно упадет до 49 или 48 ф. ст. в Португалии и поднимется до 46 или 47 ф. ст. в Англии и, за уплатою премии за вексель, не будет давать достаточной прибыли, чтобы какой-либо купец не имел побуждения ввозить этот товар.

Таким именно образом деньги распределяются между отдельными странами только в таких количествах, какие необходимы для регулирования прибыльной меновой торговли. Англия вывозила сукно в обмен на вино, потому что при таком образе действий ее труд приносил ей больше; она имела больше сукна и вина, чем если бы выделяла то и другое для себя самой, а Португалия ввозила сукно и вывозила вино, потому что труд Португалии мог с большей выгодой для обеих стран быть обращен на выделку вина. Если в Англии станет труднее производить сукно или в Португалии вино, или же в Англии станет легче производить вино, а в Португалии сукно, то торговля должна будет немедленно прекратиться.

Если в Португалии условия несколько не изменились, но Англия находит, что может более производительнее применять свой труд в виноделии, то меновая торговля между двумя странами сейчас же

изменяется. Не только останавливается вывоз вина из Португалии, но происходит и новое распределение драгоценных металлов, и ввоз сукна в нее тоже прекращается.

Обе страны вероятно найдут более выгодным производить вино и сукно каждая отдельно для себя, причем будет наблюдаться такое замечательное явление: хотя в Англии вино и подешевеет, но цена сукна повысится, и потребитель будет платить за него больше, между тем как в Португалии потребители и сукна и вина будут иметь возможность покупать эти товары дешевле. В стране, где было сделано улучшение, цены повысятся, в стране, где не произошло никакого изменения, но которая лишилась прибыльной отрасли внешней торговли, цены упадут.

Это однако будет для Португалии лишь кажущимся преимуществом, потому что общее количество вина и сукна, производимого в ней, уменьшится, тогда как в Англии увеличится. В известной степени стоимость денег изменится в обеих странах: она понизится в Англии и повысится в Португалии. Выраженный в деньгах, весь доход Португалии уменьшится, а Англии—увеличится.

Таким образом оказывается, что улучшение в том или другом производстве в какой-либо стране имеет тенденцию изменять распределение драгоценных металлов между различными нациями мира: оно увеличивает количество товаров и в то же время повышает средние цены в той стране, где оно имеет место.

Для упрощения вопроса я предполагал, что торговля между двумя странами ограничивается двумя товарами—вином и сукном; но всем известно, что в списках вывоза и ввоза значится много разных товаров. Отлив денег из одной страны и накопление их в другой отражается на ценах всех товаров и следовательно дает побуждение к вывозу сверх денег и многих других товаров, а это в свою очередь ослабляет то действие, которое было бы произведено на стоимость денег в обеих странах при других условиях.

Кроме улучшений в технике и машинах, есть еще много других причин, которые постоянно влияют на естественное течение торговли и нарушают равновесие и относительную стоимость денег. Вывозные или ввозные премии и новые налоги на товары прямо или косвенно нарушают естественный обмен и вызывают поэтому необходимость ввоза или вывоза денег, чтобы приспособить цены к естественному течению торговли. И это следствие сказывается не только в стране, где явилась причина пертурбации, но и в большей или меньшей мере во всех странах торгового мира.

Это до известной степени объясняет нам различия в стоимости денег в разных странах. Оно показывает также, почему цены местных и громоздких товаров, хотя они имеют сравнительно небольшую стоимость, независимо от других причин, выше в тех странах, где процветают мануфактуры. Если мы возьмем две страны с одинаковым населением, с одинаковым знанием сельского хозяйства, с одинаковым количеством одинаково плодородной земли под обработкой, то цены сырых произведений будут выше в той, которая искуснее в производстве товаров, предназначенных для вывоза, и пользуется лучшими ма-

пинами. Норма прибыли будет вероятно различаться очень мало, потому что заработная плата или реальное вознаграждение рабочего может быть одинакова в обеих странах; но эта заработная плата, как и сырые произведения, будет оцениваться в большей сумме денег в той стране, куда вследствие превосходства ее техники и машин в обмен за ее товары ввозится много денег.

Если одна из этих стран будет иметь преимущество в изготовлении товаров одного рода, а другая—в изготовлении товаров другого рода, то ни в той, ни в другой не будет наблюдаться постоянного прилива драгоценных металлов; но если одна из них имеет решительный перевес над другою, то этот результат будет неизбежен.

В предыдущей части настоящего труда мы принимали для упрощения предмета исследования, что деньги всегда сохраняют одинаковую стоимость; теперь же мы стараемся показать, что кроме обычных изменений в стоимости денег, которые общи всему торговому миру, есть также частные изменения, которым деньги подвергаются в отдельных странах, что стоимость денег никогда не бывает одинаковой в двух странах в силу различия их систем налогов, промышленного искусства, разницы климата, естественных богатств, а также в силу многих других причин.

Но хотя стоимость денег непрерывно изменяется и вследствие этого цены товаров, которые производятся в большинстве стран, также значительно разнятся, ни прилив, ни отлив денег не производит никакого действия на норму прибыли. Количество капитала не увеличится вследствие увеличения количества средств обращения. Если рента, уплачиваемая фермером землевладельцу, и заработная плата, уплачиваемая им рабочим, в одной стране на 20% выше, чем в другой, и если в то же время и номинальная стоимость капитала фермера на 20% выше, то норма его прибыли будет точно так же велика, как и прежде, хотя он и продает свой сырой продукт на 20% выше.

Прибыль,—и это необходимо каждый раз напоминать,—зависит от заработной платы—не от номинальной, но от реальной заработной платы, не от числа фунтов стерлингов, уплачиваемых ежегодно рабочему, а от числа дней труда, необходимого для получения этих фунтов. Поэтому заработная плата может быть совершенно одинакова в двух странах, может находиться в одинаковом отношении к ренте и ко всему продукту, получаемому от земли, хотя бы в одной стране рабочий получал 10 шилл. в неделю, а в другой—12.

На ранних стадиях общественного развития, когда промышленность мало развита и все страны производят почти одни и те же товары, главным образом громоздкие предметы необходимости, стоимость денег в различных странах регулируется главным образом их расстоянием от рудников, доставляющих драгоценные металлы; но по мере того как в обществе развиваются ремесла и все более применяются технические улучшения и различные нации приобретают особенный опыт в различных мануфактурах, главным регулятором стоимости драгоценных металлов становится превосходство в этих мануфактурах, хотя расстояние все еще входит в расчет.

Предположим, что все нации производят только хлеб, скот и гру-

бое сукно и что золото получается из стран, в которых оно добывается, или же из стран, которым они подвластны, путем вывоза этих товаров. Естественно, что золото будет иметь большую меновую стоимость в Польше, чем в Англии, ввиду больших издержек на пересылку такого громоздкого товара, как хлеб, на более далекое расстояние и большей стоимости доставки золота в Польшу.

Эта разница в цене золота или, что то же, в цене хлеба в двух странах существовала бы, хотя бы легкость производства хлеба в Англии значительно превосходила легкость производства хлеба в Польше в силу большего плодородия почвы и превосходства в искусстве и орудиях рабочего.

Если однако Польша первая усовершенствует свою промышленность, если она будет успешно изготовлять товар, на который всюду имеется спрос и который в малом объеме заключает большую стоимость, или если в ней отыщется какой-нибудь естественный продукт, на который всюду имеется спрос и которым не обладает никакая другая страна, то в обмен на этот товар она будет получать добавочное количество золота, которое будет оказывать действие на цену ее хлеба, скота и грубого сукна. Невыгоды расстояния будут вероятно более чем уравновешены выгодами обладания вывозным товаром большей стоимости, и деньги будут иметь в Польше более низкую стоимость, чем в Англии. Если, напротив, превосходство техники и машин будет на стороне Англии, то прибавится еще одно основание, почему золото должно иметь меньшую стоимость в Англии, чем в Польше, а хлеб, скот и сукно должны быть в ней дороже.

Вот, по моему мнению, те две причины, которые одни только регулируют сравнительную стоимость денег в разных странах мира; хотя налоги и вызывают нарушение равновесия в количестве денег, но это происходит оттого, что они лишают страну, в которой введены, некоторых из преимуществ, связанных с искусством, трудолюбием и климатом.

Я старался тщательно установить различие между низкой стоимостью денег и высокой стоимостью хлеба или всякого другого товара, с которым могут быть сравниваемы деньги. Обыкновенно считают, что в данном случае мы имеем дело с одним и тем же явлением, но очевидно, что когда цена хлеба повышается от 5 до 10 шилл. за бушель, то это может быть вызвано или падением стоимости денег или повышением стоимости хлеба. Так мы видели, что в силу необходимости прибегать к обработке земли все худшего и худшего качества стоимость хлеба должна повышаться в сравнении с стоимостью других предметов. Если поэтому стоимость денег остается постоянной, то хлеб будет обмениваться на большее количество денег, т. е. цена его будет повышаться. Такое же повышение цены хлеба может произойти вследствие улучшения машин в промышленности, благодаря которому мы будем в состоянии изготовлять товары особенно дешево, потому что последствием этого будет прилив денег; стоимость их упадет, и потому они будут обмениваться на меньшее количество хлеба. Но результаты, происходящие от высокой цены хлеба, вызванной повышением стоимости хлеба, будут совершенно отличны от тех, кото-

рые бывают, когда высокая цена хлеба вызвана падением стоимости денег. В обоих случаях денежная цена заработной платы повысится, но если это происходит вследствие падения стоимости денег, то поднимется не только денежная цена заработной платы, но и цены хлеба и всех других товаров. Если фабриканту придется платить больше в качестве заработной платы, то он будет и получать больше за изготовляемые им товары, и норма прибыли останется без изменения. Но когда повышение стоимости хлеба является результатом возрастающей трудности производства, прибыль упадет, потому что фабрикант будет вынужден платить более высокую заработную плату и не будет в состоянии вознаградить себя за это повышением цены своих мануфактурных товаров.

Всякое улучшение в горном деле, вследствие которого металлы могут быть добываемы с помощью меньшего количества труда, вообще понижает стоимость денег. Последние будут обмениваться тогда на меньшее количество товаров во всех странах; но если какая-либо страна отличается своими мануфактурами, так что усиливается прилив денег в нее, то стоимость денег будет ниже, а цены хлеба и труда будут в ней относительно выше, чем в других странах.

Эта более высокая стоимость денег не будет указываться вексельным курсом; векселя могут обмениваться попрежнему *à pari*, хотя цены хлеба и труда будут в одной стране на 10, 20 или 30% выше, чем в другой. При предположенных обстоятельствах такая разница в ценах будет в порядке вещей, и вексельный курс может стоять только *à pari*, когда в страну, отличающуюся своими мануфактурами, ввезено количество денег, достаточное для того, чтобы цены хлеба и труда в ней повысились. Правда, если другие страны воспретят вывоз денег и сумеют заставить повиноваться такому закону, то они действительно помешают повышению цен на хлеб и труд в промышленной стране. Ибо такое повышение может иметь место только в случае прилива драгоценных металлов, при предположении, что бумажные деньги не употребляются; но они не могут помешать тому, чтобы вексельный курс был очень неблагоприятен для них. Если бы Англия была этой промышленной страной и возможно было помешать ввозу денег, то вексельный курс с Францией, Голландией и Испанией мог бы быть на 5, 10 или 20% против этих стран.

Когда денежный поток насильственно задерживается и деньги не могут установиться на своем нормальном уровне, то нет границ возможным колебаниям вексельного курса. Результаты получаются точно такие же, как и тогда, когда в обращение брошены бумажные деньги, не разменные на металл по желанию их владельца. Обращение таких денег необходимо ограничивается страной, где они выпущены: они не могут при большом избытке их разлиться по другим странам. Уровень обращения нарушен, и вексельный курс будет неизбежно неблагоприятен для страны, где количество средств обращения чрезмерно; точно таково же будет действие металлического обращения, если при помощи насильственных мер, законов, которые нельзя обойти, деньги удерживались бы в стране, когда течение торговли толкает их в направлении к другим странам.

Когда каждая страна имеет как раз такое количество денег, какое она должна иметь, деньги не будут в действительности иметь одинаковой стоимости во всех странах: по отношению ко многим товарам разница эта может составлять 5, 10 или даже 20%, но вексельный курс будет *al pari*. 100 ф. ст. в Англии, или серебро, заключающееся в 100 ф. ст., купит вексель на 100 ф. ст. или равное количество серебра во Франции, Испании или Голландии.

Говоря о вексельном курсе и сравнительной стоимости денег в разных странах, мы ничуть не должны принимать во внимание стоимость денег, выраженную в товарах той или другой страны. Вексельный курс никогда не узнается по сравнительной стоимости денег в хлебе, сукне или каком-либо другом товаре, но по стоимости средства обращения одной страны в средстве обращения другой.

Его можно также определить путем сравнения средства обращения с каким-нибудь мериллом, общим для обеих стран. Если вексель на Англию на 100 ф. ст. купит то же количество товаров во Франции или Испании, что и вексель на Гамбург на ту же сумму, то вексельный курс между Гамбургом и Англией стоит *al pari*; но если вексель на Англию на 130 ф. ст. купит не больше, чем вексель на Гамбург на 100 ф. ст., то вексельный курс на 30% против Англии.

В Англии 100 ф. ст. могут купить вексель или право получить 101 ф. ст. в Голландии, 102 ф. ст. во Франции и 105 ф. ст. в Испании. В этом случае говорят, что вексельный курс между Англией и этими странами на 1% против Голландии, 2% против Франции и на 5% против Испании. Это показывает, что уровень обращения в этих странах выше, чем следует, и сравнительная стоимость их обращения и обращения Англии немедленно возвратится к *al pari* при уменьшении их обращения или увеличении обращения Англии.

Те, которые утверждают, что наше средство обращения было обесценено в течение последних десяти лет, когда вексельный курс колебался от 20 до 30% против Англии, вопреки всяким обвинениям никогда не оспаривали, что деньги не могут иметь в одной стране большей стоимости, чем в другой, относительно разных товаров; но они настаивали, что 130 ф. ст. могли быть удержаны в Англии только в случае их обесценения, если, оцениваемые в деньгах Гамбурга или Голландии, они представляли не большую стоимость, чем слиток в 100 ф. ст.

Послав 130 полноценных английских фунтов в Гамбург с расходом в 5 ф. ст. на пересылку, я имел бы там 125 ф. ст.; что же в таком случае заставляло меня давать 130 ф. ст. за вексель, который дал бы мне 100 ф. ст. в Гамбурге, если не то, что мои фунты не были полноценными фунтами стерлингов? Последние были бы испорчены, внутренняя стоимость их была бы ниже гамбургских фунтов, и, будь они действительно посланы туда, они были бы проданы только за 100 ф. ст. По отношению к металлическим фунтам стерлингов никто не отрицает, что за свои 130 ф. ст. я получил бы в Гамбурге 125 ф. ст., но за бумажные фунты стерлингов я могу получить только 100 ф. ст.; и однако утверждали, что 130 ф. ст. бумажных равнялись по стоимости 130 ф. ст. в серебре или золоте.

Правда, некоторые утверждали более основательно, что 130 ф. ст. бумажных не равнялись по стоимости 130 ф. ст. металлическим, но они говорили, что изменилась стоимость не бумажных, а металлических денег. Они хотели ограничить смысл слова «обесценение» действительным падением стоимости, а не сравнительной разницей между стоимостью денег и масштабом, которым они по закону регулируются. 100 ф. ст. английских денег прежде имели такую же стоимость, как 100 ф. ст. гамбургских денег: во всякой другой стране вексель в 100 ф. ст. на Англию или на Гамбург мог купить совершенно одинаковое количество товаров. А теперь, чтобы получить те же самые вещи, я должен отдавать 130 ф. ст. английских денег, тогда как Гамбург может получить их за 100 ф. ст. гамбургских. Если английские деньги имели ту же стоимость, что и прежде, то стоимость гамбургских должна была подняться. Но где доказательство этого? Как удостовериться, что упала стоимость английских денег или что поднялась стоимость гамбургских? Нет масштаба, с помощью которого можно было бы определить это. Это довод, который не допускает доказательства, его нельзя ни положительно утверждать, ни положительно отрицать. Нации всего мира должны были рано убедиться, что нет в природе масштаба стоимости, к которому они могли бы безошибочно прибегать, и потому избрали мерило, которое в общем итоге казалось им менее изменчивым, чем всякий другой товар.

С этим масштабом мы должны сообразоваться, пока не изменен закон и не найден какой-нибудь другой товар, пользуясь которым мы получим более совершенный масштаб, чем тот, который мы установили. Пока золото является исключительным масштабом в этой стране, деньги обесцениваются, когда фунт стерлингов не равен по своей стоимости 5 драхам 3 гранам золота установленной пробы, все равно, поднимается или падает средняя стоимость золота.

... течение года в дан-
... потребление, говорят,
... увеличивается, тогда ее годовое потребление даже
... ее годовым производством, говорят, что ее капитал
... уменьшается. Таким образом капитал может увеличиться или вслед-
ствие увеличения производства, или вследствие уменьшения [не-
производительного]* потребления.

Если потребление правительства увеличивается вследствие взи-
мания добавочных налогов, и оно покрывается или увеличением
производства, или уменьшением потребления со стороны народа,
то налоги падают на доход, и национальный капитал остается не-
тронутом; но если производство не увеличится или [непроизводи-
тельное]** потребление всего народа не уменьшится, то налоги
необходимо упадут на капитал [т. е. будет затронут фонд, пред-
назначенный для производительного потребления¹***].

* [Вставка в третьем издании].

** [Вставка в третьем издании].

*** [Вставка в третьем издании].

¹ Не следует упускать из виду, что все продукты страны потребляются, но неизмеримо большая разница, потребляются ли они теми, кто воспроизводит их стоимость вновь, или же теми, кто не воспроизводит ее. Когда мы говорим, что доход сберегается и прибавляется к капиталу, мы подразумеваем, что та доля дохода, о которой говорится, что она прибавляется к капиталу, потребляется производительными рабочими вместо непроизводительных. Предположение, что

Соразмерно уменьшению капитала страны необходимо уменьшится и ее производство; поэтому, если продолжают [непроизводительные]* расходы народа и правительства и если годовое воспроизводство постоянно уменьшается, то ресурсы народа и государства будут падать с возрастающей быстротой, и результатом будут нищета и разорение.

Несмотря на огромные расходы английского правительства за последние 20 лет, едва ли можно сомневаться, что возрастание народного производства более чем уравновешивало их. Национальный капитал не только не был затронут, но и значительно возрос, и ежегодный доход народа, даже за вычетом налогов, в настоящее время вероятно больше, чем в какой-нибудь прежний период нашей истории.

В доказательство этого мы можем сослаться на увеличение населения, расширение земледелия, развитие судостроения и мануфактур, сооружение доков, открытие многочисленных каналов и на многие другие дорогостоящие предприятия; все это указывает на рост как капитала, так и годового производства.

[Верно однако же, что, не будь налогов, это увеличение капитала было бы гораздо больше. Таких налогов, которые не имели бы тенденции ослаблять накопление, нет. Все налоги необходимо падают или на капитал, или на доход. Если они падают на капитал, то должен соответственно уменьшиться тот фонд, размером которого всегда регулируется производительная промышленность страны, а если они падают на доход, то они или уменьшают накопление, или заставляют налогоплательщиков для покрытия их уменьшать на соответствующую величину свое прежнее непроизводительное потребление предметов необходимости и комфорта]**. Одни налоги оказывают такое действие в большей степени, чем другие, но великое зло обложения заключается не столько в том, что оно падает на те или другие объекты, сколько в общей сумме его действия.

Налоги не необходимо падают на капитал, когда обложен капитал, или на доход, когда обложен доход. Если из дохода в 1 000 ф. ст. в год мне приходится уплачивать 100 ф. ст., то это действительно будет налог на доход, если я удовлетворюсь расходом остальных 900 ф. ст., но если я расходую попрежнему 1 000 ф. ст., то это будет налог на капитал.

Пусть капитал, приносящий мне доход в 1 000 ф. ст., равняется 10 тыс. ф. ст., налог в 1% на такой капитал составит 100 ф. ст.;

капитал увеличивается от непотребления, представляет одно из самых крупных заблуждений. Если бы цена труда поднялась до такой высоты, что капитал, несмотря на свое увеличение, не мог бы быть применен в большем количестве, то я сказал бы, что такое увеличение капитала будет потреблено непроизводительно.

* [Вставка в третьем издании].

** [В первом издании сказано было: «Нет таких налогов, которые не имели бы тенденции ослаблять накопление, ибо нет таких, которые не могли бы быть рассматриваемы как задерживающие производство и причиняющие такие же последствия, как плохая почва или климат, уменьшение искусства или трудолюбия, худшее разделение труда или потеря каких-нибудь полезных машин, и хотя некоторые налоги» и т. д.]

но мой капитал не будет затронут им, если, уплатив этот налог, я буду тратить на себя только 900 ф. ст.

Свойственное каждому человеку желание сохранять свое житейское положение и удерживать свое богатство на раз достигнутой высоте ведет к тому, что большинство налогов, будут ли то налоги на капитал или же на доход, уплачивается из дохода. Поэтому с ростом обложения или с увеличением правительственных расходов количество предметов, потребляемых ежегодно народом, должно уменьшаться, если он не может соответственно увеличить свой капитал и доход. Задача правительственной политики и должна состоять в том, чтобы поощрять это стремление к накоплению. Оно никогда не должно вводить такие налоги, которые неминуемо падают на капитал. Нарушая это основное правило, они затрагивают фонд, предназначенный для содержания труда, и тем самым уменьшают будущее производство страны.

В Англии этим правилом пренебрегали. Так, были введены пошлины за утверждение завещаний, налоги на наследство и всякие налоги на переход собственности от мертвых к живым. Если наследство в 1 000 ф. ст. обложено налогом в 100 ф. ст., то наследник считает его равным 900 ф. ст. и не чувствует особенного побуждения покрыть налог в 100 ф. ст. посредством сбережений на своих расходах: капитал страны таким образом уменьшается. Между тем, если бы он получил действительно 1 000 ф. ст. и обязан был уплатить 100 ф. ст. в качестве налога на доход, на вино, на лошадей или на слуг, он вероятно сократил бы свои расходы на эту сумму или, скорее, не стал бы их увеличивать, и капитал страны остался бы нетронутым.

Налоги на переход собственности от мертвых к живым, — говорит Адам Смит, — падают в конце концов, да и непосредственно, на лиц, к которым собственность переходит. Налоги на продажу земли падают целиком на продавца. Продавец почти всегда поставлен в необходимость продать и поэтому должен взять ту цену, какую ему дают. Покупатель только в редких случаях должен непременно купить, поэтому он даст только такую цену, которую считает подходящей. Он высчитывает, сколько ему будет стоить земля вместе с налогом. Чем больше ему придется уплатить в виде налога, тем меньшую цену он расположен дать за землю. Такие налоги следовательно почти всегда падают на нуждающееся лицо и потому являются очень жестокими и гнетущими.

«Гербовые пошлины и нотариальные пошлины с векселей и всяких других денежных обязательств падают целиком на должника и фактически всегда уплачиваются им. Судебные пошлины этого рода падают на истца. Они уменьшают и для истца и для ответчика капитальную стоимость предмета тяжбы. Чем больше расходы по приобретению какого-либо имущества, тем меньше чистая стоимость приобретенного. Все налоги на переход имущества всякого рода, поскольку они уменьшают капитальную стоимость этого имущества, ведут к уменьшению фондов, предназначенных для содержания труда. Все они — более или менее неэкономические налоги, так как

они увеличивают доход государя, который редко держит иных работников, кроме непроеводительных, в ущерб капиталу народа, который содержит только производительных работников» *.

Но это не единственное возражение против налогов на переход имущества; они мешают распределению национального капитала наиболее благотворным для общества образом. В интересах общего благосостояния необходимо всячески облегчать переход и обмен всякого рода имущества, так как благодаря этому капитал всякого рода скорее найдет себе путь в руки тех, кто даст ему наилучшее применение, увеличивая производство страны. «Почему,—спрашивает Сэй,—человек хочет продать свою землю? Потому, что имеет в виду другое, более производительное помещение для своих средств. Зачем другой хочет купить эту самую землю? Чтобы дать приложение капиталу, который приносит ему слишком мало или остается без употребления, или же может быть использован, по его мнению, лучше. Этот обмен увеличит общий доход посредством увеличения дохода этих лиц. Но если пошлины настолько обременительны, что помешают этой сделке, то они являются препятствием к увеличению общего дохода» **. Но эти налоги легко собираются, и это, по мнению многих, несколько искупает их вредное действие.

* [«Богатство народов», кн. 5, гл. II].

** [«Economie politique», кн. 3, гл. VIII].

ГЛАВА IX

НАЛОГИ НА СЫРЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В одной из предыдущих глав этого труда, как мне кажется, было вполне удовлетворительно доказано, что цена хлеба регулируется стоимостью его производства исключительно на той земле или, лучше сказать, с тем капиталом, который не платит никакой ренты. Следовательно все, что может увеличить издержки производства, будет увеличивать цену, а все, что может понизить издержки производства, будет понижать цену. Необходимость прибегать к обработке худшей земли или же уменьшение выручки при приложении данного добавочного капитала к уже обрабатываемой земле будет неизбежно повышать меновую стоимость сырых произведений. Изобретение машин, которое позволяет земледельцу получать хлеб при меньших издержках производства, будет необходимо понижать его меновую стоимость. Всякий налог, будет ли то поземельный налог, десятина или же налог на уже полученный продукт, будет увеличивать издержки производства и следовательно повышать цену сырых произведений.

Если цена сырых произведений не поднимется настолько, чтобы возместить земледельцу налог, то он, естественно, покинет занятие, в котором его прибыль упала ниже общей нормы прибыли; это вызовет уменьшение предложения, пока неумещающийся спрос не произведет такого повышения цены сырья, что производство его станет так же прибыльно, как и помещение капитала во всякое другое дело.

Повышение цены есть единственное средство, с помощью которого земледелец может уплатить налог и получать попрежнему обычную среднюю прибыль от такого употребления своего капитала. Он не мог бы вычесть налог из ренты и переложить его на землевладельца, потому что он не платит никакой ренты. Он не мог бы покрыть его из своей прибыли, потому что у него нет оснований продолжать дело, которое дает малую прибыль, когда все другие занятия дают бóльшую. Поэтому нельзя и сомневаться, что он будет иметь возможность поднять цену сырых произведений на сумму, равную налогу.

Налог на сырые произведения не будет уплачен ни землевладельцем, ни фермером; его уплатит в повышенной цене потребитель.

Следует помнить, что рента есть разность между количествами продукта, получаемого от последовательного приложения равных долей труда и капитала к земле одного и того же или различного качества. Надо помнить кроме того, что денежная и хлебная поземельная рента изменяются не в одинаковой пропорции.

Налог на сырые произведения, поземельный налог или десятина влияют на изменение хлебной ренты, но оставляют без изменения денежную ренту.

Если, как мы предполагали раньше, обрабатывается земля трех разрядов и при равных капиталах

с № 1	получается	180	квартеров	хлеба,
» № 2	»	170	»	»
» № 3	»	160	»	»

то рента равна 20 квартерам, разности между № 1 и № 3, а хлебная рента равна 40 ф. ст. разности между № 2 и № 3, а № 3 не получает ренты.

Денежная рента

равна 8 шилл.

или 8 ф. ст. 8 шилл.,

то хлебная рента № 1 равняется былой прежней хлебной ренте, то есть 88 ф. ст., а № 2—44 ф. ст. Но они не получают прежней хлебной ренты; налог упадет с большей силой на № 1, чем на № 2, и на № 2—чем на № 3, потому что будет взиматься с большего количества хлеба. Цену регулирует трудность производства на № 3, и хлеб повышается до 4 ф. ст. 8 шилл., чтобы прибыль на капитал, прилагаемый к № 3, могла быть одинакова с обычной прибылью на капитал.

Продукт и налог, получаемые с земли трех разрядов, будут таковы:

№ 1 дает 180 кварталов по 4 ф. ст. 8 шилл. за квартал . . .	792 ф. ст.
за вычетом стоимости 16,3 кварталов, или 8 шилл. на квартал	
с 180 кварталов	72 ф. ст.
чистый продукт в хлебе—163,7 кварталов, чистый продукт в деньгах	720 ф. ст.
№ 2 дает 170 кварталов по 4 ф. ст. 8 шилл. за квартал . . .	748 ф. ст.
за вычетом стоимости 15,4 кварталов по 4 ф. ст. 8 шилл. или по 8 шилл. на квартал с 170 кварталов	68 ф. ст.
чистый продукт в хлебе—154,6, чистый продукт в деньгах . . .	680 ф. ст.
№ 3 дает 160 кварталов по 4 ф. ст. 8 шилл. за квартал . . .	704 ф. ст.
за вычетом стоимости 14,5 кварталов по 4 ф. ст. 8 шилл., или по 8 шилл. на квартал с 160 кварталов	64 ф. ст.
чистый продукт в хлебе—145,5, чистый продукт в деньгах . . .	640 ф. ст.

Денежная рента № 1 будет попрежнему равняться 80 ф. ст., или разности между 720 ф. ст. и 640 ф. ст., а № 2—40 ф. ст., или разности между 680 ф. ст. и 640 ф. ст.; но хлебная рента № 1 понизится с 20 кварталов до 18,2, разности между 163,7 кварталов и 145,5 кварталов, а № 2—с 10 кварталов до 9,1, разности между 154,6 кварталов и 145,5 кварталов.

Итак, налог на хлеб падет на потребителей хлеба и повысит его стоимость сравнительно с стоимостью всех других товаров прямо пропорционально налогу. Поскольку сырые произведения входят в состав других товаров, стоимость последних тоже повысится соответствующим образом, если действие налога не уравновешивается действием других причин. Фактически они будут обложены косвенным налогом, и стоимость их повысится в соответствии с последним.

Однако налог на сырые произведения и на предметы необходимости рабочего будет иметь и другое действие: он повысит заработную плату. В силу влияния закона населения на размножение человечества заработная плата самого низшего разряда никогда не может долго держаться значительно выше уровня, который диктуется для содержания рабочего как природой, так и обычаем. Этот класс никогда не может выносить сколько-нибудь значительного обложения, и следовательно если рабочим приходится платить лишних 8 шилл. за квартал пшеницы и несколько меньшую прибавку к цене других предметов необходимости, они не будут в состоянии существовать на ту же плату, что и раньше, и продолжать свой род. Заработная плата неизбежно и необходимо поднимется, и пропорционально ее повышению упадет прибыль. Правительство получит 8 шилл. налога с каждого квартала, потребляемого в стране; часть этого налога будет уплачена прямо потребителями хлеба, другая часть будет уплачена косвенно нанимателями труда и отразится на прибыли совершенно так же, как если бы поднялась заработная плата, в силу превышения спроса на труд над предложением его или в силу большей трудности добывания пищи и предметов необходимости, в которых нуждаются рабочие.

Поскольку налог касается потребителей, он будет равномерным налогом, поскольку он касается прибыли, он будет налогом односторонним, потому что он не заденет ни землевладельца, ни денежного капиталиста, которые будут получать один—прежнюю денежную ренту, другой—прежние денежные дивиденды. Таким образом налог на земледельческие произведения действует следующим образом:

во-первых, он повышает цены сырых произведений на равную ему сумму и поэтому падает на каждого потребителя пропорционально его потреблению;

во-вторых, он повышает заработную плату и понижает прибыль.

Против такого налога можно сделать следующие возражения:

во-первых, что, повышая заработную плату и понижая прибыль, он является неравномерным налогом, так как уменьшает доход фермера, купца и промышленника, оставляя необложенным доход землевладельца, денежного капиталиста и других лиц, пользующихся постоянным доходом;

во-вторых, что между повышением цены хлеба и повышением заработной платы пройдет значительный промежуток времени, в течение которого рабочий будет испытывать большую нужду;

в-третьих, что, повышая заработную плату и понижая прибыль,

он уменьшает побуждение к накоплению и действует точно так же, как естественное оскудение почвы;

в-четвертых, что вследствие повышения цены сырых произведений повышаются цены всех товаров, в которых входят сырые произведения, и потому условия конкуренции с иностранными промышленниками на общем рынке ухудшаются для нас.

На первое возражение, что такой налог, повышая заработную плату и понижая прибыль, действует неравномерно, так как затрагивает доход фермера, купца и промышленника и вовсе не касается дохода землевладельца, денежного капиталиста и других лиц, пользующихся постоянным доходом, можно ответить, что если налог имеет неравномерное действие, то дело законодательства сделать его равномерным, обложив прямым налогом поземельную ренту и доходы с денежных капиталов. Этим путем цель, которая преследуется подоходным налогом, была бы достигнута без докучливого заглядывания в дела всех и каждого и без предоставления податным чиновникам полномочий, противных привычкам и чувствам свободной страны.

На второе возражение, что между повышением цены хлеба и повышением заработной платы пройдет значительный промежуток времени, в течение которого низшие классы будут терпеть большую нужду, я отвечу, что при разных обстоятельствах заработная плата следует за ценой сырых произведений с весьма неодинаковой быстротой; что в одних случаях повышение цены хлеба не оказывает вовсе никакого действия на заработную плату, в других повышению цены хлеба предшествует повышение заработной платы; кроме того действие [на заработную плату сказывается иногда медленно, а иногда быстро]*.

Те, кто утверждает, что цену труда регулирует цена предметов необходимости,—принимая всегда в расчет данное состояние общественного прогресса,—кажется, слишком поспешно соглашаются, что повышение или падение заработной платы очень медленно следует за повышением или падением цены предметов необходимости. Высокая цена предметов пропитания может быть результатом весьма различных причин и сообразно с этим может оказывать весьма различное действие. Она может быть результатом:

- во-первых, недостаточного предложения;
- во-вторых, постепенно усиливающегося спроса, сопровождаемого в конце концов увеличением издержек производства;
- в-третьих, падения стоимости денег;
- в-четвертых, налогов на предметы необходимости.

Эти четыре причины недостаточно различались и обособлялись теми, кто исследовал влияние высокой цены предметов необходимости на заработную плату. Рассмотрим их порознь.

Плохой урожай вызывает вздорожание съестных припасов, и высокая цена является только средством заставить потребление

* [В первом издании было сказано: «сказывается медленно, а иногда промежуток должен быть очень короток»].

сообразоваться с состоянием предложения. Если бы все покупатели хлеба были богаты, цена могла бы подняться до любой высоты, но результат был бы прежний; в конце концов цена стала бы так высока, что наименее богатые вынуждены были бы отказаться от потребления некоторой доли того количества, которое они обычно потребляли, так как лишь путем сокращения потребления спрос мог бы быть понижен до размеров предложения. При таких обстоятельствах нет более нелепой политики, как насильственно регулировать денежную заработную плату сообразно с ценой пищи, а это часто делается благодаря неудачному применению законов о помощи бедным. Такая мера не даст действительного облегчения рабочему, потому что результатом ее будет еще большее вздорожание хлеба, и в конце концов рабочий будет вынужден ограничить свое потребление в соответствии с уменьшенным предложением. При естественном ходе вещей, без пагубного и неблагоразумного вмешательства недостаточное предложение вследствие неурожая не повлекло бы за собою повышения заработной платы. Повышение ее является чисто номинальным для тех, кто ее получает; оно увеличивает конкуренцию между покупателями на хлебном рынке и в конечном своем результате увеличивает барыши сельских хозяев и хлебопродавцев. В действительности заработная плата регулируется соотношением между предложением и спросом на предметы необходимости и предложением и спросом на труд, а деньги служат только орудием или мерой, в которой выражается заработная плата. В данном случае следовательно нужда рабочего неизбежна, и никакое законодательство не поможет горю; единственным средством является ввоз добавочной пищи [или замена ее подходящими суррогатами]*.

Когда высокая цена хлеба является следствием увеличения спроса, ей всегда предшествует увеличение заработной платы, потому что спрос не может возрасти без увеличения у народа средств платить за то, чего он желает. Накопление капитала естественно увеличивает соперничество между нанимателями труда, и вследствие этого цена последнего поднимается. Увеличение заработной платы не всегда издерживается непосредственно на пищу. Сначала оно служит для доставления рабочему других житейских удобств. Но улучшение его положения побуждает его и дает ему возможность жениться, и тогда спрос на пищу для пропитания семьи естественно вытесняет спрос на другие житейские удобства, на которые временно расходовалась его заработная плата. Следовательно цена хлеба повышается, потому что спрос на него увеличивается, потому что в обществе есть люди, у которых увеличились средства на покупку его. И прибыль фермера поднимается и будет выше общей нормы прибыли, пока на производство хлеба не будет употреблено необходимое количество капитала. Упадет ли цена хлеба, после того как это случится, до своего прежнего уровня, или же повышение сохранится надолго, будет зависеть от качества земли, с которой получено

* [Вставка в третьем издании].

добавочное количество хлеба. Если оно получено с земли столь же плодородной, как и последняя, бывшая под обработкой, то цена упадет до прежнего уровня, если с худшей земли, то цена останется надолго повышенной. В первом случае увеличение заработной платы происходило вследствие увеличения спроса на труд; поскольку оно поощряло браки и шло на содержание детей, оно имело своим действием увеличение предложения труда. Когда предложение труда увеличится, заработная плата опять упадет до своего прежнего размера, если цена хлеба вернулась к своему старому уровню; если же добавочное количество хлеба получено с земли низшего качества, то заработная плата будет все-таки выше, чем прежде. Высокая цена вовсе не несовместима с обильным предложением: цена повышается надолго не потому, что количество продукта недостаточно, а потому, что производство было сопряжено с повышенными расходами. В действительности часто случается, что, когда размножению населения дан толчок, действие последнего окажется сильнее, чем это можно было ожидать при условиях данного случая; население может возрасти и обыкновенно возрастает настолько, что, несмотря на увеличение спроса на труд, будет по отношению к фондам, предназначенным для содержания рабочих, пропорционально больше, чем до увеличения капитала. Тогда наступает реакция, заработная плата падает ниже своего естественного уровня и будет оставаться в таком положении до тех пор, пока не восстановится обычное соотношение между предложением и спросом. В данном случае, значит, повышению цены хлеба предшествует повышение заработной платы, и потому оно не подвергает рабочего никаким бедствиям.

Второй причиной повышения цены пицци является падение стоимости денег вследствие наплыва драгоценных металлов из рудников или вследствие злоупотребления правом выпуска банковских билетов. Но падение стоимости денег не вызывает никакого изменения в количестве производимой пицци. Число рабочих остается прежним, спрос на них—тоже, потому что тут не происходит ни увеличения, ни уменьшения капитала. Количество предметов необходимости, которое достается рабочему, зависит как от сравнительного спроса и предложения предметов необходимости, так и от сравнительного спроса и предложения труда; деньги же служат только орудием для определения количества, а так как ни тот, ни другой не изменились, то не может измениться и действительное вознаграждение рабочего. Денежная заработная плата повысится, но она позволит ему только иметь то же количество предметов необходимости, что и раньше. Те, кто оспаривает этот принцип, должны показать, почему увеличение количества денег не должно иметь своим последствием повышение цены труда, количество которого не увеличилось, тогда как, по их же признанию, оно непременно вызвало бы повышение цены обуви, шляп и хлеба, если бы количество этих товаров не увеличилось. Относительная рыночная стоимость шляп и обуви регулируется спросом и предложением обуви в сравнении с спросом и предложением шляп, а деньги служат только

средством для выражения их стоимости. Если цена шляп удвоилась, то удвоилась также и цена обуви, и относительная стоимость их останется прежнею. Точно так же, если удвоится цена хлеба и всех предметов необходимости рабочего, то удвоится также и цена труда. А раз нет нарушения в обычном спросе и предложении предметов необходимости и труда, то нет никакого основания для изменения их относительной стоимости.

Ни падение стоимости денег, ни налог на сырые произведения, хотя каждое из этих обстоятельств повышает цены, не отражается *необходимо* на количестве сырых произведений или на числе людей, которые в состоянии купить и хотят потреблять их. Нетрудно понять, почему, когда капитал страны увеличивается нерегулярно, заработная плата поднимается, тогда как цена хлеба остается прежней или повышается в меньшей пропорции, и почему, когда капитал страны уменьшается, заработная плата падает, тогда как хлеб остается в прежней цене, или же падает в гораздо меньшей пропорции. Явление это продолжается довольно долго: причина заключается в том, что труд—такой товар, количество которого не может быть увеличено или уменьшено по желанию. Если на рынке слишком мало шляп сравнительно со спросом, цена их поднимется, но лишь на короткое время, потому что в течение года количество шляп путем приложения большего капитала к шляпочному производству может быть увеличено до любых размеров, и потому их рыночная цена не может долго превышать значительно их естественную цену. Но с рабочими дело обстоит иначе: вы не можете увеличить их число в один-два года, если происходит увеличение капитала, или быстро уменьшить их число, когда капитал регрессирует; поэтому если число рабочих рук увеличивается или уменьшается медленно, а фонды, предназначенные для содержания труда, увеличиваются или уменьшаются быстро, то пройдет немало времени, пока цена труда придет в точное соответствие с ценой хлеба и предметов необходимости. Но в случае падения стоимости денег или обложения налогом хлеба избыточное предложение труда или понижение спроса на него не является необходимостью, и потому нет основания для действительного уменьшения заработной платы рабочего.

Налог на хлеб не уменьшает необходимо количества хлеба, он только увеличивает его денежную цену; он не уменьшает необходимо спроса на труд сравнительно с предложением, почему же он должен уменьшить долю, уплачиваемую рабочему? Допустим, что это верно, что он уменьшит количество, даваемое рабочему, другими словами, что он не повысит его денежной заработной платы в той же пропорции, в какой поднимает цену потребляемого им хлеба. Но не превысит ли тогда предложение хлеба спрос? Не упадет ли его цена? И не получит ли таким образом рабочий свою обычную долю? Правда, в таком случае капитал был бы извлечен из земледелия, потому что если цена хлеба не повысится на всю величину налога, то прибыль в земледелии будет ниже общей нормы прибыли, и капитал будет искать более выгодного помещения. Итак, что касается действия

налога на сырые произведения, который мы теперь рассматриваем, то мне кажется, что между повышением в цене сырых произведений и повышением заработной платы рабочего не пройдет такого промежутка времени, в течение которого положение рабочего значительно ухудшится. Поэтому рабочий класс не подвергается никакому другому неудобству, кроме того, какое он испытывает от всякого иного вида обложения, а именно риска, что налог может затронуть фонды, предназначенные для содержания труда, и тем задержать или понизить спрос на него.

Что касается третьего возражения против налогов на сырые произведения, а именно, что повышение заработной платы и понижение прибыли ослабляют побуждение к накоплению и действуют таким же образом, как естественная бедность почвы, то я старался показать в другой части настоящего труда, что сбережения могут делаться с одинаковым успехом как путем сокращения расходов, так и путем расширения производства, как при понижении стоимости товаров, так и при повышении нормы прибыли. Если моя прибыль повысится с 1 000 ф. ст. до 1 200 при прежних ценах, моя способность увеличивать свой капитал путем сбережений увеличится, но не настолько, насколько она увеличилась бы, если бы моя прибыль оставалась прежней, а цены товаров понизились бы так сильно, что на 800 ф. ст. я мог бы купить себе столько же, сколько раньше покупал на 1 000 ф. ст.

Сумма, требуемая налогом, должна быть собрана, и вопрос заключается просто в том, будет ли данная сумма взята с частных лиц путем уменьшения их прибыли или же путем повышения цен товаров, на которые эта прибыль будет израсходована.

Обложение, в какую бы форму оно ни облакалось, представляет собою только выбор из двух зол; если оно не влияет на прибыль или на другие источники дохода, то оно должно влиять на расходы, и совершенно безразлично, на что падает налог, лишь бы только бремя его распределялось равномерно и не задерживало воспроизводства. Налоги на производство или на прибыль с капитала, — взимаются ли они прямо с прибыли или же косвенным путем, посредством обложения земли или ее произведений, — имеют перед другими налогами то преимущество, что — при условии обложения и всякого другого дохода — никакой класс общества не может ускользнуть от них, и каждый платит соразмерно своим средствам.

От уплаты налога на расход может уклоняться скряга; он может, имея доход в 10 тыс. ф. ст. в год, тратить только 300 ф. ст.; но от уплаты налогов на прибыль, прямых или косвенных, он уклониться не может; он будет платить их, отдавая часть своего продукта или стоимость ее, или же вследствие повышения цен всех предметов, необходимых для производства, он будет поставлен в невозможность накапливать капитал в прежних размерах. Доход его, правда, может иметь прежнюю стоимость, но он не будет иметь в своем распоряжении прежнего количества труда или материалов, к которым этот труд может быть приложен.

Если страна, вследствие своего островного положения, обособ-

лена от других и не имеет торговых сношений ни с кем из своих соседей, она никоим образом не может переложить какую-нибудь часть своих налогов на чужие плечи. Часть продукта ее земли и труда будет уделена на государственные надобности, и мне кажется, что вопрос о том, взимаются ли налоги с прибыли, с земледельческих или же с мануфактурных произведений, имеет второстепенное значение, конечно если они только не дают несоразмерно на тот класс, который накапливает и сберегает. Если я имею 1 000 ф. ст. годового дохода и должен уплатить налогов на сумму в 100 ф. ст., то для меня имеет мало значения, плачу ли я их из своего дохода, оставляя себе только 900 ф. ст., или же плачу лишних 100 ф. ст. за земледельческие произведения или за мануфактурные изделия. Если 100 ф. ст. составляют мою справедливую долю в расходах страны, то достоинство обложения заключается в том, чтобы обеспечить уплату мною этих 100 ф. ст., не больше и не меньше. А для этого нет более надежного способа, чем обложение заработной платы, прибыли или сырых произведений.

Нам остается рассмотреть еще четвертое и последнее возражение. Оно заключается в том, что повышение цены сырых произведений повысит цены всех товаров, на которые идут сырые произведения, и следовательно мы будем конкурировать с иностранными промышленниками на общем рынке не на равных условиях.

Но, во-первых, цены хлеба и *всех* внутренних товаров не могут фактически подняться без прилива драгоценных металлов, потому что при высоких ценах данное количество товаров не может быть приведено в обращение тем же количеством денег, что и при низких ценах; купить же драгоценные металлы на дорогие товары нельзя. Если требуется больше золота, то для получения его надо отдать в обмен за него больше, а не меньше товаров. Недостаток денег не может быть покрыт бумажными деньгами, потому что не бумажки регулируют стоимость золота как товара, а золото регулирует стоимость бумажек. Следовательно, если стоимость золота не понизится, бумажки не могут быть выпущены в обращение, не подвергаясь обесценению. А что стоимость золота не может понизиться, — станет нам ясно, если мы примем в расчет, что стоимость золота как товара должна регулироваться количеством товаров, отдаваемых иностранцам в обмен на него. Когда золото дешево, товары дороги, а когда золото дорого, товары дешевы, и цены их падают. Но так как нет никакого основания ожидать, чтобы иностранцы продавали свое золото дешевле, чем обыкновенно, то весьма мало вероятно, чтобы в данном случае произошел какой-либо прилив золота. А без такого прилива не может увеличиться его количество или упасть его стоимость, а следовательно невозможно и общее повышение цен товаров¹.

Вероятным последствием налога на сырые произведения будет

¹ Могут сказать, что при повышении цены товаров только вследствие обложения, потребуется больше денег для их обращения. Я думаю, что нет. [Это примечание сделано только в третьем издании.]

повышение цены сырых произведений и всех товаров, в состав которых они входят, но отнюдь не пропорционально налогу; цены же других товаров, в состав которых не входят сырые произведения, например металлических и гончарных изделий, упадут. Итак, прежнего количества денег будет достаточно для всего обращения.

Налог, который оказал бы повышательное действие на цены всех продуктов страны, уменьшил бы вывоз только на очень короткое время. Если бы цена их повысилась внутри страны, их действительно нельзя было бы вывозить с выгодой, потому что они несли бы здесь бремя, от которого за границей были свободны. Налог произвел бы такое же действие, как изменение в стоимости денег, которое не распространилось бы на все страны, а ограничилось бы одной. Если бы этой страной была Англия, она, может быть, не могла бы продавать, но она могла бы покупать, потому что цены ввозимых товаров не повысились бы. При таких обстоятельствах в обмен на иностранные товары не вывозилось бы ничего, кроме золота, а такая торговля не может долго длиться; денежный фонд нации не может окончательно истощиться, так как после отлива известного количества денег поднялась бы стоимость остальных, и в результате цены товаров достигли бы такого уровня, что их можно было бы снова вывозить с выгодой. Следовательно, когда стоимость поднимется, мы не будем вывозить золото больше в обмен за товары, а будем вывозить те фабрикаты, цены которых сначала поднялись вследствие повышения цены сырых произведений, из которых они сделаны, а потом снова понизились вследствие вывоза денег.

Но могут возразить, что когда поднимется стоимость денег, то это повышение одинаково коснется как местных, так и иностранных товаров, и следовательно всякое побуждение к ввозу иностранных товаров прекратится. Так, предполагая, что мы ввозили товары, которые стоят за границей 100 ф. ст., а здесь продавались за 120 ф. ст., мы перестали бы ввозить их, когда стоимость денег поднялась бы в Англии настолько, что за них выручалось бы здесь только 100 ф. ст. Этого однако никогда не может случиться. Мотивом, побуждающим нас ввозить товар, служит факт его относительной дешевизны за границей, сравнение его цены за границей с ценою здесь. Если страна вывозит шляпы и ввозит сукно, она это делает потому, что может получить больше сукна, производя шляпы и обменивая их на сукно, чем если бы изготовляла его сама. Если повышение цены сырых произведений вызывает какое-либо увеличение стоимости производства шляп, то оно вызовет также и увеличение стоимости производства сукна. Если бы поэтому оба товара изготовлялись дома, то повысились бы цены обоих. Но так как один из них мы ввозим, то цена его не повысится и не упадет даже при повышении стоимости денег, а если его цена не упадет, то она опять станет в свое естественное отношение к цене вывозимого товара. Повышение цены сырых произведений вызывает повышение цены шляпы с 30 до 33 шилл, или на 10%; в силу той же причины цена сукна, если бы мы выделывали его, повысилась бы с 20 до 22 шилл. за ярд. Это повышение не нарушает отношения между ценою сукна и ценою

шляп: шляпа стоила и продолжает стоять полтора ярда сукна. Но если мы ввозим сукно, то его цена будет оставаться попрежнему 20 шилл. за ярд, и на нее не будет влиять сначала падение, а потом повышение стоимости денег; а цена шляп, поднявшись с 30 до 33 шилл. штука, снова упадет с 33 до 30 шилл, т. е. до уровня, на котором восстановится прежнее отношение между сукном и шляпами.

Чтобы упростить исследование этого вопроса, я предполагал, что повышение стоимости сырых материалов повысит в равной пропорции цены всех местных товаров, что если вследствие этого повышения цена одного товара поднимется на 10%, то и цены остальных поднимутся тоже на 10%. Но так как стоимость товаров складывается различным образом из стоимостей сырого материала и труда; так как на некоторых товарах, например металлических изделиях, совсем не отразится повышение цены сырых произведений, добываемых с поверхности земли, то очевидно, что налог на сырые произведения будет действовать на стоимость товаров самым различным образом. Поскольку это действие имеет место, обложение сырья поощряет вывоз одних товаров и задерживает вывоз других и несомненно сопровождается теми же неудобствами, что и обложение самих товаров: оно нарушает естественное отношение между их стоимостями. Так, естественная цена шляпы вместо того, чтобы равняться полутора ярдам сукна, может стать равной только одному ярду с четвертью или одному ярду трем четвертям, и потому внешняя торговля может получить несколько иное направление. Все эти неудобства вероятно не отразятся на стоимости вывоза и ввоза, они только помешают наилучшему распределению капитала всего мира, которое совершается наиболее нормально, когда всякому товару предоставляется возможность [без каких-либо искусственных ограничений]* приближаться к его естественной цене.

Итак, хотя повышение цены большинства наших собственных товаров на время остановило бы вывоз вообще и могло бы надолго прекратить вывоз некоторых товаров, оно не могло бы существенно отразиться на внешней торговле и не поставило бы нас в сравнительно невыгодное положение по отношению к конкуренции на заграничных рынках.

* [Вставка во втором и в третьем изданиях.]

ГЛАВА X

НАЛОГИ НА РЕНТУ

Налог на ренту оказывает влияние только на ренту; он всецело падает на землевладельцев и не может быть переложен на какой-нибудь класс потребителей. Повысить ренту землевладелец не может, потому что разность в продукте, получаемом с наименее производительной земли, позже других поступившей в обработку, и с земли всякого другого разряда, остается прежней. Обрабатывается земля трех разрядов № 1, 2 и 3, которые при затрате одинакового количества труда дают 180, 170 и 160 кварталов пшеницы; но № 3 ренты не платит и потому остается необложенным, рента же с № 2 не может превышать стоимость 10 кварталов, а рента с № 1—стоимость 20 кварталов. Налог на ренту не может повысить цены сырых произведений, ибо земледelec № 3, раз он не платит ни ренты, ни налога, не имеет никакой возможности повысить цену произведенного продукта. Налог на ренту не помешает обработке новой земли, потому что эта земля не платит ренты и осталась бы необложенной. Если бы в обработку поступил № 4, который дает 150 кварталов, то эта земля не платила бы налога; но создалась бы рента в 10 кварталов с № 3, который начал бы тогда платить налог.

Налог на ренту, как она обычно конституируется, подействовал бы неблагоприятно на земледелие, потому что был бы налогом на прибыль землевладельца. Как я заметил в другом месте, термин «земельная рента» обыкновенно прилагается ко всей стоимости, уплачиваемой фермером землевладельцу, тогда как только часть ее является рентой в строгом смысле. Здания, службы и прочие сооружения, сделанные землевладельцем на свой счет, составляют в строгом смысле слова часть капитала фермы и были бы возведены фермером, если бы о них не позаботился землевладелец. Рента есть сумма, уплачиваемая землевладельцу за пользование землей, и только землей. Остальная сумма, уплачиваемая ему под названием ренты, платится за пользование постройками и пр. и в действительности составляет прибыль на капитал землевладельца. Так как при обложении ренты не делали бы различия между той ее долей, которая платится за пользование землей, и той долей, которая платится за пользование капиталом землевладельца, то часть налога упала бы на прибыль землевладельца и следовательно отвлекла бы капитал

от земледелия, если только не повысилась бы цена сырых произведений. С той земли, за пользование которой не платилось ренты, землевладелец мог получать под этим именем вознаграждение за пользование его постройками. Эти постройки не были бы сооружены, и сырые произведения не возделывались бы на такой земле, если бы цена, по которой они продаются, не окупала не только все обычные расходы, но также и этот добавочный расход на налог. Эта часть налога падает не на землевладельца и не на фермера, а на потребителя сырых произведений.

Едва ли можно сомневаться, что если бы был введен налог на ренту, то землевладельцы скоро научились бы различать ту часть, которая платится им за пользование землей, от той, которая платится за пользование зданиями и улучшениями, сделанными на счет капитала землевладельца. Последняя была бы выделена под именем ренты с дома и построек, или же на вновь поступающей в обработку земле не землевладелец, а арендатор воздвигал бы необходимые постройки и делал бы нужные улучшения. Правда, в действительности для этой цели мог бы употребляться капитал землевладельца: номинально расходы производил бы арендатор, но средства доставлял бы ему землевладелец или в форме ссуды, или же приобретая себе право на известный ежегодный доход в течение срока аренды. Делается ли это различие или нет, фактически разница в характере вознаграждения, получаемого землевладельцем за эти различные вещи, существует. Совершенно верно, что налог на действительную поземельную ренту падает целиком на землевладельца, а налог на вознаграждение, которое землевладелец получает за пользование его капиталом, затраченным на ферму, падает в развивающейся стране на потребителя сырых произведений. Если бы рента была обложена налогом и не было принято никаких мер к различению разных частей вознаграждения, уплачиваемого теперь арендатором землевладельцу под названием ренты, то налог, поскольку он касается ренты за здания и другие сооружения, никогда не падал бы в течение сколько-нибудь долгого времени на землевладельца, а падал бы на потребителя. Капитал, затраченный на эти строения и пр., должен давать обычную прибыль, но он перестал бы давать эту прибыль на земле, поступившей в обработку позже других, если бы издержки на эти здания и пр. не падали на арендатора. А если бы они падали на последнего, то арендатор перестал бы получать свою обычную прибыль с капитала, если бы не мог в свою очередь переложить их на потребителя.

ГЛАВА XI

ДЕСЯТИНА

Десятина есть налог на валовой продукт земли и, подобно налогам на сырье, падает всецело на потребителя. От налога на ренту она отличается тем, что падает и на ту землю, которой первый не касается, и повышает цену сырья, на которую налог на ренту не влияет. Десятиной облагается как самая лучшая, так и самая худшая земля, притом строго пропорционально количеству даваемого землей продукта. Следовательно десятина—налог равномерный.

Если земля последнего разряда, та, которая не платит ренты и которая регулирует цену хлеба, дает количество, достаточное, чтобы фермер имел обычную прибыль на капитал, когда квартал пшеницы стоит 4 ф. ст., то после обложения этой земли десятиной цена хлеба должна подняться до 4 ф. ст. 8 шилл., иначе прибыль фермера уменьшится. И вот почему: с каждого квартала пшеницы земледелец должен платить в пользу церкви 8 шилл. [а если он не получит той же прибыли, то у него нет никакого основания продолжать свое старое занятие, раз он может получить эту прибыль в другом]*.

Единственное различие между десятиной и налогами на сырые произведения состоит в том, что первая представляет собою переменный денежный налог, а вторые принадлежат к категории постоянных денежных налогов. При неподвижном состоянии общества, когда легкость производства хлеба не увеличивается и не уменьшается, эти налоги будут производить совершенно одинаковое действие, потому что при таком состоянии цена хлеба будет неизменной, и налог поэтому будет также неизменным.

При попятном движении данного общества или при таких условиях, когда в земледелии применяются крупные улучшения, когда следовательно стоимость сырых произведений падает в сравнении с стоимостью других предметов, десятина окажется более легким налогом, чем постоянный денежный налог: если цена хлеба упадет с 4 ф. ст. до 3 ф. ст., то и налог упадет с 8 до 6 шилл. При поступательном движении данного общества, но при отсутствии сколько-

* [Вставка во втором и третьем изданиях.]

нибудь заметных улучшений в земледелии, цена хлеба будет повышаться, и десятина будет более тяжелым налогом, чем постоянный денежный налог. Если цена хлеба повысится с 4 ф. до 5 ф. ст., то десятина с той же земли повысится с 8 шилл. до 10.

Ни десятина, ни денежный налог не коснутся денежной ренты землевладельцев, но оба налога существенно отразятся на хлебной ренте. Мы уже видели, как действует на ренту денежный налог; очевидно также, что десятина окажет подобное же действие. Если земля № 1, 2 и 3 дает 180, 170 и 160 кварталов, то рента с № 1 составляла бы 20 кварталов, а с № 2—10. Но после уплаты десятины эта пропорция нарушится, потому что если вычесть из продукта земли каждого разряда десятую долю, то остающийся продукт будет равен 162, 153 и 144, и следовательно хлебная рента № 1 понизится до 18, а № 2—до 9 кварталов. Но цена хлеба поднимется с 4 ф. ст. до 4 ф. ст. 8 шилл. 10¹/₂ пенс., и следовательно денежная рента останется прежней, потому что для № 1 она будет равна 80 ф. ст.¹, а для № 2—40 ф. ст.²

Говорят,—и это главное возражение против десятины,—что этот налог не является постоянным и неизменным, что стоимость его увеличивается вместе с возрастанием трудности производства хлеба. Если цена квартала хлеба равняется 4 ф. ст., то налог составляет 8 шилл.; если вследствие дальнейшего возрастания трудности производства хлеба цена его повысится до 6 ф. ст., то налог составит уже 12 шилл. Увеличивается однако не только стоимость, но и сумма налога. Так, когда обрабатывался только № 1, десятина взималась всего с 180 кварталов; когда в обработку поступил № 2, то он взимался с 180+170, или 350 кварталов, а когда начал обрабатываться и № 3, то десятина уже взималась с 180+170+160, или 510 кварталов. При возрастании количества продукта со 1 до 2 млн. кварталов, возрастет не только сумма налога в натуре, с 100 тыс. до 200 тыс. кварталов, но и его стоимость. Благодаря увеличению количества труда, необходимого для производства второго миллиона, относительная стоимость сырых произведений может подняться настолько, что 200 тыс. кварталов, превышая по своему количеству 100 тыс. кварталов лишь вдвое, могут по своей стоимости превысить их втрое.

Если бы такая же стоимость собиралась в пользу церкви каким-нибудь другим способом, увеличиваясь, как и десятина, пропорционально трудности добывания пищи, то результат получился бы тот же. [Поэтому ошибочно предполагать, что десятина, в силу того, что она взимается с земли, действует на земледелие более неблагоприятным образом, чем если бы равная ей сумма взималась как-нибудь иначе.]* В обоих случаях в пользу церкви шла бы все большая и большая доля чистого продукта земли и труда страны. При поступательном движении общества чистый продукт земли по

¹ 18 кварталов по 4 ф. ст. 8 шилл. 10²/₂ пенс. [Это примечание сделано только в третьем издании.]

² 9 кварталов по 4 ф. ст. 8 шилл. 10²/₃ пенс. [ibidem.]

* [Вставка во втором и третьем изданиях.]

отношению к ее валовому продукту постоянно уменьшается, а между тем все налоги в конечном счете выплачиваются из чистого дохода страны,—будет ли последняя развиваться или переживать застой. Налог, который растет вместе с валовым доходом, но падает своей тяжестью на чистый доход, необходимо должен быть крайне обременительным и невыносимым налогом. Десятина составляет десятую долю не чистого, а валового продукта земли. Следовательно вместе с развитием общественного богатства она при сохранении того же отношения к валовому продукту должна поглощать все большую и большую часть чистого продукта.

Но на десятину можно смотреть как на налог, наносящий ущерб землевладельцам,—тем более, что она действует, как премия на ввоз: в то время как производство хлеба внутри страны облагается этим налогом, ввоз иностранного хлеба совершается вполне свободно. И если бы с целью защиты землевладельцев от последствий уменьшения спроса на землю, которое явилось бы результатом такой премии, ввозимый хлеб был бы также обложен [в одинаковой степени с местным]* и получаемый таким образом доход поступал бы в пользу государства, то это была бы самая правильная и справедливая мера, так как выручка, доставляемая государству таким налогом, позволила бы уменьшить другие налоги, необходимые на покрытие государственных расходов. Но если бы такой налог служил только для увеличения фонда, идущего в пользу церкви, то, хотя в целом он мог бы увеличить общую массу продуктов, он уменьшил бы ту долю этой массы, которая идет в пользу производительных классов.

Если бы торговля сукном была совершенно свободна, наши фабриканты могли бы продавать сукно дешевле, чем обходилось бы нам сукно, ввозимое из-за границы. Если бы местный фабрикант должен был платить налог, которого импортер сукна не платил бы, то это оказало бы вредное действие на капитал и заставило бы его оставить суконное производство для какого-нибудь другого, так как ввозимое сукно было бы дешевле, чем производимое внутри страны. Если ввозимое сукно было бы тоже обложено, сукно опять могло бы производиться у нас. Сначала потребитель покупал местное сукно, потому что оно было дешевле заграничного, потом он стал покупать заграничное, потому что, не будучи обложено налогом, оно стоило дешевле местного, обложенного налогом. Наконец он стал опять покупать местное сукно, потому что при одинаковом обложении местного и заграничного сукна первое опять стало дешевле заграничного. В последнем случае он платит за сукно самую высокую цену, но вся добавочная плата поступает в пользу государства. Во втором случае он платит за сукно дороже, чем в первом, но уплачиваемый им излишек не поступает в пользу государства; это повышение цены вызвано увеличением трудности производства вследствие того, что установленный налог лишил нас возможности добывать данный товар наиболее легким способом.

* [В первом издании вместо этих слов: «в размере одной десятой».]

ГЛАВА XII

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ НАЛОГ

Поземельный налог, пропорциональный ренте с земли и изменяющийся с каждым изменением ренты, есть в действительности налог на ренту. Так как такой налог не коснется той земли, которая не дает ренты, или продукта того капитала, который прилагается к земле в расчете только на прибыль и не платит ренты, то он несколько не повлияет на цены сырых произведений, а всецело падет на землевладельцев. Такой налог ничем не отличается от налога на ренту. Но если поземельным налогом будет обложена вся возделываемая земля, то, как бы он ни был умерен, он будет налогом на продукт и потому повысит цену продукта. Если последней возделываемой землей была земля № 3, то, хотя она и не платит ренты, она не может возделываться после введения налога и давать прибыль среднего уровня, если налог не будет покрыт повышением цены продукта. Капитал или будет избегать такого приложения, пока цена хлеба не повысится вследствие спроса настолько, чтобы давать ему обычную прибыль, или, если он уже прилагается к такой земле, бросит ее, чтобы поискать более выгодного дела. Налог не может быть переложен на землевладельца, потому что, по нашему предположению, тот не получает ренты. Такой налог или соразмеряется с качеством земли и ее урожайностью и тогда ничем не отличается от десятины, или же одинаков для каждого акра возделываемой земли, каково бы ни было ее качество.

Поземельный налог последнего рода падает очень неравномерно и противоречит одному из четырех общих правил, которым, по мнению А. Смита, должны удовлетворять все налоги. Эти четыре правила таковы:

«1) Подданные каждого государства должны платить на содержание правительства по возможности пропорционально своим средствам.

2) Налог, приходящийся на долю каждого, должен быть определен точно, а не произвольно.

3) Каждый налог должен взиматься в наиболее удобное время для плательщика и наиболее удобным для него способом.

4) Взимание каждого налога должно производиться так, чтобы

из кармана народа бралось возможно меньше сверх того, что поступает в государственную казну»*.

Равномерный поземельный налог, который падает одинаково на всю землю, находящуюся под обработкой, несмотря на различия в ее качестве, повысит цену хлеба пропорционально налогу, уплачиваемому арендатором самого худшего участка. Земли различного качества при приложении к ним одинаковых капиталов дают весьма неодинаковые количества продукта. Если земля, дающая при приложении данного капитала 1 000 кварталов хлеба, будет обложена налогом в 100 ф. ст., цена хлеба должна подняться на 2 шилл., чтобы возместить фермеру налог. Но на земле лучшего качества при затрате одинакового капитала может быть произведено 2 000 кварталов, которые при повышении цены на 2 шилл. дадут лишних 200 ф. ст. Однако налог, будучи одинаковым для той и другой земли, составит и с лучшей, и с худшей земли 100 ф. ст., и следовательно потребитель хлеба будет платить не только налог для удовлетворения нужд государства, но еще и 100 ф. ст. в пользу арендатора лучшей земли в течение всего срока аренды. А после землевладелец на всю эту сумму поднимает ренту. Таким образом налог этого рода противоречит четвертому правилу Адама Смита,—он будет брать из народного кармана больше, чем дает государственному казначейству. Подобным налогом была поземельная подать (taille) во Франции до революции; были обложены только земли, находившиеся в руках не-дворян, цена сырых произведений повышалась пропорционально налогу, и следовательно те, кто не платил налога, получали еще выгоду вследствие повышения ренты. Налоги на сырые произведения и десятина свободны от этого упрека: они повышают цену сырых произведений, но каждый разряд земли платит соразмерно своему действительному продукту, а не соразмерно продукту наименее производительной земли.

Своеобразная точка зрения, с которой Адам Смит рассматривает ренту, и то обстоятельство, что он не заметил, какое большое количество капитала в каждой стране затрачивается на землю, не платящую ренты, привели его к заключению, что все поземельные налоги,—облагается ли ими непосредственно земля в форме простого поземельного налога или десятины, берутся ли они из продукта почвы, или взимаются с прибыли фермера,—во всяком случае падают на землевладельца, который всегда является действительным плательщиком, хотя бы налог номинально уплачивался арендатором.

«Налоги на продукт земли,—говорит он,—в действительности являются налогами на ренту. Если они даже авансируются фермером, то в конечном счете они уплачиваются землевладельцем. Если известная часть продукта должна быть уплачена в форме налога, то фермер старается определить с возможной точностью, как велика будет в среднем ежегодная стоимость этой части, и соответственно этому делает вычет из ренты, которую он соглашается платить землевладельцу. Мы не встретим ни одного фермера, который не

* [«Богатство народов», кн. 5, гл. II].

вычислил бы заранее, сколько в среднем ежегодно будет составлять церковная десятина, которая тоже в сущности является поземельным налогом)*. Вполне верно, что фермер должен вычислить все и всякие вероятные расходы, прежде чем он соглашается платить землевладельцу определенную ренту. И если за десятину, уплачиваемую церкви, или налог на продукт земли он не получил бы вознаграждения в повышенной относительной стоимости своих продуктов, он конечно постарался бы сделать соответствующий вычет из ренты. Но в этом именно и состоит спорный вопрос: может ли он сделать такой вычет из ренты или он вознаградит себя повышением цены продукта. По тем основаниям, которые я уже приводил, я ничуть не сомневаюсь, что эти налоги вызовут повышение цены продуктов и что следовательно Адам Смит в этом важном вопросе бесспорно ошибается.

Именно эта точка зрения Адама Смита заставила его вероятно утверждать также, что десятина, как и всякий поземельный налог этого рода, несмотря на внешнюю видимость полного равенства, в действительности является очень неравномерным налогом, так как определенная часть продукта при различных условиях представляет далеко не одинаковую часть ренты. Я старался доказать, что налоги этого рода не падают неравномерно на различные группы фермеров и землевладельцев, так как и те и другие получают вознаграждение в повышенной цене сырых произведений и участвуют в платеже налога только пропорционально своему потреблению сырых произведений. В действительности, поскольку вследствие налога изменяется заработная плата, а под ее влиянием и норма прибыли, землевладельцы не только не участвуют в платеже этого налога, но, наоборот, специально освобождаются от него. Именно из прибыли на капитал берется часть налога, падающая на рабочих, неспособных вследствие недостатка средств уплатить его; эта часть уплачивается исключительно теми, которые получают свой доход с капитала, и следовательно она несколько не затрагивает землевладельцев.

Но из этого еще вовсе не следует, что десятина и другие налоги на землю и ее продукты не задерживают развития земледелия. Всякое обстоятельство, увеличивающее меновую стоимость различных товаров, на которые существует всеобщий спрос, имеет тенденцию задерживать как развитие сельскохозяйственной культуры, так и производства вообще. Но это зло неразрывно связано со всяким обложением и не составляет особенности тех налогов, о которых мы теперь говорим.

В действительности это зло представляет неизбежную невыгоду, которой отличаются взимание и расходование всех государственных налогов. Каждый новый налог превращается в новую тягость для производства и влечет за собой повышение естественной цены товаров. Часть труда страны, которою прежде располагал плательщик налога, теперь попадает в руки государства [и поэтому не может

* [«Богатство народов», ин. 5, гл. II].

быть больше употреблена производительно]*. Эта часть может принять такие размеры, что совершенно исчезнет прибавочный продукт, необходимый для поощрения тех, которые своими сбережениями обыкновенно увеличивают капиталы всего государства. К счастью, ни в одной свободной стране налоговое обложение никогда еще не доходило до такой степени, чтобы из года в год постоянно уменьшать ее капитал. Ни одна страна не могла бы выносить долго такое обложение. С течением времени налоги поглощали бы такую значительную часть годового продукта страны, что она скоро представляла бы ужасную картину нищеты, голода и обезлюдения.

«Поземельный налог, — говорит Адам Смит, — установленный, как в Великобритании, для каждого округа в определенной, неизменной норме, хотя бы он и был равномерным при его введении, с течением времени необходимо становится неравномерным, ввиду того что в разных частях страны земледелие улучшается или приходит в упадок в неодинаковой степени. В Англии оценка, на основании которой, в силу закона, изданного в четвертый год царствования Вильгельма и Марии, был разверстан поземельный налог, уже в самом начале была очень неправильна. Вот почему этот налог грешит против первого из вышеупомянутых четырех правил. Остальным трем он соответствует вполне. Величина его определена вполне точно. Время взимания его совпадает с временем уплаты ренты, следовательно оно очень удобно для плательщика. Хотя во всех случаях действительным плательщиком является землевладелец, налог обыкновенно вносится арендатором, которому землевладелец обязательно делает соответствующую уступку при уплате ренты»**.

Раз налог перекладывается арендатором не на землевладельца, а на потребителя, то он никогда не может стать неравномерным, если он только не был таким сначала, потому что цена продукта сразу же поднялась пропорционально налогу и после не будет уже больше изменяться вследствие этой причины. Он может грешить против четвертого правила, если будет, как я старался показать, неравномерным, но против первого правила он не грешит. Он может брать из народного кармана больше, чем дает казне, но он не падает неравномерно на какой-либо особый класс плательщиков. Сэй, по моему мнению, не понял характера и действия английского поземельного налога; он говорит: «Многие писатели думают, что английское земледелие достигло большого расцвета именно благодаря этой неизменной оценке. Несомненно она много способствовала ему. Но что сказали бы мы о правительстве, которое обратилось бы к мелкому промышленнику с такими словами: «Располагая небольшим капиталом, вы делаете ограниченные обороты, и вследствие этого ваши прямые платежи в казну весьма малы. Занимайте и накапливайте капитал; расширяйте ваши обороты, чтобы они давали вам огромные барыши: ваши платежи в казну никогда не будут повышены. Мало того: когда нажитое вами состояние доста-

* [Вставка в третьем издании.]

** [«Богатство народов», кн. 5, гл. II.]

нется вашим наследникам, и они еще приумножат его, оно будет оцениваться для взимания налога не в большую сумму, чем теперь; и ваши наследники будут нести не большую долю общественного бремени».

Несомненно, это дало бы сильный толчок развитию промышленности и торговли; но было ли бы это справедливо? Разве нельзя способствовать развитию их как-нибудь иначе? Разве в самой Англии промышленная и торговая деятельность не сделала за тот же период еще больших успехов, хотя и не пользовалась такими льготами? Землевладелец благодаря своей энергии, бережливости и искусству, увеличивает свой годовой доход на 5 000 фр. Если государство потребует от землевладельца в свою пользу пятую долю увеличения его дохода, то разве остальные 4 000 фр. не будут служить для него поощрением к дальнейшим усилиям?»*

[По предположению Сэя, «землевладелец благодаря своей энергии, бережливости и искусству увеличивает свой годовой доход на 5 000 фр.»; но землевладелец не имеет никакой возможности применить свою энергию, бережливость и искусство к земле, если не ведет на ней хозяйства сам, а в последнем случае он делает улучшения в качестве капиталиста и фермера, а не в качестве землевладельца. Немыслимо, чтобы он мог увеличить продукт своей фермы каким-нибудь *особенным* искусством с своей стороны, не увеличив сначала количества капитала, прилагающегося к ней. А если он увеличит капитал, то его увеличенный доход может стоять в такой же пропорции к его увеличенному капиталу, как доход всех других фермеров к их капиталам]**.

Если бы, следуя совету Сэя, государство потребовало себе пятую долю увеличения дохода фермера, то это был бы налог односторонний, затрагивающий только прибыль фермеров и не касающийся прибыли лиц, занимающихся другими делами. Налог уплачивался бы со всякой земли, как той, которая дает скудный урожай, так и той, которая дает обильный урожай, и его нельзя было бы возместить путем вычета из ренты в тех случаях, когда земля не платит никакой ренты. Но односторонний налог на прибыль никогда не падает на промышленность, которая им обложена, потому что промышленник или оставит свое занятие, или вознаградит себя за налог. Те, кто не платит никакой ренты, могут получить возмещение только посредством повышения цены продукта, и таким образом предлагаемый Сэем налог упадет на потребителя, а не на землевладельца или фермера.

Если бы предполагаемый налог повышался пропорционально увеличению количества или стоимости валового продукта, даваемого землей, то он ничем не отличался бы от десятины и точно так же был бы переложен на потребителя. Таким образом, облагается ли валовой или же чистый продукт земли, налог одинаково является налогом на потребление и затрагивает землевладельца и фермера

* [«Economie politique», v. II, p. 353—354.]

** [Весь этот абзац вставлен только в третьем издании.]

лишь в той же мере, как и другие налоги на сырые произведения.

Если бы земля вовсе не была обложена и та же сумма взималась как-нибудь иначе, земледелие процветало бы, по меньшей мере, попрежнему. Немыслимо, чтобы какой-нибудь налог на землю поощрял земледелие; умеренный налог может не задерживать и вероятно не задерживает в значительной степени рост производства, но поощрять его он не может. Английское правительство не держало таких речей, какие ему приписывает Сэй. Оно не обещало освободить земледельческий класс и его наследников от всякого обложения в будущем и собирать дальнейшие средства, которые могут потребоваться государству, с других классов общества; оно сказало только: «В этой форме мы больше не будем обременять страну никакими тяготами, но мы оставляем за собой полную свободу заставить вас в какой-либо другой форме принимать надлежащее участие в покрытии необходимых расходов государства».

Говоря о натуральных налогах, или налогах, составляющих определенную часть продукта, т. е. вполне тождественных с десятиной, Сэй замечает: «Этот способ обложения является повидимому наиболее справедливым. В действительности же трудно найти более несправедливый налог. При нем совершенно не принимаются во внимание затраты, сделанные производителем, и он взимается пропорционально валовому, а не чистому доходу. Два земледельца производят сырые произведения различного рода: один из них возделывает хлеб на земле среднего качества, и его издержки достигают в среднем ежегодно 8 000 фр. Он продает свои продукты за 12 тыс. фр. и имеет таким образом чистый доход в 4 000 фр.

Сосед его владеет пастбищами или лесами, которые при расходе всего в 2 000 фр. доставляют ему ежегодно 12 тыс. фр. Таким образом он в среднем имеет чистый доход в 10 тыс. фр.

И вот в силу вновь изданного закона приказано взимать $\frac{1}{12}$ часть всех произведений земли без всякого различия. У первого из них, по закону, отбирается хлеб стоимостью в 1 000 фр., у второго—сено, скот или лес на такую же сумму в 1 000 фр. Что же случилось? У одного из них взяли $\frac{1}{4}$ его чистого дохода в 4 000 фр., у другого, чистый доход которого составляет 10 тыс. фр., взяли всего $\frac{1}{10}$. Доходом мы называем чистую прибыль, которая остается после возмещения всего капитала в его прежнем составе. Разве доход купца составляется из суммы всех продаж, совершаемых им в течение целого года? Конечно нет. Доход его равняется только излишку суммы его продаж над расходами. Поэтому налог на доход должен взиматься только с этого излишка»*.

В чем же заключается ошибка Сэя? В предположении, что чистый доход одного земледельца превышает чистый доход другого ровно на столько же, на сколько стоимость продукта одной из этих двух ферм превышает после возмещения капитала стоимость продукта другой. Чистый доход владельца и арендатора лесов может

* «Economie politique», т. II, р. 344, 350.

быть гораздо больше, чем чистый доход владельца и арендатора пахотной земли, но эта разница происходит вследствие разницы в их ренте, а не разницы в прибыли. Сэй совершенно забыл, что ему следует еще рассмотреть разницу в суммах ренты, которую должны будут платить оба арендатора. В одной и той же отрасли промышленности не может существовать двух различных норм прибыли; поэтому, если стоимость продукта составляет неодинаковую пропорцию по отношению к капиталу, то изменение произойдет не в прибыли, а в ренте. Допустимо ли, чтобы 1 чел. получал с капитала в 2 000 фр. чистый доход в 10 тыс. фр., в то время как другой, употребляя капитал в 8 000 фр., получает только 4 000 фр.? Если бы Сэй принял во внимание ренту, если бы он кроме того принял во внимание действие, которое такой налог оказал бы на цены всех сырых произведений, он бы заметил тогда, что этот налог далеко не является неравномерным и что производители будут участвовать в уплате его таким же образом, как и все остальные потребители.

ГЛАВА XIII

НАЛОГИ НА ЗОЛОТО

Всякий налог на товары, как и возрастание трудности их производства, влечет за собою всегда в конце концов повышение их цены. Но сколько пройдет времени, пока рыночная цена товара придет в соответствие с его естественной ценой, зависит как от природы самого товара, так и от возможности быстро уменьшить его количество. Если бы количество обложенного товара не могло быть уменьшено, если бы например фермер или фабрикант шляп не могли перевести свой капитал в другие отрасли промышленности, то падение вследствие налога их прибыли ниже общей нормы не сопровождалось бы никакими другими последствиями. Если спрос на их товары не увеличился, они не в состоянии повысить рыночную цену хлеба и шляп, чтобы сравнять ее с повысившейся естественной ценой этих товаров. Их угрозы покинуть свое занятие и перевести капиталы в другие отрасли промышленности, находящиеся в более благоприятном положении, остались бы только пустыми словами. Они не могли бы привести их в исполнение, а следовательно и повысить цены своих товаров путем уменьшения их производства. Но—хотя и не с одинаковой степенью скорости—количество всякого товара может быть уменьшено точно так же, как и капитал может быть перемещен из менее доходной отрасли промышленности в более доходную. Чем скорее может быть уменьшено без ущерба для производителя количество того или другого товара, тем скорее повысится его цена, если вследствие обложения или какой-нибудь другой причины возрастет трудность его производства. Так как хлеб представляет товар, безусловно необходимый каждому, то спрос на него вследствие введения налога не подвергнется существенному изменению, а потому и предложение хлеба вероятно оказалось бы слишком большим только в течение короткого времени даже в том случае, если бы производители встретили большие затруднения при перемещении своего капитала из земледелия в другие отрасли промышленности. Вот почему цена хлеба вследствие обложения быстро повысится, и фермер будет в состоянии переложить налог с себя на потребителя.

Если бы рудники, из которых мы получаем золото, находились в нашей стране и золото было обложено налогом, то его относитель-

ная стоимость не могла бы повыситься в сравнении с другими предметами, пока не сократилось бы его количество. И это явление в особенности наблюдалось бы тогда, когда золото употреблялось бы исключительно для чеканки монеты. Но в этом случае наименее производительные рудники, не платящие ренты, перестали бы давать обычную норму прибыли и разработка их приостановилась бы до тех пор, пока относительная стоимость золота не повысилась бы на сумму, равную налогу. Количество золота, а следовательно и количество денег постепенно уменьшалось бы: в течение первого года оно уменьшилось бы незначительно, гораздо больше в течение второго года, пока в конце концов стоимость золота не повысилась бы пропорционально налогу. В это переходное время пострадали бы землевладельцы или арендаторы, так как налог платили бы они, а не те, кто пользуется деньгами. Если бы из каждой тысячи кварталов пшеницы, имеющейся в наличности, из каждой тысячи кварталов хлеба следующего урожая правительство брало в качестве налога 100 кварталов, то остальные 900 кварталов будут обмениваться на такое же количество других товаров, на которое прежде обменивалась тысяча кварталов. Но если бы то же самое произошло с золотом, если бы из каждой 1 000 ф. ст. монеты, находящейся в стране, или той, которая будет ввезена, правительство могло бы брать в качестве налога 100 ф. ст., то остальные 900 ф. ст. вряд ли имели бы большую покупательную силу, чем прежде купленные 900 ф. ст. Налог упадет на тех, чье имущество заключается в деньгах, и это будет продолжаться до тех пор, пока количество денег не сократится пропорционально увеличению издержек производства золота, поскольку это увеличение вызвано налогом.

Такое явление, пожалуй, наблюдается чаще, когда мы имеем дело с металлом, который служит деньгами, чем когда мы имеем дело со всяким другим товаром. Ведь спрос на деньги не имеет таких определенных количественных пределов, как спрос на предметы одежды или пищи. Спрос на деньги регулируется всецело их стоимостью, а их стоимость—их количеством. Если бы стоимость золота удвоилась, то половинное количество его могло бы выполнять ту же службу в обращении, а если бы стоимость его уменьшилась вдвое, то для выполнения ее требовалось бы двойное количество золота. Если бы рыночная стоимость хлеба вследствие обложения или увеличения трудности производства увеличилась на одну десятую, то сомнительно, чтобы это обстоятельство отразилось на количестве потребляемого хлеба: нуждаясь в определенном количестве хлеба, каждый потреблял бы его столько же, сколько и прежде, если бы он конечно имел средства для покупки хлеба. Что же касается денег, то спрос на них прямо пропорционален их стоимости. Никто не мог бы потребить вдвое больше хлеба, чем ему обыкновенно нужно для поддержания существования, но каждый при покупке и продаже одного и того же количества товаров может быть вынужден употреблять вдвое, втрое и даже больше денег.

Доказательство, которое я только что приводил, имеет значение только для таких фаз общественного развития, когда в качестве

денег употребляются драгоценные металлы и бумажные деньги еще не существуют. Золото, как и все другие товары, имеет свою рыночную стоимость, которая в конечном счете регулируется сравнительной легкостью или трудностью его производства. Хотя вследствие его долговечности и трудности уменьшить его количество рыночная стоимость золота не подвергается большим колебаниям, но эта трудность в значительной степени увеличивается еще и потому, что золото выполняет функцию денег. Если бы количество золота, обращающегося на рынке только как товар, составляло 10 тыс. унций, а промышленное потребление его равнялось 2 тыс. унциям ежегодно, то стоимость его при уменьшении его количества на сумму годового ввоза повысилась бы на одну четверть, или 25%. Но если бы количество золота, вследствие того что оно выполняет функцию денег, составляло 100 тыс. унций, то стоимость его повысилась бы на одну четверть не раньше, чем через 10 лет. Так как количество бумажных денег может быть легко уменьшено, то стоимость их, хотя бы основой денежного обращения являлась золотая валюта, могла бы увеличиться так же быстро, как стоимость золота, если бы этот металл, составляя весьма малую долю средств обращения, не был тесно связан со всем денежным обращением.

Если бы золото добывалось только в одной стране, а в качестве денег употреблялось бы во всех странах, его можно было бы обложить значительным налогом, который падал бы на каждую страну пропорционально количеству золота, потребляемого для промышленных целей и производства различной утвари. Но, как бы ни был велик налог, падающий на ту часть золота, которая употребляется в качестве денег, никто не платил бы его. Это—особенность денег. Стоимость всех других товаров, количество которых ограничено и не может быть увеличено путем конкуренции, зависит от вкусов, каприза и средств покупателей. Но деньги—такой товар, увеличение количества которого не может быть желательным и не является необходимым ни для какой страны: употребляя 20 млн. в качестве орудия обращения, она получила бы не больше выгоды, чем от употребления 10 млн. Страна может пользоваться монополией производства шелка или вина, и все-таки цены шелковых изделий и вина понизились бы, если бы в силу каприза моды или изменения вкусов эти товары должны были уступить свое место суконным изделиям и водке. То же самое могло бы в известной степени случиться и с золотом, поскольку оно употребляется для промышленных целей. Но, поскольку золото служит всеобщим орудием обмена, спрос на него не зависит от свободного выбора и всегда является делом необходимости: вы вынуждены брать его в обмен за ваши товары. Вот почему при понижении стоимости золота нельзя указать предела увеличению его количества, которое может быть вам навязано внешней торговлей, и точно так же при повышении стоимости золота вам придется согласиться на любое уменьшение его количества. Правда, вы можете заменить золото бумажными деньгами, но этим путем вы не уменьшите, да и не можете уменьшить количество денег [потому что последнее определяется стоимостью масштаба, на который

размениваются бумажные деньги]*. Только путем повышения цен товаров можно задержать вывоз их из страны, где они покупаются за малое количество денег, в страну, в которой они могут быть проданы за более значительное количество. А это повышение может быть достигнуто только посредством ввоза металлических денег из-за границы или же посредством введения бумажных денег, либо увеличения их выпуска внутри страны. Таким образом, если бы испанский король,—предполагая, что золотые рудники находятся в его монопольном владении и что только золото употребляется в качестве денег,—обложил золото большим налогом, то он в значительной степени повысил бы естественную стоимость золота. А так как рыночная стоимость золота в Европе в конечном счете определяется его естественной стоимостью в испанской Америке, то Европа за прежнее количество золота отдавала бы больше товаров. Но тогда в Америке перестали бы добывать прежнее количество золота, потому что стоимость его повысилась бы пропорционально уменьшению его количества, вызванному увеличением издержек его производства. Итак, Америка в обмен на вывозимое золото получала бы такое же количество товаров, как и прежде. В чем же заключался бы тогда выигрыш Испании и ее колоний? Только в том, что при добытии меньшего количества золота на производство его затрачивалось бы меньше капитала. Из Европы получалась бы такая же стоимость в виде товаров, как и прежде при употреблении большего капитала. Следовательно вся масса продуктов, получаемых с помощью капитала, освобожденного из производства золота, составляла бы прямую выгоду, которую Испания извлекла бы из обложения золота, тогда как, обладая монополией на какой-нибудь другой товар, она вряд ли могла бы путем его обложения получить наверное такую значительную выгоду. Такой налог, поскольку дело касается денег, не причинил бы европейским нациям никакого ущерба; они имели бы в своем распоряжении то же самое количество товаров и следовательно такое же самое количество средств потребления, как и прежде. Разница состояла бы только в том, что обращение этих товаров совершалось бы [вследствие повышения стоимости золота]** при помощи меньшего количества денег.

Если бы после введения налога из рудников добывалась только одна десятая часть золота, добываемого теперь, то стоимость этой десятой части равнялась бы стоимости всех десяти десятых, добываемых в настоящее время. Но испанский король не является монопольным собственником всех рудников, из которых добываются драгоценные металлы. Если бы он даже был им, то выгода его от владения ими и права обложения золота могла бы значительно уменьшиться вследствие ограничения спроса и потребления в Европе, которое явилось бы неременным следствием более или менее полной замены металлических денег бумажными. Совпадение рыночной и естественной цены всех товаров всегда обуславливается степенью

* [Вставка во втором и третьем изданиях].

** [Вставка во втором и третьем изданиях].

легкости, с какой может быть увеличено или уменьшено их предложение. В тех случаях, когда мы имеем дело с такими товарами, как золото, дома, труд и многие другие, для достижения этого результата при некоторых обстоятельствах требуется продолжительный срок. Иначе обстоит дело с товарами, которые потребляются и вновь производятся из года в год, как например шляпы, обувь, хлеб и сукно. Количество их в случае надобности может быть легко уменьшено, и потребуется очень короткий срок, чтобы за увеличением издержек их производства последовало сокращение их предложения.

Налог на сырые произведения, получаемые с поверхности земли, падает, как мы видели, на потребителя. Он затрагивает ренту только в том случае, когда он уменьшает фонды, назначенные на содержание труда, и, понизив таким образом заработную плату, уменьшает население, а вместе с тем и спрос на хлеб. Но налог на золото, получаемое из рудников, увеличивая стоимость этого металла, необходимо приведет к уменьшению спроса на него и потому так же необходимо вызовет отлив капитала из золотопромышленности. Таким образом, несмотря на то, что Испания получила бы от налога на золото все выгоды, указанные мною выше, владельцы рудников, разработка которых прекратилась бы, лишились бы своей ренты. А так как рента является не созданием нового богатства, а только перемещением его из рук в руки, то это было бы потерей для отдельных лиц, а не для всей нации: испанский король и владельцы рудников, разработка которых продолжалась бы, получили бы вместе не только все, что произвел бы освобожденный капитал, но и все, что потеряли другие владельцы.

Предположим, что разрабатываются три рудника и дают: первый—100, второй—80 и третий—70 фунт. золота; рента № 1 равняется, значит, 30 фунт., а № 2—10. Предположим теперь, что каждый разрабатываемый рудник обложен налогом в 70 фунт. золота в год и что следовательно только № 1 может разрабатываться с выгодой; очевидно, что сейчас же исчезнет всякая рента. До введения налога, из 100 фунт., добывавшихся из № 1, уплачивалось 30 фунт. ренты, а 70 фунт., т. е. количество, равное продукту наименее производительного рудника, оставалось золотопромышленнику. Таким образом стоимость, которая остается капиталисту рудника № 1, должна равняться прежней, иначе он не получит обычной прибыли на капитал; следовательно стоимость 30 фунт., которые остались бы за вычетом из 100 фунт. налога в 70 фунт., должна равняться стоимости прежних 70 фунт., а стоимость всех 100 фунт.—стоимости прежних 233. Она может подняться выше, но не может опуститься ниже, иначе прекратилась бы разработка и этого рудника. Так как золото представляло бы собою монопольный товар, то стоимость его могла бы превысить его естественную стоимость, и оно доставляло бы ренту, равную этому превышению. Но никто не стал бы затрачивать капиталы на разработку рудника, если бы стоимость золота была ниже его естественной стоимости. Затратив треть прежнего количества труда и капитала, Испания получила бы такое количество золота, которое обменивалось бы на то же самое или почти то же

самое количество товаров, что и прежде. Она стала бы богаче на продукт двух третей капитала и труда, освободившихся из золотопромышленности. Если стоимость 100 фунт. золота равнялась бы стоимости 250, добывавшихся раньше, то доля испанского короля, 70 фунт., равнялась бы по стоимости прежним 175: только небольшая доля королевского налога падала бы на подданных короля, а большая часть его получалась бы благодаря лучшему распределению капитала.

Счет Испании имел бы такой вид:

Производилось прежде:

250 фунтов золота, стоимость которых составляла, по- жим	10 000 ярдов сукна
---	--------------------

Производится теперь:

Двумя капиталистами, которые покинули золотопромыш- ленность, такая же стоимость [на какую раньше обменивались]* 140 фунт. золота, или	5 600 ярдов сукна
Капиталистом, который разрабатывает рудник № 1, 30 фунт. золота, стоимость которых теперь возросла в пропорции $2\frac{1}{2} : 1$ и потому составляет теперь . . .	3 000 ярдов сукна
Королевский налог, 70 фунт. [стоимость которых тоже возросла в пропорции $2\frac{1}{2} : 1$ и потому]* составляет .	7 000 ярдов сукна
	<hr/>
	15 600 ярдов сукна

Из получаемых королем 7 000 испанский народ уплачивал бы только 1 400, а 5 600 были бы чистым выигрышем, который получался бы вследствие освобождения капитала.

Если бы налог составлял не постоянную сумму с каждого разрабатываемого рудника, а известную долю продукта, то добываемое количество не сократилось бы немедленно после его введения. Хотя налог поглощал бы половину, треть или четверть золота, добываемого из каждого рудника, владельцы последних все-таки были бы заинтересованы в том, чтобы из их рудников добывалось прежнее количество золота. Но если бы количество добываемого золота не уменьшилось, а только часть добычи поступала бы в распоряжение короля, то стоимость его не повысилась бы; налог падал бы на население колоний и не принес бы никакой выгоды. Налог этого рода оказал бы такое же действие, какое, по мнению Адама Смита, налоги на сырые произведения оказывают на поземельную ренту: он падал бы всецело на ренту с рудников. В действительности, такой налог уже при маленьком его повышении не только поглотил бы всю ренту, но и лишил бы золотопромышленника обычной прибыли с капитала, так что золотопромышленник принужден был бы извлечь свой капитал из золотопромышленности. При дальнейшем повышении налога была бы поглощена также рента более богатых рудников и последовал бы дальнейший отлив капитала. Таким образом количество золота все уменьшалось бы, а его стоимость—повышалась, и получились бы те же результаты, на какие мы ука-

* [Вставка во втором и третьем изданиях].

ывали раньше: часть налога уплачивалась бы населением испанских колоний, а другая часть его была бы вновь созданным продуктом, полученным вследствие увеличения стоимости орудия, которое употребляется как средство обмена.

Налоги на золото могут быть двоякого рода: одни—на наличное количество золота, находящегося в обращении, и другие—на количество его, ежегодно добываемое из рудников. И те и другие имеют тенденцию уменьшать количество и повышать стоимость золота, но ни те, ни другие не повысят его стоимость, пока количество его не уменьшится. Поэтому временно, пока не уменьшится предложение золота, они будут падать на владельцев денег, в конечном же счете часть, постоянно приходящаяся на данное общество, будет уплачена, с одной стороны, владельцем рудника путем вычета из его ренты, а с другой—покупателями той доли золота, которая идет на производство предметов роскоши, а не предназначается исключительно для функции средств обращения.

ГЛАВА XIV

НАЛОГИ НА ДОМА

Но кроме золота существуют еще и другие товары, количество которых не может быть быстро сокращено. Поэтому всякий налог на такие товары, если повышение их цены будет сопровождаться уменьшением спроса, падает на их собственника.

К налогам этого рода принадлежат налоги на дома: хотя они взимаются с нанимателей, они часто падают на землевладельца, уменьшая соответственно его ренту. Продукт земли потребляется и воспроизводится из года в год. То же самое можно сказать о многих других товарах. И так как количество их вследствие этого легко можно привести в соответствие с спросом, то цена не может долго превышать их естественную цену. Но налог на дома можно рассматривать как дополнительную ренту, уплачиваемую нанимателем. Поэтому он имеет тенденцию уменьшать спрос на дома, доставляющие одинаковую годовую ренту, не уменьшая в то же время их предложения. Следовательно рента понижается, и часть налога поэтому будет косвенно уплачена землевладельцем.

«Рента с домов,—говорит Адам Смит,—распадается на две части, из которых одна может быть вполне правильно названа рентой со строений, а другая обыкновенно называется поземельной рентой. Рента со строений представляет процент или прибыль на капитал, затраченный на постройку дома. Чтобы уравнивать условия конкуренции строительного дела с другими отраслями промышленности, необходимо, чтобы рента со строений была достаточно велика, во-первых, для возмещения процентов, которые были бы получены предпринимателем с капитала, если бы он отдал его в займы под хорошее обеспечение, и, во-вторых, для содержания и ремонта дома или—что сводится к тому же—для погашения в течение определенного периода капитала, который был затрачен на постройку дома... Если предприниматель в строительном деле получает более значительную прибыль в сравнении с ссудным процентом, то усиленный приток капитала из других отраслей промышленности скоро вернет его прибыль к прежнему уровню. Если же он получает менее значительную прибыль в сравнении с ссудным процентом, то отлив капитала из строительного дела в другие отрасли промышленности в свою очередь вызовет увеличение его прибыли. Что же касается

той части всего дохода, получаемого с дома, которая—как бы она ни была велика—остается за вычетом достаточной прибыли, то она входит в поземельную ренту. Там, где собственник земли и собственник здания—различные лица, эта часть в большинстве случаев уплачивается первому. Для деревенских строений, находящихся в далеком расстоянии от крупных городов, в местностях, где много свободной земли, эта поземельная рента представляет ничтожную величину или составляет немногим больше того, что приносила бы земля под строениями, если бы она поступила в обработку. Для деревенских дач, расположенных поблизости какого-нибудь крупного города, эта рента значительно выше, и за какие-нибудь особенные удобства или красивое местоположение приходится платить очень высокую плату. Выше всего поземельная рента бывает в столице, в особенности в тех ее кварталах, где существует самый сильный спрос на дома, причем безразлично, какие причины вызывают этот спрос: потребности торговли и промышленности, потребность в увеселениях и удовольствиях или прихоть моды и тщеславие)*. Налог на ренту с домов может падать или на нанимателя, или на землевладельца, или же на домовладельца. При обыкновенных условиях можно считать, что весь налог уплачивается—непосредственно и в конечном счете—нанимателем.

Если налог не особенно велик, если сама страна находится в неподвижном состоянии или прогрессирует, то у нанимателя нет никаких оснований довольствоваться домами худшего разряда. Но если налог высок или какие-нибудь обстоятельства уменьшают спрос на дома, то доход землевладельца упадет, так как наниматель отчасти вознаградит себя за налог уменьшением ренты. Однако трудно сказать, в каких размерах эта часть налога, сберегаемая нанимателем путем уменьшения ренты, распределится между рентой со строений и поземельной рентой. Вероятно, что в первом случае уменьшение коснулось бы и той и другой, но так как дома, хотя и медленно, постепенно разрушаются и постройка их прекратилась бы до тех пор, пока прибыль предпринимателя не достигла бы прежнего уровня, то после известного промежутка времени рента со строений вернулась бы к своей естественной цене. Так как домовладелец получает ренту только до тех пор, пока держится строение, то даже при очень неблагоприятных условиях он мог бы в течение очень долгого времени не платить ни единой доли налога на дом.

Таким образом уплата этого налога в конце концов падет на нанимателя и землевладельца, но «в какой пропорции этот конечный итог,—говорит Адам Смит,—распределится между ними, очень трудно определить. Всего вероятнее, что при различных условиях это распределение будет очень различно, и налог такого рода соответственно различным условиям мог бы падать очень неравномерно как на квартиронанимателя, так и на землевладельца)**.

* [«Богатство народов», кн. 5, гл. II].

** [Там же, кн. 5, гл. II].

По мнению Адама Смита, поземельная рента представляет особенно пригодный объект для обложения. «Как городская земельная рента, так и обыкновенная поземельная рента представляют такой вид дохода, которым собственник во многих случаях пользуется без всякого труда или забот с своей стороны. И если бы часть этого дохода отбиралась у его собственника для покрытия государственных расходов, то это не задержало бы развития ни одной отрасли промышленности. Годовой продукт земли и труда всего общества, действительное богатство и доход массы народонаселения после введения такого налога оставались бы в таком же положении, как и прежде. Вот почему городская земельная рента и обыкновенная поземельная рента являются, быть может, теми формами дохода, которые лучше всего могут вынести специальный налог на них»*. Нельзя не согласиться, что Адам Смит совершенно правильно изобразил последствия этих налогов. Но было бы несправедливо обложить налогом исключительно доход одного какого-нибудь класса общества. Бремя государственных расходов должно быть распределено между всеми, пропорционально средствам каждого: так гласит одно из четырех правил, с которыми, по мнению Адама Смита, должно сообразоваться всякое обложение. Рентой пользуются очень часто те, кто после многих лет трудовой жизни реализуют свою прибыль и затрачивают свое имущество на покупку земли или домов. И если бы мы обложили ренту неравномерным налогом, мы нарушили бы принцип, который всегда должен оставаться для нас священным—неприкосновенность собственности. Остается только сожалеть, что пошлины, которыми обременен переход земельной собственности, существенным образом мешают переходу ее в руки тех, кто мог бы вероятно дать ей наиболее производительное употребление. Необходимо принять во внимание, что земля, рассматриваемая как наиболее пригодный объект для исключительного обложения, не только потеряла бы часть своей цены в вознаграждение за риск возможных потерь от такого обложения: она стала бы вследствие неопределенной природы и переменчивой стоимости такого риска удобным предметом для спекуляции, носящей скорее характер биржевой игры, чем здоровой торговли. И очень вероятно, что земля в этом случае скорее всего попадет в руки того, кто обладает больше свойствами игрока, чем свойствами благоразумного собственника, умеющего использовать свою землю наиболее выгодным образом.

* [Кн. 5, гл. II].

ГЛАВА XV

НАЛОГИ НА ПРИБЫЛЬ

Налоги на все товары, которые носят общее название предметов роскоши, падают исключительно на потребителей этих товаров. Налог на вино падает на его потребителя. Налог на лошадей, служащих для роскоши и забавы, или на кареты уплачивается теми, кто пользуется ими, и прямо пропорционален количеству этих предметов удовольствия. Иначе обстоит дело с налогами на предметы необходимости. Такие налоги часто падают на потребителей в пропорции, гораздо более высокой, чем количество потребляемых ими предметов. Мы видели выше, что налог на хлеб, падая на фабриканта как потребителя—пропорционально потреблению им и его семьей хлеба,—в то же время уменьшает его доход еще с другой стороны, путем изменения нормы прибыли на капитал. Все, что увеличивает заработную плату, уменьшает прибыль с капитала. Поэтому всякий налог на товары, потребляемые рабочими, имеет тенденцию понижать норму прибыли.

Налог на шляпы повысит цены шляп, налог на обувь—цену обуви. В противном случае такой налог был бы в конце концов уплачен фабрикантом: его прибыль упала бы в сравнении с общей нормой, и он покинул бы свой промысел. Специальный налог на прибыль в данной отрасли промышленности повысил бы цены продуктов, подвергшихся обложению. Так, налог на фабриканта шляп повысил бы цены шляп. Ибо если налог будет взиматься только с прибыли фабриканта шляп, а прибыль других фабрикантов будет свободна от него, то прибыль фабриканта шляп—в том случае, когда он не может повысить цены своих шляп—понижилась бы в сравнении с общей нормой прибыли, и он переменял бы свой промысел.

Точно так же налог на прибыль фермера вызвал бы повышение цены хлеба, налог на прибыль фабриканта сукон—повышение цены сукон, и если бы установлен был налог на прибыль во всех отраслях промышленности, то повысились бы цены всех товаров. Но если бы рудники, снабжающие нас драгоценными металлами для чеканки денег, находились в нашей стране, если бы налог падал также на прибыль владельцев этих рудников, то цены товаров не повысились бы, так как каждый отдавал бы одинаковую часть

своего дохода. В этом случае положение вещей несколько не изменилось бы.

Если бы деньги не были обложены и следовательно сохраняли свою прежнюю стоимость, в то время как стоимость всех других товаров вследствие обложения увеличилась бы, то фабрикант шляп, фермер, фабрикант сукон—при условии, что они употребляют одинаковый капитал и получают одинаковую прибыль—платили бы одну и ту же сумму в виде налогов. Если бы налог равнялся 100 ф. ст., то стоимость шляп, сукна и хлеба повысилась бы на 100 ф. ст. Если фабрикант шляп выручает за свои шляпы вместо 1 000 ф. ст. 1 100 ф. ст., то он уплатит правительству в виде налога 100 ф. ст. Следовательно у него постоянно будет оставаться 1 000 ф. ст., которые он может издержать на необходимые ему товары. Но так как в силу той же самой причины повысятся цены сукна, хлеба и всех других товаров, то фабрикант шляп за свои 1 000 ф. ст. получит не больше, чем прежде за 910 ф. ст., и таким образом он будет участвовать в покрытии государственных потребностей, уменьшая свои личные расходы. Уплачивая налог, он, вместо того чтобы потребить определенную часть продукта почвы и труда страны, предоставляет ее в распоряжение правительства. Если бы вместо того, чтобы издержать 1 000 ф. ст., он прибавил ее к своему капиталу, то он нашел бы, что его сбережение в 1 000 ф. ст. теперь вследствие повышения заработной платы и цен сырого материала и машин составляет не больше, чем прежнее сбережение в 910 ф. ст.

Если бы деньги были обложены каким-нибудь налогом или стоимость их в силу какой-нибудь причины изменилась, а цены всех товаров остались бы на том же уровне, то прибыль фабриканта и фермера осталась бы без изменения: она составляла бы, как и прежде, 1 000 ф. ст. А так как они должны были бы каждый уплатить правительству 100 ф. ст., то у них осталось бы только по 900 ф. ст., и они могли бы теперь располагать значительно меньшей частью продукта почвы и труда страны, все равно, будет ли эта часть затрачена на производительный или непроизводительный труд. Ровно столько, сколько они теряют, приобретает правительство. В первом случае плательщик налога получил бы за 1 000 ф. ст. такое же количество товаров, как прежде за 910; во втором—столько же, сколько прежде за 900 ф. ст., так как цены товаров не изменились бы, и у него оставалось бы для собственных расходов только 900 ф. ст. Это происходит от разницы в размерах налога: в первом случае налог составляет $\frac{1}{11}$ часть дохода плательщика, во втором— $\frac{1}{10}$, так как деньги в обоих случаях имели различную стоимость.

Но хотя даже при отсутствии налога на деньги и сохранении их прежней стоимости цены всех товаров повышаются, они все-таки повышаются не в одинаковой пропорции, так как после обложения товаров налогом их относительная стоимость изменилась бы в сравнении с той, которая существовала до обложения. В одной из предыдущих глав мы уже рассматривали влияние, которое оказывает на цены товаров разделение капитала на основной и оборотный или, скорее, на долговечный и преходящий. Мы показали, что два фаб-

риканта могут употреблять одинаковое количество капитала и могут также получать одинаковую сумму прибыли, но что они будут продавать свои товары за совершенно различные суммы денег, смотря по тому, скоро или медленно потребляются и воспроизводятся затраченные ими капиталы. Один из них мог продавать свои товары за 4 000 ф. ст., а другой—за 10 тыс. ф. ст., между тем как каждый из них употреблял капитал в 10 тыс. ф. ст. и получал 20% прибыли, или 2 000 ф. ст. Капитал одного из них мог состоять например из 2 000 ф. ст. оборотного капитала, который должен быть воспроизведен, и 8 000 ф. ст. основного—в машинах и зданиях; напротив, капитал второго мог состоять из 8 000 ф. ст. оборотного капитала и всего 2 000 ф. ст. основного—в зданиях и машинах. И вот, если каждый из них должен был бы платить налог, составляющий 10% его дохода, или 200 ф. ст., то один из них для получения обычной нормы прибыли должен был бы повысить цену своих продуктов с 10 тыс. до 10 200 ф. ст., а другой—с 4 000 до 4 200 ф. ст. До установления налога товары, продаваемые одним из них, были дороже товаров другого только в $2\frac{1}{2}$ раза, после установления налога они будут дороже в 2,42 раза. Цена первых повысилась бы на 2%, а цена вторых—на 5%. Следовательно налог на доход, пока деньги сохраняют свою прежнюю стоимость, изменил бы относительные цены и стоимость товаров. Это [было бы]* верно и в том случае, если бы налог взимался не с прибыли, а с самих товаров. При предположении, что последние будут обложены налогом пропорционально стоимости капитала, употребленного на их производство, цены их повысятся одинаково, какова бы ни была их стоимость, и следовательно старое соотношение между ними нарушилось бы. Цена товара, возросшая с 10 тыс. до 11 тыс. ф. ст., не может оставаться в том же отношении к цене другого товара, если последняя возросла с 2 000 до 3 000 ф. ст. Если при этих обстоятельствах стоимость денег в силу какой-нибудь причины увеличивается, то это обстоятельство окажет неодинаковое действие на цены различных товаров. Та самая причина, которая понизит цену одного товара с 10 200 до 10 тыс., или меньше чем на 2%, понизит цену другого с 4 200 до 4 000, или на $4\frac{3}{4}\%$. Если бы они понизились в другой пропорции, то прибыль была бы неодинакова. Чтобы сделать ее одинаковой, необходимо, чтобы, когда цена одного товара составляет 10 тыс. ф. ст., цена другого составляла 4 000, а когда цена первого товара составляет 10 200 ф. ст., то цена второго должна составлять 4 200 ф. ст.

Внимательное исследование этого факта облегчит нам понимание одного очень важного закона, который, как мне кажется, до сих пор не был замечен. Он состоит в следующем: в стране, в которой не существует никаких налогов, изменение в стоимости денег, вызванное их недостатком или избытком, окажет одинаковое действие на цены всех товаров, так что если стоимость одного товара, равная 1 000 ф. ст., повысится до 1 200 или понизится до 800, то стоимость другого товара, равная 10 тыс., тоже повысится до 12 тыс. или упа-

* [В первом издании сказано категорически: «это верно»].

дет до 8 000. Напротив, в стране, в которой цены вследствие налогов искусственно вздуты, изобилие денег вследствие прилива из-за границы или вывоз их и вызванная этим редкость их вследствие отлива за границу окажут на цены всех товаров неодинаковое действие, так что если цены обоих товаров повысятся или понизятся на 5, 6 или 12%, то цены других поднимутся или упадут на 3, 4 или 7%. Если бы в стране не существовало налогов и стоимость денег понизилась, то изобилие их на всех рынках произвело бы одинаковое действие на каждый из них. Если бы цена мяса возросла на 20%, то повысились бы также на 20% и цены хлеба, пива, обуви, труда и всех других товаров. Без этого общего повышения нельзя было бы обеспечить для всех отраслей промышленности одинаковую норму прибыли. Но дело должно происходить иначе, как только на один из этих товаров устанавливается налог. Если бы в этом случае цены всех товаров повысились пропорционально падению стоимости денег, то прибыль оказалась бы неодинаковой. При обложении товаров налогом прибыль поднялась бы выше общего уровня, и капитал начал бы отливать в другие отрасли промышленности, пока не восстановилось бы равновесие прибыли, а это возможно было бы только после изменения относительных цен.

Не дает ли нам этот закон ключ к объяснению различных действий, которые оказали на цены товаров изменения в стоимости денег в течение того периода, когда английский банк прекратил свои платежи? Тем, кто утверждал, что в течение всего этого периода орудие обращения было обесценено вследствие слишком больших выпусков бумажных денег, возражали, что в таком случае цены всех товаров должны были бы повыситься в одной и той же пропорции; между тем оказалось, что цены некоторых товаров изменились гораздо больше, чем цены других товаров. Отсюда сделан был вывод, что рост цен вызван был изменением в стоимости самих товаров, а не каким бы то ни было изменением в стоимости орудия обращения. Но мы сейчас видели, что в стране, в которой товары обложены налогами, цены их не будут изменяться в одинаковой пропорции вследствие повышения или падения стоимости орудия обращения.

Если бы был установлен налог на прибыль во всех отраслях промышленности, за исключением прибыли фермера, то увеличилась бы денежная стоимость всех товаров, за исключением сырых произведений. Фермер получал бы тот же доход в виде хлеба и продавал бы свой хлеб за ту же цену, но так как он должен был бы платить добавочную цену за все товары, которые он потреблял—кроме хлеба,—то для него это равнялось бы налогу на потребление. От этого налога его не избавило бы даже изменение стоимости денег, ибо это изменение может понизить цены всех обложенных товаров до их прежнего уровня, но цена того из них, который был бы свободен от налога, упала бы ниже прежнего уровня. Следовательно, хотя фермер покупал бы нужные ему товары по прежним ценам, он будет иметь теперь меньше денег для их покупки.

В таком же положении находился бы и землевладелец. Если бы

цены всех товаров повысились, а стоимость денег не изменилась, то он получал бы такую же хлебную и денежную ренту, как и прежде. Но если бы цены товаров остались без изменения, он перестал бы получать такую же денежную земельную ренту, хотя его рента, выраженная в хлебе, не изменилась бы. Итак, в обоих случаях он косвенным образом участвовал бы в уплате налога, хотя его доход непосредственно не был бы обложен.

Предположим теперь, что прибыль фермера также подвергнется обложению. Он будет тогда в таком же положении, как и все другие промышленники. Цена его произведений повысится, и по уплате налога он будет получать тот же денежный доход, но он будет зато платить добавочную цену за все товары, которые он потребляет, включая сырые произведения.

Однако его землевладелец был бы теперь в другом положении. Налог на прибыль его фермера принесет ему выгоду, так как он получил бы вознаграждение за прибавку в цене, которую он должен платить при покупке мануфактурных товаров, если цены последних повышаются. Он получал бы тот же самый денежный доход, если бы вследствие увеличения стоимости денег товары продавались по старым ценам. Налог на прибыль фермера не представляет собою налога, пропорционального валовому продукту земли; он пропорционален чистому продукту, который остается после уплаты ренты, заработной платы и других расходов. Так как арендаторы различных разрядов земли, № 1, 2 и 3, затрачивают совершенно одинаковые капиталы, то и прибыль их будет тоже совершенно одинакова, хотя валовой доход у одного может быть больше, чем у другого. Следовательно и налог падал бы на них одинаково равномерно. Предположим, что валовой продукт № 1 равняется 180 квартерам, № 2—170 квартерам и № 3—160 квартерам и что каждый из них обложен налогом в 10 квартеров. Разность между валовыми продуктами № 1, № 2 и № 3 после уплаты налога будет та же, что и прежде: если валовой продукт № 1 понижился до 170, № 2—до 160 и № 3—до 150 квартеров, то разность между № 3 и № 1 будет, как и прежде, составлять 20 квартеров, а разность между № 3 и № 2—10 квартеров. Если после введения налога цены хлеба и всех других товаров останутся без изменения, то и денежная и хлебная ренты сохранят свою прежнюю величину, но если вследствие налога цены хлеба и всех других товаров повысятся, то денежная рента увеличится в той же пропорции. Если бы цена хлеба равнялась 4 ф. ст. за квартал, то рента № 1 составляла бы 80 ф. ст., а рента № 2—40 ф. ст., но если бы цена хлеба увеличилась на 5%, или до 4 ф. ст. 4 шилл., рента также увеличилась бы на 5%, ибо 20 квартеров стоили бы тогда 84 ф. ст., а 10—42 ф. ст. И в том и в другом случае такой налог не коснулся бы землевладельца. Налог на прибыль с капитала не вызывает никаких изменений в величине хлебной ренты; поэтому денежная рента изменяется в зависимости от цен хлеба. Зато налог на сырые произведения, или десятина, всегда вызывает изменения в величине хлебной ренты, но оставляет без изменения денежную ренту. В другой части

настоящего сочинения я уже показал, что если бы на все земли без различия плодородия был наложен одинаковый денежный земельный налог, то он оказался бы очень неравномерным, так как особенную выгоду получили бы владельцы наиболее плодородных земель. Такой налог повысил бы цену хлеба пропорционально добавочному расходу, который был бы возложен на арендатора худшей земли. Но эта прибавка в цене получалась бы и за большее количество продукта, доставляемого наиболее плодородными землями. Таким образом арендаторы последних на все время аренды получали бы экстраординарный барыш, а после истечения срока аренды этот барыш был бы присвоен землевладельцами в форме повышения ренты. Такое же самое действие оказал бы одинаковый налог на *прибыль* фермеров. Он увеличил бы денежную ренту землевладельца, если бы деньги сохранили свою прежнюю стоимость. Но так как налог падает одинаково на прибыль фермера и на прибыль всех других промышленников, и следовательно одновременно с повышением цены хлеба повысятся также цены всех других товаров, то землевладелец теряет вследствие повышения денежной цены хлеба и товаров, на которые он тратит свою ренту, столько же, сколько он выигрывает вследствие повышения его ренты. Если бы увеличилась стоимость денег, и если бы после введения налога на прибыль цены всех предметов вернулись к своему старому уровню, то рента приняла бы также прежние размеры. Землевладелец получал бы ту же самую денежную ренту и покупал бы все товары, на которые он прежде тратил ее, по старым ценам. Таким образом при всевозможных условиях он был бы избавлен от налога¹.

[Это явление любопытно. Вы облагаете налогом прибыль фермера и, несмотря на это, не обременяете его больше, чем если бы вы совсем освободили его прибыль от налога. И в то же время землевладелец сильно заинтересован в том, чтобы прибыль его арендатора была обложена, так как только при этом условии он сам в действительности освобождается от всякого налога]*.

Если бы цены всех товаров повысились пропорционально налогу, то налог на прибыль с капитала** коснулся бы также денежного капиталиста [хотя денежный доход последнего не был бы затронут налогом]***; но если бы вследствие изменения стоимости денег цены всех товаров вернулись к прежнему уровню, денежный капиталист не принимал бы никакого участия в уплате налога. Он покупал бы все необходимые ему товары по прежним ценам и получал бы в то же время свой прежний денежный доход.

¹ Для землевладельцев было бы в высшей степени выгодно, чтобы налог падал только на прибыль фермеров, а не на прибыль каких-нибудь других капиталистов. В действительности, это был бы налог на потребителей сырых произведений, который частью шел бы в пользу государства, частью в пользу землевладельцев. [Это примечание сделано только к третьему изданию].

* [Вставка во втором и третьем изданиях].

** В первом и втором изданиях Рикардо еще вместо слова «capital» употребляет «stock»].

*** [Вставка в третьем издании].

Если мы допускаем, что вследствие обложения прибыли только одного промышленника должна повыситься цена его товаров, чтобы уравнивать его в условиях конкуренции с другими промышленниками, если мы, далее, допускаем, что то же самое произойдет при обложении прибыли двух промышленников, то я не понимаю, как можно отрицать, что вследствие обложения налогом прибыли всех промышленников, повысятся цены всех товаров,—конечно при условии, что рудники, снабжающие нас деньгами [находятся в нашей стране и не обложены налогами]*. Но так как деньги или денежная единица—товар, привозимый из-за границы, то цены всех товаров не могут повыситься. Такое повышение возможно было бы только при увеличении количества денег¹, а последние, как показано было в пятой главе, не могут быть получены в обмен за дорогие товары. Впрочем, если бы даже такое повышение произошло, оно не могло бы долго длиться, так как оно оказало бы могучее влияние на внешнюю торговлю. Эти дорогие товары не могли бы вывозиться в обмен за ввозимые товары, и в течение известного времени мы вынуждены были бы продолжать свои покупки, хотя мы прекратили бы продажу своих товаров. И я нисколько не сомневаюсь, что хорошо урегулированный налог на прибыль, в конце концов, привел бы к восстановлению тех же самых денежных цен, которые существовали на местные и иностранные товары до введения налога.

Так как налоги на сырые произведения, десятина, налог на заработную плату и на предметы необходимости рабочего влекут за собой повышение заработной платы и следовательно понижают прибыль, то все они, хотя и не в одинаковой степени, приведут к тем же результатам.

Изобретение новых машин, способствующих в сильной степени

* [В первом издании: «в стране, где они обложены налогами»].

¹ Рассмотрев опять этот вопрос, я сомневаюсь, действительно ли требуется большее количество денег для обращения того же количества товаров, если цены их повысились вследствие введения налога, а не вследствие увеличения трудности их производства. Предположим, что в данной местности и в данное время продаются 100 тыс. кварталов хлеба по 4 ф. ст. за квартал. Если вследствие прямого налога в 8 шилл. на квартал цена квартала поднимается до 4 ф. ст. 8 шилл., то мне кажется, что для обращения этого хлеба по возросшим ценам вполне достаточно будет прежнего количества денег. Если я прежде покупал 11 кварталов по 4 ф. ст. и вследствие налога должен сократить свое потребление до 10 кварталов, то я не нуждаюсь в большем количестве денег, ибо я во всяком случае буду платить за хлеб 44 ф. ст. В действительности население будет потреблять меньше на одну одиннадцатую часть, и это количество пошло бы в пользу правительства. Деньги, необходимые для покупки хлеба, получены были бы из сбора в 8 шилл. на квартал, который взимался бы с фермеров в виде налога, но одновременно с этим вся сумма налога возвращалась бы к ним в уплату за их хлеб. Вот почему этот налог в действительности представляет собою натуральный налог и не делает необходимым употребление большего количества денег, а если и требует, то столь незначительного, что мы можем не принимать его во внимание. [Это большое примечание сделано к третьему изданию.]

развитию национальной промышленности, имеет всегда тенденцию повышать относительную стоимость денег, а следовательно и поощрять их ввоз. Напротив, всякий новый налог, всякое новое препятствие, которое ставится фабриканту или производителю товаров, имеет тенденцию понижать относительную стоимость денег, а следовательно и поощрять их вывоз.

ГЛАВА XVI

НАЛОГИ НА ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ

Налоги на заработную плату приводят к ее повышению и уменьшают таким образом прибыль с капитала. Мы видели уже, что всякий налог на предметы необходимости повышает их цены, следствием чего является повышение заработной платы. Единственное различие между налогом на предметы необходимости и налогом на заработную плату состоит в том, что первый неизбежно сопровождается ростом цен на предметы необходимости, а второй—нет. Поэтому налог на заработную плату совершенно не затрагивает ни денежных капиталистов, ни землевладельцев, ни какой-нибудь другой класс, кроме работодателей. Налог на заработную плату представляет целиком налог на прибыль; налог на предметы необходимости—отчасти налог на прибыль, отчасти налог на богатых потребителей. Вот почему следствия, к которым в конце концов приводят эти налоги, вполне тождественны с результатами налога на прибыль.

«Заработная плата низших слоев рабочего народа,—говорит Адам Смит,—необходимо регулируется, как я старался показать в первой книге, двумя различными обстоятельствами—спросом на труд и обычной или средней ценой пищевых продуктов. Спрос на труд регулирует содержание рабочего. Смотри по тому, возрастает ли спрос, остается неподвижным или уменьшается и обуславливает таким образом возрастающее, неподвижное или уменьшающееся население, он определяет, насколько содержание рабочего будет щедрым, умеренным или скудным. Обычная или средняя цена пищевых продуктов определяет количество денег, которое должно быть уплачено рабочему, чтобы дать ему возможность из года в год покупать это щедрое, умеренное или скудное содержание. Пока спрос на труд и цена пищевых продуктов остаются неизменными, прямой налог на заработную плату приведет только к тому, что она повысится немногим больше, чем на сумму налога»*.

Против этого предположения доктора Смита Бьюкенен выдвигает два возражения. Во-первых, он отрицает, что денежная заработная плата регулируется ценою пищевых продуктов, и, во-вторых, он отрицает, что налог на заработную плату приведет к повы-

* [«Богатство народов», кн.5, гл. II].

шению цены труда. По отношению к первому пункту аргументация Бьюкенена* сводится к следующему (стр. 59): «Заработную плату, как уже было замечено, составляют не деньги, а то, что можно купить за деньги, т. е. пищевые продукты и другие предметы необходимости; и часть, достающаяся рабочему из общего имущества, всегда будет пропорциональна предложению. Там, где пищевые продукты *дешевы и находятся в изобилии*, его доля будет больше; там, где они *скудны и дороги*, доля рабочего будет меньше. Его заработная плата будет ему всегда доставлять его справедливую долю, да она и не может дать ему больше. Однако доктор Смит и многие другие писатели придерживались мнения, что денежная цена труда регулируется денежной ценой пищевых продуктов и что при повышении цены последних пропорционально повышается и заработная плата. Но ясно, что цена труда не стоит ни в какой необходимой связи с ценою съестных припасов, так как она целиком зависит от соотношения между предложением труда и спросом на него. Кроме того, следует заметить, что высокая цена пищевых продуктов является верным признаком их недостаточного предложения и, при естественном ходе вещей, устанавливается в таком размере, чтобы задерживать рост потребления. При уменьшении количества предлагаемых пищевых продуктов и сохранении того же числа потребителей, между которыми они распределяются, очевидно каждому достанется меньшая доля, и рабочий должен будет взять на себя часть общей потери.

Цены и поднимаются именно для того, чтобы распределить это бремя равномерно и удержать рабочего от потребления прежнего количества. Но вслед за повышением цен должна, повидимому, возрасти и заработная плата, чтобы дать возможность рабочему потреблять то же количество пищевых продуктов, предложение которых уменьшилось. Таким образом природа, повидимому, сама себе противоречит: сначала она повышает цену съестных припасов, чтобы уменьшить потребление, а затем повышает заработную плату, чтобы дать рабочему то же самое количество, что и прежде».

Мне кажется, что в приведенной аргументации Бьюкенена истина сильно переплетается с заблуждением. Так как высокая цена пищевых продуктов вызывается иногда недостаточным предложением, то Бьюкенен считает высокую цену несомненным признаком недостаточного предложения. Результат, который мог быть произведен многими причинами, он приписывает действию исключительно одной причины. Не подлежит никакому сомнению, что, в случае недостаточного предложения, между прежним числом потребителей будет разделено меньшее количество пищевых продуктов и каждому достанется меньшая доля. Чтобы равномерно распределить эту убыль и удержать рабочего от потребления прежнего количества, цены пищевых продуктов повышаются. Поэтому можно согласиться с Бьюкененом, что всякое повышение цены пищевых продуктов, вызванное недостаточным предложением, не должно

* [Smith, ed. Buchanan, 1814, v. IV].

непрерывно повысить денежную заработную плату, так как потребление должно сократиться, а это достигается путем уменьшения покупательной силы потребителей. Но одно то обстоятельство, что цена пищевых продуктов повышается вследствие недостаточного предложения, не дает еще нам права заключить, как это делает Бьюкенен, что при высоких ценах невозможно вполне достаточное предложение—при высоких ценах не только в сравнении с деньгами, но и со всеми другими предметами.

Естественная цена товаров, которая всегда, в конце концов, определяет их рыночную цену, зависит от легкости производства, но произведенное количество не всегда пропорционально этой легкости. Хотя участки земли, которые обрабатываются теперь, по своим качествам значительно уступают тем, которые обрабатывались триста лет назад, хотя следовательно трудность обработки земли возросла, не подлежит однако никакому сомнению, что количество, производимое теперь, несравненно больше, чем количество, производившееся тогда. Высокая цена не только вполне совместима с возрастающим предложением, но почти всегда сопровождает последнее. И если вследствие налогов или трудности производства увеличится цена пищевых продуктов без уменьшения их количества, то увеличится и денежная заработная плата. Ибо, как вполне справедливо заметил Бьюкенен, «заработную плату составляют не деньги, а то, что можно купить за деньги, т. е. пищевые продукты и другие предметы необходимости; и часть, достоящаяся рабочему из общего имущества, всегда будет пропорциональна предложению»*.

По отношению ко второму пункту—повлечет ли за собою налог на заработную плату повышение цены труда,—Бьюкенен говорит: «Если рабочий получил уже справедливое вознаграждение за свой труд, то может ли он требовать от своего предпринимателя вознаграждение за то, что ему после придется заплатить в качестве налога? Нет такого закона или обычая в человеческом общежитии, которые могли бы оправдывать такое заключение. После того как рабочий получил свою заработную плату, последняя находится в его полном распоряжении, и он должен, в меру своей способности, сам нести все бремя, которое было бы после возложено на него какими-нибудь поборами. У него нет никаких средств принудить тех, кто уже заплатил ему справедливую цену за его труд, вознаградить его за эту потерю»**. Но сам Бьюкенен цитирует с большим одобрением следующее удачное место из сочинения Мальтуса о народонаселении, место, которое, по моему мнению, дает вполне удовлетворительный ответ на его возражение. «Цена труда,—если она, конечно, вполне свободно может достигать своего естественного уровня,—представляет собой наиболее важный политический барометр, выражающий отношение между предложением съестных припасов и спросом на них, между количеством, которое должно быть потреблено, и числом потребителей. Взятая в среднем, независимо

* [Там же].

** [Smith, ed. Buchanan, v. III, p. 338].

от случайных обстоятельств, она, кроме того, выражает вполне ясно потребности общества по отношению к народонаселению. Это значит: как бы ни было велико среднее число детей от каждого брака, которое необходимо для поддержания населения на его теперешнем уровне, цена труда будет или вполне достаточна для сохранения этого числа, или выше, или ниже, смотря по тому, в каком состоянии находятся фонды для содержания рабочих: в неподвижном, прогрессирующем или регрессирующем. Однако, вместо того чтобы рассматривать цену труда с этой точки зрения, мы смотрим на нее, как на нечто такое, что мы можем повышать или уменьшать по своему произволу, что определяется главным образом королевскими мировыми судьями. Когда повышение цены пищевых продуктов уже показывает, что спрос на них слишком велик в сравнении с их предложением, тогда с целью поставить рабочего в прежнее положение мы сами повышаем цену труда, т. е. увеличиваем спрос, и после этого мы еще удивляемся, что цена пищевых продуктов продолжает расти. Мы при этом поступаем точно так, как если бы в то время, когда барометр показывает «буря», мы искусственным давлением подняли бы ртуть до «прекрасной погоды» и были бы поражены, видя, что дождь продолжается*.

«Цена труда выражает вполне ясно потребности общества по отношению к народонаселению»; она будет вполне достаточна для поддержания того населения, которого в данное время требует состояние фондов для содержания рабочих. Если заработная плата до того времени была только достаточна для поддержания требуемого населения, то после введения налога она перестала бы быть достаточной, потому что рабочий не имел бы тех же средств на содержание своей семьи. Следовательно, цена труда будет повышаться, потому что будет расти спрос, а предложение не прекратится только вследствие повышения цены.

То обстоятельство, что цены шляп или солода повышаются вследствие обложения, представляет самое обыкновенное явление. Цена их повышается, потому что требуемое количество не было бы доставлено на рынок, если бы цены их не повысились. То же самое происходит с трудом: если на заработную плату устанавливается налог, цена труда возрастает, потому что в противном случае нельзя было бы поддерживать требуемое население. И разве сам Бьюкенен не соглашается с этим, говоря, что «если бы рабочий, действительно, был вынужден довольствоваться только предметами самой насущной необходимости, то он не мог бы вынести дальнейшего понижения заработной платы, так как при таких условиях он не мог бы продолжать свой род»? Положим, что страна находится в таких условиях, что низшие слои рабочего населения должны были бы не только продолжать свой род, но и увеличивать его. Тогда их заработная плата регулировалась бы в соответствии с этим требованием. Но размножились ли бы они в требуемом количестве, если бы

налог отнимал у них часть заработной платы и вынуждал их довольствоваться предметами самой насущной необходимости?

Не подлежит никакому сомнению, что цена обложенного товара не повысится пропорционально налогу, если спрос на него уменьшится и количество его не может быть уменьшено. Если бы всюду употреблялись металлические деньги, то стоимость их, вследствие налога, повысилась бы ненадолго, в сравнении с размером налога, потому что, при более высокой цене денег, спрос на них уменьшился бы, а количество их осталось бы без изменения. Бесспорно, что та же самая причина часто влияет на заработную плату. Число рабочих не может быть быстро увеличено или уменьшено пропорционально увеличению или уменьшению фонда, назначенного на их содержание, но в предположенном нами случае уменьшение спроса на труд не всегда является необходимым, а если он и уменьшается, то не всегда пропорционально налогу. Бьюкенен забывает, что средства, собираемые путем налога, употребляются правительством на содержание рабочих—правда, непроизводительных, но все-таки рабочих. Если бы при установлении налога на заработную плату не возрастала цена труда, то в очень сильной степени возросло бы соперничество в спросе на труд, потому что капиталисты, которых этот налог не коснулся бы, имели бы в своем распоряжении те же самые средства для покупки труда, тогда как правительство, получившее этот налог, имело бы для этой цели еще дополнительные средства. Правительство и население таким образом стали бы конкурировать друг с другом, и в результате этой конкуренции последовало бы повышение цены труда. Употреблялось бы то же самое количество рабочих, но они получали бы добавочную заработную плату.

Если бы налог сразу был возложен на капиталистов, то их фонды на содержание труда сразу же уменьшились бы в той же самой степени, в которой возросли бы фонды правительства, назначенные для той же цели. Таким образом не произошло бы никакого повышения заработной платы, потому что если бы даже спрос не изменился, то исчезла бы все-таки прежняя конкуренция. Если бы правительство сейчас после сбора налога отправило всю выручку за границу, если бы поэтому налог был затрачен на содержание иностранных, а не английских рабочих—солдат, матросов и т. д., тогда спрос на труд действительно уменьшился бы и заработная плата не возросла бы, хотя бы она и была обложена налогом. Но то же самое случилось бы, если бы налог был установлен на предметы потребления, на прибыль с капитала или если бы для уплаты субсидии та же сумма взималась бы каким-нибудь другим образом: в стране уменьшился бы спрос на труд. В одном случае рост заработной платы был бы задержан, в другом—она безусловно понижалась бы. Но предположим, что весь налог на заработную плату, после того как он был бы получен от рабочих, был бы передан предпринимателям. Это увеличило бы их денежный фонд на содержание труда, но это не увеличило бы ни цены товаров, ни цены труда. В результате увеличилась бы только конкуренция между работо-

дателями, и налог в конце концов не причинил бы ущерба ни хозяину, ни рабочему. Хозяин платил бы рабочему более высокую цену за его труд; прибавка, которая получалась бы рабочим, уплачивалась бы им в качестве налога правительству и опять возвращалась бы к хозяевам. Не следует однако забывать, что суммы, получаемые путем налогов [расходятся обыкновенно расточительно, что налоги всегда взимаются в ущерб удобствам и удовольствиям народа, и что они обыкновенно уменьшают капиталы или задерживают их накопление]*. Уменьшая капитал, они тем самым уменьшают действительный фонд, назначенный на содержание труда, и следовательно уменьшают действительный спрос на него. Следовательно налоги вообще, поскольку они уменьшают действительный капитал страны, уменьшают также спрос на труд. Поэтому вероятным, — хотя и не необходимым или свойственным только ему, — последствием налога на заработную плату является то обстоятельство, что заработная плата в случае ее повышения не увеличится на сумму, в точности равную налогу.

Адам Смит, как мы уже прежде видели, вполне признает, что следствием налога на заработную плату является повышение ее на сумму, по крайней мере равную налогу, и что налог этот, — если не непосредственно, то в конечном счете, — выплачивается работодателем. До сих пор мы с ним совершенно согласны, но мы существенно расходимся в вопросе о дальнейших следствиях таких налогов.

«Следовательно, прямой налог на заработную плату, — говорит Адам Смит, — хотя он, может быть, уплачивается рабочим, в сущности говоря, не всегда даже авансируется им, по крайней мере, если спрос на труд и цена пищевых продуктов, после введения налога, остались без изменения. Во всех таких случаях лицо, непосредственно доставляющее занятия рабочему, уплачивало бы в действительности даже более значительную сумму, чем налог. Конечный платеж в различных случаях распределялся бы между различными лицами. Прибавка к заработной плате промышленного рабочего, обусловленная таким налогом, была бы авансирована фабрикантом, который имел бы право, да и был бы вынужден, увеличить цену своих товаров на всю эту прибавку плюс прибыль. Прибавка к заработной плате сельского рабочего, вызванная этим налогом, была бы авансирована фермером, который, чтобы иметь возможность содержать прежнее число рабочих, был бы вынужден затратить более значительный капитал. Чтобы получить обратно этот увеличенный капитал плюс обычная прибыль на капитал, он должен был бы удерживать в свою пользу более значительную часть или — что сводится к тому же — цену более значительной части продукта земли. Он следовательно будет платить землевладельцу меньшую ренту. В этом случае прибавка к заработной плате была бы уплачена в конце концов землевладельцем, который должен был бы уплатить еще и добавочную прибыль на добавочный капитал, затраченный фер-

* [В первом издании сказано было только: «расходятся часто расточительно», остальное представляет вставку].

мером. Во всяком случае прямой налог на заработную плату в конце концов вызвал бы и более значительное уменьшение ренты и более значительное повышение цены мануфактурных товаров, чем какое последовало бы, если бы сумма, равная выручке этого налога, была бы путем специального обложения непосредственно разверстана между поземельной рентой и предметами потребления» (т. III, стр. 337)*. Итак, в этом месте высказывается утверждение, что прибавка к заработной плате, авансируемая фермерами, в конечном счете падает на землевладельцев, которые получают уменьшенную ренту, но что прибавка к заработной плате, которая выплачивается фабрикантами, вызовет повышение цен мануфактурных товаров и, следовательно, падет на потребителей этих товаров.

Предположим теперь, что общество состоит из землевладельцев, фабрикантов, фермеров и рабочих. Согласимся также, что рабочие будут вознаграждены за уплачиваемый ими налог. Но кем же будут они вознаграждены? Кто уплатит ту часть, которая не падает на землевладельца? Ведь фабриканты могли бы ничего не платить: если бы цена их товаров возросла пропорционально выплачиваемой ими прибавке к заработной плате, они после введения налога находились бы в лучшем положении, чем прежде. Если бы фабрикант сукон, фабрикант шляп, фабрикант обуви и т. п. могли повысить каждый цену своих товаров на 10%, — предполагая, что 10% вполне вознаградят их за уплачиваемую ими прибавку к заработной плате, — если бы, как говорит Адам Смит, «они имели право, да и были бы вынуждены увеличить цену своих товаров на всю прибавку к заработной плате плюс прибыль», то каждый из них мог бы потреблять столько же других товаров, сколько и прежде, и следовательно никто из них в действительности не платил бы налога. Если бы фабрикант сукон платил больше за шляпы и обувь, он получал бы в свою очередь больше за сукно, и если бы фабрикант шляп платил больше за сукно и обувь, он также получал бы больше за свои шляпы. Таким образом они покупали бы все мануфактурные товары так же выгодно, как и прежде, и, поскольку цена хлеба не повысилась бы [—а это именно и есть предположение доктора Смита—]** все время, покуда в их распоряжении остается добавочная сумма на покупку хлеба, они не только ничего не теряли бы от такого налога, но даже выигрывали бы от него.

Если бы таким образом ни рабочие, ни фабриканты не принимали участия в уплате такого налога, если бы фермеры также были вознаграждены путем уменьшения ренты, то землевладельцы не только несли бы целиком все бремя налога, но еще должны были бы способствовать увеличению прибыли фабрикантов. Но для этого им пришлось бы потребить все мануфактурные товары страны, так как прибавка к цене, падающая на всю массу товаров, едва ли многим больше, чем сумма того налога, которым первоначально были обложены промышленные рабочие.

* [Smith, ed. Buchanan, v. III].

** [Вставка во втором и третьем изданиях].

Несомненно однако, что фабрикант сукна, фабрикант шляп и все другие фабриканты потребляют продукты друг друга; несомненно также, что рабочие всех категорий потребляют мыло, сукно, обувь, свечи и различные другие товары. Поэтому немислимо, чтобы вся тяжесть этих налогов падала только на землевладельцев.

Но если рабочие не принимают никакого участия в уплате налога, а цены промышленных товаров поднимаются, то должна также повыситься заработная плата: не только для того, чтобы вознаградить их за налог, но и за повышение цены промышленных товаров. Поскольку это повышение затрагивает сельскохозяйственный труд, является новая причина для понижения ренты, а поскольку оно затрагивает промышленный труд, оно должно привести к новому повышению цен промышленных товаров. Но повышение цен последних опять-таки вызовет повышение заработной платы. Итак, повышение цен товаров вызывает повышение заработной платы, а повышение заработной платы—повышение цен товаров, и это взаимодействие между ценами товаров и заработной платой может продолжаться до бесконечности. Доказательства, приводимые в пользу этой теории, ведут к таким нелепым выводам, что сразу бросается в глаза вся несостоятельность основного принципа.

Точно такое же влияние, которое—при условии естественного прогресса общества и возрастающей трудности производства—оказывает на прибыль с капитала и заработную плату повышение ренты и цен на предметы необходимости, окажет также рост заработной платы вследствие обложения. Поэтому потребление как рабочего, так и предпринимателя вследствие налога подвергнется сокращению. И не только вследствие этого налога, но и [всякого] другого, который дал бы такую же сумму [так как все они имеют тенденцию уменьшать фонд, назначенный на содержание труда]*.

Ошибка Адама Смита объясняется прежде всего его предположением, что все налоги, которые уплачиваются фермером, должны необходимо падать на землевладельца в форме вычета из его ренты. Я уже достаточно подробно высказался об этом предмете, и, я надеюсь, мне удалось вполне удовлетворительно показать читателю, что, пока на землю, не платящую ренты, затрачивается большой капитал и пока результат, получаемый с помощью этого капитала, регулирует цену сырых произведений, из ренты не может быть произведен никакой вычет. Следовательно или фермер не получит никакого вознаграждения за налог на заработную плату, или если он даже получит его, то только в форме прибавки к цене сырых произведений.

Если налоги падают на фермера неравномерно, он сможет повысить цены сырых произведений, чтобы уравнивать условия конкуренции с другими отраслями промышленности. Но налог на заработную плату, который падает одинаково на фермера и на представителей других отраслей промышленности, не мог бы быть переложен или возмещен посредством прибавки к цене сырых произведений. Та же самая

* [В первом издании: «но и любого другого, который дал бы такую же сумму». Остальное—вставка во втором и третьем изданиях].

причина, которая побуждала бы его повысить цену хлеба, а именно, желание вознаградить себя за налог, заставила бы также фабриканта сукон повысить цену сукна, а фабриканта обуви, фабриканта шляп и фабриканта мебели повысить цены обуви, шляп и мебели.

Положим, что все они могли бы увеличить цены своих товаров, чтобы вознаградить себя, с прибылью, за налог. Но все они в то же время являются потребителями товаров друг друга, следовательно налог не был бы уплачен, ибо кто же платил бы его, если бы все получили вознаграждение за него?

Я надеюсь, мне удалось теперь показать, что всякий налог, который приводит к повышению заработной платы, будет выплачен за счет прибыли, что следовательно налог на заработную плату есть в действительности налог на прибыль.

Этот основной закон разделения продукта труда и капитала между заработной платой и прибылью, который я старался установить, кажется мне безусловно достоверным, и, по моему мнению, — если оставить в стороне непосредственные действия таких налогов, — почти безразлично, облагается ли прибыль с капитала или заработная плата. облагая прибыль с капитала, вы вероятно изменили бы отношение, в котором возрастали фонды на содержание труда, и заработная плата, поднявшись слишком высоко, перестала бы соответствовать состоянию этих фондов. облагая заработную плату, вы уменьшаете ее, и она, упав слишком низко, также перестала бы соответствовать состоянию этих фондов. Естественное равновесие между прибылью и заработной платой было бы восстановлено: в первом случае — путем падения, во втором — путем повышения денежной заработной платы. Таким образом налог на заработную плату не падает на землевладельца, он падает на прибыль с капитала. Фабрикант вовсе не «имел бы права и не был бы вынужден увеличить цену своих товаров на всю сумму налога плюс прибыль», так как он не мог бы сделать это. И он должен был бы, целиком и без всякого вознаграждения, уплатить этот налог¹.

Если налоги на заработную плату приводят к описанным мною результатам, то они вовсе не заслуживают порицания, с которым о них высказался доктор Смит.

Предоставим ему слово: «Говорят, что эти и подобные им налоги, повысив цену труда, разорили почти всю промышленность в Голландии. Такие же налоги, хотя и не столь обременительные, существуют в Милане, Генуе, в герцогстве Моденском, в герцогствах Парме, Пиаченце и Гвастале, а также в Папской области. Один небезызвестный французский писатель предложил преобразовать финансы своей страны путем замены всех налогов этим наиболее разорительным из всех налогов]. «Нет такой нелепости, — говорит Цицерон, — которую

¹ Сэй повидимому разделяет общий взгляд на этот предмет. Говоря о хлебе, он делает следующее замечание: «этим объясняется, что цена его влияет на цены всех товаров. Фермер, фабрикант или торговец употребляют известное число рабочих, которые нуждаются для своего потребления в известном количестве хлеба. Если цена хлеба возрастает, они вынуждены соответственно повысить цены своих продуктов» (т. I, стр. 255).

не отстаивал бы иногда какой-нибудь философ». В другом месте Смит замечает: «Налоги на предметы необходимости, повышая заработную плату, имеют тенденцию повышать цены всех мануфактурных товаров и следовательно уменьшают размеры их сбыта и потребления»*. Они не заслуживали бы этого порицания, даже если бы принцип доктора Смита был верен, т. е. если бы такие налоги действительно увеличивали цены мануфактурных товаров. Такое действие этих налогов было бы только временным и не причиняло бы нам никаких неудобств в нашей внешней торговле. Если бы какая-нибудь причина вызвала повышение цен некоторых мануфактурных товаров, то она прекратила бы или задержала бы их вывоз; но если бы та же самая причина действовала одинаково на все товары, тогда она оказала бы только номинальное действие: она не затронула бы их относительной стоимости и ничуть не ослабила бы стимул к меновой торговле, к которой в сущности сводится вся торговля—как внутренняя, так и внешняя.

Я уже пытался показать, что если какая-нибудь причина вызывает повышение цен всех товаров, то она оказывает почти такое же действие, как падение стоимости денег. Если стоимость денег падает, поднимаются цены всех товаров. Если это действие ограничивается одной страной, оно будет влиять на ее внешнюю торговлю точно так же, как высокая цена товаров, вызванная всеобщим обложением. Следовательно, рассматривая следствие низкой стоимости денег в пределах одной страны, мы исследуем также влияние высокой цены товаров, поскольку оно ограничивается пределами одной страны. Действительно, Адам Смит также вполне понимал сходство между этими двумя случаями. В согласии с этим он утверждал, что низкая стоимость денег или, как он говорит, серебра в Испании, вследствие запрещения его вывоза, причинила громадный ущерб индустрии и торговле Испании. «Но такое понижение стоимости серебра, которое является результатом или своеобразного положения, или политических учреждений отдельной страны и ограничивается пределами только одной страны, чревато весьма важными последствиями. Оно не только не делает данную страну более богатой, но, наоборот, приводит к ее оскудению. *Повышение денежной цены всех товаров, которое в данном случае ограничивается пределами одной этой страны, задерживает, в большей или меньшей степени, развитие всякого рода промышленности в этой стране. Оно также дает возможность иностранным нациям, которые смогут доставлять почти все товары за меньшее количество серебра, чем это могли бы сделать свои промышленники, вытеснить их не только с внешнего, но и с внутреннего рынка*» (т. II, стр. 278)**.

Одна и, по моему мнению, единственная из невыгод низкой стоимости серебра в данной стране, проистекающая от увеличения его количества, была очень хорошо выяснена доктором Смитом. Если бы торговля золотом и серебром была вполне свободна, то «золото и серебро, которое вывозилось бы из страны, не исчезало бы без эквивалента, а приносило бы обратно одинаковую стоимость в товарах

* [«Богатство народов», кн. 5, гл. II].

** [«Богатство народов», кн. 4, гл. V].

того или иного рода. При этом такие товары не принадлежали бы исключительно к числу предметов роскоши, потребляемых только праздным людом, который не производит ничего взамен потребляемых товаров. А так как действительное богатство и доход праздного люда не увеличатся вследствие этого экстраординарного вывоза золота и серебра, то нисколько не увеличится, вследствие этого, и их потребление. Эти товары, по всей вероятности большая часть, а на-верное некоторая часть их, состояли бы в материалах, орудиях и пищевых продуктах, предназначенных для занятия и содержания промышленного населения, которое воспроизводило бы стоимость их с прибылью. Таким образом часть мертвого капитала страны была бы превращена в активный капитал и приводила бы в движение больше труда, чем употреблялось прежде»*.

Запрещая свободную торговлю драгоценными металлами, когда цены товаров поднимаются либо вследствие обложения, либо вследствие притока драгоценных металлов, вы мешаете превращению части мертвого капитала общества в активный, вы мешаете употреблению большего количества труда. В этом и состоит все бедствие, бедствие, совершенно не знакомое тем странам, в которых вывоз серебра прямо дозволен или где на него смотрят сквозь пальцы.

Вексельный курс между двумя странами стоит *al pari* до тех пор, пока они имеют как раз то количество средств обращения, которое при данных условиях необходимо им для обращения их товаров. Если бы торговля драгоценными металлами была совершенно свободна и металлические деньги можно было бы вывозить без всяких расходов, то для каждой страны вексельный курс всегда стоял бы *al pari*. Если бы торговля драгоценными металлами была совершенно свободна, если бы они всюду употреблялись как средство обращения, то даже при наличности расходов по их перевозке вексельный курс отклонялся бы от *al pari* только на сумму этих расходов. Мне кажется, что эти принципы теперь никем не оспариваются. Если бы страна пользовалась неразменными бумажными деньгами и если бы последние не регулировались каким-нибудь определенным мериллом, то ее вексельный курс отклонялся бы от *al pari* в той самой пропорции, в какой количество обращающихся в ней денег превышало бы то количество, которое было бы необходимо по ходу всеобщей торговли, если бы торговля деньгами была совершенно свободна и в качестве денег или денежной единицы употреблялись драгоценные металлы.

Если бы в соответствии с общей суммой торговых оборотов количество денег составляло в Англии 10 млн. ф. ст. определенного веса и пробы и если бы они были заменены бумажными деньгами на ту же сумму в 10 млн., то вексельный курс остался бы без изменения. Но если бы вследствие злоупотребления правом выпуска бумажных денег были брошены в обращение 11 млн., то вексельный курс был бы на 9% против Англии, при 12 млн.—на 16%, при 20 млн.—на 50% против Англии. Но, чтобы вызвать этот результат, нет никакой необходимости употреблять именно бумажные деньги. Всякая причина,

* [«Богатство народов», кн. 4, гл. V].

задерживающая в обращении большее количество фунтов стерлингов, чем обращалось бы, если бы торговля была совершенно свободна и если бы в качестве денег или денежной единицы употреблялись драгоценные металлы определенного веса и пробы, произвела бы тот же самый эффект. Предположим, что золотые монеты вследствие обрезаивания потеряли часть своего веса и не содержат больше законного количества золота или серебра. Тогда в обращении могло бы находиться большее количество фунтов стерлингов, чем прежде. Если бы от каждого фунта стерлингов была отрезана $\frac{1}{10}$ часть его, то вместо 10 млн. в обращении должно было бы находиться 11 млн.; если бы отняты были $\frac{2}{10}$ —12 млн. и если бы отнята была $\frac{1}{2}$, то для нужд обращения потребовалось бы не менее 20 млн. Если бы последняя сумма действительно была употреблена, то удвоились бы цены всех товаров в Англии и вексельный курс был бы на 50% против Англии. Но это не вызвало бы никакой пертурбации во внешней торговле и не помешало бы развитию какой-нибудь отрасли промышленности. Если бы например цена сукна в Англии поднялась с 20 до 40 ф. ст. за кусок, мы продолжали бы вывозить его так же, как и прежде, потому что иностранный покупатель получал бы вознаграждение в размере 50% вследствие изменения вексельного курса: за 20 ф. ст. в валюте своей страны он мог бы купить вексель, которым он уплатил бы в Англии долг в 40 ф. ст. Точно так же, если бы он вывозил товар, который в его стране стоит 20 ф. ст. и который в Англии продается за 40 ф. ст., он в сущности получал бы только 20 ф. ст., ибо на 40 ф. ст. в Англии можно было бы купить иностранный вексель только на 20 ф. ст. И какая бы причина ни заставляла в Англии вместо необходимых 10 млн. ф. ст. выпускать в обращение 20 млн. ф. ст.—все равно результаты получились бы те же самые. Если бы можно было навязать Англии такой нелепый закон, как запрещение вывоза драгоценных металлов, и в результате такого запрета выпустить в обращение 11 млн. полноценных фунтов, только что отчеканенных, вместо прежних 10 млн., то вексельный курс был бы на 9% против Англии, при 12 млн.—на 16%, а при 20—на 50%. Но это не задержало бы развития английской промышленности. Если бы туземные товары продавались в Англии по высокой цене, то по таким же высоким ценам продавались бы также иностранные товары. Были бы эти цены высоки или низки, для иностранного экспортера и импортера было бы совершенно безразлично: если бы ему приходилось при продаже своих товаров по дорогим ценам делать соответственную уступку на вексельном курсе, то он получал бы ее в свою очередь, когда ему приходилось бы покупать английские товары по высоким ценам. Таким образом единственная невыгода, которая происходила бы для страны в том случае, если бы в обращении вследствие запретительных законов находилось большее количество золота и серебра, чем нужно было бы при других условиях, заключалась бы в потерях, которым подвергается страна вследствие того, что часть ее капитала употребляется непроизводительно. В форме денег этот капитал не производит никакой прибыли, а в форме материалов, машин и пищи, которые были бы получены в обмен за него, он произвел б

доход и способствовал бы увеличению богатства и ресурсов государства. Итак, я, надеюсь, вполне удовлетворительно доказал, что сравнительно низкая цена драгоценных металлов, вызванная их обложением, или, другими словами, всеобщее повышение цен товаров не причинило бы никакого ущерба государству, так как часть этих металлов была бы вывезена, а это в свою очередь вследствие повышения их стоимости опять понизило бы цены товаров. Кроме того я показал, что, если бы они даже не были вывезены, если бы вследствие запретительных законов они были удержаны в стране, изменение вексельного курса вполне уравновесило бы действие высоких цен. Поэтому, если налоги на предметы необходимости и на заработную плату не повышают цены всех товаров, на которые затрачивается труд, то они на этом основании не могут быть отвергнуты. Более того. Если бы даже мнение [Адама Смита], что эти налоги производят такое действие, было вполне обосновано, они все-таки в этом отношении не представляли бы никакого вреда. [Против них можно было бы выдвинуть только те возражения, которые можно предъявить против всяких налогов.

Землевладельцы как таковые были бы избавлены от тяжести этого налога; но, поскольку они при расходовании своего дохода, употребляли бы всякого рода рабочих, вроде лакеев, садовников и т. п., они также чувствовали бы на себе действие этого налога]*.

Вполне верно, что «налоги на предметы роскоши совершенно не имеют тенденции повышать цену каких-либо товаров, кроме обложенных», но неверно, что «налоги на предметы необходимости, повышая заработную плату, необходимо поднимают цены всех мануфактурных товаров». Правда, что «налоги на предметы роскоши в конечном счете уплачиваются потребителями обложенных товаров. Они не могут перелagаться, потому что они падают безразлично на все виды дохода, на заработную плату, на прибыль с капитала, на поземельную ренту», но неверно, что «налоги на предметы необходимости, поскольку они касаются трудящихся бедняков, уплачиваются в конечном счете отчасти землевладельцами в форме уменьшения поземельной ренты, отчасти же богатыми потребителями, землевладельцами или другими — в форме прибавки к цене мануфактурных товаров». Поскольку эти налоги касаются трудящихся бедняков, они почти целиком выплачиваются из прибыли на капитал, и только незначительная часть их уплачивается самими рабочими в форме уменьшения спроса на труд, всегда являющегося следствием всякого рода налогов.

Именно ошибочный взгляд доктора Смита на следствие таких налогов привел его к выводу, что «средние и высшие слои народа, если бы они хорошо понимали свои интересы, должны были бы противиться всяким налогам на предметы необходимости, а также прямым налогам на заработную плату». Этот вывод вытекает из его следующего рассуждения: «Конечный платеж и тех и других налогов падает постоянно на одних и тех же лиц и всегда с значительной прибавкой.

* [Вставка в третьем издании].

Всего тяжелее они обрушиваются на землевладельцев¹, которые платят всегда: и в качестве землевладельцев—в форме уменьшения их ренты, и в качестве богатых потребителей—в форме увеличения их расходов. Наблюдение сэра Мэтью Деккера, что некоторые налоги иногда повторяются и оплачиваются в ценах некоторых товаров четыре или пять раз, вполне оправдывается по отношению к налогам на предметы необходимости. В цене кожи, например, вы должны оплатить не только налог на кожу для ваших собственных сапог, но отчасти и налог на кожу для сапог, которые предназначаются для сапожника и кожевника. Вы должны также оплатить налог на соль, на мыло и свечи, которые потребляются рабочими во время работы, и налог на кожу, которая потребляется солеваром, мыловаром и свечником, пока они находятся на работе»*.

А так как доктор Смит не думает, что кожевник, солевар, мыловар и свечник получают каждый выгоду от налога на кожу, соль, мыло и свечи, и так как вполне ясно, что правительство получит только сумму установленного налога, то невозможно понять, каким образом население уплатит большую сумму, на какой бы слой его этот налог ни падал. Богатые потребители могут, и в действительности будут, платить за бедных потребителей, но они будут платить сумму установленного налога только один раз. А такое явление, как «повторение и оплачивание налога четыре или пять раз», противоречило бы природе вещей.

Всякая система обложения может иметь недостатки. С народа может взиматься гораздо больше той суммы, которая попадает в кассы государства, так как часть налогов, вследствие их влияния на цены будет получаться теми, кто извлекает выгоду из особенных способов взимания налогов. Такие налоги весьма вредны и не должны быть терпимы. Мы можем принципиально требовать, чтобы всякий налог, если он только справедливо действует, сообразовался с первым правилом доктора Смита и отнимал у народа возможно меньше сверх того, что поступает в распоряжение государственного казначейства. Сэй говорит: «Некоторые предлагают различные финансовые планы и предлагают средства, чтобы наполнить кассы государя без обременения для его подданных. Но всякий финансовый план, если он только не носит характера коммерческого предприятия, не может дать правительству больше того, что он в какой-нибудь другой форме берет у частных лиц или у того же правительства. Невозможно по мановению жезла из ничего сделать что-нибудь. В какую бы тайну мы ни облекали наши операции, какие бы формы ни принимала, по нашей воле, стоимость, каким бы метаморфозам мы ее ни подвергали,—мы можем получить новую стоимость, только производя ее или отнимая ее у других. Самый лучший финансовый план—это тратить как можно меньше, и самым лучшим является наименьший налог»**.

¹ Ничуть не бывало,—они едва лишь коснутся землевладельцев и денежных капиталистов. [Это примечание имеется только в третьем издании].

* [Книга 5, гл. II].

** [«Economie politique», v. II, p. 298].

Доктор Смит постоянно и, по моему мнению, справедливо настаивает, что трудящиеся классы не могут в сколько-нибудь существенных размерах принимать участие в несении государственных тягот. Поэтому налог на предметы необходимости или на заработную плату будет переложен с бедных на богатых. И если, по мнению доктора Смита, «некоторые налоги в цене некоторых товаров повторяются и оплачиваются четыре или пять раз» только для достижения указанной цели, т. е. для переложения налога с бедных на богатых, то в этом отношении они не заслуживают никакого порицания.

Предположим, что 100 ф. ст. составляют вполне справедливый налог на богатого потребителя и что они взимаются с него непосредственно в виде налога на доход, на вино или на какой-либо другой предмет роскоши. Но он ничуть не пострадает, если он при обложении предметов необходимости будет уплачивать в соответствии с количеством потребляемых им и его семьей продуктов не более 25 ф. ст., и кроме того, внесет эту сумму еще три раза, переплачивая при покупке других товаров, чтобы вознаградить рабочих или их предпринимателей за налог, который последние должны были авансировать. Даже в таком случае все рассуждение Адама Смита было бы несостоятельно: если бы приходилось платить не больше, чем требует правительство, то не все ли равно для богатого потребителя, платит ли он следуемый налог непосредственно, в форме платежа повышенной цены за какой-нибудь предмет роскоши, или косвенно, в форме платежа повышенной цены за предмет необходимости и другие товары, которые он потребляет? Если бы народ платил не больше, чем получает правительство, то и богатый потребитель платил бы только следуемую с него долю. Если бы сумма налога, которая уплачивается, была больше, Адам Смит должен был бы сказать нам, кем она получается. [Но вся его аргументация основана на заблуждении, ибо подобные налоги не приводят к повышению цен.*]

Сэй, как мне кажется, не всегда твердо придерживался ясного принципа, который я привел выше из его талантливой труда. Так, на следующей странице, говоря об обложении, он замечает: «Если оно принимает слишком большие размеры, оно влечет за собой печальные последствия, оно лишает налогоплательщика части его богатства, не обогащая в то же время государства. Это легко понять, если мы примем во внимание, что способность каждого человека потреблять, производительно или нет, зависит от его дохода. Лишая его части дохода, мы принуждаем его, соответственно этому, сократить потребление. Отсюда проистекает уменьшение спроса на товары, которые он больше не потребляет, в особенности на те, которые были обложены. За уменьшением спроса следует уменьшение производства, а следовательно и количества облагаемых товаров. Налогоплательщик таким образом лишается части житейских удобств, производитель—части своей прибыли, а фиск—части своих поступлений».

Сэй приводит в виде примера налог на соль во Франции, су-

* [Вставка во втором и третьем изданиях].

ществовавший до революции. По его словам, он уменьшил добычу соли наполовину. Однако, если потреблялось меньше соли, то меньше капитала употреблялось на ее добывание. Следовательно, хотя производитель получал бы меньше прибыли при добывании соли, он получал бы больше при производстве других вещей. Как бы ни был обременителен налог, он падает на доход, а не на капитал, он не уменьшает спрос, а только изменяет его природу. Он дает возможность правительству потреблять такое количество продукта земли и труда страны, какое прежде потреблялось лицами, платившими налог. [А это зло достаточно велико, чтобы еще нужно было преувеличивать его.]*. Если мой доход составляет 1 000 ф. ст. в год и если с меня взимается налог в 100 ф. ст., то я могу предъявить спрос только на $\frac{9}{10}$ того количества, которое я потреблял прежде, но я даю возможность правительству предъявить спрос на остальную десятую часть. Если обложенным товаром является хлеб, то нет необходимости, чтобы уменьшился мой спрос на хлеб, так как я могу предпочесть платить ежегодно на 100 ф. ст. больше за хлеб и на такую же сумму уменьшить спрос на вина, мебель и другие предметы роскоши¹. В результате всего этого меньший капитал был бы затрачен на виноделие или мебельно-обойное дело, но большее количество его затрачено было бы на производство тех товаров, на которые правительство расходовало бы взимаемые им налоги.

Сэй говорит, что, когда Тюрго понизил наполовину рыночную пошлину на рыбу в Париже (*les droits d'entrée de halle sur la marée*), то поступления несколько не уменьшились. Из этого он делает вывод, что потребление рыбы удвоилось. Кроме того, по его мнению, удвоилась также прибыль рыболовов и всех лиц, занятых в этой отрасли промышленности, и увеличился доход страны на всю сумму возросшей прибыли, а это в свою очередь, давая новый стимул к накоплению, должно было увеличить ресурсы государства².

Не подвергая критике политику, которой было продиктовано это изменение налога, я все-таки сомневаюсь, дало ли оно большой толчок накоплению. Если прибыль рыболова и других лиц, занятых в этой отрасли промышленности, удвоилась вследствие удвоенного потребления рыбы, то все-таки явилось необходимым привлечь из

* [Вставка во втором и третьем изданиях].

¹ Сэй говорит, что «налог, прибавленный к цене товара, повышает его цену. Всякое возрастание цены товара необходимо уменьшает число тех, кто в состоянии купить его, или по крайней мере количество, которое они могли бы потребить». Это вовсе не является необходимым следствием. Я не думаю, чтобы в случае обложения хлеба потребление его уменьшилось больше, чем потребление сукна, вина или мыла, если бы последние товары подверглись обложению.

² Не менее ошибочным кажется мне и следующее замечание того же автора: «Когда хлопок облагается высокой пошлиной, производство всех товаров, на которые идет хлопок, уменьшается. Если сумма стоимости, которая в данной стране ежегодно прибавлялась к хлопку в различных производствах, составляла 100 млн. фр., и в результате этого налога потребление уменьшилось бы наполовину, то налог этот кроме сумм, получаемых правительством, отнимал бы еще у страны ежегодно 50 млн. фр.» (т. II, стр. 314).

других отраслей капитал и труд, чтобы дать им занятие в рыболовстве. Но так как и в других отраслях капитал и труд производили прибыль, то с отливом их оттуда должно было прекратиться в этих отраслях производство прибыли. Способность страны к накоплению была стимулирована только вследствие разницы между прибылью, полученной в производстве, в котором капитал был затрачен недавно, и прибылью, полученной в тех производствах, из которых он был извлечен.

Берутся ли налоги из дохода или капитала, они во всяком случае уменьшают количество товаров, которые могли бы быть обложены государством. Если я перестаю тратить на вино 100 ф. ст., так как, уплатив налог в этом размере, я дал правительству возможность издержать эти 100 ф. ст. вместо меня, то из списка облагаемых товаров будет вычеркнуто на 100 ф. ст. товаров. Если доход жителей данной страны составляет 10 млн., то они имеют, по крайней мере, на 10 млн. товаров, которые могли бы быть обложены. Если при обложении некоторых из этих товаров в распоряжение правительства поступает миллион, то доход населения продолжает номинально составлять 10 млн., но у него останется только на 9 млн. товаров, которые могли бы быть обложены. При всяких условиях налоги сокращают количество житейских удобств всех лиц, на которые эти налоги падают, и нет никакого средства опять увеличить их количество, кроме накопления нового дохода.

Налоги никогда не могут быть распределены так равномерно, чтобы они влияли в одной и той же пропорции на стоимость всех товаров и поддерживали их относительную стоимость на одном и том же уровне. Своими косвенными последствиями они производят часто совершенно другое действие, идущее вразрез с предположениями законодателей. Мы видели уже, что прямой налог на хлеб и сырые произведения, при том условии, что деньги производятся в самой стране, повышает цены всех товаров постольку, поскольку в состав их входят сырые произведения, что, таким образом, он нарушает существовавшее между ними прежде естественное соотношение. Другим косвенным последствием этого налога является повышение заработной платы и понижение нормы прибыли, а мы видели также в другой части этого сочинения, что вследствие повышения заработной платы и понижения прибыли понижаются денежные цены всех товаров, в производстве которых затрачивается в значительной степени основной капитал.

Всякий товар, на который установлен налог, уже не может быть вывозим с такой выгодой, как прежде. Это настолько очевидно, что при вывозе товара взимаемый налог часто возвращается назад, а на ввозимые товары этого рода устанавливается пошлина. Если бы такой возврат налога и покровительственная пошлина устанавливались бы в пользу не только непосредственных производителей данного товара, но и в пользу всех, кого этот налог затрагивает также косвенно, то в стоимости драгоценных металлов не происходило бы никаких пертурбаций. Как только мы будем в состоянии вывозить товар после обложения так же свободно, как и до него,

как только ввоз иностранных товаров не будет поставлен в особенно благоприятные условия, драгоценные металлы также не будут вывозиться в больших размерах, чем обыкновенно.

Самым пригодным объектом для обложения являются те товары, которые, благодаря природе или искусству, производятся при особенно благоприятных условиях. По отношению к чужим странам эти товары принадлежат к категории тех, стоимость которых определяется не количеством затраченного труда, а скорее капризами, вкусами и средствами покупателей. Если бы Англия имела более богатые оловянные рудники, чем другие страны, или если бы, в силу превосходства своих машин или топлива, она имела бы особые преимущества при производстве хлопчатобумажных изделий, то цены олова и хлопчатобумажных изделий в Англии продолжали бы регулироваться сравнительным количеством труда и капитала, необходимых для их производства, и конкуренция наших торговцев не позволяла бы им слишком сильно повысить цены этих товаров для иностранных потребителей. Наше преимущество в производстве этих товаров было бы настолько значительно, что они могли бы вынести прибавку к цене их на внешних рынках без особенного уменьшения их потребления. Пока внутри страны конкуренция не встречает никаких ограничений, эти товары могут достигнуть такой высокой цены только при налоге на их вывоз. Этот налог будет падать целиком на иностранных потребителей, и часть расходов английского правительства была бы покрыта налогом на продукт земли и труда других стран. Так, налог на чай, уплачиваемый теперь англичанами и идущий на покрытие расходов английского правительства, мог бы служить для покрытия расходов китайского правительства, если бы он был наложен на вывоз чая из Китая.

Налоги на предметы роскоши имеют некоторые преимущества в сравнении с налогами на предметы необходимости. Они обыкновенно уплачиваются из дохода и поэтому не уменьшают производительный капитал страны. Если бы вино сильно поднялось в цене вследствие обложения, то всякий вероятно скорее отказался бы от потребления вина, чем согласился бы на значительное уменьшение своего капитала, чтобы иметь возможность покупать дальше вино. Кроме того налоги на предметы роскоши так тесно сливаются с ценой, что платательщик едва ли даже знает, что он платит налог. Но они имеют также свои невыгоды. Во-первых, они никогда не затрагивают капитал, а при некоторых экстраординарных условиях может явиться необходимым, чтобы капитал также приносил свою долю для покрытия государственных расходов, и, во-вторых, трудно определить точно их размеры, так как они иногда не затрагивают даже дохода. Человек, склонный к бережливости, может освободиться от налога на вино, отказавшись от потребления его. Доход страны не уменьшился, а все-таки правительство не в состоянии собрать ни одного шиллинга путем таких налогов.

От потребления таких предметов, которые привычка сделала предметом наслаждения, люди отказываются с большим неудовольствием, и они продолжают потреблять эти предметы, несмотря на

тяжелое обложение. Но это неудовольствие имеет свои пределы, и повседневный опыт показывает, что увеличение номинального размера налога часто сопровождается уменьшением суммы его сбора. Тот, кто продолжает потреблять то же самое количество вина, хотя бы цена бутылки поднялась до 3 шилл., скорее откажется от употребления вина, чем согласится платить 4 шилл. Другой согласится платить 4, но откажется платить 5 шилл. То же самое можно сказать о других налогах на предметы роскоши: тот, кто согласится платить налог в 5 ф. ст. за такой предмет роскоши, как лошадь, откажется платить 10 или 20 ф. ст. Они отказываются от употребления вина или лошади не потому, что не могут платить больше, а потому, что не хотят. Каждый человек создает для себя собственный масштаб, с помощью которого он оценивает различные житейские удобства, но этот масштаб так же разнообразен, как человеческий характер. В особенности сильно подвергается неудобствам, связанным с этим способом взимания налогов, такая страна, финансовое положение которой сильно пошатнулось вследствие неразумной политики накопления огромного национального долга и неизбежного результата такой политики—непомерного обложения. После того как налогами были обложены чуть не все предметы роскоши, после обложения лошадей, экипажей, вина, прислуги и всех других предметов удобства богатого потребителя, министр финансов [вынужден обратиться к более прямым налогам, вроде налога на доход и имущество, забывая при этом золотое правило Сэя, «что лучший финансовый план—тратить как можно меньше и что лучший налог—наименьший налог»]*.

* [В первом издании сказано было: «склонен притти к заключению, что страна обложена налогами в максимальной степени, ибо, увеличивая норму обложения, он не в состоянии увеличить выручку какого-либо из этих налогов. Однако он может иногда ошибаться, приходя к такому заключению, ибо весьма возможно, что такая страна может перенести еще очень большую прибавку к налоговой тягости без риска, что будет ущерблен ее капитал»].

ГЛАВА XVII

НАЛОГИ НА ОБРАБОТАННЫЕ ПРОДУКТЫ

В силу того же закона, согласно которому налог на хлеб приводит к повышению цены хлеба, налог на всякий другой товар также вызовет повышение цены этого товара. Если бы цена товара не поднялась на сумму, равную налогу, то производитель его не получил бы той же прибыли, что прежде, и он перевел бы свой капитал в какое-нибудь другое занятие.

Обложение всех товаров, будь это предметы необходимости или предметы роскоши, при неизменной стоимости денег влечет за собою повышение их цены на сумму, равную, по крайней мере, налогу¹. Налог на обработанные предметы потребления рабочего окажет такое же действие на заработную плату, как и налог на хлеб, отличающийся от других предметов необходимости только тем, что он занимает среди них первое и самое важное место. Поэтому такой налог произведет точно такое же действие на прибыль с капитала и внешнюю торговлю, как и налог на хлеб. Зато налог на предметы роскоши вызовет только повышение их цен. Он упадет целиком на потребителя и не может ни повысить заработную плату, ни понизить прибыль.

Налоги, которыми облагается страна для ведения войны или для покрытия обыкновенных государственных расходов и которые

¹ Сэй замечает, что «фабрикант не в состоянии заставить потребителя заплатить весь налог, взимаемый с его товара, потому что возросшая цена его вызовет уменьшение потребления этого товара». Если бы это действительно было так, если бы потребление уменьшилось, то разве и предложение не уменьшится так же скоро? Почему фабрикант должен оставаться в какой-нибудь отрасли промышленности, если прибыль в ней опустилась ниже общего уровня? Сэй, повидимому, опять забыл теорию, которую он поддерживает в другом месте, а именно, что «издержки производства определяют цену, ниже которой не могут долго продаваться товары, так как в этом случае производство их было бы уменьшено или прекращено» (т. II, стр. 26).

«Налог в этом случае падает отчасти на потребителя, который вынужден заплатить более высокую цену за обложенный товар, а отчасти на производителя, который за вычетом налога получит меньше. Государственное казначейство получит в свою пользу прибавку, которую платит покупатель, и часть прибыли, которую вынужден поступиться производитель. Так порох в одно и то же время оказывает действие и на ядро, которое он выбрасывает, и на пушку, которую он откатывает назад» (т. II, стр. 333).

предназначены главным образом для поддержания непродуцируемых рабочих, взимаются с производительной промышленности страны; всякое сбережение, которое может быть сделано в таких расходах, обыкновенно прибавляется к доходу, а то и к капиталу налогоплательщиков. Если на расходы для ведения войны в течение одного года собирается 20 млн. путем займа, то эти 20 млн. берутся из производительного капитала нации. Миллион, который собирается ежегодно путем налога для уплаты процентов по этому займу, только переходит от тех, которые платят его, к тем, которые получают его,—от налогоплательщика к государственному кредитору. Действительный расход представляют 20 млн., а не проценты, которые платятся по этому займу¹. Будут ли уплачиваться эти проценты или нет, страна не станет ни богаче, ни беднее. Правительство могло бы сразу потребовать эти 20 млн. в форме налогов, и в этом случае не являлось бы необходимою взимать ежегодно налоги на сумму в 1 млн. Однако это несколько не изменило бы характер всей сделки. Отдельное лицо, вместо того чтобы платить каждый год по 100 ф. ст., было бы вынуждено заплатить сразу 2 000 ф. ст. Для него было бы более выгодно занять 2 000 ф. ст. и платить 100 ф. ст. ежегодно в виде процентов своему займодавцу, чем взять большую сумму из собственных средств. В одном случае это—частная сделка между *A* и *B*, в другом—правительство гарантирует *B* уплату процентов, которые все равно поступят от *A*. Если бы это была частная сделка, она бы не была публично зарегистрирована, и для страны было бы сравнительно безразлично, выполняет ли *A* добросовестно свой договор с *B* или он противозаконно удерживает в свою пользу следуемые с него ежегодно 100 ф. ст. Говоря вообще, страна конечно заинтересована в добросовестном соблюдении всех договоров, но, поскольку речь идет о национальном богатстве, вопрос этот решается в зависимости от того, кто употребил бы эти 100 ф. ст. наиболее производительно—*A* или *B*. Но решать этот вопрос она не имеет ни права, ни возможности. Вполне возможно, что, если бы *A* удержал их в свою пользу, он растратил бы их самым бесполезным образом, а если бы эти 100 ф. ст. были уплачены *B*, то последний прибавил бы их к своему капиталу и употребил производительно. Возможно и обратное явление: *B* мог бы растратить их, а *A*—употребить про-

¹ «Мелон говорит, что государственный долг—это долг правой руки левой, от которого организм не слабеет. Верно конечно, что общее богатство не уменьшится вследствие платежа процентов или недоимок по займам. Проценты—это стоимость, которая переходит из рук налогоплательщика в руки государственного кредитора. Я согласен, что для всего общества безразлично, кто накапливает или сберегает, кредитор или налогоплательщик. Но что случилось с капитальной суммой долга? Потребление, которое последовало за займом, уничтожило капитал, который уже больше не даст дохода. Общество лишилось не процентов, которые переходят из рук в руки, а дохода на уничтоженный капитал. Если бы этот капитал был употреблен производительно тем, кто ссудил его государству, он принес бы ему точно так же доход, но этот доход был бы получен путем действительного производства, а не из кармана своего же согражданина» (*Сэй*, кн. III и IX). Это место и по мысли и по выражению вполне соответствует истинному духу науки.

изводительно. С точки зрения одного только национального богатства все равно, уплатил ли А свой долг или нет, или даже более желательно, чтобы А уплатил его. Но требования справедливости и честности, требования более важные, не могут быть принесены в жертву требованиям менее важным, и в соответствии с этим, если бы государство было призвано на помощь, суд заставил бы А выполнить свое обязательство. Долг, гарантируемый всей нацией, ничем не отличается от вышеприведенной сделки. Справедливость и честность требуют, чтобы проценты по национальному займу продолжали уплачиваться и чтобы те, кто ссудил свои капиталы для общего блага, не были вынуждены отказаться от своих справедливых требований под предлогом государственной выгоды.

Но и независимо от этого соображения трудно утверждать, чтобы политическая польза могла выиграть что-нибудь путем пожертвования политической честностью. Нет никаких оснований думать, что те, кто будет освобожден от уплаты процентов по национальному займу, употребили бы их более производительнее, чем те, кто имеет бесспорное право на получение этих процентов. Уничтожая национальный долг, мы увеличиваем доход 1 чел. с 1 000 ф. ст. до 1 500 ф. ст. и уменьшаем доход другого с 1 500 ф. ст. до 1 000 ф. ст. Доход этих 2 чел. равняется теперь 2 500 ф. ст., он следовательно составляет такую же сумму, как и прежде. Если бы правительство хотело повысить налоги, то и в первом и во втором случаях оно имело бы перед собою одинаковую сумму капитала и дохода для обложения. Вот почему уплата процентов по национальному долгу еще не составляет бедствия для страны, а освобождение ее от уплаты этих процентов не является для нее облегчением. Только путем сбережений из доходов и путем сокращения расходов можно увеличить национальный капитал, а уничтожением национального долга нельзя ни увеличить доход, ни сократить расходы. Страна беднеет вследствие излишней расточительности правительства и частных лиц и вследствие займов. Поэтому всякая мера, которая ставит себе целью поощрение общественной и частной экономики, облегчает тяжелое положение общества. Но было бы ошибкой и самообманом думать, что можно устранить действительное национальное бремя, если свалить его с плеч одного класса общества, который должен нести его, на плечи другого класса, который в силу справедливости должен нести на себе только определенную долю этого бремени.

Однако из сказанного мною еще не следует делать вывод, что я рассматриваю систему займов как наиболее целесообразную систему для покрытия экстраординарных государственных расходов. Наоборот, эта система делает нас менее бережливыми, она обманывает нас насчет нашего действительного положения. Если расходы на войну составляют ежегодно 40 млн. руб. и доля, которую должен был бы вносить каждый для покрытия этих расходов, составляет 100 ф. ст., то он старался бы в том случае, если бы ему пришлось внести ее сразу, сберечь эти 100 ф. ст. из своего дохода. При системе займов он должен платить только проценты по этим 100 ф. ст., или 5 ф. ст. ежегодно. Он думает, что для него вполне

достаточно сберегать из своего дохода 5 ф. ст., и тешит себя мыслью, что он так же богат, как и прежде. Поступая и рассуждая таким образом, вся нация сберегает только проценты на 40 млн., или 2 млн. Она поэтому теряет не только проценты или прибыль, которая была бы принесена капиталом в 40 млн., если бы он был употреблен производительно, но еще и 38 млн., т. е. разность между сбережениями и расходами. Если бы, как я уже заметил, каждое отдельное лицо само заключало заем и всю его сумму отдавало на удовлетворение государственных нужд, то сейчас же по окончании войны прекратилось бы и взимание налога, и мы немедленно же вернулись бы к естественному состоянию цен. Может быть *A* должен был бы платить из своих частных средств *B* проценты за деньги, которые *A* занял у *B* во время войны, чтобы заплатить следующую с него долю расходов, но нации до этого не было бы никакого дела.

Страна, накопившая громадный долг, находится в очень затруднительном положении. Хотя размеры обложения и возросшая цена труда не могут ухудшить и, по моему мнению, действительно ни в каком отношении не ухудшают условия ее конкуренции с чужими странами,—кроме такой неизбежной невыгоды, как вообще платеж налогов,—каждый налогоплательщик все-таки заинтересован в том, чтобы свалить с себя это бремя и переложить платеж на кого-либо другого. Искушение переселиться со своим капиталом в другую страну, где он был бы избавлен от этого бремени, под конец становится непреодолимым и побеждает естественное отвращение, с которым каждый человек покидает свою родину и старые связи. Страна, которая запуталась в затруднениях, связанных с этой искусственной системой, поступила бы в высшей степени благоразумно, если бы откупилась от них, пожертвовав частью имущества, необходимой для выкупа ее долга. То, что разумно со стороны отдельного лица, также разумно и со стороны нации. Тот, у кого имеется 10 тыс. ф. ст., приносящих ему доход в 500 ф. ст., из которых он ежегодно платит 100 ф. ст. в виде процента по займу, в действительности имеет только 8 000 ф. ст. и будет одинаково богат, будет ли он продолжать платить ежегодно 100 ф. ст. или сразу отдаст 2 000 ф. ст. Но, могут спросить: откуда же возьмется покупатель той собственности, которую он должен продать, чтобы получить эти 2 000 ф. ст.? Ответ ясен: государственный кредитор, который получит эти 2 000 ф. ст., будет нуждаться в помещении для своих денег и поэтому будет расположен ссудить их землевладельцу или фабриканту, а то и купить часть собственности, которую они хотят продать. Владельцы государственных фондов сами поощряли бы такую уплату. Этот план неоднократно был уже предлагался, но я опасюсь, что у нас нехватит ни мужества, ни мудрости, чтобы принять его. Следует однако признать, что в период мира наши усилия должны быть направлены на уплату части займа, заключенного во время войны. И никакое искушение облегчить или желание избавиться от переживаемых нами, надеюсь временных, бедствий не должно отвлекать наше внимание от этого важного предмета.

Никакой фонд погашения не поможет нам в деле уменьшения нашего долга, если он будет получаться не из излишка государственных доходов над расходами. Остается только сожалеть, что фонд погашения у нас является таковым только по имени, так как у нас нет излишка доходов над расходами. Путем экономии он должен быть превращен в настоящий фонд погашения, в фонд, действительно пригодный для уплаты долга. Если бы при внезапном объявлении новой войны долг наш не был в значительной степени уменьшен, могло бы случиться одно из двух: или все расходы на войну покрывались бы налогами, которые взимались бы каждый год, или же в конце этой войны, а может быть и раньше, мы пережили бы национальное банкротство. Не то, чтобы мы не могли вынести большой прибавки к нашему долгу: трудно указать точно границы сил великой нации. Но есть пределы той цене, которую отдельное лицо согласно платить в форме постоянного налога за одну только привилегию жить в родной стране¹.

Когда какой-нибудь товар имеет монопольную цену, он достигает самой высокой цены, по которой только потребители согласны его покупать. Товары имеют монопольную цену, когда никакими способами нельзя увеличить их количество и когда конкуренция существует только на одной стороне—на стороне покупателей. Монопольная цена в течение одного периода может быть выше или ниже, чем монопольная цена в другом периоде, потому что конкуренция между покупателями не может не зависеть от их богатства, вкусов и каприза. Вина особенных качеств, производимые в очень ограниченном количестве, и такие произведения искусства, которые вследствие своего превосходства или редкости приобрели фантастическую стоимость, будут обмениваться на самые различные количества продуктов обыкновенного труда,—в зависимости от того, богато или бедно данное общество, имеет ли оно много или мало таких произведений, находится ли оно еще на первобытной или высокой ступени цивилизации. Поэтому меновая стоимость товара, который имеет монопольную цену, нигде не регулируется издержками производства.

Сырые произведения не имеют монопольной цены, потому что рыночная цена ячменя и пшеницы регулируется издержками их производства точно так же, как и рыночная цена сукна и полотна. Разница состоит только в том, что в земледелии цену хлеба регу-

¹ «В общем кредит полезен, ибо он дает возможность капиталу переходить из рук тех, кто не может употребить его с пользой, в руки тех, кто употребляет его производительно. Он отвлекает капитал от занятия, выгодного только для капиталиста, как например помещения капитала в государственных фондах, чтобы сделать его производительным в промышленности. Он облегчает приложение всякого рода капиталов и не оставляет их без занятия» («Economie politique», v. II, p. 463, éd. 4-e). Со стороны Сэя это вероятно недосмотр. Капитал владельца ценных бумаг никогда не может быть сделан производительным—в действительности это вовсе не капитал. Если бы он хотел продать свои ценные бумаги и употребить полученный за них капитал производительно, он мог бы сделать это, только отвлекая капитал покупателя его бумаг от производительного занятия.

лирует одна часть капитала, именно та его часть, которая не платит никакой ренты, а в производстве промышленных товаров каждая часть затраченного капитала дает одинаковые результаты. А так как ни одна из них не платит ренты, то каждая из них в одинаковой степени является регулятором цены. К тому же количество хлеба и других сырых произведений может быть легко увеличено путем приложения нового капитала к земле, и поэтому такие товары не имеют монополярной цены. Конкуренция здесь одинаково существует как между продавцами, так и между покупателями. Иначе обстоит дело с производством редких вин и тех драгоценных произведений искусства, о которых мы выше говорили. Количество их не может быть увеличено, и цена их ограничивается только покупательной силой и желаниями покупателей. Так, рента, приносимая виноградниками, может возрасти до самых экстраординарных размеров, потому что при отсутствии других земельных участков, производящих такое вино, они не боятся никакой конкуренции.

Конечно хлеб и другие сырые произведения страны иногда могут продаваться по монополярным ценам, но это может длиться долго лишь тогда, когда нельзя уже больше затратить производительно новый капитал на обработку земли и когда следовательно количество сырых произведений не может быть увеличено. В такую эпоху каждый участок земли, находящийся в обработке, и каждая часть капитала, вложенного в землю, будут доставлять ренту, которая будет различаться пропорционально разнице в количестве получаемого продукта. И в такую эпоху всякий налог на фермера падал бы на ренту, а не на потребителя. Он не может повысить цену хлеба, так как—согласно нашему предположению—она уже все равно достигла высшего уровня, при котором покупатели хотят или могут покупать хлеб. Он не будет довольствоваться меньшей нормой прибыли, чем та, которую получают другие капиталисты, и следовательно ему представлялась бы только одна альтернатива—или добиться уменьшения ренты, или же покинуть свое занятие.

По мнению Бьюкенена, хлеб и сырые произведения имеют монополярную цену, потому что они доставляют ренту. Он исходит из предположения, что все товары, доставляющие ренту, имеют монополярную цену. Отсюда он делает вывод, что все налоги на сырые произведения падают на землевладельца, а не на потребителя. «Так как на цену хлеба,—говорит он,—который всегда приносит ренту, несколько не влияют издержки производства, то издержки, вызванные налогом, должны быть уплачены из ренты. Если они увеличиваются или уменьшаются, то следствием их является не высокая или низкая цена, а высокая или низкая рента. С этой точки зрения все налоги на сельских батраков, лошадей или земледельческие орудия являются в действительности поземельными налогами, бремя которых падает на фермера в продолжение всего срока аренды, а после, когда договор аренды возобновляется,—на землевладельца. Таким же образом все усовершенствованные сельскохозяйственные орудия, дающие фермеру возможность сократить издержки, как молотилки, жатвенные машины; все, что облегчает ему сношения

с рынком, как например хорошие дороги, каналы и мосты,—все это, хотя и уменьшает первоначальные издержки производства хлеба, не уменьшает однако его рыночной цены. Следовательно все, что сберегается путем этих усовершенствований, принадлежит землевладельцу как часть его ренты»*.

Очевидно, что, если мы признаем основу, на которой Бьюкенен строит всю свою аргументацию, правильной, если мы согласимся, что цена хлеба всегда дает ренту, мы должны были бы признать и все следствия, которые, по его мнению, вытекают из этого факта. Налоги на фермера падали бы тогда не на потребителя, а на ренту, и все улучшения в сельском хозяйстве приводили бы к повышению ренты. Но я, надеюсь, достаточно ясно показал, что, пока в данной стране еще не вся земля поступила в обработку, пока сельскохозяйственная культура не достигла в ней самого высокого развития, в ней всегда существует часть капитала, затраченная на землю, которая не приносит ренты, и что именно эта часть капитала, продукт которой, как и в обрабатывающей промышленности, делится между прибылью и заработной платой, регулирует цену хлеба. А так как на цену хлеба, не дающего ренты, влияют издержки его производства, то последние не могут уплачиваться из ренты. Следовательно в результате роста этих издержек явится именно более высокая цена, а не более низкая рента¹.

Замечательно, что и Адам Смит и Бьюкенен, которые в полном согласии друг с другом признают, что налоги на сырые произведения, поземельный налог и десятина падают на поземельную ренту, а не на потребителей сырья, допускают все-таки, что налог на солод упадет на потребителя пива, а не на ренту землевладельца. Аргументация Адама Смита представляет такую удачную защиту точки зрения, с которой я рассматриваю налог на солод и всякий налог на сырые произведения, что я не могу удержаться от желания познакомиться с ней читателя.

«Рента и прибыль с участка, производящего ячмень, должны почти всегда равняться ренте и прибыли со всякого другого участка, столь же плодородного и столь же хорошо обрабатываемого. Если бы они были меньше, часть земли под ячменем была бы утилизирована для какой-нибудь другой цели, а если бы они были больше, культура ячменя приняла бы большие размеры. Если обычная цена какого-нибудь особенного продукта земли достигает таких размеров, что она может быть названа монопольной, то налог на него необходимо повлечет за собой понижение ренты и прибыли² с земли, на

* [Smith, ed. Buchanan, 1814, v. IV, «Observations», p. 97—98].

¹ «Обрабатывающая промышленность увеличивает количество своих продуктов пропорционально спросу, и цена падает, но количество продукта земли не может быть увеличено, и высокая цена является всегда необходимостью, чтобы предупредить превышение потребления над предложением» (Бьюкенен, т. IV, стр. 40). Может ли Бьюкенен серьезно утверждать, что количество продукта земли не может быть увеличено, если спрос возрастет?

² Я предпочел бы, чтобы слово «прибыль» было опущено. По предположению доктора Смита, прибыль арендаторов этих ценных виноградников должна быть выше общей нормы прибыли. Если бы она не была выше, они не

которой этот продукт произрастает. Налог на продукт ценных виноградников, доставляющих вино в таком ограниченном количестве, что цена их всегда выше всякой другой земли, столь же плодородной и столь же хорошо обрабатываемой, необходимо повлек бы за собой уменьшение ренты и прибыли¹ с этих виноградников. Так как цена вина достигла уже высшего уровня, какой только возможен при том количестве его, которое обыкновенно доставляется на рынок, то она не могла бы повыситься еще больше без уменьшения количества вина. А уменьшение этого количества сопровождалось бы еще большими потерями, потому что освободившуюся землю нельзя было бы обратить под обработку другого, столь же ценного продукта. Поэтому вся тяжесть налога пала бы на ренту и прибыль, говоря точнее, на *ренту с виноградника*. «Но обычная цена ячменя никогда не была монопольной ценой, а рента и прибыль с земли под ячменем никогда не были выше, чем рента и прибыль со всякой другой земли, столь же плодородной и столь же хорошо обрабатываемой. Различные налоги, которыми облагались солод, пиво и эль, *никогда не понижали цены ячменя* и никогда не понижали ренты и прибыли, получаемых с земли под ячменем. Цена солода для пивовара постоянно увеличивалась пропорционально обложению, и такие налоги, вместе с различными пошлинами на пиво и эль, всегда повышали цену или,—что сводится к тому же,—понижали качество продукта, достававшегося потребителю. Конечный платеж таких налогов постоянно падал не на производителя, а на потребителя»*. По поводу этого места Бьюкенен замечает: «Акциз на солод не может никогда понизить цену ячменя, потому что если бы ячмень, превращенный в солод, давал меньше, чем ячмень в сыром виде, то требуемое количество не было бы доставлено на рынок. Ясно поэтому, что цена солода должна подниматься пропорционально налогу на него, так как спрос иначе не был бы удовлетворен. Но цена ячменя является постольку же монопольной, поскольку и цена сахара; оба они приносят ренту, и рыночная цена обоих уже давно потеряла всякую связь с первоначальными издержками производства».

Итак, Бьюкенен повидимому думает, что налог на солод повысит цену солода, но налог на ячмень, из которого готовится солод, не увеличит цену ячменя, что следовательно в случае обложения солода налог будет уплачен потребителем, а если будет обложен ячмень, то налог будет уплачен землевладельцем, который получит меньшую ренту. По мнению Бьюкенена, ячмень продается по монопольной цене, по высшей цене, которую покупатели готовы дать за него, но солод, приготовленный из ячменя, не продается по монопольной цене, и следовательно цена его может быть повышена пропорционально налогу, которым он обложен. Этот взгляд Бьюкенена на следствия налога на солод, как мне кажется, нахо-

платили бы налога только в том случае, если бы им удалось переложить его на землевладельца или потребителя.

¹ [См. предыдущее примечание].

* [«Богатство народов», кн. 5, гл. II].

дится в резком противоречии с его же взглядом на аналогичный налог, на налог на хлеб. «Налог на хлеб в конце концов будет уплачен не путем повышения цены, а путем уменьшения ренты»*. Если налог на солод увеличивает цену пива, то налог на хлеб должен увеличить цену хлеба.

Следующая аргументация Сэя покоится на тех же основаниях, что и аргументация Бьюкенена: «Количество вина или хлеба, производимого данным участком земли, останется почти одинаковым, как бы ни был велик налог, который падает на этот участок. Налог может отнять половину или даже три четверти его чистого продукта или, если хотите, его ренты, но земля будет обрабатываться и дальше ради остальной половины или четверти, не поглощенной налогом. Рента или, иначе говоря, доля землевладельца будет только немного меньше. Мы пойдем причины этого явления, если примем во внимание, что в предположенном случае количество продукта, полученного от земли и посланного на рынок, останется все-таки без изменения. С другой стороны, мотивы, на которых основывается спрос на продукт, также остаются теми же самыми.

И вот, если предлагаемое количество продукта и требуемое количество продолжают оставаться неизменными, несмотря на обложение налогом или увеличение его, то и цена продуктов тоже останется без изменения. А если цена не изменится, то потребитель не будет платить ни единой доли этого налога.

Но, может быть, скажут, что фермер, доставляющий труд и капитал, вместе с землевладельцем будет нести тягость этого налога? Наверное нет: установление налога не уменьшило числа арендуемых ферм и не увеличило числа фермеров. Пока и в этом случае предложение и спрос остаются неизменными, не подвергнется изменениям и норма ренты. Пример солевара, который может переложить на потребителей только часть налога, а также землевладельца, который не может вознаграждать себя даже за маленькую часть налога, показывая всю ошибочность взгляда тех, кто, в противоположность экономистам, утверждает, что всякий налог в конце концов падает на потребителей» (т. II, стр. 338).

Если бы налог «отнимал половину или даже три четверти чистого продукта земли» и цена продукта не возросла бы, то каким образом получили бы обычную прибыль на капитал те фермеры, которые платят очень умеренную ренту? Ведь они располагают только теми земельными участками, которые требуют для получения того же количества продукта более значительного количества труда, чем более плодородные участки. Если бы им уступили даже всю ренту, они все же получали бы меньшую прибыль, чем в других отраслях промышленности, и они прекратили бы поэтому обработку земли, если бы они не могли повысить цены своих произведений. Если бы налог падал на фермеров, уменьшилось бы количество фермеров, согласных арендовать фермы; если бы налог падал на землевладельца, многие фермы вовсе не отдавались бы в аренду, ибо они не

* [Smith, ed. Buchanan, v. III, p. 355].

приносили бы никакой ренты. Но из какого источника платили бы налог те, кто производит хлеб, не уплачивая никакой ренты? Вполне ясно, что налог должен падать на потребителя. Каким образом могла бы платить налог в одну половину или три четверти всего ее продукта такая земля, которую Сэй описывает в следующих словах:

«В Шотландии мы встречаем плохие участки земли, которые обрабатываются собственниками и которые не могли бы обрабатываться кем-либо другим. Таким же образом мы находим в отдаленных областях США обширные и плодородные земли, дохода с которых нехватает на прокормление их собственника. И все-таки они обрабатываются. Но необходимо, чтобы собственник обрабатывал их сам, или, другими словами, к ренте, которая представляет ничтожную величину или совсем отсутствует, он должен прибавить прибыль с капитала и промышленности, чтобы иметь возможность жить в довольстве. Известно, что земля, хотя бы и обрабатываемая, не доставляет никакого дохода землевладельцу, если ни один фермер не захочет платить за нее ренту. Это доказывает, что такая земля дает только прибыль на капитал и труд, необходимые для ее обработки» (Сэй, т. II, стр. 127).

ГЛАВА XVIII

НАЛОГИ В ПОЛЬЗУ БЕДНЫХ

Мы видели, что налоги на сырые произведения и на прибыль фермера падают на потребителей сырья. Если бы фермер не мог вознаградить себя путем повышения цены, то прибыль его вследствие налога понизилась бы в сравнении с общей нормой прибыли, и он был бы вынужден перейти со своим капиталом в какую-нибудь другую отрасль промышленности. Мы видели кроме того, что он не может посредством вычета из ренты переложить этот налог с себя на землевладельца, так как фермер, который не платит никакой ренты, будет вместе с арендатором лучшей земли одинаково затронут налогом, будет ли последний падать на сырые произведения или на прибыль фермера. Я старался также показать, что, если бы налог был всеобщим и затрагивал одинаково прибыль фабрикантов и прибыль фермеров, он не оказал бы никакого действия на цены товаров или сырых произведений, а непосредственно, да и в конечном счете, падал бы на производителей. Было замечено также, что налог на ренту падал бы исключительно на землевладельца и никоим образом не мог бы быть переложен на арендатора.

Налог в пользу бедных соединяет свойства всех этих налогов и при различных обстоятельствах падает на потребителя сырья и промышленных товаров, на прибыль с капитала и на поземельную ренту. Это—налог, который с особенной силой падает на прибыль фермера и потому может быть рассматриваем как налог, влияющий на цену сырья. Смотри по тому, падает ли он одинаково на прибыль в обрабатывающей промышленности и в сельском хозяйстве, он представляет всеобщий налог на прибыль с капитала и не вызывает никаких изменений в цене сырья и промышленных товаров. Поскольку фермер не может вознаградить себя путем повышения цены сырья за ту часть налога, которая падает специально на него, налог в пользу бедных будет налогом на ренту и будет уплачен землевладельцем. Поэтому, чтобы определить влияние налога в пользу бедных в течение известного периода, мы должны исследовать, затрагивает ли он в это время прибыль фабриканта и фермера одинаково, а также дозволяют ли фермеру условия повысить цену на сырые произведения.

Некоторые думают, что налоги в пользу бедных взимаются

с фермера пропорционально его ренте, и в соответствии с этим фермер, который платит маленькую ренту или не платит никакой, будет платить небольшой налог или совсем не будет платить. Если бы это было верно, то налог в пользу бедных, поскольку он выплачивался бы земледельческим классом, падал бы целиком на землевладельца и не мог бы перелagаться на потребителя сырых произведений. Но я думаю, что это неверно. Налог в пользу бедных вовсе не собирается пропорционально ренте, которую фермер в данный момент платит землевладельцу, — он всегда пропорционален годовой стоимости его земли, придается ли эта годовая стоимость земле с помощью капитала землевладельца или же капитала арендатора.

Положим, что два фермера арендуют земельные участки различного качества в одном и том же приходе и что один платит ежегодно ренту в 100 ф. ст. за 50 акров самой плодородной земли, а другой тоже 100 ф. ст. за 1 000 акров наименее плодородной земли: они платили бы одинаковый налог в пользу бедных, если бы никто из них не пытался улучшить землю. Но если фермер, арендующий плохую землю в расчете на очень долгий арендный срок, решается, несмотря на большие расходы, увеличить производительные силы своей земли с помощью удобрения, дренажа, огораживания и т. д., он будет платить налог в пользу бедных пропорционально не ренте, уплачиваемой им в данное время землевладельцу, а всей действительной годовой стоимости земли. Налог мог бы равняться или даже быть больше ренты, но так или иначе ни одна часть налога не была бы уплачена землевладельцем. Фермер предварительно рассчитал бы все это: если бы цена продукта не была достаточна, чтобы возместить ему все его расходы вместе с добавочным расходом на налог в пользу бедных, он не предпринял бы улучшений. Таким образом очевидно, что в этом случае налог уплачивается потребителем. Если бы не было никакого налога, то эти улучшения были бы предприняты, и обычная общая норма прибыли была бы получена на затраченный капитал даже при более низкой цене хлеба.

То же самое случилось бы и в том случае, если бы землевладелец сам сделал все эти улучшения и вследствие этого повысил бы свою ренту с 100 до 500 ф. ст. Налог был бы также переложен на потребителя, ибо решение вопроса о том, затратит ли землевладелец большую сумму денег на землю, зависело бы от величины ренты или того, что называется рентой, которую он получил бы как вознаграждение. А это опять зависело бы от состояния цен на хлеб или другие сырые произведения, т. е. от того, достаточно ли эти цены были бы высоки, чтобы не только покрыть добавочную ренту, но и налог, которым была бы обложена земля. Если бы в то же самое время капитал в обрабатывающей промышленности принимал такое же участие в уплате налога в пользу бедных, как и капитал, затраченный фермером или землевладельцем на улучшение земли, то налог в пользу бедных из специального налога на прибыль с капитала фермера или землевладельца превратился бы в налог на капитал производителей всех категорий. Он следовательно не мог бы быть переложен ни на потребителя сырья, ни на землевладельца. Прибыль

фермера была бы затронута налогом не больше, чем прибыль фабриканта, и первый так же мало, как и последний, мог бы сослаться на налог как на основание для повышения цены своих товаров. Не абсолютное понижение прибыли удерживает от приложения капитала в какой-нибудь отдельной отрасли промышленности, а ее относительное понижение: именно разница в прибыли гонит капитал из одного занятия в другое.

Следует однако признать, что, при современной организации налога в пользу бедных, на фермера падает пропорционально его прибыли более значительная сумма налога, чем на фабриканта, так как фермер облагается в соответствии с действительным количеством продукта, который он получает, а фабрикант—в соответствии с стоимостью здания, в котором он работает, без всякого отношения к стоимости машин, труда и капитала, которые он употребляет. Отсюда следует, что фермер имеет возможность повысить цену своих продуктов на всю эту разность. Так как налог падает неравномерно и падает в особенности на его прибыль, то у него не было бы никакого стимула посвящать свой капитал на обработку земли, и он, скорее, поместил бы его в какой-нибудь другой отрасли промышленности, если бы цена сырых произведений не повысилась. Напротив, если бы налог падал с большей тяжестью не на фермера, а на фабриканта, то он тоже мог бы повысить цену своих товаров на всю разность—на том же самом основании, на каком фермер при подобных условиях повысил бы цену сырых произведений. Следовательно если в обществе, которое расширяет площадь своей культуры, налог в пользу бедных падает с особенной тяжестью на фермера, то он отчасти будет уплачен капиталистами, прибыль которых понизится, и отчасти потребителями, которые должны платить более высокие цены за сырые произведения. При таком положении вещей налог может даже при некоторых обстоятельствах быть скорее выгодным, чем убыточным, для землевладельцев. Если налог, уплачиваемый тем, кто обрабатывает худшую землю, был бы пропорционально количеству полученного продукта выше, чем налог, уплачиваемый арендаторами более плодородных земель, то повышение цены хлеба, которое распространилось бы на весь хлеб, более чем достаточно вознаградило бы фермера за налог. Этой выгодой он пользовался бы в течение всего срока аренды, но после она пошла бы на пользу землевладельца. Таковы были бы результаты налога в пользу бедных в прогрессирующем обществе. Что же касается общества, переживающего состояние застоя или упадка, то, поскольку капитал не мог бы быть извлечен из земли, при всяком увеличении налога на содержание бедных часть его, которая падает на земледелие, уплачивалась бы в продолжение арендного срока фермерами, но по истечении этого срока она почти целиком падала бы на землевладельцев. Если бы фермер во время прежней аренды затратил свой капитал на улучшение земли и эта земля продолжала бы оставаться в его руках, то при новом увеличении налога он был бы обложен пропорционально новой стоимости, которую земля приобрела вследствие улучшения. Он был бы вы-

нужден платить эту сумму в течение всего срока аренды, хотя прибыль его вследствие этого пала бы ниже общей нормы прибыли, потому что затраченный им капитал так тесно сросся бы с землей, что он не мог бы быть извлечен. Действительно, если бы он или его землевладелец (если бы капитал был затрачен последним) мог извлечь свой капитал и уменьшить таким образом годовую стоимость земли, то налог пропорционально уменьшился бы, а так как количество продукта в то же время уменьшилось бы, то цена его возросла бы. Он вознаградил бы себя за налог, переложив его на потребителя, и ни одна часть этого налога не пала бы на ренту. Но это невозможно, по крайней мере для некоторой части капитала, и следовательно в этой пропорции налог будет уплачиваться фермерами в течение всего срока аренды, а землевладельцами—по окончании этого срока. Если бы этот добавочный налог падал с особенной тяжестью на фабрикантов, чего на самом деле нет, то при таких обстоятельствах он был бы прибавлен к цене товаров, ибо нет никакого основания, по которому прибыль их пала бы ниже общей нормы прибыли, раз они легко могут перевести свои капиталы в земледелие¹.

¹ В предыдущей части этого сочинения я отметил разницу между собственно рентой и тем вознаграждением, которое под названием ренты уплачивается землевладельцу за выгоды, доставленные арендатору его капиталом. Но я, быть может, недостаточно ясно указал различия, которые обуславливаются различными способами приложения этого капитала. Так как часть капитала, однажды затраченная на улучшение фермы, неразрывно срастается с землей и увеличивает производительные силы последней, то вознаграждение, уплачиваемое землевладельцу за пользование им, носит вполне характер ренты и подчиняется всем законам ренты. Сделано ли это улучшение за счет землевладельца или арендатора, оно все равно не было бы предпринято, если бы не было большой вероятности, что доход будет по крайней мере равен прибыли, которая может быть получена путем затраты другого равного капитала. Но раз это улучшение сделано, то доход, полученный после него, носит вполне характер ренты и подвергается всем изменениям, свойственным ренте. Однако некоторые из этих издержек улучшают землю только на определенный период и не всегда увеличивают ее производительные силы. Так, если они затрачены на здание и другие улучшения преходящего свойства, они должны быть снова повторены и поэтому не доставляют землевладельцу постоянной прибавки к его действительной ренте.

ГЛАВА XIX

О ВНЕЗАПНЫХ ПЕРЕМЕНАХ В ХОДЕ ТОРГОВЛИ

Всякая большая страна с развитой промышленностью особенно подвергается временным затруднениям и осложнениям, вызываемым переходом капитала из одного занятия в другое. Спрос на сельскохозяйственные продукты однообразен; он не находится под влиянием моды, предрассудков или каприза. Для поддержания жизни необходима пища, и поэтому спрос на пищу существует постоянно, во всякую эпоху и во всех странах. Иначе обстоит дело с обрабатывающей промышленностью: спрос на различные промышленные товары находится в зависимости не только от нужд, но и от вкусов и капризов покупателей. Кроме того, новый налог может уничтожить относительное преимущество, которым страна пользовалась в производстве отдельного товара. Или вследствие войны могут так сильно возрасти фрахт и страховка при пересылке этого товара, что он не может уже больше конкурировать с товарами тех стран, в которые он до того времени экспортировался. Во всех таких случаях всем, кто занят в производстве этих товаров, придется испытать значительные затруднения и без сомнения также некоторые потери. Это неблагоприятное влияние будет чувствоваться не только в самый момент такой перемены, но и в течение всего переходного периода, пока им удастся перевести свой капитал и находящийся в их распоряжении труд из одного занятия в другое.

Но эти затруднения будет испытывать не только страна, в которой возникли эти осложнения. Их в такой же степени испытают и страны, в которые до того времени ввозились эти товары. Ни одна страна не может ввозить долго товары, если она сама также не вывозит каких-нибудь товаров, и, наоборот, она не может долго вывозить их, если она не ввозит в обмен на них другие товары. Поэтому если в силу какого-нибудь обстоятельства страна на долгое время лишается возможности ввозить обычное количество иностранных товаров, она по необходимости должна будет уменьшить производство некоторых из тех товаров, которые она обыкновенно вывозила. Хотя общая сумма стоимости всех продуктов страны по всей вероятности уменьшится только в очень незначительной степени, так как будет употребляться тот же капитал, все-таки количество

продуктов уменьшится, и они вздорожают. Кроме того значительные затруднения будут испытываться также вследствие перехода капитала из одной отрасли промышленности в другую. Если, вложив капитал в 10 тыс. ф. ст. в производство хлопчатобумажных изделий для вывоза, мы могли бы ввозить ежегодно 3 000 пар шелковых чулок стоимостью в 2 000 ф. ст. и если вследствие приостановки во внешней торговле мы были бы вынуждены извлечь этот капитал из хлопчатобумажной промышленности и употребить его на производство чулок, то, — при условии, что капитал целиком сохранился, — мы продолжали бы получать на 2 000 ф. ст. чулок, но в таком случае вместо 3 000 пар мы получили бы только 2 500. Итак, передвижение капитала из хлопчатобумажной промышленности в производство шелковых чулок сопровождалось бы многими затруднениями, но оно не уменьшило бы в значительной степени стоимость национального имущества, хотя бы при этом передвижении уменьшилось количество ежегодно производимых нами товаров¹.

Война, вспыхнувшая после долгого мира, или мир, последовавший за продолжительной войной, обыкновенно вызывают крупные замешательства в промышленности и торговле. Такие события в очень сильной степени изменяют природу занятий, в которых прежде употреблялись капиталы различных стран. В течение всего переходного периода, пока капитал найдет для себя помещение, наиболее выгодное при новых обстоятельствах, значительная часть основного капитала остается без приложения или даже совсем пропадает, и многие рабочие остаются без работы. Это бедствие будет длиться более или менее долгое время в зависимости от того, насколько сильно нежелание многих покинуть занятие, с которым они давно уже свыклись. И оно часто затягивается еще больше вследствие различных ограничений и запрещений, порождаемых бессмысленной завистью, которая господствует во взаимных отношениях различных государств торгового мира.

Очень часто бедствие, причиняемое пертурбацией в ходе торговли, смешивают ошибочно с бедствием, которым сопровождается уменьшение национального капитала и застой в развитии общества. И действительно, между ними было бы очень трудно провести точную разграничительную линию.

¹ «Торговля дает нам возможность получать товар в том месте, где он добывается, и доставлять его туда, где он будет употреблен. Она поэтому дает нам возможность увеличить стоимость товара на всю разницу между ценою его в одном месте и ценою его в другом» (*Сэй*, т. II, стр. 458). Верно, но каким образом эта добавочная стоимость присоединяется? Путем прибавления к издержкам производства, во-первых, издержек по доставке, во-вторых, прибыли на капитал, затраченный торговцем. Товар следовательно будет стоить больше по той же самой причине, по которой и всякий другой товар будет стоить больше, потому что на производство и доставку его было затрачено больше труда еще до того, как он был куплен потребителем. Но это далеко не является одним из преимуществ торговли. Если мы исследуем этот предмет внимательнее, мы увидим, что все выгоды торговли сводятся к тому, что она дает нам возможность приобрести не более дорогие предметы, а более полезные. [Это примечание сделано только к третьему изданию.]

Но если мы знаем, что такое бедствие непосредственно последовало за переходом от войны к миру, то мы имеем основание думать, что фонды на содержание труда скорее были отвлечены от своего обычного направления, чем подверглись существенному уменьшению, и что после временных страданий национальное благосостояние снова расцветет. Кроме того, не следует забывать, что состояние упадка всегда представляет собой ненормальное состояние для общества. За периодом юности у человека следует период расцвета сил, затем силы его слабеют, и он, наконец, умирает. Совсем иначе совершается развитие наций. Когда нация достигает периода наиболее полного развития своих сил, она может задержаться на этой ступени, но естественная тенденция ее развития заключается в том, что в течение целого ряда веков она продолжает поддерживать свое благосостояние и население на одном и том же уровне.

В богатых и могущественных странах, в которых огромные капиталы затрачены на машины, внезапное изменение в ходе торговли вызывает больше бедствий, чем в более бедных странах, в которых имеется пропорционально меньше основного капитала и больше оборотного, и где следовательно значительная часть работы производится простым человеческим трудом. Оборотный капитал гораздо легче извлекается из какого-нибудь занятия, чем основной. Часто совершенно невозможно использовать машины, построенные для одной отрасли промышленности, и приспособить их для другой. Но одежда, пища и жилище рабочего в одном занятии могут служить ему и в другой отрасли промышленности, или тот же самый рабочий может получать ту же пищу, одежду и жилище, хотя бы он переменял свое занятие. Но зло это такого характера, что всякая богатая нация должна с ним волей-неволей мириться. Жаловаться на него было бы так же резонно, как если бы богатый купец горевал, что его корабль подвергается всем опасностям на море, тогда как лачуга его бедного соседа вполне безопасна от таких случайностей.

Но от таких осложнений, хотя и в меньшей степени, не избавлено даже сельское хозяйство. Война, которая мешает сношениям торговой нации с другими народами, задерживает также очень часто вывоз хлеба из тех стран, где он производится сравнительно дешево, в страны, находящиеся в менее благоприятном положении. При таких условиях в сельское хозяйство притекает необычное количество капитала, и страна, которая прежде ввозила хлеб, теперь уже больше не нуждается в иностранной помощи. По окончании войны всякие препятствия, мешавшие ввозу, устраняются, и туземный производитель становится жертвой убийственной конкуренции, от которой он может избавиться, только пожертвовав большей частью своего капитала. Со стороны государства в этом случае наиболее целесообразной политикой является установление временного налога на ввоз иностранного хлеба—налога, сумма которого будет уменьшаться время от времени, чтобы дать туземному производителю возможность постепенно извлечь свой капитал из зем-

ли¹. Поступая таким образом, страна, может быть, не достигает наиболее выгодного распределения своего капитала, но временный налог, которому она подчинилась бы, принес бы выгоду отдельному классу, распределение капитала которого было в высшей степени полезно, так как оно обеспечивало предложение пищевых продуктов в то время, когда ввоз их был приостановлен. Если бы такие усилия, сделанные производителями в критический момент, сопровождались для них риском разорения сейчас же по окончании этих затруднений, то капитал избегал бы такого употребления. Кроме обычной прибыли на капитал, фермеры рассчитывали бы на вознаграждение за риск, которому они подвергались вследствие внезапного притока хлеба. Следовательно цена хлеба для потребителя,—и как раз в такие моменты, когда последний больше всего нуждается в хлебе,—повысилась бы не только вследствие более высоких издержек производства хлеба внутри страны, но еще и в силу необходимости оплатить в цене хлеба страховую премию за особый риск, которому подвергается подобное приложение капитала. Вот почему, хотя для страны было бы гораздо выгоднее разрешить ввоз дешевого хлеба, какими бы жертвами для капитала ни сопровождался этот ввоз, более благоразумно было бы установить на несколько лет пошлину на ввоз хлеба.

При исследовании вопроса о ренте мы пришли к заключению, что при всяком возрастании количества предлагаемого хлеба и понижении вследствие этого его цены капитал был бы извлечен из худших участков, и масштабом, которым регулировалась бы естественная цена хлеба, служила бы более плодородная земля, которая тогда не приносила бы ренты. При цене в 4 ф. ст. за квартал могла бы обрабатываться земля низшего качества, которую мы можем обозначить № 6; при цене в 3 ф. ст. 10 шилл. обраба-

¹ В последнем дополнительном томе «Британской энциклопедии» в статье «Хлебные законы и торговля» можно найти следующие превосходные указания и наблюдения: «Если бы мы захотели в будущем пересмотреть предпринятые нами шаги, то мы могли бы принять постепенно понижающуюся скалу пошлин, чтобы дать время для извлечения капиталов из бедных участков и вложить их в более прибыльные предприятия. Цена, при которой допускается свободный ввоз иностранного хлеба, могла бы ежегодно уменьшаться на 4 или 5 шилл. за квартал, пока вместо 80 шилл., которые служат теперь пределом, она достигла бы 50 шилл. Тогда можно было бы вполне безопасно открыть все порты и навсегда отменить запретительную систему. Когда наступит это счастливое время, не будет уже никакой необходимости насиловать природу. Капитал и предприимчивость нашей страны обратятся к тем отраслям промышленности, в которых естественные условия, национальный характер или политические учреждения обеспечивают за нами особенные преимущества. Хлеб Польши и сырой хлопок Каролины будут обмениваться на металлические изделия Бирмингама и муслин Глазго. Истинный коммерческий дух, который всегда обеспечивает благосостояние народа, несовместим с тайной и мелочной политикой монополий. Нации всего мира—точно провинция одного и того же королевства, и свободные, ничем не стесняемые сношения одинаково полезны как с точки зрения общей выгоды, так и частной». Вся статья заслуживает внимания: она очень поучительна, талантливо написана и показывает, что автор ее вполне владеет своим предметом. [Это примечание имеется только во втором и третьем изданиях.]

тывался бы № 5; при цене в 3 ф. ст.—№ 4 и т. д. Если бы цена хлеба вследствие постоянного избытка упала до 3 ф. ст. 10 шилл., капитал, вложенный в № 6, был бы извлечен, так как только при цене в 4 ф. ст. он мог бы получить обычную прибыль, даже если бы он не платил ренты. Он следовательно был бы употреблен на производство тех товаров, в обмен на которые был бы куплен и ввезен хлеб, который до того производился на земле № 6. В этом новом предприятии он необходимо должен приносить своему собственнику больше выгоды, иначе он не был бы отвлечен от другого занятия. Ибо если собственник этого капитала на товары, произведенные им, не мог бы купить больше хлеба, чем он получал с земли, за которую он не платил ренты, то цена хлеба не могла бы упасть ниже 4 ф. ст.

Но некоторые утверждают, что капитал не может быть извлечен из земли, что он затрачивается в таких формах—удобрение, огораживание, дренаж,—в которых он неразрывно срастается с землей. До некоторой степени это верно; но капитал, который заключается в рогатом скоте, овцах, в амбарах для хлеба и сена, телегах и т. д., может быть освобожден. Простой хозяйственный расчет решит, стоит ли, несмотря на низкую цену хлеба, попрежнему употреблять эти предметы для эксплуатации земли или их выгоднее продать и полученную за них стоимость затратить на другое предприятие.

Предположим однако, что факт констатирован верно, что ни одна часть капитала не может быть освобождена¹. В этом случае фермер продолжал бы производить хлеб и притом точно такое же количество, какова бы ни была цена хлеба. Ему было бы невыгодно производить меньше, и если бы он не употребил свой капитал таким образом, он бы вовсе не получил никакого дохода. Хлеб нельзя было бы ввозить, потому что фермер предпочел бы скорее продавать его дешевле 3 ф. ст. 10 шилл., чем вовсе не продать. А при предположенных нами условиях импортер не мог бы продавать хлеб дешевле этой цены. Допустим, что фермеры, которые обрабатывали землю указанного разряда, действительно пострадали бы от па-

¹ Всякий капитал, закрепленный в земле, с необходимостью превращается по окончании аренды в собственность землевладельца, а не арендатора. Какое бы вознаграждение ни получил землевладелец, передавая опять эту землю, оно примет форму ренты, но никто не платил бы ренты, если бы с помощью данного капитала можно было получить из-за границы больше хлеба, чем можно было бы произвести внутри страны. Если условия страны требуют ввоза хлеба, причем 1 000 кварталов могут быть получены путем затраты данного капитала, если земля при затрате того же капитала будет доставлять 1 100 кварталов, то 100 кварталов неизбежно составят ренту. Но если из-за границы можно получить 1 200 кварталов, то обработка этой земли будет прекращена, ибо она перестанет давать даже обычную прибыль. Но это не представляет никакой невыгоды, как бы ни был велик капитал, который был затрачен на эту землю. Этот капитал был затрачен, для того чтобы увеличить количество продукта: такова была,—и мы не должны забывать этого,—главная цель. И разве для общества не все равно, если половина его капитала понизилась в стоимости или даже была уничтожена совсем, раз только оно получает ежегодно большее количество продуктов? Кто оплакивает потерю капитала в этом случае, тот приносит жертву средствам. [Это примечание сделано только к третьему изданию.]

дения меновой стоимости их продукта. Но в какой степени это отразилось бы на всей стране? Мы имели бы точно такое же количество всякого рода товаров, но сырые произведения и хлеб продавались бы по более дешевым ценам. Капитал страны состоит из ее товаров, а так как количество их осталось без изменения, то и воспроизводство будет совершаться в том же масштабе. Однако такая низкая цена хлеба будет давать только обычную прибыль с участка № 5, который тогда не платил бы ренты, а рента с лучших земель понизилась бы. Понизилась бы также заработная плата, а прибыль повысилась бы.

Но как бы низко ни упала цена хлеба, все-таки, если бы капитал нельзя было извлечь из земли, а спрос не увеличился бы, ввоз хлеба был бы невозможен, потому что внутри страны производилось бы то же количество, что и прежде. Хотя при этом произошло бы совершенно иное разделение продукта, и некоторые классы выиграли бы, тогда как другие пострадали бы, валовая сумма всего производства осталась бы без изменения, и страна как коллектив не стала бы ни богаче, ни беднее.

Но относительно низкая цена хлеба всегда приносит еще и другую выгоду: разделение наличного продукта при этом скорее приводит к увеличению фонда на содержание труда, так как большая часть, под именем прибыли, придется на долю производительного класса, а меньшая, под именем ренты, на долю непроизводительного класса.

Это верно и в том случае, если капитал не может быть извлечен из земли, если он должен быть или употреблен в земледелии, или совсем остаться без употребления. Но если большая часть капитала может быть извлечена,—а это вполне возможно,—то капитал будет освобожден только в том случае, когда это освобождение принесет его собственнику больше выгоды, чем если бы этот капитал остался в земле. Следовательно капитал будет освобожден, если в другом занятии он может быть употреблен более производительно и для собственника и для населения. Капиталист соглашается на понижение стоимости той части капитала, которая не может быть отделена от земли, потому что с помощью другой части, которую он может освободить, он может получить большую стоимость и большее количество сырых произведений, чем если бы он не согласился на понижение стоимости одной части капитала. Он находится точно в таком же положении, как человек, который едва успел затратить большие средства на постройку машин на своей фабрике, как вдруг новые изобретения настолько усовершенствовали машины этого рода, что стоимость производимых им товаров очень сильно понизилась. Простой хозяйственный расчет должен и в этом случае решить вопрос, стоит ли совсем бросить старые машины и заменить их новыми, более производительными, *теряя всю стоимость* старых машин, или лучше продолжать пользоваться сравнительно слабой силой старых машин. Кто советовал бы ему при таких условиях отказаться от употребления лучших машин только потому, что он таким образом уменьшил бы или уничтожил стоимость старых

машин? А именно так аргументируют все, кто желает запретить ввоз хлеба, потому что иначе была бы ущерблена или уничтожена часть капитала фермера, которая навсегда срослась с землей. Они не понимают, что цель всякой торговли заключается в увеличении производства, что, увеличивая производство, вы увеличиваете общее благосостояние, хотя вы при этом можете причинить потери отдельным лицам. Если бы они хотели быть последовательными, они должны были бы попытаться остановить всякий прогресс в земледелии и обрабатывающей промышленности и всякие усовершенствования в машинах. Ведь всякое новое изобретение, хотя оно способствует развитию общего благосостояния, а следовательно и общего счастья, в момент своего применения всегда уменьшает или уничтожает стоимость части наличного капитала фермеров и фабрикантов¹.

Как и все другие отрасли промышленности, земледелие,—особенно в торговых странах,—переживает периоды реакции, которые следуют,—в прямо противоположном направлении,—за периодами самой интенсивной деятельности. Так, когда война задерживает ввоз хлеба, возвышение цены последнего привлекает капитал к земле, дающей при таком употреблении большую прибыль. Это приводит к чрезмерному увеличению капитала, занятого в земледелии, и на рынок выбрасывается большее количество сырых произведений, чем требует страна. В таком случае цена хлеба упадет вследствие переполнения рынка, и земледелие будет терпеть затруднения, пока среднее предложение не придет в равновесие со средним спросом.

¹ К наиболее талантливым сочинениям, доказывающим всю нецелесообразность политики запрещения ввоза хлеба, можно отнести «Опыт о внешней хлебной торговле» («Essay on the external Corn Trade») майора Торренса. Его аргументы не встретили серьезных возражений, и, по моему мнению, они неопровержимы. [Это примечание имеется только во втором и третьем изданиях.]

ГЛАВА XX

СТОИМОСТЬ И БОГАТСТВО, ИХ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА

«Человек беден или богат,—говорит Адам Смит,—смотря по степени, в какой он может обеспечить себе пользование предметами необходимости, удобства и удовольствия»*.

Следовательно стоимость существенно отличается от богатства, так как стоимость зависит не от изобилия, а от трудности или легкости производства. Труд 1 млн. человек на фабриках всегда производит одну и ту же стоимость, но он не произведет всегда одно и то же богатство. Изобретение новых машин, усовершенствование в технике, лучшее разделение труда или открытие новых рынков, на которых можно более выгодно обменивать товары,—все это дает возможность 1 млн. человек производить в одну эпоху вдвое или даже втрое больше богатства, предметов необходимости, удобства и удовольствия, чем в другую эпоху. Но в силу одной этой причины они еще не прибавили бы ничего к стоимости, так как стоимость каждого предмета повышается или понижается в зависимости от легкости или трудности его производства или, другими словами, в зависимости от количества труда, затраченного на его производство. Предположим, что труд известного числа людей при помощи данного капитала произвел 1 000 пар чулок и что вследствие изобретения машины то же самое число людей может произвести 2 000 пар или что, продолжая производить 1 000 пар, они могут кроме того производить 500 шляп. В этом случае стоимость 2 000 пар чулок или 1 000 пар чулок и 500 шляп была бы не больше и не меньше, чем стоимость 1 000 пар чулок до введения машин, так как они были бы продуктом того же самого количества труда. Но стоимость общей массы продуктов все-таки уменьшилась бы. Конечно стоимость возросшего количества, произведенного вследствие улучшений в машинах, была бы точно такая же, как и стоимость меньшего количества, которое было бы произведено, если бы не были введены никакие улучшения. Но это изменение произвело бы свое действие на ту часть не потребленных еще товаров, которые были произведены до усовершенствования машин: стоимость этих товаров уменьшилась бы, поскольку она пала бы до уровня стоимости соответ-

* [«Богатство народов», кн. 1, гл. V].

ственного количества товаров, произведенных уже после введения улучшений. Таким образом общество, несмотря на возросшее количество товаров, несмотря на возросшее богатство, несмотря на увеличение количества предметов удобства, имело бы в своем распоряжении меньшую сумму стоимости. Увеличивая непрерывно легкость производства, мы в то же время уменьшаем стоимость некоторых из товаров, произведенных прежде, хотя этим самым путем мы увеличиваем не только национальное богатство, но и производительные силы будущего. Многие заблуждения в политической экономии объясняются ошибочными взглядами на этот предмет, а именно—отождествлением возрастания богатства с возрастанием стоимости и слабо обоснованными понятиями о том, что является главной единицей-мерой стоимости. Одни считают таким масштабом деньги, и, по их мнению, нация становится богаче или беднее, смотря по большему или меньшему количеству денег, на которое обмениваются все ее товары. Другие полагают, что деньги являются очень пригодным мериллом для целей обмена, но не могут служить хорошей единицей-мерой для определения стоимости других предметов. По их мнению, действительной мерой стоимости является хлеб¹, и страна, согласно этому, богаче или беднее, смотря по количеству хлеба, на которое обмениваются ее товары². Но есть и такие, которые думают, что страна богаче или беднее, смотря по количеству труда, какое она может купить. Но почему золото, хлеб или труд представляют более точную единицу-меру стоимости, чем уголь или железо, чем одежда, мыло, свечи и другие предметы необходимости рабочего? Или, короче говоря, почему какой-нибудь один товар или все товары вместе должны быть масштабом, если этот масштаб сам подвергается изменениям в своей стоимости? Стоимость хлеба, точно так же как и стоимость золота, вследствие трудности или легкости производства, может колебаться в сравнении с другими предметами на 10, 20 или 30%. Почему мы должны во всех этих случаях говорить, что изменилась стоимость других предметов, а не стоимость хлеба? Неизменным мериллом служил бы только тот товар, на производство которого во все времена требуется одинаковое количество труда и усилий. Такой товар нам совершенно неизвестен. О существовании такого товара мы можем говорить только гипотетически. Но мы можем дополнить наши научные познания, показав ясно безусловную непригодность всякого масштаба, какой до сих пор предлагался. Но если бы мы даже допустили, что один из названных то-

¹ Адам Смит говорит, что «разница между действительной и номинальной ценой товаров и труда представляет не только спекулятивный интерес, но имеет также большое значение и на практике». Я вполне согласен с ним, но действительная цена труда и товаров определяется их ценою в товарах, в этой действительной мере Адама Смита, не в большей степени, чем их ценою в золоте и серебре, их номинальной мере. Рабочий только тогда получает действительно высокую цену за свой труд, когда на свою заработную плату он может купить продукт большого количества труда.

² Так, Сэй (т. II, стр. 108) говорит, что серебро теперь имеет такую же стоимость, как и в царствование Людовика XIV, «потому что то же самое количество серебра может купить такое же количество хлеба».

варов может быть правильным масштабом стоимости, он все-таки не будет масштабом богатства, ибо богатство не зависит от стоимости. Человек богат или беден, смотря по количеству предметов необходимости и роскоши, находящихся в его распоряжении. Как бы ни изменялась меновая стоимость этих предметов по отношению к деньгам, хлебу или труду, как бы ни была она высока или низка, все они одинаково будут способствовать комфорту их собственника. Только вследствие смещения понятий стоимости и богатства, или благосостояния, можно было утверждать, что богатство может быть увеличено путем уменьшения количества товаров, т. е. предметов необходимости, удобства и удовольствия. Если бы стоимость была мерой богатства, мы должны были бы с этим согласиться, потому что стоимость товаров возрастает вследствие их редкости, но если прав Адам Смит, если богатство заключается в предметах необходимости и комфорта, то богатство не может быть увеличено путем уменьшения их количества.

Конечно, человек, владеющий редким товаром, богаче, если с помощью этого товара он может получить более значительное количество предметов необходимости и комфорта. Но так как общая сумма, откуда берется богатство каждого человека, уменьшилась на все количество, взятое из нее отдельным человеком, то доля других людей необходимо уменьшится в зависимости от того, какое большее количество может присвоить себе лицо, поставленное в благоприятное положение.

«Если вода делается редким предметом,—говорит лорд Лодердаль,—и станет монопольной собственностью одного человека, то богатство его увеличится, потому что вода приобретает тогда стоимость, и если общее богатство составляется из суммы индивидуальных богатств, то этим путем увеличится также и общее богатство»*. Несомненно, богатство этого человека увеличится, но так как фермер должен будет продавать часть своего хлеба, а сапожник— часть обуви, так как все люди должны будут отдавать часть своей собственности только для того, чтобы получить воду, за которую они прежде ничего не платили, то они станут беднее на все количество товаров, которые они должны будут затратить с этой целью. Таким образом, собственник воды выиграет ровно столько, сколько другие проиграют. Общество будет пользоваться тем же самым количеством воды и тем же самым количеством товаров, но они будут иначе распределены. Но это возможно, скорее, в случае монополии на воду, чем недостатка в ней. Если бы вода имелась в недостаточном количестве, богатство страны и отдельных лиц действительно уменьшилось бы, поскольку страна лишилась бы части одного из своих предметов необходимости. Так, фермер имел бы не только меньше хлеба для обмена на другие товары, которые могут быть для него необходимы и желательны, но он, как и всякое другое лицо, должен был бы ограничить потребление одного из наиболее важных предметов своего обихода. В этом случае мы имели бы дело не только

* [«Inquiry into the nature and causes of Wealth», p. 44].

с различным распределением богатства, но и с действительной его потерей.

Таким образом, мы можем сказать, что две страны, владеющие одинаковым количеством предметов необходимости и комфорта, одинаково богаты, но что стоимость богатств каждой из них зависит от сравнительной легкости или трудности их производства. Если усовершенствованная машина дает нам возможность, без затраты добавочного труда, производить две пары чулок вместо одной, то 1 ярд сукна будет обмениваться на двойное количество чулок. Если бы такое же усовершенствование сделано было в производстве сукна, чулки и сукно обменивались бы в той же пропорции, что и прежде, хотя стоимость их одинаково понизилась бы, так как пришлось бы отдавать двойное количество их в обмен на шляпы, золото и всякие другие товары. Если бы это усовершенствование распространилось на производство золота и всех других товаров, то относительная стоимость их не изменилась бы. Количество товаров, производимых ежегодно в стране, удвоилось бы, следовательно удвоилось бы также и богатство страны, но стоимость этого богатства не увеличилась бы.

Хотя Адам Смит дал верное определение богатства, которое я не раз уже приводил, он после дает еще другое определение. Так, он говорит, «что человек богат или беден, смотря по количеству труда, которое он в состоянии купить»*. Но это определение существенно отличается от первого и совершенно неверно. Предположим, что рудники стали более производительными, так что стоимость золота и серебра вследствие большей легкости производства понизилась. Или предположим, что на производство бархата требуется гораздо меньше труда, чем прежде, и что стоимость его понизилась вдвое. Тогда богатство всех, кто покупал эти товары, увеличилось бы: один мог бы увеличить количество своей посуды, другой мог бы купить двойное количество бархата. Но на добавочное количество посуды и бархата они могли бы купить не больше труда, чем прежде, так как вследствие понижения стоимости бархата и посуды они должны были бы отдать пропорционально большую часть богатства этого рода, чтобы купить день труда. Итак, богатство не может быть измеряемо количеством труда, которое оно может купить.

Из всего сказанного следует, что богатство страны может возрастать двояким путем: 1) путем употребления более значительной части дохода на содержание производительного труда, который увеличил бы не только количество, но и стоимость всей массы товаров; 2) оно может быть увеличено, без затраты дополнительного количества труда, если то же самое количество труда станет более производительным и увеличит только количество, а не стоимость товаров.

В первом случае увеличилось бы не только богатство страны, — возросла бы также и стоимость этого богатства. Страна разбогатела бы путем бережливости, — она уменьшила бы расходы на предметы роскоши и употребила бы эти сбережения на воспроизводство.

* [«Богатство народов», кн. 1, гл. V. У Смита сказано: смотря по количеству труда, которым он может распорядиться или которое он в состоянии купить.]

Во втором случае не произошло бы ни уменьшения расходов на предметы роскоши и комфорта, ни увеличения количества затраченного производительного труда. То же самое количество труда производило бы больше продуктов: возросло бы богатство, но не стоимость. Из этих двух способов увеличения богатства следует предпочесть последний, так как он произведет тот же самый эффект и в то же время не будет сопровождаться лишениями и уменьшением предметов удобства, которые необходимо связаны с первым способом. Капитал представляет собой ту часть богатства страны, которая затрачивается в целях будущего производства и может быть увеличена тем же способом, что и богатство. Добавочный капитал будет оказывать одно и то же действие при производстве будущего богатства, — все равно, получается ли он путем усовершенствования техники и машин, или путем производительного употребления большей части дохода. Богатство ведь всегда зависит от количества произведенных товаров, без отношения к легкости, с какой могут быть доставлены орудия, занятые в производстве. Если данное количество предметов одежды и пищевых продуктов произведено трудом 100 человек, оно будет содержать и давать занятие тому же числу человек для выполнения того же количества работы, как и в том случае, если бы оно было произведено трудом 200 человек. Разница только в том, что это количество стоило бы вдвое больше, если бы на его производство затрачен был труд 200 человек.

Несмотря на поправки, сделанные Сэем в четвертом и последнем издании его труда—«*Traité d'économie politique*»,—мне кажется, что его определение богатства и стоимости в высшей степени неудачно. [Он считает эти два понятия синонимами. По его мнению, человек богат постольку, поскольку он увеличивает стоимость своего имущества и может распоряжаться большим количеством товаров. «Стоимость дохода возрастает в том случае,—замечает он,—если он может доставить—все равно, каким путем—большее количество продуктов». Сэй утверждает, что если трудность производства сукна увеличится в два раза и сукно будет обмениваться на вдвое большее количество товаров, чем прежде, то это значит, что стоимость его удвоилась. С этим положением я вполне согласен. Но если бы увеличилась легкость производства всех товаров и не возросла бы трудность производства сукна, если бы следовательно сукно, как и прежде, обменивалось на двойное количество товаров, то Сэй продолжал бы утверждать, что удвоилась стоимость сукна, тогда как, с моей точки зрения на этот предмет, он должен был бы сказать, что сукно сохранило свою прежнюю стоимость и что упала наполовину стоимость остальных товаров. Не противоречит ли Сэй себе, когда он говорит, что вследствие возросшей легкости производства два мешка хлеба могут быть произведены там, где прежде производился один, и что следовательно стоимость каждого мешка упадет наполовину, и вслед за этим утверждает, что фабрикант сукна, обменивающий свое сукно на два мешка хлеба, получает вдвое большую стоимость, чем прежде, когда он мог получить в обмен на свое сукно только один мешок хлеба. Если два мешка стоят столько же, сколько прежде

один, он очевидно получает ту же стоимость, но не больше. Он действительно получает двойное количество богатства, двойное количество полезности или двойное количество того, что Адам Смит называет потребительною стоимостью, но не двойное количество стоимости. Поэтому Сэй неправ, считая стоимость, богатство и полезность синонимами. И, действительно, я мог бы сослаться на многие места в труде Сэя, которые говорят в защиту моей теории о существенных различиях между стоимостью и богатством, но должен в то же время признать, что там встречаются также другие места, в которых он поддерживает противоположный взгляд. Я не в состоянии согласовать их друг с другом. Поэтому я решил отметить их и сопоставить, чтобы Сэй, если он окажет мне честь и обратит внимание на мои замечания, мог в одном из следующих изданий своего труда дать такие объяснения, которые устранили бы трудности, встреченные как мною, так и другими, при истолковании его взглядов.

1) При обмене двух продуктов мы в сущности обмениваем производительные услуги, с помощью которых они созданы стр. 504.

2) Дороговизна проистекает в действительности только от издержек производства. Вещь дорога лишь тогда, когда ее трудно производить стр. 497.

3) Стоимость всех производительных услуг, которые должны быть потреблены при производстве продукта, составляют издержки производства этого продукта стр. 505.

4) Спрос на товар определяется его полезностью, но размеры этого спроса ограничиваются издержками производства. Если его полезность недостаточна, для того чтобы он имел стоимость, покрывающую издержки его производства, то он не стоит того, что было на него затрачено, — доказательство, что затраченные на него производительные услуги могли быть с большей выгодой употреблены в другой отрасли производства. Собственники производительных фондов, те, которые имеют в своем распоряжении капитал, землю или труд, постоянно сравнивают издержки производства с меновой стоимостью, или, что сводится к тому же, стоимостью различных товаров относительно друг друга. В действительности издержки производства суть не что иное, как стоимость производительных услуг, посвященных производству товаров, а стоимость производительных услуг есть не что иное, как стоимость произведенного товара. Из этого следу-

ет, что стоимость товара, стоимость производительной услуги, стоимость издержек производства представляют эквивалентные стоимости, если только ничто не мешает естественному ходу вещей.

5) Стоимость дохода возрастает тогда, когда он может доставить (все равно каким способом) большее количество продуктов.

6) Цена есть мера стоимости вещей, а стоимость вещей есть мера их полезности т. II, стр. 4.

7) Обмен, совершаемый свободно, указывает для данного времени, места и состояния общества цену, которую мы придаем обмениваемым вещам стр. 466.

8) Производить—это значит создавать стоимость, придавая предмету полезность или увеличивая ее. Таким образом на него создается спрос, главная причина его стоимости т. II, стр. 487.

9) Созданная полезность представляет собою продукт. Происходящая отсюда меновая стоимость есть только мера полезности, мера совершившегося производства. стр. 490.

10) Полезность, которую население определенной страны находит в продукте, может быть оценена только с помощью цены, которую дает за него население стр. 502.

11) Эта цена есть мера полезности, которую она имеет по мнению людей, и мера удовлетворения, которое доставляет нам ее потребление. И, действительно, никто не потреблял бы эти полезности, если бы за ту же цену можно было достать большую

полезность или доставить себе большее удовольствие стр. 506

12) Количество всех других товаров, которое можно получить непо-

средственно в обмен на предмет, который мы желаем уступить, всегда составляет неоспоримую стоимость последнего т. II, стр. 4.

Если дороговизна в действительности проистекает только от издержек производства (см. п. 2), то каким образом может увеличиться стоимость товара (см. п. 5), если не увеличились издержки его производства? Неужели только потому, что он обменивается на большее количество дешевого товара, — на большее количество товара, издержки производства которого уменьшились? Если я за фунт золота даю в 2 000 раз больше сукна, чем за фунт железа, значит ли это, что полезность, которую я приписываю золоту, в 2 000 раз больше полезности железа? Конечно, нет. Это доказывает только, как соглашается, впрочем, и сам Сэй (см. п. 4), что издержки производства золота в 2 000 раз больше, чем издержки производства железа. Если бы издержки производства двух металлов были одинаковы, я дал бы за них одинаковую цену, но если бы мерой их стоимости служила полезность, я вероятно дал бы больше за железо. Именно конкуренция производителей, «которые постоянно сравнивают издержки производства со стоимостью произведенного предмета» (см. п. 4), регулирует стоимость различных товаров. Поэтому если я даю 1 шилл. за кусок хлеба и 21 шилл. за одну гинею, то это еще не служит доказательством, что такова именно, по моему мнению, сравнительная оценка их полезности.

В п. 4 Сэй почти без всяких изменений подтверждает защищаемую мною теорию стоимости. В свои производительные услуги он включает услуги, оказанные землею, капиталом и трудом; я включаю только капитал и труд и совершенно исключаю землю. Наше разногласие проистекает от различия наших взглядов на ренту: по моему мнению, рента есть результат частной монополии и не только не регулирует цену, но, скорее, сама является следствием ее. Я убежден, что если бы землевладельцы даже отказались от ренты, то произведения земли не стали бы дешевле, так как всегда существует часть этих произведений, которая добывается с земли, не платящей ренты, ибо прибавочный продукт достаточен только для уплаты прибыли на капитал.

Наконец я не могу также согласиться с Сэем, что стоимость какого-нибудь товара лучше всего измеряется количеством товаров, которые даются в обмен на него, хотя я высоко ценю все выгоды, которые проистекают для всех потребителей от изобилия и дешевизны товаров. Я вполне разделяю мнение такого замечательного писателя, как Дестю де-Траси, который говорит, что «для измерения какого-нибудь предмета требуется сравнить его с определенным количеством того предмета, которые мы принимаем за масштаб сравнения, за единицу меры. Следовательно, чтобы измерить длину, вес, стоимость, необходимо определить, сколько заключается в них метров, граммов, франков, одним словом, единиц того же рода». Франк был бы мерой стоимости не для всякого предмета, а только для количеств металла, из которого сделан франк, если бы он и предмет, подлежа-

щий измерению, не могли быть оба сравниваемы с другой мерой, общей для них обоих. Такая мера, по моему мнению, существует, так как обе они являются результатом труда. Следовательно труд есть общая мера, с помощью которой могут быть определены как действительная, так и относительная стоимость предметов. Я очень рад, что это мнение разделяется повидимому и Дестю де-Траси¹. Он говорит: «Так как вполне очевидно, что наши физические и духовные способности представляют наше единственное первоначальное богатство, то употребление этих способностей, всякого рода труд, является нашим единственным сокровищем. Только это употребление создает все предметы, которые мы называем богатством,—и предметы самой насущной необходимости, и предметы, служащие только для нашего удовольствия; ясно также, что все эти предметы представляют только труд, создавший их, и если они имеют стоимость или даже две различные стоимости, то она проистекает только от труда, от которого они происходят»]*.

¹ «Eléments d'idéologie», v. IV, p. 99. В этом труде де-Траси дал очень полезный и удовлетворительный очерк принципов политической экономии. Я должен только прибавить, к моему сожалению, что он поддерживает своим авторитетом определения, которые Сэй дал словам «стоимость», «богатство» и «полезность».

* Вместо стр. 175—178 (начиная от «он считает эти два понятия синонимами» и кончая «от труда, от которого они происходят») в первом и втором издании сказано было:

«Мне кажется, что Сэй был в высшей степени неудачлив в своем определении богатства и стоимости, данном в первой главе его прекрасного труда. Вот сущность его аргументации. «Богатство,—замечает он,—состоит только из вещей, имеющих сами по себе стоимость; богатство велико, если сумма стоимостей, из которых она составлена, велика. Богатство невелико, если сумма его стоимостей не велика. Две вещи, имеющие одинаковую стоимость, представляют равновеликие богатства. Они имеют одинаковую стоимость, если в силу общего соглашения они свободно обмениваются друг на друга. Так вот, если человечество приписывает стоимость вещи, то только в силу той пользы, которую можно извлечь из ее применения.... Эту способность удовлетворять различные нужды человечества, которую имеют известные вещи, я называю полезностью. Создавать предметы, которые имеют какую-либо стоимость, значит создавать богатство, так как полезность вещества—первооснова их стоимости, и именно стоимость вещей составляет богатство. Но мы не создаем предметы: все, что мы можем сделать, это воспроизводить материю в другой форме—мы можем ей придать полезность. Итак, производство есть создание не материи, а полезности, и последняя измеряется стоимостью, возникающей из полезности произведенного предмета. Полезность какого-либо предмета, согласно общей оценке, определяется количеством других товаров, на которые он может быть обменян. Это определение стоимости, возникающее из общей оценки, создаваемой обществом, составляет то, что Адам Смит называет меновой стоимостью, что Тюрго называет оценочной стоимостью и что мы более коротко назвали бы термином *стоимость*».

Вот в чем заключается мнение Сэя. Однако в своем анализе стоимости и богатства он смешивает две вещи, которые необходимо всегда различать и которые Адам Смит называет потребительной стоимостью и меновой стоимостью. Если при помощи усовершенствования машины я могу при том же количестве труда выработать две пары чулок вместо одной, я несколько не ущемляю полезность одной пары чулок, хотя я уменьшаю их стоимость. Если я тогда имею точно такое же количество сюртуков, башмаков, чулок и всех других вещей, как прежде, я имел бы точно такое же количество остальных предметов и был бы следовательно так же богат, если бы мерой богатства была полезность, но я имел бы меньшее количество стоимости, ибо мои чулки имели бы только по-

Говоря о достоинствах и недостатках великого труда Адама Смита, Сэй обвиняет его в том, что «он приписывает одному только труду человека способность производить стоимость. Более точный анализ показывает нам, что стоимость обязана своим происхождением соединенному действию труда или, скорее, трудолюбия человека, сил природы и капитала. Незнакомство Смита с этим принципом помешало ему установить истинную теорию влияния машин на производство богатства».

В противоположность Адаму Смиту, Сэй в четвертой главе говорит о стоимости, придаваемой товарам такими естественными факторами, как солнце, воздух, давление атмосферы и т. д., которые иногда заменяют труд человека, а иногда оказывают ему содействие в производстве¹. Но эти естественные факторы придают товарам только *потребительную стоимость*, а не меновую, о которой говорит Сэй. Как только с помощью машин или естественных наук мы заставляем силы природы выполнять работу, которая прежде совершалась человеком, то меновая стоимость этой работы понижается пропорционально этому содействию. Если до сих пор мельница приводилась в движение трудом 10 чел. и новое устройство позволяет заменить этот труд действием воздуха или воды, то стоимость муки, поскольку последняя является продуктом работы мельницы, понизится соответственно количеству сбереженного труда. Общество стало бы богаче на всю сумму товаров, которые могли бы быть произведены трудом 10 чел., так как фонд, назначенный на их содержание, несколько не уменьшился бы. [Сэй все время не замечает существенной разницы между потребительной стоимостью и меновой стоимостью]*.

ловину своей прежней стоимости. Поэтому полезность не может служить мерой меновой стоимости.

Когда мы спрашиваем господина Сэя, в чем заключается богатство, он отвечает нам, что это—владение предметами, имеющими стоимость. Когда мы затем спрашиваем его, что он подразумевает под стоимостью, он повествует нам, что предметы имеют стоимость постольку, поскольку они обладают полезностью. И когда мы снова просим его объяснить нам, каким путем мы можем судить о полезности предметов, он отвечает, что на основании их стоимости. Таким образом мерой стоимости служит полезность, а мерой полезности—стоимость».

¹ «Первый человек, который научился плавить металлы в огне, не был творцом стоимости, которую этот процесс придал расплавленному металлу. Эта стоимость является результатом физического действия огня, соединяющегося с предприимчивостью и капиталом тех людей, которые воспользовались этим открытием.

„Вследствие этой ошибки Смит сделал ложный вывод, что стоимость всех продуктов составляется из настоящего или прошлого труда человека, или, другими словами, что богатство есть только накопленный труд, а отсюда он делает другой, столь же ложный вывод, что труд есть единственное мерило богатства или стоимости продуктов“ (гл. IV, стр. 31). Выводы, которые приводит Сэй, принадлежат ему, а не доктору Смиту. Они верны, если не делать никакого различия между богатством и стоимостью, а в указанном месте Сэй не делает этого. Но хотя Адам Смит, по мнению которого богатство заключается в предметах необходимости, удобства и удовольствия, согласился бы, что машины и естественные факторы в значительной степени увеличивают богатство страны, он не мог бы согласиться с тем, что они прибавляют что-нибудь к стоимости этого богатства». [В первом и втором изданиях сказано: «к меновой стоимости».]

* [Вставка сделана во втором и третьем изданиях].

Сэй обвиняет далее доктора Смита в том, что последний не заметил стоимости, которая придается товарам естественными факторами и машинами, и утверждает, что все предметы получают свою стоимость от человеческого труда. Но этот упрек кажется мне неосновательным, так как Адам Смит всюду признает услуги, которые оказывают нам естественные факторы и машины. Но он точно различает природу стоимости, которую они придают товарам: они оказывают нам услуги, увеличивая количество продуктов, они делают человека более богатым, увеличивая количество потребительных стоимостей, но они выполняют эту работу даром, так как за пользование воздухом, теплом и водой мы ничего не платим. Поэтому содействие их ничего не прибавляет к меновой стоимости*.

* [В первом и втором изданиях дальше следовали несколько абзацев, выпущенных в третьем издании:

«В первой главе второй книги Сэй сам дает схожее определение стоимости, ибо он говорит, что «полезность есть основа стоимости, что товары являются предметом желанья, потому что они в той или другой форме полезны, но что их стоимость зависит не от их полезности, не от степени, в которой они представляют предмет желанья, но от количества труда, необходимого для их производства». «Полезность товара, понимаемая в таком смысле, делает его предметом человеческого желанья, заставляет стремиться к нему и определяет спрос на него. Если для получения воды достаточно пожелать ее, то она может быть рассматриваема как часть естественного богатства, данного человеку в неограниченном количестве и используемого им без всякой затраты на него; таковы — воздух, вода, свет солнца. Если бы он мог получить таким способом все предметы, удовлетворяющие его нужды и потребности, он был бы бесконечно богат: он не нуждался бы ни в чем. Но, к несчастью, дело обстоит иначе. Большая часть вещей, пригодных и приятных для него, равно как и те, которые ему безусловно необходимы в общественном состоянии, для которого человек по видимому специально создан, не достается ему даром; они могут быть получены только при помощи известного труда, употребления известного капитала и во многих случаях использования земли.

Это — препятствия на пути дарового пользования, препятствия, которые обуславливают реальную затрату производства, так как мы обязаны платить за содействие этих агентов производства». «Только в том случае, когда полезность была таким образом сообщена вещи (т. е. трудом, капиталом, землей), она становится продуктом и *представляет* стоимость. Именно ее полезность является основой спроса на нее, но *жертвы и тяготы, необходимые для получения ее, или, другими словами, ее цена* лимитирует размер этого спроса».

Путаница, которая возникает в результате смешивания термина «стоимость» и «богатство», лучше всего выявляется в следующих рассуждениях Сэя¹. Его ученик замечает: «Вы кроме того сказали, что богатства общества составляются из общей суммы стоимости, которыми оно владеет, мне кажется, что из этого следует, что снижение стоимости этого продукта, например чулок, уменьшая общую сумму стоимости, принадлежащей обществу, уменьшает массу его богатства».

На это дается следующий ответ: *сумма* общественного богатства еще не уменьшается в силу этого. Две пары чулок производятся теперь вместо одной, и две пары по 3 фр. представляют одинаковую стоимость с одной парой в 6 фр. Доход общества остается без изменения, потому что фабрикант заработал столько же на двух парах по 3 фр., сколько прежде на одной паре в 6 фр. Хотя господин Сэй и ошибается, но по крайней мере он последователен. Если стоимость есть мера богатства, то общество одинаково богато, потому что стоимость всех его товаров та же, что и прежде. Но обратимся к его выводам: «Но когда доход остается без изменения, а продукты падают в цене, общество действительно обогащается. Если то же самое понижение имеет место для всех

¹ Say, Catechisme d'économie politique, p. 99.

товаров в одно и то же время, что не является безусловно невозможным, то общество, получив для себя за половину прежней цены все предметы своего потребления, не потеряв ни одной части своего труда, стало бы действительно в два раза богаче, чем прежде, и могло бы купить двойное количество благ».

В первом случае нам говорят, что если каждая вещь упадет в силу изобилия до половины своей стоимости, то общество будет одинаково богато, потому что будет налицо одинаковое количество товаров по половинной цене, или, другими словами, будет налицо та же самая стоимость. В другом случае нам рассказывают, что путем удвоения количества товаров, хотя бы стоимость каждого товара уменьшилась наполовину и следовательно стоимость всех товаров вместе была бы точно такая же, как и прежде, общество станет вдвое богаче, чем прежде. В первом случае богатство оценивается количеством стоимости, во втором—оно оценивается изобилием товаров, способствующих человеческим наслаждениям. Господин Сэй говорит дальше, «что человек бесконечно богат, не имея стоимости, если он может за ничто получить все предметы, которых он желает», а в другой раз нам говорят, что «богатство состоит не в самих продуктах, ибо они не представляют богатства, если они не имеют стоимости, а в их стоимости» (отд. II, стр. 2).

ГЛАВА XXI

ВЛИЯНИЕ НАКОПЛЕНИЯ НА ПРИБЫЛЬ И ПРОЦЕНТ

Анализ прибыли с капитала, сделанный нами прежде, дает нам, кажется, право сделать вывод, что накопление капитала не может надолго понизить прибыль, если при этом не существует какой-либо постоянной причины, вызывающей повышение заработной платы. Если бы фонды на содержание труда удвоились, утроились или учетверились, то было бы не трудно найти требуемое количество рук, которые могли бы быть использованы с помощью этих фондов. Но, благодаря возрастающей трудности постоянно увеличивать количество пищевых продуктов страны, фонды, имеющие ту же стоимость, вероятно уже не будут достаточны для содержания того же количества труда. Если бы количество предметов необходимости рабочего могло возрастать с той же самой легкостью, то, в каких бы размерах ни происходило накопление капитала, норма прибыли или заработной платы не подвергалась бы постоянным изменениям. Однако Адам Смит не обращает никакого внимания на возрастающую трудность добывания пищи для добавочного числа рабочих, употребляемых добавочным капиталом, и всегда приписывает падение прибыли накоплению капитала и возникающей отсюда конкуренции. «Рост капитала, — говорит он, — повышая заработную плату, стремится понизить прибыль. Когда капиталы многих богатых торговцев устремляются в одну и ту же отрасль промышленности, их взаимная конкуренция естественно приводит к понижению их прибыли. А если этот рост капитала происходит одинаково во всех отраслях промышленности данного общества, то такая же конкуренция во всех отраслях приведет к тому же результату»*. Адам Смит говорит в этом месте о росте заработной платы, но рост этот — временный, вызываемый тем, что фонды на содержание труда возросли раньше, чем увеличилось население. Он повидимому не замечает, что в то самое время, когда возрос капитал, возросла в той же самой пропорции работа, выполняемая капиталом. Но Сэй уже очень удовлетворительно показал, что нет такой суммы капитала, которая не могла бы найти себе употребления в стране, потому что спрос ограничивается только производством. Каждый человек производит для продажи или для

* [«Богатство народов», кн. 1, гл. IX].

потребления, и он продает только с целью купить какой-нибудь другой товар, который мог бы быть ему непосредственно полезен или мог бы способствовать дальнейшему производству. Таким образом всякий производитель необходимо становится или потребителем собственных произведений или покупателем и потребителем товаров какого-нибудь другого производителя. Нельзя допустить, что он в течение долгого времени будет плохо осведомлен о том, какие товары он может производить с наибольшей выгодой для того, чтобы достичь своей цели, а именно, приобрести другие товары. Поэтому мало вероятно, что он продолжал бы производить товар, на который нет спроса¹.

Итак, всякая сумма капитала, накопленная в данной стране, может быть в ней употреблена производительно, кроме того случая, когда заработная плата вследствие роста цен на предметы необходимости повышается в очень сильной степени и для прибыли с капитала остается так мало, что исчезает всякое побуждение к накоплению². Пока прибыль с капитала высока, существует и побуждение к накоплению. Пока человек не удовлетворил еще вполне все свои потребности, он будет предъявлять спрос на большее количество товаров. И спрос этот будет действительным, пока он может предложить в обмен за них какую-нибудь новую стоимость. Если человеку, имеющему 100 тыс. ф. ст., предложат за них 10 тыс. ф. ст. ежегодно, то он не спрячет их в сундук; он или увеличит свои расходы на 10 тыс. ф. ст., или употребит их производительно, или наконец отдаст их для той же цели кому-нибудь взаймы. Во всяком случае спрос возрастет хотя бы и на различные предметы. Если он увеличил свои расходы, его действительный спрос вероятно направился бы на такие предметы, как дома, мебель или на какие-нибудь другие предметы комфорта. Если бы он употребил свои 10 тыс. ф. ст. производительно, то его действительный спрос направился бы на предметы пищи, одежду и сырой материал, которые дали бы занятие новым рабочим. Но и в том и в другом случае это был бы действительный спрос³.

¹ Адам Смит указывает на пример Голландии, где произошло понижение прибыли вследствие накопления капитала и переполнения им всех отраслей промышленности. «Правительство платит по займам 2%, а частные люди с хорошим кредитом получают деньги из 3%» (кн. 1, гл. IX). Но следует помнить, что Голландия вынуждена ввозить почти весь хлеб, потребляемый ею, и что вследствие обложения тяжелыми налогами предметов необходимости рабочего заработная плата там очень высока. Одни эти факты вполне достаточно объясняют низкую норму прибыли и процента в Голландии.

² Не противоречит ли следующее положение Сэя его же собственной теории? «Чем обильнее свободные капиталы в сравнении с возможностью найти для них употребление, тем больше падает норма процента на ссудный капитал» (т. II, стр. 108). Если любая сумма капитала может найти для себя в стране употребление, то можно ли сказать, что в стране слишком много капиталов в сравнении с возможностью найти для них употребление?

³ Адам Смит говорит: «Если продукт какой-нибудь отрасли промышленности превышает спрос на него в данной стране, то излишек может быть вывезен за границу и обменен на товар, на который в стране существует спрос. Без такого вывоза часть производительного труда должна была бы прекратиться, и стоимость годового продукта уменьшилась бы. Земля и труд Великобритании доставляют больше хлеба, шерстяных и металлических изделий, чем требуется внутренним рынком. Следовательно излишек их должен быть вывезен за гра-

Продукты всегда покупаются за продукты или услуги; деньги только служат орудием, посредством которого совершается этот обмен. Какой-нибудь отдельный товар может быть произведен в излишнем количестве, и рынок будет до такой степени переполнен, что не будет даже оплачен капитал, затраченный на этот товар. Но это не может случиться одновременно со всеми товарами. Спрос на хлеб ограничивается числом ртов, которые должны есть его, спрос на башмаки и сюртуки—числом лиц, которые будут их носить. Правда, общество—или часть общества—могло бы иметь столько хлеба и столько шляп и башмаков, сколько оно может или желает потребить. Но этого нельзя сказать о всех предметах, производимых природой или искусством. Некоторые потребляли бы большее количество вина, если бы они имели средства на приобретение его. Другие, у которых имеется достаточно вина, хотели бы увеличить количество или улучшить качество своей мебели. Третьи наконец желали бы украсить свои парки или расширить свои дома. Желание сделать все это или что-нибудь подобное присуще всякому человеку; для этого требуются лишь средства, а эти средства могут быть доставлены только производством. Если бы я имел в своем распоряжении предметы пищи и необходимости, мне не трудно было бы найти рабочих, которые произвели бы наиболее полезные или наиболее желательные для меня предметы.

Понизится ли прибыль вследствие возрастания производства и вызванного этим расширения спроса или нет—зависит исключительно от роста заработной платы, а повышение последней, за исключением короткого периода, зависит в свою очередь от легкости производства предметов пищи и необходимости рабочего. Я говорю: за исключением короткого периода, потому что нет никакого сомнения, трудно найти лучше доказанное положение, чем то, что предложение рабочих всегда в конце концов приспособляется к средствам на их содержание.

Есть только один случай, да и тот временный, в котором накопление капитала, при низкой цене пищевых продуктов, может привести к понижению прибыли. Это бывает тогда, когда фонды на содержание труда возрастают гораздо быстрее, чем население: заработная плата в этом случае будет высока, а прибыль низка. Если бы каждый человек отказался от потребления предметов роскоши и думал только о накоплении, то вполне возможно, что было бы произведено такое большое количество предметов необходимости, которое не могло бы немедлен-

ницу и обменен там на товары, на которые имеется спрос внутри страны. Только путем такого вывоза излишек приобретает стоимость, достаточную для вознаграждения за труд и издержки его производства» (кн. 2, гл. V). Цитированное место наводит на мысль, что, по мнению Адама Смита, мы почему-то вынуждены производить излишек хлеба, шерстяных и металлических изделий и что капитал, произведший эти товары, не мог бы найти другое употребление. Но в действительности только от нас зависит выбор способа употребления капитала, и поэтому не может быть излишка товара в течение сколько-нибудь продолжительного времени. В противном случае цена его упала бы ниже своего естественного уровня, и капитал переместился бы в более выгодное занятие. Ни один писатель не показал так хорошо и талантливо, как Адам Смит, что капитал имеет всегда тенденцию уходить из таких отраслей промышленности, в которых цена произведенных товаров не оплачивает всех издержек, включая обычную прибыль по их производству и доставке на рынок (кн. 1, гл. X).

но найти потребителей. Нет сомнения, что за этим последовало бы общее переполнение рынка такими товарами, что следовательно не было бы спроса на добавочное количество их и употребление дополнительного капитала не дало бы прибыли. Если бы люди перестали потреблять, они перестали бы производить. Это исключение не уничтожает общего правила. Трудно предположить, что в такой стране, как например Англия, есть расположение посвятить весь капитал и труд страны на производство одних только предметов необходимости.

Если торговцы вкладывают свои капиталы во внешнюю или транзитную торговлю, то они поступают так не в силу необходимости, а в силу свободного выбора; они делают это потому, что прибыль в этой отрасли торговли несколько выше, чем во внутренней.

Адам Смит справедливо заметил: «Потребность в пище отдельного человека ограничена всегда тесными пределами человеческого желудка, но стремление к комфорту и украшениям, желание иметь хорошую квартиру, наряды, экипажи и обстановку, кажется, вовсе не знает границ или, по крайней мере, определенных границ»*. Поэтому природа неизбежно ограничивает размеры капитала, который может быть с выгодой затрачен на земледелие, но она не поставила никаких границ размерам капитала, который может быть затрачен на производство предметов житейского удобства и комфорта. Доставить себе максимальное количество этих удобств—вот цель, которая имеется в виду. И только потому, что внешняя или транзитная торговля приводит к этой цели скорее, люди предпочитают затратить свои капиталы на эти отрасли торговли, а не на производство требуемых товаров или их суррогатов внутри самой страны. Но если какие-нибудь особенные обстоятельства помешают нам вложить капитал во внешнюю или транзитную торговлю, мы должны будем, хотя и с меньшей выгодой, найти ему употребление внутри страны. А так как «стремление к комфорту и украшениям, желание иметь хорошую квартиру, наряды, экипажи и обстановку» не знает никаких границ, то и размеры капитала, который может быть затрачен на их производство, не знают никаких других пределов, кроме тех, которые ставятся размерами наших средств на содержание рабочих, производящих эти предметы.

Но Адам Смит думает, что транзитная торговля является делом не свободного выбора, а необходимости, как будто капитал, который не был бы вложен в нее, остался бы иначе без употребления, как будто капитал, вложенный во внутреннюю торговлю, сейчас переполнил бы ее каналы, если бы количество его не было ограничено известными пределами. Он говорит: «Если капитал какой-нибудь страны возрос до такой степени, что он *уже не может быть весь употреблен на производство средств потребления и содержания производительного труда этой отдельной страны*, то излишек этого капитала само собою направляется в транзитную торговлю и оказывает там такие же услуги другим странам».

«Ежегодно на часть прибавочного продукта британской промыш-

* [«Богатство народов», кн. 1, гл. XI].

ленности покупается около 96 тыс. бочек табаку. Но спрос самой Великобритании составляет, быть может, не больше 14 тыс. Следовательно, если бы остаток 82 тыс. бочек не был вывезен за границу и не был обменен на товар, на который имеется спрос внутри страны, то ввоз табаку немедленно прекратился бы, а вместе с ним прекратился бы и производительный труд жителей Великобритании, занимающихся производством товаров, на которые ежегодно покупаются 82 тыс. бочек табаку»*. Но разве эта часть производительного труда не могла быть употреблена на производство какого-нибудь другого товара, на который можно было бы купить что-нибудь более необходимое для страны? А если бы это было невозможно, то разве мы не могли бы употребить этот производительный труд, хотя бы и с меньшей выгодой, на производство товаров, на которые имеется спрос в стране, или, по крайней мере, их суррогатов. Если бы мы нуждались в бархате, то разве мы не могли бы попробовать сами заняться его производством? А если бы нам это не удалось, то разве мы не могли бы производить больше сукна или других предметов, на которые существует спрос?

Мы производим товары и на них покупаем товары за границей, потому что мы можем этим путем получить более значительное количество таких товаров, чем если бы мы производили их внутри страны. Отнимите у нас эту торговлю, и мы опять начнем сами производить такие товары. Но приведенное мнение Адама Смита противоречит его общему взгляду на этот предмет. «Если чужая страна может доставлять нам известный товар дешевле, чем мы можем его производить, то лучше покупать его на часть продукта нашей собственной промышленности, в которой мы пользуемся преимуществами. *Вся промышленная деятельность страны, всегда находящаяся в соответствии с капиталом, который приводит ее в движение, нисколько не уменьшится, и ей придется только найти способ для наиболее выгодного употребления своего капитала*»**.

Далее. «Следовательно те, кто имеет в своем распоряжении больше предметов пищи, чем они могут потребить, всегда готовы обменять свой излишек, или, — что то же самое, — цену его, на другие предметы потребления. Все, что остается после удовлетворения потребностей, ограниченных в их размерах, пойдет на удовлетворение тех желаний, которые не могут быть вполне удовлетворены и повидимому не имеют никаких границ. Бедняки, нуждающиеся в куске хлеба, напрягают свои силы, чтобы выполнять прихоти богачей. И они стараются превзойти друг друга по части дешевизны и совершенства своих произведений, чтобы обеспечить себе этот кусок хлеба. Число рабочих возрастает вместе с увеличением количества пищевых продуктов или вместе с усовершенствованием и расширением земледелия. А так как характер их занятий допускает самое детальное разделение труда, то количество материала, который они могут обработать, возрастает в большей пропорции, чем их численность. Вследствие этого возни-

* [Кн. II, гл. V].

** [Кн. IV, гл. II].

кает спрос на всякого рода материалы, которые человеческая изобретательность может использовать для производства полезных предметов или предметов украшения, как например зданий, нарядов, экипажей или мебели, усиливается спрос на металлы и минералы, скрытые в недрах земли, драгоценные металлы и драгоценные камни»*.

[Из всего сказанного следует, что нет никаких границ для спроса, а следовательно и для употребления капитала, пока он приносит прибыль, что в каком бы изобилии ни имелся капитал, нет никакой другой причины, по которой могла бы падать прибыль, кроме повышения заработной платы. Следует прибавить еще, что единственной, действительной и постоянной причиной повышения заработной платы является возрастающая трудность добывания пищи и предметов необходимости для возросшего числа рабочих]**.

Адам Смит справедливо заметил, что в высшей степени трудно определить норму прибыли с капитала. «Прибыль так сильно колеблется, что установить ее среднюю норму трудно даже в отдельной отрасли промышленности, тем более во всей промышленности вообще. И совершенно невозможно составить себе сколько-нибудь точное представление о том, какова она была раньше или в более отдаленную эпоху»***. Но так как очевидно, что за пользование деньгами будут платить тем больше, чем больше можно сделать с помощью этих денег, то он полагает, что «рыночная норма процента может дать нам некоторое понятие о норме прибыли, а история движения процента может дать нам понятие об истории движения прибыли»***. Нет сомнения, что, если бы нам хорошо была известна рыночная норма процента за значительный период времени, мы имели бы приблизительно верный критерий для определения движения прибыли.

Но во всех странах правительство, руководясь ошибочными принципами политики, вмешивалось в этот процесс. Оно мешало установиться справедливой и свободной рыночной норме процента, налагая тяжелые и разорительные штрафы на всех, кто взимал более высокий процент, чем установленный законами. Во всех странах такие законы вероятно обходились, но история дает нам очень мало сведений об этом предмете. Сохранившиеся записи скорее отмечают законный и постоянный процент, чем рыночную его норму. В продолжение последней войны билеты казначейства и морского ведомства часто учитывались из такого высокого процента, что доставляли их покупателям 7, 8% или даже еще больше на затраченные деньги. Правительство заключало займы более чем из 6%, а частные лица бывали зачастую вынуждены с помощью всяких обходов платить более 10% по своим займам. А между тем в течение всего этого периода законная норма процента все время составляла неизменно 5%. Таким образом, мы можем очень мало полагаться на то, что считается законным и постоянным процентом, раз он так сильно отличается от рыночной нормы. Адам Смит сообщает нам, что, начиная с 37-го года царствования Ген-

* [Кн. 1, гл. XI].

** [Вставка во втором и третьем изданиях].

*** [Кн. 1, гл. IX. Эта и следующая цитата представляют не буквальное воспроизведение текста, а только изложение].

риха VIII до 21-го года царствования Якова I, законную норму процента составляли 10%. Вскоре после реставрации она понизилась до 6%, а в 12-й год царствования Анны до 5%. Он предполагает, что законная норма следовала за рыночной, а не наоборот. До американской войны английское правительство заключало займы из 3%, а люди с кредитом как в столице, так и во многих других частях королевства могли иметь деньги из 3½, 4 и 4½%*.

Но хотя норма процента всегда регулируется в конечном счете нормой прибыли, она может временно изменяться еще и в силу других причин. С каждым изменением в количестве и стоимости денег изменяются естественно и цены товаров. Как мы уже показали раньше, они изменяются также вследствие колебаний спроса и предложения, хотя бы при этом трудность производства не увеличилась и не уменьшилась. Когда рыночные цены товаров падают вследствие роста предложения, или вследствие уменьшения спроса, или вследствие повышения стоимости денег, фабрикант, естественно, скопляет у себя необычное количество готовых товаров, так как он не желает продавать их по слишком низким ценам. И вот, чтобы заплатить по векселям, которые он прежде покрывал продажей товаров, он прибегает к кредиту, за который ему приходится давать повышенный процент. Однако это только временное явление: или расчеты фабриканта были основательны, и рыночная цена опять поднимется, или он убеждается, что уменьшение спроса будет продолжаться, и он уже больше не борется с новым ходом торговых дел. Тогда цены падают, и стоимость денег, точно так же как и проценты, возвращается к своему прежнему уровню. Если вследствие открытия нового рудника, злоупотреблений банков или в силу какой-нибудь другой причины количество денег значительно увеличивается, то, в результате этого процесса, цены товаров повысятся пропорционально увеличению количества денег. Но при этом вероятно имеется всегда промежуток времени, в течение которого норма процента также испытывает некоторое изменение.

Курс государственных фондов не может служить постоянным критерием для определения нормы процента. Во время войны фондовый рынок в значительной степени обременяется непрерывными займами правительства, и курсы ценных бумаг не имеют достаточно времени, чтобы установиться на надлежащем уровне, так как каждая новая финансовая операция или ожидание внезапных политических осложнений колеблют их курс. Напротив, в мирное время погашение части займов, нежелание целого разряда лиц изменить способ употребления своих средств и отказаться от старого, который они считают наиболее верным и при котором они получают свои дивиденды в высшей степени регулярно, — все это, вместе взятое, приводит к повышению курса ценных бумаг и следовательно понижает процент на них в сравнении с его общей рыночной нормой. Кроме того следует заметить, что правительство платит не одинаковый процент за разные ценные бумаги. В то время как капитал в 100 ф. ст. в пятипроцентных бумагах продается за 95 ф. ст., билет казначейства в 100 ф. ст. иногда продается

* [Кн. I, гл. IX].

за 100 ф. ст. 5 шилл., хотя билет казначейства приносит в год не больше 4 ф. ст. 11 шилл. 3 пенсов. Таким образом одна бумага при указанных ценах приносит ее покупателю более $5\frac{1}{4}\%$, а другая лишь немного более $4\frac{1}{4}\%$. Дело в том, что банкиры предъявляют спрос на известное количество билетов казначейства, как на верное и легко реализуемое помещение для денег. Но если бы количество билетов казначейства превысило спрос на них, они подверглись бы такому же обесценению, как и пятипроцентные бумаги. Бумага, приносящая ежегодно 3%, будет всегда продаваться по относительно более высокой цене, чем пятипроцентная, потому что капитальная сумма долга и той и другой может быть уплачена только *al pari*, т. е. по 100 ф. ст. монетой за 100 ф. ст. в бумагах. Рыночная норма процента может упасть до четырех, и правительство предложит тогда держателю пятипроцентных бумаг получить назад свои 100 ф. ст., если он не согласен получать только 4% или немного меньше 5%. Но правительству было бы невыгодно обратиться с таким предложением к держателю трехпроцентных бумаг, если только рыночная норма процента не упала ниже 3%. Для уплаты процентов по национальному долгу из обращения четыре раза в год извлекаются на несколько дней огромные суммы. Но так как этот спрос на деньги является только временным, то он редко затрагивает цены. Обыкновенно он удовлетворяется путем уплаты более высокой нормы процента¹.

¹ «Государственные займы всякого рода,—замечает Сэй,—сопровождаются неудобствами в том отношении, что они отвлекают капитал или части капитала от производительного употребления, чтобы посвятить его потреблению, а если они заключаются в стране, *правительство которой не внушает большого доверия*, они, кроме того, влекут за собою и такое неудобство, как повышение процента на капитал. Кто согласится ссужать свой капитал сельскому хозяину, фабриканту или торговцу из 5%, когда он может найти заемщика, который ему готов платить 7 или 8%? Таким образом, тот вид дохода, который называется прибылью на капитал, увеличился бы в ущерб потребителям. Повышение цены продуктов сократило бы их потребление. Кроме того, понизился бы спрос на другие производительные услуги, и они оплачивались бы хуже». На вопрос: «Кто согласится ссужать свой капитал сельскому хозяину, фабриканту или торговцу из 5%, когда он может найти заемщика, который ему готов платить 7 или 8%», я отвечаю, что согласится всякий благоразумный и рассудительный человек. Если норма процента составляет там, где заимодавец рискует очень сильно, 7 или 8%, то почему эта норма должна быть также высока в тех местах, где такого риска нет? Сэй допускает, что норма процента зависит от нормы прибыли, но из этого еще не следует, что норма прибыли зависит от нормы процента. Первая является причиной, вторая—следствием, и никакие обстоятельства не могут заставить их поменяться местами.

ГЛАВА XXII

ПРЕМИИ ЗА ВЫВОЗ И ЗАПРЕЩЕНИЯ ВВОЗА

Премия за вывоз хлеба имеет тенденцию понижать его цену для иностранного потребителя, но она не оказывает постоянного действия на цену его на внутреннем рынке.

Предположим, что цена хлеба, при которой на капитал получается обычная средняя прибыль, должна составлять в Англии 4 ф. ст. за квартал. В этом случае невозможно было бы вывозить хлеб в такие страны, где он продается по 3 ф. ст. 15 шилл. за квартал. Но если бы за вывоз хлеба выдавалась премия в 10 шилл. с квартала, то хлеб мог бы продаваться на внешнем рынке за 3 ф. ст. 10 шилл. Следовательно производитель хлеба получит одинаковую прибыль, будет ли он продавать свой хлеб за 3 ф. ст. 10 шилл. на внешнем или за 4 ф. ст. на внутреннем рынке.

Таким образом, премия, которая понизила бы цену, по которой британский хлеб продается в чужих странах, ниже издержек производства хлеба в них, увеличила бы конечно спрос на британский хлеб и уменьшила бы спрос на туземный. Такое возрастание спроса на британский хлеб не преминуло бы повесить временно цену его на внутреннем рынке и помешало бы на все это время падению цены его на внешнем рынке, которое является следствием премии за вывоз. Но причины, влияющие таким образом на рыночную цену хлеба в Англии, не произвели бы никакого действия на его естественную цену или на действительные издержки производства. На производство хлеба не требовалось бы больше капитала или больше труда. Следовательно, если прибыль на капитал фермера до того времени равнялась прибыли на капитал других промышленников, то после повышения цен она поднялась бы значительно выше этого уровня. Повышая прибыль на капитал фермера, премия поощряет развитие земледелия, и поэтому капитал будет извлекаться из обрабатывающей промышленности и переводиться в земледелие, пока не будет удовлетворен увеличившийся спрос для потребности внешнего рынка. Тогда на внутреннем рынке опять установится естественная и необходимая цена хлеба, а прибыль вернется к своему обычному уровню. Возрастание предложения зерна окажет свое действие на внешний рынок: оно понизит цену зерна в той стране, в которую оно вывозится, и следовательно понизит также прибыль

экспортера до самой низкой нормы, при которой он только согласится продолжать торговлю.

Итак, главным результатом премии за вывоз хлеба является не повышение или понижение цены его на внутреннем рынке, а понижение цены его для иностранного потребителя. При этом цена может понизиться на всю сумму премии, если она прежде не была на внешнем рынке ниже, чем на внутреннем, и в меньшей степени, если цена хлеба на внутреннем рынке была выше цены его на внешнем рынке.

Автор статьи о премиях за вывоз хлеба¹ очень ясно показал, какое влияние они имеют на спрос внутри страны и за границей. Он также справедливо заметил; что они не могут не способствовать развитию земледелия в экспортирующей стране, но он повидимому усвоил себе ошибочный взгляд, который уже ввел в заблуждение д-ра Смита и многих других писателей, занимавшихся этим предметом. По его мнению, цена хлеба,—именно потому, что она, в конечном счете, регулирует заработную плату,—определяет также цену всех товаров.

Он говорит: «Повышая прибыль фермеров, премия поощряет развитие сельского хозяйства. Повышая цену хлеба для потребителей внутри страны, она на время уменьшает их покупательную силу по отношению к предметам необходимости и сокращает таким образом их реальное богатство. Очевидно однако, что последнее действие может быть только временным: заработная плата потребителей-рабочих была уже раньше определена путем конкуренции, и та же самая причина восстановит старую норму, так как она увеличит денежную цену труда и, *через ее посредство, цены всех других товаров в соответствии с денежной ценой хлеба.* Следовательно премия за вывоз в конце концов повысит денежную цену хлеба на внутреннем рынке, но не прямым путем, а через посредство расширившегося спроса на иностранном рынке и последовавшего за этим повышения действительной цены хлеба внутри самой страны. *А это повышение денежной цены, как только оно распространится на другие товары, не преминет конечно упрочиться.*»

Но если мне удалось показать, что возрастание денежной заработной платы не повышает цены товаров, а только уменьшает прибыль, то из этого следует, что премия никогда не может привести к повышению цен.

Временное повышение цены хлеба, вызванное увеличением заграничного спроса, не произведет никакого действия на денежную заработную плату. Повышение цены хлеба вызывается борьбой за то количество его, которое поступает в продажу,—количество, которое прежде предназначалось исключительно для внутреннего рынка. Рост прибыли привлекает в земледелие добавочный капитал, и в результате предложение увеличивается. Но, пока не произойдет это увеличение, высокая цена является безусловной необходимостью, чтобы восстановить равновесие между потреблением и предложе-

¹ «Edinburgh Review», v. V.

нием, нарушенное вследствие повышения заработной платы. Повышение цены хлеба является следствием недостаточности запасов его и служит в то же время средством для уменьшения спроса со стороны покупателей внутри страны. Если бы заработная плата возросла, увеличилась бы также конкуренция, и опять явилась бы необходимость в дальнейшем повышении цены хлеба. До сих пор при исследовании действия, производимого премией, мы не принимали в расчет какое-либо изменение в естественной цене хлеба, которою в конце концов определяется его рыночная цена. Мы ни разу не предположили, что для получения данного количества продукта требуется приложение добавочного количества труда, а между тем только последнее обстоятельство может вызвать повышение естественной цены хлеба. Если бы естественная цена сукна составляла 20 шилл. за ярд, то расширение заграничного спроса могло бы увеличить его цену до 25 шилл. или даже больше, но прибыль, полученная фабрикантом сукон, не преминула бы привлечь капитал в производство сукна, и, хотя бы спрос удвоился, утроился или даже учетверился, необходимое количество сукна в конце концов было бы получено, а следовательно цена сукна опять понизилась бы до его естественной цены, до 20 шилл. за ярд. Так, хотя бы мы ежегодно вывозили 200 тыс., 300 тыс. или 800 тыс. кварталов хлеба, необходимое количество его в конце концов производилось бы по естественной цене, которая изменяется только с изменением количества труда, требующегося для производства хлеба.

Быть может, ни одна часть знаменитого труда Адама Смита не дает повода к стольким возражениям, как именно глава о премиях. Во-первых, он говорит о хлебе как о товаре, производство которого не может увеличиться вследствие премии за вывоз; он постоянно предполагает, что премия действует только на уже произведенное количество хлеба и не служит стимулом к дальнейшему производству. «В урожайные годы,—говорит он,—премия чрезвычайно усиливает вывоз хлеба и удерживает цену его на внутреннем рынке на более высоком уровне, чем тот, до которого она упала бы при естественном ходе вещей. Хотя выдача премии в неурожайные годы часто прекращается, все-таки экстраординарный вывоз, вызываемый премией в урожайные годы, мешает в большей или меньшей степени тому, чтобы избыток хлеба в течение одного года покрывал недостаток хлеба в другие годы. Следовательно премия как в урожайные годы, так и в неурожайные годы имеет тенденцию повышать денежную цену хлеба на внутреннем рынке выше того уровня, на котором она находилась бы при других условиях»¹.

¹ В другом месте он говорит: «Как бы ни было велико расширение иностранного рынка, вызванное премией, оно всегда совершается за счет внутреннего, так как всякий бушель хлеба, вывезенный вследствие премии, при отсутствии последней оставался бы на внутреннем рынке, увеличивая потребление и понижая цену хлеба. Следует заметить, что премия за вывоз хлеба, как и всякая другая премия за вывоз, налагает на население два различных налога: во-первых, налог, который оно должно вносить на уплату премии, и, во-вторых, налог, который возникает вследствие повышения цены товара на внутреннем

Адам Смит повидимому прекрасно знал, что правильность его аргументации всецело зависит от решения вопроса, будет ли действительно способствовать расширению производства повышение денежной цены хлеба, делающее производство этого товара более прибыльным для фермера.

«Я отвечаю,—говорит он,—что это произошло бы в том случае, если бы премия вызвала повышение действительной цены хлеба или если бы она позволила фермеру, при помощи того же самого количества хлеба, содержать более значительное число рабочих так же щедро, умеренно или скудно, как рабочие вообще содержатся в его округе»*.

Если бы рабочий потреблял только хлеб и если бы он получал часть, которой едва хватало бы на поддержание его жизни, то мы имели бы некоторые основания предполагать, что количество, уплачиваемое рабочему, ни при каких условиях не может быть уменьшено. Но на самом деле денежная заработная плата иногда совсем не повышается и никогда не повышается прямо пропорционально денежной цене хлеба по той причине, что хлеб составляет, правда, очень важный предмет потребления рабочего, но все же не единственный. Если бы одна половина заработной платы тратилась на хлеб, а другая—на мыло, свечи, топливо, чай, сахар, одежду и т. д., т. е. на такие товары, цена которых, по нашему предположению, не повысилась, то очевидно, что заработная плата рабочего будет вполне одинакова, получает ли он полтора бушеля пшеницы при цене ее в 16 шилл. за бушель или 2 бушеля при цене пшеницы в 8 шилл. за бушель, получает ли он деньгами 24 шилл. или 16 шилл. Его заработная плата возросла бы только на 50%, хотя цена хлеба увеличилась на 100%. Следовательно было бы вполне достаточное побуждение привлечь больше капиталов к обработке земли, если прибыль в других отраслях промышленности остается на том же уровне. Но такое повышение заработной платы побудило бы также фабрикантов извлечь свои капиталы из мануфактурной промышленности и употребить их на обработку земли. В то время как фермер поднял бы цену своих произведений на 100%, а заработную плату только на 50, фабрикант был бы также вынужден повысить заработную плату на 50%, но за это увеличение издержек производства он не получил бы никакого вознаграждения в форме повышения цены

рынке и в данном случае, т. е. при премии за вывоз хлеба, уплачивается всем народом, так как хлеб потребляется всем населением. Следовательно, когда мы имеем дело с таким своеобразным товаром, как хлеб, второй налог является наиболее тяжелым». «Итак, на каждые 5 шилл., которые население вносит для уплаты первого налога, оно должно вносить еще 6 ф. ст. 4 шилл. на уплату второго налога». «Таким образом экстраординарный вывоз хлеба, вызванный премией, уменьшает ежегодно внутренний рынок и потребление ровно настолько, насколько он расширяет внешний рынок и потребление; кроме того, ограничивая население и промышленность страны, он имеет еще тенденцию ограничивать и задерживать постепенное расширение внутреннего рынка, и таким путем он с течением времени скорее уменьшает, чем увеличивает весь рынок и потребление хлеба» [кн. 4, гл. V].

* [Кн. 4, гл. V].

его изделий. Вследствие этого капитал начнет приливать из обрабатывающей промышленности в земледелие, пока предложение не понизит опять цену хлеба до 8 шилл. за бушель, а заработную плату до 16 шилл. в неделю. Тогда фабрикант будет получать такую же прибыль, как и фермер, и передвижение капитала из одной отрасли в другую прекратится. Таков в действительности путь, которым идет расширение земледелия и которым удовлетворяются расширившиеся нужды рынка. Фонд на содержание труда возрастает, и заработная плата поднимается. Благоприятное положение рабочего вызывает в нем стремление к женитьбе,—население увеличивается, и спрос на хлеб поднимает его цену в сравнении с другими товарами. Тогда капитал в земледелии приносит более высокую прибыль, и он приливает в эту отрасль производства до тех пор, пока предложение не сравняется с спросом и цены опять упадут, пока наконец прибыль в обрабатывающей промышленности опять сравняется с прибылью в земледелии.

Но сохранит ли заработная плата, после повышения цены хлеба, свои прежние размеры или она так же поднимется, в умеренной или очень сильной степени,—все это не имеет в этом случае никакого значения, потому что заработная плата выдается одинаково и фабрикантом и фермером. Следовательно в этом отношении повышение цены хлеба одинаково затрагивает и того и другого. Но совершенно иначе отражается это повышение на их прибыли: фермер продает свой товар по повышенной цене, тогда как фабрикант продает свои изделия по старой цене. А между тем именно различие в норме прибыли является всегда стимулом к передвижению капитала из одного занятия в другое. Вот почему будет производиться больше хлеба и меньше мануфактурных изделий. Цена последних не будет увеличиваться, потому что производство их уменьшится, и они отчасти будут получаться в обмен за экспортируемый хлеб.

Если премия увеличивает цену хлеба, то она или повышает ее в сравнении с ценами других товаров, или не повышает. В первом случае нельзя отрицать, что прибыль фермера значительно повысится и что капитал будет приливать в земледелие, пока цена хлеба не понизится опять вследствие более обильного предложения. Но если премия не повышает цены хлеба в сравнении с ценами других товаров, то какой убыток терпит туземный потребитель кроме неудобства, которое сопряжено с уплатою налога? Если фабрикант платит более высокую цену за свой хлеб, то он получает вознаграждение в повышенной цене, по которой он продает свой товар, а за этот товар он в конце концов покупает свой хлеб.

Ошибка Адама Смита вытекает из того же самого источника, что и ошибка автора статьи в «*Edinburgh Review*». Оба они одинаково думают, что «денежная цена хлеба регулирует цену всех других товаров, производимых внутри страны»¹. «Она регулирует,—говорит Адам Смит,—денежную цену труда. Последняя должна быть такова, чтобы рабочий мог купить количество хлеба, достаточное для содер-

¹ Того же взгляда придерживается и Сэй (т. II, стр. 335).

жания его самого и его семьи. Смотри по тому, переживает ли общество состояние прогресса, застоя или упадка, предприниматель вынужден давать рабочему щедрое, умеренное или скудное содержание. Регулируя денежную цену всех остальных сырых произведений, денежная цена хлеба регулирует также цену материалов почти всех мануфактур. Определяя денежную цену труда, она определяет вместе с тем и цену труда в обрабатывающей и художественной промышленности. А регулируя и ту и другую, она регулирует тем самым цену произведений всей промышленности. *Денежная цена труда и всякого предмета, являющегося продуктом земли или труда, должна необходимо повышаться или понижаться в соответствии с денежной ценой хлеба**.

Я уже прежде пытался опровергнуть это мнение Адама Смита. Считая повышение цен товаров необходимым последствием повышения цены хлеба, он рассуждает так, как будто нет другого фонда, из которого может быть уплачена эта прибавка к цене. Он совершенно пренебрег исследованием прибыли, а между тем именно за счет прибыли, без повышения цены товаров, и образуется упомянутый фонд. Если бы мнение доктора Смита было вполне обосновано, то прибыль никогда не могла бы понизиться, несмотря на самое сильное накопление капитала. Если при повышении заработной платы фермер может повысить цену своего хлеба, если фабриканты сукна, шляп, обуви и все другие фабриканты могут также повысить цены своих товаров в соответствии с повышением заработной платы, то, хотя бы денежная цена всех этих товаров увеличилась, их относительная стоимость продолжала бы оставаться неизменной. Представитель каждой из этих отраслей промышленности получил бы такое же количество товаров, произведенных в других отраслях, как и прежде. А именно это обстоятельство больше всего интересует их, так как не деньги, а товары составляют богатство. Таким образом повышение цен сырых произведений и других товаров было бы убыточно только для тех лиц, имущество которых состоит из золота и серебра или которые получают свой ежегодный доход в виде определенного количества этих металлов в форме слитков или монеты. Предположим, что люди отказались от употребления денег и что вся торговля совершается путем непосредственного обмена. Могла ли бы при таких обстоятельствах подняться меновая стоимость хлеба по отношению к другим предметам? Если бы могла, то неверно, что стоимость хлеба регулирует стоимость всех других товаров, так как для этого необходимо было бы, чтобы его относительная стоимость не изменялась. Если бы не могла, то мы имели бы право утверждать, что все равно, получался ли бы хлеб с хорошей или плохой земли, при помощи большого количества труда или малого, он всегда будет обмениваться на одинаковое количество всех других товаров.

Но хотя общее учение Адама Смита находится в полном согласии с только что цитированным местом, следует все-таки заметить, что в одной из частей своего труда он повидимому дает правильное

* [Кн. 4, гл. V].

представление о природе стоимости. «Отношение между стоимостью золота и серебра и стоимостью товаров всякого рода *зависит во всех случаях*,—говорит он,—*от отношения между количеством труда, необходимого для доставки известного количества золота и серебра на рынок, и количеством труда, необходимого для доставки туда же определенного количества всякого другого товара*»*. Разве он не признает в этом месте вполне, что если увеличивается количество труда, необходимого для доставки товаров одного рода, то при условии, что не изменилось количество труда, необходимого для доставки туда же товаров другого рода, необходимо возрастет относительная стоимость первого товара? Если на доставку на рынок сукна или золота требовалось бы не больше труда, чем прежде, то их относительная стоимость не изменилась бы, но если бы потребовалось больше труда на доставку хлеба и обуви на рынок, то разве не изменилась бы стоимость хлеба и обуви по отношению к сукну и золотой монете?

Адам Смит полагает еще, что следствием премии явится также частичное понижение стоимости денег. «Это понижение стоимости серебра,—говорит он,—которое является следствием богатства рудников и действие которого распространяется одинаково или почти одинаково на большую часть торгового мира, не имеет особенного значения для отдельной страны. Хотя следующее за этим повышение всех денежных цен не делает тех, кто получает эти повышенные цены, богаче, оно все-таки не делает их и беднее. Серебряный сервиз действительно становится дешевле, но все остальные товары сохраняют свою прежнюю реальную стоимость»**. Это замечание в высшей степени правильно.

«Но такое понижение стоимости серебра, которое является следствием особенных условий или политических учреждений отдельной страны и ограничивается только пределами последней, имеет громадное значение, так как оно не только не делает эту страну более богатой, но, напротив, делает ее более бедной. Повышение денежной цены всех товаров, составляющее в данном случае особенность этой страны, задерживает развитие в ней всякого рода промышленности. Таким образом иностранцы, которые доставляют почти все товары за меньшее количество серебра, чем это могут сделать туземные промышленники, побеждают последних не только на иностранных рынках, но и на внутренних»***.

В другом месте я уже пытался показать, что частичное понижение стоимости денег, которое затронуло бы одинаково сельскохозяйственные продукты и промышленные изделия, не может быть продолжительным. Сказать в этом случае, что деньги потеряли часть своей стоимости, значит сказать, что все товары продаются по высоким ценам. Но так как золото и серебро могут без всяких препятствий употребляться для покупок на самом дешевом рынке, то они будут экспортироваться в обмен на дешевые товары других стран,

* [Кн. 2, гл. II].

** [Кн. 4, гл. V].

*** [Кн. 4, гл. V].

а затем уменьшение их количества повлечет за собою повышение их стоимости внутри страны. Тогда цены товаров вернутся к своему прежнему уровню, и товары, приспособленные для внешнего рынка, начнут опять экспортироваться.

Я думаю поэтому, что на этом основании нельзя ничего возражать против премий.

Итак, если премия повышает цену хлеба в сравнении со всеми другими предметами, то фермер будет получать больше прибыли, и в обработку начнут поступать новые участки земли, но если премия не повышает цены хлеба в сравнении с другими предметами, то она не будет сопровождаться никаким другим неудобством кроме необходимости платить ее,—неудобством, значение которого я не желаю ни отрицать, ни уменьшать.

Доктор Смит констатирует, что, «устанавливая высокие пошлины на ввоз хлеба и премии за вывоз его, землевладельцы повидимому подражали поведению фабрикантов»*. И те и другие одинаково старались повысить стоимость своих товаров с помощью одних и тех же средств. «Но землевладельцы вероятно не обратили внимания на крупное и существенное различие, которое установлено природой между хлебом и почти всеми остальными предметами. Когда с помощью одного из указанных выше средств вы даете нашим фабрикантам возможность продавать товары по ценам, более высоким чем те, которые они получили бы при других обстоятельствах, вы увеличиваете не только номинальную, но и реальную цену этих товаров. Вы увеличиваете не только номинальную, но и реальную прибыль, реальное богатство и доход этих фабрикантов—одним словом, вы действительно поощряете развитие обрабатывающей промышленности. Но когда с помощью таких же средств вы увеличиваете номинальную или реальную цену хлеба, вы вовсе не увеличиваете его реальную стоимость, вы не увеличиваете реальное богатство наших фермеров или землевладельцев, вы не способствуете развитию земледелия. Природа вещей придала хлебу такую реальную стоимость, которая не может быть изменена путем одного только изменения его денежной цены. Во всем мире стоимость эта равняется количеству труда, которое она может содержать»**.

Я уже старался показать, что рыночная цена хлеба вследствие расширения спроса под влиянием премии будет выше его естественной цены до тех пор, пока не будет получено требуемое добавочное количество, и что тогда она опять сравняется с естественной ценой. Но естественная цена хлеба определяется иначе, чем естественная цена других товаров, так как при большом добавочном спросе на хлеб придется обратиться к обработке земли худшего качества и затратить для получения определенного количества продукта гораздо больше труда, чем прежде. В результате естественная цена хлеба поднимется. Следовательно при постоянной премии за вывоз хлеба создается тенденция постоянно повышать цену хлеба,

* [Кн. 4, гл. V.]

** [Кн. 4, гл. V.] [Текст этой цитаты представляет изложение своими словами].

а это, как я уже показал прежде¹, не преминет повысить ренту. Вот почему землевладельцы не только временно, но и постоянно заинтересованы в запрещении ввоза хлеба и в премиях за вывоз его. Что же касается фабрикантов, то они только временно заинтересованы в учреждении высоких ввозных пошлин и премий за вывоз товаров.

Несомненно, что премия за вывоз промышленных изделий, как думает и Адам Смит, повысит на время их рыночную цену, но она не окажет никакого влияния на их естественную цену. Труд 200 чел. произведет в два раза больше товаров, чем прежде труд 100 чел. Поэтому, когда будет затрачено количество капитала, требуемое для производства добавочного количества промышленных изделий, цена последних опять сравняется с их естественной ценой, и исчезнут все выгоды, соединенные с высокой рыночной ценой. Следовательно фабриканты будут пользоваться высокой прибылью только до тех пор, пока рыночная цена промышленных изделий будет еще высока и добавочное количество не будет доставлено на рынок. А как только цены опять понизятся, прибыль фабрикантов также вернется к своему обычному уровню.

Поэтому я не только не могу согласиться с Адамом Смитом, что землевладельцы меньше заинтересованы в запрещении ввоза хлеба, чем фабриканты в запрещении ввоза промышленных изделий, но, напротив, думаю даже, что они гораздо больше заинтересованы, потому что их выигрыш—постоянный, тогда как выигрыш фабрикантов только временный. Доктор Смит замечает, что природа установила крупное и существенное различие между хлебом и другими предметами, но вывод, который вытекает из этого обстоятельства, прямо противоположен тому, который делает он. Именно в силу этого различия создается рента, и землевладельцы заинтересованы в повышении естественной цены хлеба. Вместо того чтобы сравнивать интерес фабриканта с интересом землевладельца, доктор Смит должен был бы сравнить интерес первого с интересом фермера, сильно отличающимся от интереса землевладельца. Как фабриканты мало заинтересованы в повышении цены своих товаров, так мало заинтересованы и фермеры в повышении цены хлеба или сырых произведений, хотя и те и другие выигрывают в том случае, когда рыночная цена продуктов выше их естественной цены. Напротив, землевладельцы очень сильно заинтересованы в повышении естественной цены хлеба, так как повышение ренты является необходимым следствием трудности производства сырых произведений, без которой не может увеличиться естественная цена хлеба. А так как премии за вывоз и запрещение ввоза хлеба увеличивают спрос на него и заставляют нас переходить к обработке худших участков, то они необходимо влекут за собою возрастание трудности производства.

Единственным последствием высоких ввозных пошлин на промышленные изделия и хлеб или премий за их вывоз является отлив капитала в такие отрасли производства, в которые он, при естественном ходе вещей, не направился бы. Они приводят к крайне убыточ-

¹ См. главу о ренте.

ному распределению всех общественных фондов. Они вводят фабриканта в искушение продолжать дело или даже начинать его в сравнительно невыгодной отрасли производства. И они представляют худший вид обложения, потому что они даже не отдают чужой стране всего, что они берут у собственной, и причиняемая ими потеря еще усиливается вследствие менее выгодного распределения всего капитала. Так, если цена хлеба в Англии составляет 4 ф. ст., а во Франции 3 ф. ст. 15 шилл., то премия в 10 шилл. уменьшит цену хлеба во Франции до 3 ф. ст. 10 шилл., а в Англии будет поддерживать ту же цену в 4 ф. ст. За каждый квартал вывозимого хлеба Англия платит налог в 10 шилл. На каждый квартал хлеба, ввозимый во Францию, она выигрывает только 5 шилл., так что стоимость в 5 шилл. на квартал безусловно теряется для всего мира вследствие такого распределения капитала, которое приводит к уменьшению производства если не хлеба, то какого-нибудь другого предмета необходимости или удобства.

Повидимому Бьюкенен также видел, что аргументация доктора Смита в вопросе о премиях не совсем правильна. Он совершенно справедливо замечает по поводу места, которое я цитировал выше: «Утверждая, что природа придала хлебу такую реальную стоимость, которая не может быть изменена путем одного только изменения денежной цены, доктор Смит просто смешивает потребительную стоимость с меновой стоимостью. Бушель пшеницы в неурожайный год прокормит не больше людей, чем в урожайный. Но бушель пшеницы при неурожае будет обмениваться на большее количество предметов роскоши и комфорта, чем в урожайный год. Поэтому землевладельцы, которые располагают излишком хлеба, в неурожайные годы обогащаются, так как они обменивают свой излишек на более значительную стоимость в других предметах, чем в урожайный год. Следовательно нельзя утверждать, что если премия форсирует вывоз хлеба, то она не увеличивает также и реальную цену хлеба». Мне лично вся аргументация Бьюкенена по вопросу о премиях кажется вполне ясной и удовлетворительной.

Впрочем по вопросу о влиянии возвышения цены труда на промышленные изделия Бьюкенен, по моему мнению, разделяет ошибочные взгляды доктора Смита и автора статьи в «Edinburgh Review». Исходя из своей особенной точки зрения, уже отмеченной мною раньше, он думает, что цена труда не находится ни в какой связи с ценою хлеба и что следовательно реальная стоимость хлеба может возрастать и действительно возрастает, несколько не влияя на цену труда. Но если цена труда действительно возросла бы, то Бьюкенен утверждал бы вместе с Адамом Смитом и автором статьи в «Edinburgh Review», что цена мануфактурных изделий также возросла бы. Я не вижу однако, каким образом он сумел бы отличить повышение цены хлеба вследствие падения стоимости денег или каким путем он приходит к другому заключению, чем Адам Смит. В примечании к стр. 276 первого тома «Богатства народов» Бьюкенен замечает, что «цена хлеба не регулирует денежную цену всех других частей сырого продукта страны. Она не регулирует ни цены металлов,

ни других полезных материалов, как уголь, дерево, камень и т. д. *А так как она не регулирует цену труда, то она не регулирует и цену промышленных изделий.* Таким образом премия, поскольку она повышает цену хлеба, несомненно доставляет фермеру реальный выигрыш. Следовательно на этом основании еще нельзя защищать выдачу премии. Мы можем допустить, что премии, повышая цену хлеба, поощряют развитие земледелия. Но тогда возникает вопрос, следует ли поощрять развитие земледелия таким образом?» Итак, по мнению Бьюкенена, премия доставляет фермеру реальный выигрыш, потому что не повышает цены труда. А если бы она произвела это действие, то она подняла бы соответственно цены всех остальных товаров и в таком случае не доставляла бы земледелию никакой особенной выгоды.

Впрочем следует признать, что премия за вывоз какого-нибудь товара имеет тенденцию до некоторой степени понижать стоимость денег. Все, что облегчает вывоз, способствует накоплению денег в стране. И, наоборот, все, что мешает вывозу, уменьшает количество денег в стране. Всякий налог, повышая цены обложенных товаров, имеет тенденцию уменьшать вывоз и следовательно задерживает приток денег. В силу той же причины премия усиливает приток денег. Но этот вопрос уже был нами более подробно рассмотрен при исследовании действия налогов вообще.

Вредные последствия меркантильной системы были подробно изложены доктором Смитом. Единственная цель этой системы состояла в повышении цен товаров на внутреннем рынке путем исключения иностранной конкуренции. Но эта система для земледельческих классов была не более вредна, чем для других классов общества. Толкая капитал в такие отрасли производства, в которые он при других условиях не направился бы, она уменьшала общую сумму производимых товаров. Хотя цены товаров постоянно были выше естественного уровня, они держались на этой высоте не вследствие недостатка в товарах, а трудности их производства. Поэтому продавцы этих товаров, хотя и продавали их по более высоким ценам, перестали бы получать более высокую прибыль, как только на производство их было бы употреблено требуемое количество капитала¹.

Но и сами фабриканты как потребители должны платить добавочную цену за такие товары. Поэтому не совсем правильно гово-

¹ По мнению Сэя, выгоды туземных фабрикантов были бы не только временными. «Правительство, безусловно запрещающее ввоз определенных иностранных товаров, устанавливает монополию *в пользу тех*, кто производит эти товары внутри страны, и *в ущерб тем*, кто потребляет их; другими словами, туземные производители, пользуясь исключительной привилегией при продаже своих товаров, могут поднять цены этих товаров выше их естественной цены, а потребители, не имея возможности приобрести эти товары в другом месте, вынуждены покупать их по более высоким ценам» (v. I, p. 201).

Но каким образом могут эти производители поддерживать цены своих товаров выше их естественной цены, если каждый из их сограждан может вполне свободно заняться тем же промыслом? Они гарантированы только от иностранной конкуренции, но не от внутренней. Действительное зло, которое возникает

рить, что «повышение цены, вызванное обоими факторами (цеховым законодательством и высокими пошлинами на ввоз иностранных товаров), в конце концов всюду оплачивается землевладельцами, фермерами и рабочими».

Мы считаем тем более необходимым сделать это замечание, что в настоящее время землевладельцы в защиту таких же высоких пошлин на ввоз иностранного хлеба ссылаются на авторитет Адама Смита. Неужели только потому, что по вине плохого законодательства увеличились издержки производства, а вместе с ними и цены различных мануфактурных товаров для потребителей, мы должны еще во имя справедливости подчиниться спокойно новым поборам? Неужели только потому, что мы платим добавочную цену за наше полотно, муслин и хлопчатобумажные ткани, мы должны во имя той же справедливости платить еще добавочную цену за наш хлеб? Неужели только потому, что при общем распределении труда всего мира мы лишили себя возможности получать большинство продуктов путем приложения нашего труда в обрабатывающей промышленности, мы должны еще и дальше наказывать себя, уменьшая производительные силы общего труда в доставке сырых произведений? Мы поступили бы более разумно, если бы сознали свои заблуждения, в которые нас ввела неудачная политика, и сейчас же начали бы постепенно переходить к здоровым принципам всеобщей свободной торговли¹.

«Я уже имел случай заметить,—пишет Сэй,—когда говорил о том, что не совсем правильно называется торговым балансом, что если торговец находит более выгодным вывозить в другие страны товары, а драгоценные металлы, то это выгодно и для самого государства, так как последнее выигрывает или теряет только через посредство своих граждан. Что касается внешней торговли, то выгода частного лица является также выгодой государства. Поэтому всякая попытка ставить какие-либо препятствия вывозу драгоценных металлов частными лицами приведет только к тому, что они вынуждены будут вывозить какой-нибудь другой товар, но уже с меньшей выгодой как для себя самих, так и для государства. Впрочем следует заметить, что я говорю только о *внешней торговле*,

для страны вследствие таких монополий, если только в данном случае можно употребить этот термин, заключается не в повышении рыночной цены таких товаров, а в повышении их реальной и естественной цены. Вследствие возрастания издержек производства часть труда страны получает менее производительное употребление.

¹ «Такая страна, которая, подобно Великобритании, изобилует самыми разнообразными мануфактурными изделиями и может удовлетворять торговые нужды всякого общества, нуждается только в свободе торговли, чтобы быть гарантированной от недостатка в хлебе. Народы всего мира вовсе не находятся в таком положении, при котором они должны были бы бросать жребий, кому из них подвергнуться бедствиям голода. В мире всегда имеется избыток пищевых продуктов. Чтобы избавиться от недостатка в хлебе, нам достаточно отказаться от всяких ограничений и запрещений и перестать противодействовать «благожелательной мудрости провидения» (статья «Хлебные законы и торговля» в дополнительном томе «Encyclopaedia Britannica»). [Это примечание имеется только во втором и третьем изданиях.]

потому что прибыль, которую торговцы получают путем торговых операций с своими согражданами или монопольной торговли с колониями, не является также всецело прибылью государства. В торговле между гражданами одной и той же страны нет другой прибыли кроме стоимости произведенной полезности, que la valeur d'une utilité produite» (v. I, p. 401)¹. Я не могу уловить различие между прибылью, получаемой во внутренней торговле, и прибылью, получаемой во внешней. Цель всякой торговли заключается в увеличении количества продуктов. Если для покупки бочки вина я могу экспортировать слиток золота, который был куплен за продукт стоимостью в 100 дней труда, то в случае, если правительство, запретив вывоз слитков, заставит меня купить вино за товар стоимостью в 105 дней труда, я потеряю, — а вместе со мною и правительство, — продукт пяти дней труда. Но если такая сделка была бы заключена между частными лицами, живущими в различных провинциях одной и той же страны, то и для них и для страны было бы одинаково выгодно, если бы они были свободны в выборе товаров, с помощью которых они делают покупки, и, наоборот, как для них, так и для страны было бы одинаково невыгодно, если бы правительство заставило их расплачиваться наименее выгодным для них товаром. Если бы фабрикант при помощи одного и того же капитала мог обработать больше железа там, где уголь находится в изобилии, чем там, где в угле чувствуется недостаток, то страна оказалась бы в выигрыше на всю разницу. Но если бы недостаток в угле чувствовался всюду и предприниматель ввозил бы железо, если бы он получал это добавочное количество, производя при помощи того же капитала и труда какой-нибудь товар, то он доставил бы своей стране выигрыш на всю сумму добавочного количества железа. В шестой главе этого труда я старался уже доказать, что всякая торговля, внутренняя или внешняя, приносит выгоду не тем, что она увеличивает стоимость продуктов, а тем, что она увеличивает их количество. Мы не получим более значительную стоимость, все равно, будем ли мы вести самую выгодную внешнюю и внутреннюю торговлю или если вследствие запретительных законов будем вынуждены довольствоваться менее выгодной. Как норма прибыли, так и произведенная стоимость останутся без изменения. Выгода всегда сведется к тому, что Сэй повидимому считает преимуществом одной только внутренней торговли. В обоих случаях выигрыш один и тот же: это — стоимость какой-нибудь *utilité produite*.

¹ Не противоречат ли следующие цитаты приведенному в тексте взгляду Сэя? «Внутренняя торговля, хотя на нее обращают меньше внимания (потому что она находится в самых различных руках), является наиболее значительной по своим размерам, а следовательно и наиболее прибыльной. Товары, обмениваемые в этой торговле, необходимо представляют продукты той же самой страны» (v. I, p. 84).

«Английское правительство не заметило, что наиболее выгодными продажами являются те, которые совершаются внутри самой страны, так как для них требуется наличность двух стоимостей, произведенных в самой стране: стоимости, которая продается, и стоимости, за которую она покупается» (v. I, p. 221).

В гл. XXVI я рассмотрю аргументы, приводимые в защиту этой теории.

ГЛАВА XXIII

ПРЕМИИ ЗА ПРОИЗВОДСТВО

Мне кажется, что было бы бесполезно рассмотреть также влияние, оказываемое премией за *производство* сырых произведений и других товаров. Мы могли бы при этом проследить действие принципов, которые я старался установить по вопросам о прибыли с капитала, о разделении годового продукта страны и труда и об относительных ценах на промышленные изделия и сырые произведения. Предположим сначала, что на все товары устанавливается налог с целью образования фонда, из которого правительство могло бы выдавать премии за *производство* хлеба. Так как ни одна часть этого налога не будет израсходована правительством, так как все, что будет получено от одного класса общества, будет возвращено другому классу, то нация как коллектив ничего не выиграет и не потеряет от такого налога и премии. Всякий легко согласится, что налог на товары, из которого образуется фонд, поднимет цены обложенных товаров. Поэтому все потребители этих товаров будут в одинаковой степени способствовать созданию такого фонда; другими словами, так как повысилась естественная или необходимая цена товаров, то повысится также и рыночная цена. Но по тем же причинам, в силу которых повысилась естественная цена этих товаров, понизится естественная цена хлеба. До установления премии за производство фермеры получали за свой хлеб такую цену, которая оплачивала ренту и расходы и давала им обычную норму прибыли. После установления премии они будут получать более высокую прибыль, если только цена хлеба не упадет на сумму, равную, по крайней мере, премии. Таким образом следствием налога и премии явится повышение цены товаров на сумму, равную налогу, который взимается с них, и понижение цены хлеба на сумму, равную выплачиваемой премии. Следует заметить еще, что в распределении капитала между земледелием и обрабатывающей промышленностью не может произойти какое-либо прочное изменение.

И это по той причине, что не произойдет никакого изменения ни в количестве капитала, ни в численности населения, и потому спрос на хлеб и на промышленные изделия останется точно таким же, как и прежде. Прибыль фермера после падения цены хлеба будет не выше общего уровня. И точно так же прибыль фабриканта не пони-

зится после падения цены промышленных изделий. Таким образом премия не увеличит количества капитала, употребляемого на производство хлеба, и не уменьшит количества капитала, затраченного на производство промышленных изделий. Но как отразится премия на интересах землевладельца? На том же самом основании, на каком налог на сырые произведения понижает хлебную ренту с земли, оставляя без изменения денежную ренту, премия за производство, представляющая прямую противоположность налогу, повысит хлебную ренту, но оставит без изменения денежную поземельную ренту¹. Получая ту же самую денежную ренту, землевладелец платил бы более высокие цены за промышленные изделия и более низкие за хлеб. Поэтому он вероятно не стал бы ни богаче, ни беднее.

Остается теперь исследовать, какое влияние премия окажет на заработную плату. Для этого нужно решить вопрос, будет ли рабочий при покупке товаров уплачивать в виде налога столько же, сколько он получает вследствие понижения цены хлеба, последовавшего за установлением премии. Если эти две суммы будут равны, то заработная плата останется без изменения, но если обложенные товары не принадлежат к числу тех, которые потребляются рабочим, его заработная плата понизится, и вся разница пойдет в пользу предпринимателя. Но для последнего это не является реальной выгодой. Конечно норма прибыли его повысится, как это всегда происходит в случае падения заработной платы. Но чем меньше рабочий будет участвовать в образовании фонда, из которого выплачиваются премии, тем больше должен будет платить его предприниматель. Другими словами, предприниматель будет участвовать в уплате налога своими расходами ровно настолько же, насколько он выиграет от премии и более высокой нормы прибыли вместе взятых. Он получает более высокую норму прибыли, которая должна возместить ему уплату не только его собственной доли налога, но и доли его рабочего. Вознаграждение, которое он получает за уплату доли рабочего, выражается в уменьшенной заработной плате или, — что то же самое, — в более высокой прибыли, а вознаграждение за долю налога, уплачиваемую им за себя лично, выражается благодаря премии в уменьшении цены потребляемого им хлеба.

Теперь вполне уместно будет отметить различное действие, которое оказывают на прибыль с капитала изменение реальной трудовой или естественной стоимости хлеба и изменение относительной стоимости хлеба вследствие обложения или вследствие премии. Если цена хлеба понизилась вследствие понижения его трудовой цены, то изменится не только норма прибыли с капитала [но улучшится также положение капиталиста. Несмотря на увеличение его прибыли, он будет платить за предметы, на которые он расходовал ее, не больше, чем прежде]*, но, как мы только что видели, этого не будет, если понижение вызывается искусственно премией. При

¹ См. выше, стр. 91.

* [В первом и втором изданиях было сказано: «но и абсолютная прибыль».]

действительном падении стоимости хлеба, происходящем от того, что на производство этого наиболее важного предмета потребления человека требуется меньше труда, труд становится более производительным. При помощи того же капитала употребляется тот же труд, а в результате получается увеличение количества продуктов. Возрастает не только норма прибыли*, но [улучшается также и положение того, кто получает эту прибыль]**. Каждый капиталист будет иметь не только более значительный денежный доход, если он будет употреблять тот же денежный капитал, но и при расходовании своей прибыли он получит за те же деньги большее количество товаров, и следовательно он будет получать больше всяких предметов удовольствия. В случае установления премии выгода, которую он получает от падения цены одного товара, компенсируется невыгодой, которая проистекает для него вследствие необходимости платить пропорционально более высокую цену за другой товар. Он получает более высокую норму прибыли, чтобы иметь возможность платить более высокую цену. Таким образом, его действительное положение, хотя и не ухудшается, все-таки несколько не улучшается. Он, правда, получает более высокую норму прибыли, но он не имеет в своем распоряжении более значительного количества продукта земли и труда своей страны. Если падение стоимости хлеба вызвано естественными причинами, то действие его не парализуется возвышением цены других товаров. Напротив, стоимость последних уменьшается вследствие падения стоимости сырого материала, из которого они сделаны. Когда же падение стоимости хлеба вызвано искусственным путем, оно всегда парализуется действительным повышением стоимости некоторых других товаров. И если хлеб в этом случае может быть куплен дешевле, то другие товары стоят дороже.

Итак, мы имеем еще одно доказательство, что, поскольку речь идет о повышении заработной платы и понижении нормы прибыли, налоги на предметы необходимости не представляют никаких особенных неудобств. Прибыль действительно понижается, но только на сумму, равняющуюся доле рабочего в уплате налога, а эта доля должна быть уплачена во всяком случае или его предпринимателем, или потребителем продукта труда рабочего. Будете ли вы вычитать ежегодно 50 ф. ст. из дохода предпринимателя или прибавите 50 ф. ст. к цене потребляемых им товаров—это обстоятельство имеет для него или для общества значение лишь постольку, поскольку оно может касаться одинаково всех других классов общества. Если бы эта сумма была присоединена к цене товаров, скряга мог бы уклониться от налога, воздержавшись от потребления, но если бы она каким-нибудь косвенным путем была вычтена из дохода каждого человека, то наш скряга не мог бы уклониться от несения причитающейся на его долю части государственных тягостей.

* [В третьем издании выпущены слова: «но и абсолютная прибыль с капитала»].

** [Вставка сделана в третьем издании].

Таким образом, премия за производство хлеба не оказала бы никакого действительного воздействия на годовой продукт земли и труда страны, хотя она сделала бы хлеб относительно дешевле, а промышленные изделия относительно дороже. Но предположим, что принята прямо противоположная мера, что устанавливается налог на хлеб с целью собрать фонд, из которого выплачивались бы премии за производство товаров.

Очевидно, что в этом случае хлеб будет дороже, а остальные товары—дешевле. Цена труда осталась бы без изменения, если бы рабочий выиграл вследствие дешевизны промышленных товаров ровно столько, сколько он теряет вследствие дороговизны хлеба. Но если бы случилось иначе, заработная плата повысилась бы, а прибыль понизилась бы, между тем как денежная рента сохранила бы свои прежние размеры. Прибыль понизилась бы, потому что, как мы уже только что объяснили, именно таким способом предприниматель уплачивал бы часть налога, причитающуюся на долю рабочего. Повышение заработной платы вознаградит рабочего за налог, который он уплачивает вследствие поднятия цены хлеба. Если бы он не тратил ни одной части своей заработной платы на промышленные товары, он не получил бы ни одной части премии. Последняя была бы целиком получена предпринимателями, и налог отчасти был бы уплачен рабочими, которые получили бы вознаграждение за новую тяжесть, возложенную на них, в форме прибавки к заработной плате. Норма прибыли таким образом понизилась бы. В этом случае мы имели бы дело с очень сложной мерой, которая не привела бы ни к каким реальным последствиям для всей нации.

При рассмотрении этого вопроса мы нарочно не обращали внимания на влияние такой меры на внешнюю торговлю. Мы скорее предполагали, что имеем дело с совершенно изолированной страной, не имеющей никаких торговых связей с другими странами. Мы видели, что при неизменном спросе страны на хлеб и на другие товары совершенно безразлично, какое направление примет премия, так как капитал не будет иметь никакого побуждения передвигаться из одного занятия в другое. Но все изменилось бы, если бы существовала внешняя торговля и если бы эта торговля была свободна. Изменяя относительную стоимость товаров и хлеба, оказывая могучее воздействие на их естественные цены, мы дали бы сильный толчок вывозу тех товаров, естественные цены которых понизились, и такой же толчок ввозу товаров, естественные цены которых повысились. Таким образом подобная финансовая мера могла бы произвести полный переворот в естественном распределении различных занятий. Это, правда, послужило бы к выгоде иноземных стран, но принесло бы разорение той стране, в которой была бы принята такая бессмысленная политика.

ГЛАВА XXIV

УЧЕНИЕ АДАМА СМИТА О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЕ

«На рынок обыкновенно доставляется,—говорит Адам Смит,— только та часть продукта земли, обычная цена которой вполне достаточна, чтобы возместить капитал, употребленный на производство, плюс обычная прибыль на капитал. Если обычная цена выше этой цены, то излишек ее, естественно, пойдет в пользу поземельной ренты. *Если же обычная цена не выше, то, хотя товар и может быть доставлен на рынок, он не доставит никакой ренты для землевладельца.* Будет ли обычная цена выше или ниже указанного уровня, зависит от размеров спроса»*.

Эта цитата должна была бы конечно привести читателя к выводу, что Смит хорошо понял природу ренты, что он знал также, что свойства земли, обработки которой могут потребовать нужды общества, зависят от *«обычной цены ее продукта»*, если она *«достаточна, чтобы возместить капитал, употребленный на производство плюс обычная прибыль на капитал»*.

Но он в то же время думает, что «существуют такие части продукта земли, спрос на которые так велик, что цена их всегда выше, чем сколько нужно для доставки их на рынок»**. И такой частью он считает также пищевые продукты.

Он утверждает, что «земля почти при всяком положении производит большее количество предметов пищи, чем нужно для содержания труда, который необходим для доставки их на рынок, хотя бы это содержание было самым щедрым, какое только дается труду. Этот излишек всегда больше, чем требуется для возмещения капитала, давшего занятие труду, вместе с обычной прибылью. Следовательно всегда имеется остаток для уплаты ренты землевладельцу»***.

Какое же доказательство Смит приводит в защиту этого взгляда? Одно только утверждение, что «самые бесплодные болотистые местности в Норвегии и Шотландии производят корм для скота, который доставляет молоко и приплод в количестве, достаточном не только на содержание труда, необходимого для ухода за ним и на уплату обычной прибыли фермеру или хозяину стада или табуна, но и для

* [Кн. 1, гл. XI].

** [Там же].

*** [Там же].

уплаты маленькой ренты землевладельцу»*. Но я позволю себе усомниться в верности этого утверждения. Я, с своей стороны, полагаю, что во всякой стране, от наименее культурной до наиболее цивилизованной, существует земля такого качества, которая не может доставлять количество продукта, более чем достаточное для возмещения затраченного на нее капитала плюс прибыль, которая является обычной для этой страны. Все мы знаем, что так обстоит дело в Америке, и все-таки никто не будет утверждать, что законы, управляющие рентой, в Америке совершенно другие, чем в Европе. Но если бы даже было верно, что земледелие в Англии достигло самой высокой ступени развития и что у нас теперь нет ни одного клочка земли, который не приносил бы ренты, то не менее достоверно, что прежде такие участки земли должны были существовать. Впрочем вопрос о том, существовали ли такие участки или нет, в данном случае не имеет никакого значения. Если в Великобритании только имеется какой-нибудь капитал, затраченный на землю, которая возмещает один лишь капитал плюс прибыль на него, то решительно все равно, затрачен ли он на старую или на новую землю. Арендуя участок земли на срок в семь или четырнадцать лет, фермер предполагает затратить на него капитал в 10 тыс. ф. ст., так как он знает, что при существующих ценах на зерно и сырые произведения он может возместить часть своего капитала, которую он обязан затратить, а затем уплатить ренту и получить обычную норму прибыли. Но он не затратит 11 тыс. ф. ст., если только последняя сотня ф. ст. не может быть затрачена так производительно, чтобы дать ему обычную прибыль на капитал. Производя расчет, чтобы определить, выгодно ли ему затратить дополнительный капитал или нет, он обращает внимание только на то, чтобы цена сырых произведений была достаточно для возмещения его расходов и дала ему прибыль, так как он знает, что ему не придется платить дополнительную ренту. Даже по окончании срока аренды рента фермера не будет повышена, ибо если бы землевладелец хотел повысить ренту только потому, что на землю затрачен дополнительный капитал в 1000 ф. ст., то фермер взял бы свой капитал обратно. Ведь мы предположили, что, затратив этот капитал, фермер получит только обычную прибыль с капитала, которую он мог бы получить при всяком другом употреблении капитала. Следовательно он не может согласиться платить добавочную ренту, если только цена сырых произведений не возрастет еще больше или, что сводится к тому же, если обычная средняя прибыль не понизится.

Если бы Адам Смит со свойственной ему проницательностью обратил внимание на этот факт, он не утверждал бы, что рента есть одна из составных частей цены сырых произведений, ибо цена всюду определяется доходом той последней части капитала, за которую не платится никакой ренты. Если бы ему был известен этот принцип, он не делал бы никакого различия между законами, которые определяют ренту с рудников, и законами, которые регулируют поземельную ренту.

* [Кн. I, гл. XI].

«Будет ли например каменноугольная копь давать ренту или нет,—говорит Смит,—зависит отчасти от ее богатства, отчасти от географического положения. Данная копь может быть названа богатой или бедной, смотря по тому, насколько количество угля, добываемое из нее при помощи определенного количества труда, больше или меньше в сравнении с тем количеством, которое может быть добыто одинаковым количеством труда из других копей того же рода. Некоторые каменноугольные копи, несмотря на их выгодное положение, не могут разрабатываться, потому что они дают мало угля. Добыча не оплачивает даже расходов. Такие копи не дают ни прибыли, ни ренты. Есть и другие копи, продукта которых едва хватает на оплату труда и возмещение затраченного на их разработку капитала плюс обычная прибыль на него. Они приносят некоторую прибыль предпринимателю, но не доставляют никакой ренты землевладельцу. Они могут эксплуатироваться с прибылью только самим землевладельцем, который, являясь простым предпринимателем, получает обычную прибыль на затраченный им капитал. Многие каменноугольные копи в Шотландии разрабатываются именно таким способом, да иначе и не могли бы разрабатываться. Землевладелец не позволит никому эксплуатировать их без уплаты ему ренты, и никто не согласится платить ее.

В той же стране имеются еще другие каменноугольные копи, сравнительно богатые, но их нельзя разрабатывать вследствие их географического положения. С помощью обычного количества труда или с помощью даже меньшего количества из них можно добыть такое количество минерала, которого хватило бы на покрытие всех издержек, но в местности, находящейся внутри страны, мало населенной и лишенной хороших дорог или водных путей сообщения, это количество не может быть продано»*. Весь закон ренты разъяснен здесь превосходно и вполне понятно, но каждое слово может быть отнесено с таким же основанием к земле, как и к рудникам. Однако Адам Смит утверждает, что «иначе обстоит дело с именными на поверхности земли. Отношение их продукта и ренты определяется отношением их обоих не к относительному плодородию этих земель, а к их абсолютному плодородию». Но предположим, что нет ни одного участка земли, который не приносил бы ренты. В этом случае рента с самого плохого участка должна находиться в соответствии с избытком стоимости продукта над затратами капитала и обычной прибылью на капитал. Тот же самый принцип будет определять ренту с земель лучшего качества или лучше расположенных и следовательно рента с этих земель вследствие их преимуществ была бы выше ренты с земель худшего качества. То же самое можно сказать о землях еще более плодородных и т. д., до самых плодородных. Не очевидно ли после этого, что именно относительное богатство земли определяет часть продукта, которая выплачивается в виде ренты, точно так же, как относительное богатство рудников определяет часть продукта, которая уплачивается в виде ренты?

* [Кн. 1, гл. XI].

После того как Адам Смит заявил, что есть такие копи, которые могут разрабатываться только собственниками, потому что они доставляют такое количество продуктов, которого хватает лишь на оплату затраченного на их разработку капитала вместе с обычной прибылью на него, мы были бы вправе ожидать, что, и по его мнению, именно эти копи будут регулировать цены продукта [добываемого из всех копей]*. Если старые копи не могут доставить всего требуемого количества, то цена угля поднимется и будет продолжать подниматься, пока собственник новой и более бедной копи не найдет, что он может получить обычную прибыль на свой капитал, если будет разрабатывать свою копи. Если она не принадлежит к числу очень бедных, то повышение цены угля не должно быть особенно значительным, чтобы собственник копи нашел прибыльным приступить к ее разработке. Но если копи принадлежит к числу очень бедных, то цена должна подниматься до тех пор, пока она даст собственнику копи возможность покрыть все расходы и получить обычную прибыль на капитал. Таким образом цена угля всегда регулируется, казалось бы, наименее богатыми копиями. Однако Адам Смит держится противоположного взгляда. Он замечает, что «наиболее богатые каменноугольные копи регулируют цену угля для всех других соседних копей. И собственник копи и предприниматель одинаково находят, что один может получить более значительную ренту, а другой—более значительную прибыль, если они будут продавать уголь по более низкой цене, чем их соседи. Последние скоро вынуждены будут продавать свой уголь по той же цене, хотя им будет очень трудно сделать это и хотя дальнейшее уменьшение цены может лишить их и ренты и прибыли. Тогда некоторые копи совершенно забрасываются, а другие перестают приносить ренту и могут поэтому разрабатываться только собственником копи»**. Если спрос на уголь уменьшится или вследствие улучшений в добывании угля количество его увеличится, то цена его упадет, и разработка некоторых копей прекратится. Но во всяком случае цена угля должна быть достаточна, чтобы оплатить расходы и прибыль по разработке копи, которая не обременена рентой. Следовательно цена регулируется наименее богатыми копиями. Адам Смит сам соглашается с этим в другом месте, когда он говорит, что «самой низкой ценой, по которой уголь может продаваться в течение сколько-нибудь продолжительного времени, подобно цене других товаров, может быть только такая цена, которая едва достаточна для возмещения капитала, употребленного для доставки угля на рынок вместе с обычной прибылью на капитал. Если речь идет о каменноугольной копи, за которую ее владелец не может получить ренты и которую он должен или сам разрабатывать или совсем забросить, то цена угля должна находиться на указанном выше уровне»***.

Но то же самое обстоятельство, а именно изобилие и вызванная

* [Вставка сделана только в третьем издании].

** [Кн. 1, гл. XI].

*** [Там же].

этим дешевизна угля, какими бы причинами оно ни вызывалось, которое вынудило бы забросить копи, дающие только очень незначительную ренту или вовсе не дающие никакой ренты,—то же самое обстоятельство, говорим мы, при таком же изобилии, а вследствие этого дешевизне сырых произведений, заставило бы прекратить обработку земли, дающей только очень незначительную ренту или вовсе не дающую никакой ренты. Если бы например картофель стал таким же всеобщим предметом потребления народа, как рис в некоторых странах, то одна четверть или половина земли, находящейся теперь в обработке, была бы вероятно сейчас же заброшена. Если, как уверяет Адам Смит, «один акр земли под картофелем производит 6 000 фунт. доброкачественной пищи или втрое больше, чем один акр под пшеницей», то население не могло бы в течение продолжительного времени возрастать так сильно, чтобы потребить все количество, которое может быть получено с земель, прежде бывших под пшеницей. Поэтому многие земли будут заброшены, и рента понизится. Но когда население удвоится или утроится, можно будет обрабатывать такое же количество земли, как и прежде, и рента достигает опять прежней высоты.

Землевладелец не получит также более значительную часть валового продукта, будет ли этот продукт состоять из картофеля, который может прокормить 300 чел., или пшеницы, которая может прокормить только 100 чел. И вот почему: хотя бы издержки производства и уменьшились в очень значительной степени, если бы заработная плата регулировалась главным образом ценою картофеля, а не ценою пшеницы, хотя бы часть всего валового продукта, остающаяся после уплаты заработной платы, значительно увеличилась, все же ни одна часть добавочного количества не пошла бы на увеличение ренты, а, скорее, вся целиком пошла бы в пользу прибыли, которая всегда поднимается при падении заработной платы и падает при ее повышении. Будет ли возделываться картофель или пшеница—рента все равно управляется одинаковыми законами, и она всегда будет равняться разности между количествами продукта, полученными при помощи одинакового капитала с одной и той же земли или с земли различного качества. Следовательно, пока обрабатываются земли одного и того же качества, пока не произошло никакого изменения в относительном плодородии или других преимуществах различных земель, рента будет сохранять все прежнее отношение к валовому продукту.

Впрочем Адам Смит утверждает, что часть, достающаяся землевладельцу, увеличилась бы вследствие уменьшения издержек производства, и что следовательно он получил бы при изобилии продукта и более значительную часть и более значительное количество, чем если бы продукта было мало. «Рисовое поле,—говорит он,—производит большее количество предметов пищи, чем самое плодородное поле, засеянное хлебом. Говорят, что один акр обыкновенно дает два сбора в год, каждый от 30 до 60 бушелей. Хотя поэтому обработка его требует больше труда, все-таки после уплаты вознаграждения за труд остается более значительный прибавочный продукт.

Следовательно в странах, где рис составляет обыкновенную и любимую пищу населения, где он служит также главным средством пропитания земледельцев, землевладельцу должна принадлежать *более значительная часть этого большего излишка, чем в странах, где главным образом возделывается хлеб**.

Бьюкенен также замечает: «Очевидно, что если бы предметом общего потребления народа стал какой-нибудь другой продукт, кроме хлеба, то рента землевладельца увеличилась бы в соответствии с большим изобилием этого нового продукта».

Если бы картофель стал предметом общего потребления всего населения, то землевладельцы в течение очень значительного промежутка времени должны были бы мириться с громадным понижением ренты. Они вряд ли получили бы даже такое же количество жизненных припасов, какое они получают теперь, не говоря уже о том, что стоимость этих припасов уменьшилась бы втрое против прежней их стоимости. Зато стоимость всех промышленных товаров, на которые затрачивается часть ренты землевладельца, понизилась бы лишь настолько, насколько понизилась бы стоимость сырого материала, из которого они сделаны, вследствие большего плодородия земли, посвященной добыванию этого сырого материала.

Если вследствие роста населения в обработку поступает земля такого же качества, как и прежде, то не изменяется ни часть продукта, которую получает землевладелец, ни стоимость этой части. Следовательно рента сохранит свои прежние размеры, но прибыль значительно повысится, потому что значительно понизится цена пищевых продуктов, а следовательно и заработная плата. Высокая прибыль благоприятствует накоплению капитала. Спрос на труд будет расти все больше, и землевладельцы все время оставались бы в выигрыше вследствие усиливающегося спроса на землю.

[И действительно, обработка тех же самых земель производилась бы еще лучше, если бы с них можно было получать такое большое количество пищевых продуктов. Вследствие этого и рента с них, по мере развития общества, могла бы стать еще выше, и та же самая земля поддерживала бы значительно большее население, чем прежде. Это не преминуло бы принести большие выгоды землевладельцам, что вполне согласно с принципом, который, как мне кажется, твердо установлен в результате нашего исследования, а именно: всякая экстраординарная прибыль по самой своей природе не может быть очень продолжительна, так как весь прибавочный продукт земли, за вычетом из него лишь такой умеренной прибыли, которая достаточна для поощрения накопления, в конце концов достанется землевладельцу.

При такой низкой цене труда, которая явится неизбежно следствием изобилия пищевых продуктов, получалось бы более значительное количество продуктов с земель, уже находящихся в обработке, был бы также затрачен большой дополнительный капитал на эти земли и из них извлекалась бы большая стоимость. Кроме того одновременно земли худшего качества приносили бы большую

* [Кн. 1, гл. XI].

прибыль к вящей выгоде как землевладельцев, так и всех потребителей. Земля—эта машина, производящая самый важный предмет потребления,—была бы усовершенствована и получала бы хорошее вознаграждение, поскольку требовались бы ее услуги. В первую очередь всеми выгодами пользовались бы рабочие, капиталисты и предприниматели, но с ростом населения эти выгоды постепенно перешли бы в руки землевладельцев.

Независимо от этих улучшений, в которых общество заинтересовано самым непосредственным образом, а землевладельцы только косвенно]*, интересы землевладельцев всегда противоположны интересам потребителей и фабрикантов. Высокая цена хлеба может сохраняться долго только в том случае, если на производство его требуется дополнительное количество труда, если увеличились издержки его производства. Но эта же причина неизменно повышает ренту, и поэтому повышение издержек производства хлеба всегда в интересах землевладельца. Интересы потребителя прямо противоположны. Он желал бы, наоборот, чтобы стоимость хлеба по отношению к деньгам и товарам была возможно ниже, так как хлеб всегда покупается на товары или деньги. Высокая цена хлеба невыгодна также и для фабриканта, потому что она вызывает повышение заработной платы, но не повышение цены его товаров. Таким образом фабрикант не только должен отдавать больше товаров или—что то же самое—стоимость более значительного числа товаров в обмен на потребляемый им хлеб, но кроме того и больше товаров или стоимость более значительного числа товаров в виде заработной платы рабочему, а за все это он не получает никакого вознаграждения. Следовательно все классы общества, за исключением землевладельцев, одинаково проигрывают от повышения цены хлеба. Сделки между землевладельцами и потребителями не имеют никакого сходства с торговыми сделками, в которых, как говорят, одинаково выигрывают продавец и покупатель. В них, наоборот, вся потеря достается одной стороне, а весь выигрыш—другой. А если можно путем ввоза добыть хлеб гораздо дешевле, то потеря вследствие запрещения ввоза была бы более чувствительна для одной стороны, чем выигрыш—для другой.

Адам Смит никогда не отличает низкую стоимость денег от высокой стоимости хлеба и поэтому приходит к выводу, что интересы землевладельца не противоположны интересам остального общества. В первом случае стоимость денег в сравнении со всеми товарами ниже; в другом—стоимость хлеба в сравнении со всеми товарами выше. В первом случае стоимость хлеба по отношению к товарам остается неизменной, во втором—она выше по отношению как к товарам, так и к деньгам.

Следующее замечание Адама Смита применимо к низкой стоимости денег, но оно совершенно не применимо к высокой стоимости хлеба. «Если бы ввоз (хлеба) был всегда свободен, наши фермеры и землевладельцы вероятно получали бы из года в год за свой хлеб меньше денег, чем теперь, когда ввоз в большинстве случаев фактически вос-

* [Большая вставка на стр. 212—213 от: «И действительно» до «только косвенно» сделана только в третьем издании].

прецен, но деньги, которые они получили бы, имели бы большую стоимость, могли бы купить больше товаров всякого рода и могли бы доставить большее количество труда. Следовательно их реальное богатство, их реальный доход были бы такими же, как и в настоящее время, хотя они выражались бы в меньшем количестве серебра. Они находили бы поэтому обработку земель не менее возможной и не менее выгодной, чем в настоящее время. Напротив, так как повышение реальной стоимости серебра, вследствие понижения денежной цены хлеба, отчасти понизило бы денежную цену всех других товаров, то оно дает промышленности той страны, где оно произошло, некоторые выгоды на внешнем рынке и поэтому дает толчок к развитию этой промышленности. Но размеры внутреннего рынка для хлеба должны находиться в соответствии с общей промышленностью страны, где возделывается этот хлеб, или с числом тех людей, которые производят какие-нибудь товары для обмена на хлеб. Но в каждой стране внутренний рынок, как наиболее близкий и удобный, является в то же время и самым обширным и важным рынком для хлеба. Следовательно повышение реальной стоимости серебра, представляющее следствие понижения средней денежной цены хлеба, имеет тенденцию расширить наиболее обширный и важный рынок для хлеба и скорее поощряет, чем задерживает, развитие земледелия»*.

Высокая или низкая денежная цена хлеба, поскольку она зависит от изобилия и дешевизны золота и серебра, не имеет никакого значения для землевладельца, потому что в этом случае, как уже заметил Адам Смит, понижение или повышение коснется одинаково всех товаров. Но высокая цена хлеба по отношению к остальным товарам всегда является в высшей степени выгодной для землевладельца: во-первых, она дает ему большее количество хлеба в виде ренты, и, во-вторых, на каждое одинаковое количество хлеба он может приобрести не только большее количество денег, но и большее количество всякого товара, который можно купить за деньги.

* [Кн. 4, гл. V].

ГЛАВА XXV

О КОЛОНИАЛЬНОЙ ТОРГОВЛЕ

В своих замечаниях о колониальной торговле Адам Смит очень удовлетворительно показал все выгоды свободной торговли и всю несправедливость, которую терпят колонии вследствие того, что метрополия мешает им продавать свои продукты на самом дорогом рынке и покупать необходимые им товары и материалы на самом дешевом. Он показал, что, дозволяя каждой стране свободно обменивать продукты своей промышленности, где и когда ей угодно, мы способствуем наилучшему распределению труда в мире и обеспечиваем максимальное производство предметов необходимости и удобства.

Он старался также показать, что такая свобода торговли лежит не только в интересах всего мира, но выгодна также для всякой отдельной страны, и что узкая политика, которая принята во всех странах Европы по отношению к их колониям, приносит метрополиям не меньший вред, чем колониям, интересы которых при этом приносятся в жертву.

«Метрополия колониальной торговли, — говорит он, — подобно всем другим низким и злобредным приемам меркантильной системы, действует угнетающим образом на промышленность всех стран, но больше всего она гнетет промышленность колоний, нисколько не содействуя и, наоборот, даже препятствуя развитию промышленности в странах, в пользу которых установлена метрополия»*.

Впрочем эта часть его замечаний не изложена таким ясным и убедительным образом, как те, в которых он указывает на несправедливость этой системы по отношению к колониям.

[По моему мнению, позволительно сомневаться, что]** метрополия не может иногда выиграть от стеснений, которым она подвергает свои колонии. Кто мог бы сомневаться например, что, будь Англия колонией Франции, последняя выиграла бы, если бы Англия платила большую премию за вывоз хлеба, сукна или других товаров? Рассматривая вопрос о премиях, мы видели, что при цене в 4 ф. ст. за квартал установление премий в 10 шилл. на квартал вывозимого из Англии хлеба

* [Кн. 4, гл. VII, раздел 3].

** [В первом и втором изданиях абзац начинался иначе: «Не утверждая или не отрицая, что существующая практика Европы по отношению к своим колониям убыточна для метрополий, я позволю себе усомниться...»].

уменьшило бы цену его во Франции до 3 ф. ст. 10 шилл. И вот, если прежде во Франции хлеб продавался по 3 ф. ст. 15 шилл. за квартал, то французские потребители выиграют 5 шилл. на каждый квартал ввозимого хлеба, а если бы естественная цена хлеба во Франции составляла прежде 4 ф. ст., они выиграли бы на каждый квартал всю премию в 10 шилл. Франция таким образом выиграла бы то, что потеряла Англия, и она при этом выиграла бы не только часть, но и все, что потеряла Англия.

Впрочем могут сказать, что премия за вывоз есть мера внутренней политики и нелегко может быть установлена метрополией.

Если бы для Ямайки и Голландии было выгодно обмениваться товарами, которые каждая из них производит, без всякого посредничества Англии, то совершенно ясно, что при отсутствии такого свободного обмена интересы Ямайки и Голландии пострадали бы одинаково. Но если бы Ямайка была вынуждена посылать свои товары в Англию и обменивать их там на голландские, то английский капитал или английские агенты участвовали бы в торговле, в которой они при других условиях не принимали бы никакого участия. Они привлекаются в нее премией, которая уплачивается не Англией, а Голландией и Ямайкой.

Адам Смит уже сам констатировал, что потеря, причиняемая невыгодным распределением труда в двух странах, может оказаться выгодной для одной из них, в то время как другая будет терять больше, чем сколько обыкновенно теряется вследствие такого распределения. И если это верно, то отсюда следует, что мера, которая может принести колонии большой вред, окажется отчасти выгодной для метрополии.

Говоря о торговых договорах, он замечает: «Если нация связывает себя договором, в силу которого разрешается ввоз известных товаров из какой-нибудь чужой страны, когда ввоз их из других стран воспрещен или товары одной страны освобождаются от пошлин, которыми обложены товары всех других стран, то страна или по крайней мере торговцы и фабриканты этой страны, торговля которой поощряется таким образом, непременно извлекают большие выгоды из договора. Эти торговцы и фабриканты пользуются известного рода монополией в стране, которая относится к ним так благожелательно. Страна получает и более обширный и более выгодный рынок для своих товаров. Более обширный, потому что вследствие исключения или обложения тяжелыми пошлинами всех товаров других стран большая часть рынка захватывается ее товарами, и более выгодный, потому что торговцы наиболее благоприятствуемой страны, пользуясь здесь известной монополией, часто продают свои товары по более высоким ценам, чем те, которые установились бы при свободной конкуренции всех наций»*.

Допустим, что из двух стран, заключивших между собою торговый договор, одна представляет метрополию, а другая—колонию, и Адам Смит очевидно должен будет допустить, что метрополия может выиграть от притеснения колоний. Впрочем могут еще заметить, что

* [Кн. 4, гл. VI].

если только монополия на иностранном рынке не находится в руках привилегированной компании, то иностранные покупатели будут платить за товары не дороже, чем туземные. Цена, которую они заплатят, будет только немногим отличаться от естественной цены товаров в стране, где они производятся. Англия например при обыкновенных условиях всегда может купить французские товары по их естественной цене во Франции, а Франция имела бы такую же привилегию покупать английские товары по их естественной цене в Англии. Но по таким ценам товары покупались бы и без договора. Итак, какие выгоды или невыгоды мог бы доставлять такой договор каждой из этих стран?

Невыгоды этого договора для импортирующей страны заключались бы в следующем: она была бы обязана покупать какой-нибудь товар, хотя бы и по естественной цене его, скажем, в Англии, когда она, быть может, купила бы его в другой стране по более низкой естественной цене. Таким образом договор вызвал бы невыгодное распределение всего капитала, которое всей своей тяжестью пало бы на страну, обязанную по договору покупать товары на наименее производительном рынке. И в то же время, несмотря на монополию, предоставленную продавцу, договор не приносит последнему никаких выгод, потому что конкуренция соотечественников мешает продавцу продавать свой товар дороже его естественной цены, по которой он сбывал бы его, — все равно, вывозил ли бы он его во Францию, Испанию или Вест-Индию или продавал бы для внутреннего потребления.

А в чем заключаются выгоды, доставляемые договором? В том, что некоторые товары производились бы в Англии для вывоза только потому, что она пользуется привилегией монопольного обслуживания этого особенного рынка. При других условиях конкуренция стран, где естественная цена таких товаров ниже, лишила бы Англию всякой возможности продавать их. Впрочем это не имело бы особенного значения, если бы Англия была совершенно обеспечена, что она может продать на такую же сумму всяких других товаров, производимых ею, на французском рынке или на каком-нибудь другом, но с одинаковой выгодой. Цель, которую ставит себе например Англия, состоит в том, чтобы купить известное количество французских вин стоимостью в 5 000 ф. ст. Она поэтому желает продать где-нибудь товары, за которые она могла бы получить 5 000 ф. ст., нужные ей для указанной цели. Если Франция предоставляет ей монополию по продаже сукна, Англия будет охотно вывозить для этой цели сукно, но если бы торговля была свободна, конкуренция других стран могла бы помешать этому, и естественная цена сукна в Англии не была бы достаточно низка, чтобы доставить ей путем продажи этого сукна 5 000 ф. ст. и получить обычную прибыль на затраченный с этою целью капитал. Тогда промышленность Англии должна была бы быть направлена на какой-нибудь другой товар, но при этом могло бы случиться, что она не в состоянии была бы при существующей стоимости денег продавать свои произведения по их естественной цене в других странах. Что же получится в результате? Потребители вина в Англии попрежнему готовы отдать 5 000 ф. ст. за вино, и следовательно во Францию

с этой целью будут вывезены 5 000 ф. ст. деньгами. Вследствие этого вывоза денег стоимость их повышается в Англии и понижается в других странах, а вместе с этим понизится и *естественная цена* всех товаров, производимых британской промышленностью. Повышение стоимости денег тождественно с понижением стоимости товаров. Но теперь можно будет экспортировать британские товары для получения 5 000 ф. ст., так как при пониженной естественной цене этих товаров они могут конкурировать с товарами других стран. Впрочем придется продать больше товаров по низким ценам, чтобы получить требуемые 5 000 ф. ст., но эти 5 000 ф. ст. уже не могут доставить то же самое количество вина: в то время как вследствие уменьшения количества денег в Англии в этой стране естественная цена всех товаров понизилась, во Франции, наоборот, вследствие увеличения количества денег естественная цена всех товаров и вина в том числе увеличилась. Поэтому в Англию при свободной торговле в обмен на ее товары ввозилось бы меньше вина, чем в то время, когда Англия в силу торгового договора пользовалась бы особыми преимуществами. Однако *норма* прибыли не изменилась бы. Изменилась бы только относительная стоимость денег в этих двух странах. Выгода, полученная Францией, заключалась бы в том, что она в обмен на известное количество своих товаров получала бы теперь более значительное количество английских, а невыгода для Англии в том, что последняя получала бы в обмен на известное количество товаров гораздо меньшее количество французских товаров.

Итак, поощряется ли развитие внешней торговли, ставят ли ей препятствия или она остается совершенно свободной, все равно, внешняя торговля будет продолжать существовать, какова бы ни была сравнительная трудность производства в различных странах. Она может регулироваться только путем изменения естественной цены—но не естественной стоимости—товаров, по которой последние могут производиться в этих странах. А изменение естественной цены вызывается только изменением распределения драгоценных металлов. Это объяснение подтверждает высказанное мною в другом месте мнение, что нет такого налога, премии или запрещения вывоза или ввоза товаров, которые не вызвали бы различное распределение драгоценных металлов и следовательно не изменили бы всюду как естественную, так и рыночную цену товаров.

Поэтому ясно, что можно так регулировать торговлю с колонией, чтобы она в одно и то же время была менее выгодна для колонии и более выгодна для метрополии, чем свободная торговля. Как отдельный потребитель теряет, если он обязан закупать все товары в одной лавке, так и целая нация потребителей проигрывает, когда она вынуждена покупать необходимые ей товары только в одной стране. Если бы эта лавка или страна доставляли требуемые товары по самой дешевой цене, они наверное продали бы их и без такой исключительной привилегии. А если они не могут продавать свои товары дешевле, то всеобщая выгода требует, чтобы они не получали помощи при продолжении торговли, которую они не могут вести с такой же выгодой, как другие. Лавка или страна, продающие такие товары, могли бы

проиграть при перемене занятий, но общая польза лучше всего достигается при наиболее производительном распределении всеобщего капитала, т. е., иначе говоря, при всеобщей свободной торговле.

Возрастание издержек производства товара, даже если он является предметом насущной необходимости, не сопровождается обязательно уменьшением его потребления. Хотя покупательная сила потребителей уменьшается вследствие повышения цены известного товара, но они могут отказаться от потребления какого-нибудь другого товара, издержки производства которого не увеличились. В этом случае как предлагаемое количество, так и требуемое количество могут остаться без изменения. Увеличатся только издержки производства, и все-таки цена поднимется, да и должна подняться, чтобы уравнять прибыль производителя товара, издержки производства которого возросли, с прибылью, получаемую в других отраслях промышленности.

Сэй признает, что издержки производства составляют основание цены, и, несмотря на это, в различных частях своего труда утверждает, что цена регулируется соотношением между спросом и предложением. Действительным и главным регулятором относительной стоимости двух товаров являются издержки их производства, а не количество каждого из них, которое может быть произведено, и не конкуренция между покупателями.

По мнению Адама Смита, колониальная торговля, ввиду того что в нее мог быть вложен только британский капитал, повысила норму прибыли во всех остальных отраслях торговли. А так как он думает, что высокая прибыль точно так же, как и высокая заработная плата, повышает цены товаров, то он думает также, что колониальная торговля принесла метрополии вред, так как она уменьшила способность метрополии продавать промышленные товары так же дешево, как другие страны. Он говорит: «Вследствие монополии рост колониальной торговли повлек бы за собою не столько расширение размеров торговли Великобритании, сколько коренное изменение ее направления. Во-вторых, эта монополия необходимо приводила к повышению нормы прибыли в различных отраслях британской торговли, и это повышение приняло большие размеры, чем оно приняло бы в том случае, если бы все нации могли свободно вести торговлю с британскими колониями»*. «Но все, что способствует в какой-нибудь стране повышению обычной нормы прибыли в более сильной степени, чем это имело бы место при других условиях, ставит эту страну, — и относительно и абсолютно, — в невыгодное положение во всех отраслях торговли, в которых ей не принадлежит монополия. И страна попадает в это безусловно невыгодное положение потому, что в таких отраслях торговли ее торговцы могут получить более высокую прибыль, продавая по более дорогим ценам как товары чужих стран, которые они ввозят в свою родную страну, так и товары своей страны, которые они вывозят в чужие страны. Их родина должна покупать дороже и продавать дороже, покупать меньше и продавать меньше, должна пот-

* [Кн. 4, гл. VII, раздел 3].

реблять меньше и производить меньше, чем она это делала бы при других условиях»*.

«Наши торговцы часто жалуются на высокую заработную плату британских рабочих как на причину вытеснения английских мануфактур на иностранных рынках, но они умалчивают о высокой прибыли на капитал. Они жалуются на экстравагантные барыши других, но не замечают своих барышей. А между тем высокая прибыль на британский капитал способствует во многих случаях повышению цен не в меньшей, если не в большей, степени, чем высокая заработная плата британских рабочих»**.

Я допускаю, что монополия колониальной торговли может изменить — и часто очень невыгодным образом — направление капитала. Но из всего, что сказано было выше о прибыли, следует, что никакая смена одной отрасли внешней торговли другой или смена внутренней торговли внешней не может, по моему мнению, изменить норму прибыли. Вредные последствия такой смены я только что описал: в результате получится более неудовлетворительное распределение всего капитала и промышленности, и следовательно произойдет уменьшение производства. Естественная цена товаров поднимется, и, хотя потребитель будет в состоянии купить товаров на ту же денежную стоимость, он получит меньшее количество их. Кроме того следует заметить, что если бы даже произошло повышение прибыли, то цены ничуть не изменились бы, так как цены не регулируются ни заработной платой, ни прибылью.

И разве Адам Смит не разделяет того же взгляда, когда он говорит, что «цены товаров или стоимость золота и серебра в сравнении с другими товарами зависят от отношения между *количеством труда*, необходимого для доставки определенного количества золота и серебра на рынок, и количеством труда, необходимого для доставки на рынок всякого рода других товаров»*** Это количество не изменится, будет ли прибыль или заработная плата высока или низка. Каким же образом могут подняться цены вследствие повышения прибыли.

* [Кн. 4, гл. VII, раздел 3].

** [Там же].

*** [Кн. 2, гл. II].

ГЛАВА XXVI

О ВАЛОВОМ И ЧИСТОМ ДОХОДЕ

Адам Смит всегда преувеличивает выгоды, которые страна извлекает из большего валового дохода, в сравнении с выгодами, доставляемыми большим чистым доходом. «Чем большая часть капитала страны затрачена на земледелие, — говорит он, — тем больше будет количество производительного труда, приводимого в движение этим капиталом внутри страны, тем больше будет также и стоимость, которую употребление капитала прибавляет к годовому продукту земли и труда данного общества. После капитала, вложенного в земледелие, приводит в движение наибольшее количество труда и прибавляет наибольшую стоимость к годовому продукту капитал, функционирующий в обрабатывающей промышленности. Из всех трех видов капитала самое слабое действие в этом отношении производит капитал, затраченный на экспортную торговлю»¹.

Допустим на время, что все это верно. В чем же состояли бы выгоды, вытекающие для страны из употребления большего количества производительного труда, если чистая рента и прибыль вместе взятые остаются неизменными, — все равно, употребляет ли страна то же самое количество труда или значительно меньшее? Весь продукт земли и труда каждой страны делится на три части: из них одна идет на заработную плату, другая — на прибыль, третья — на ренту. Только из двух последних частей можно производить какие-нибудь вычеты на налоги или на сбережения; первая из них при ее умеренных размерах всегда составляет необходимые издержки производства². Для

¹ [Кн. 2, гл. V]. Сэй разделяет мнение Адама Смита. «Самым производительным употреблением капитала для всей страны в целом после земледелия являются мануфактурная промышленность и внутренняя торговля. И та и другая приводят в движение промысел, прибыль с которого получается в самой стране, тогда как капитал, вложенный во внешнюю торговлю, увеличивает производительность промышленности и земли всех стран без всякого различия.

Наименее выгодным для нации употреблением капитала является торговля, занимающаяся перевозкой продукта из одной чужой страны в другую» (Say, ч. II, р. 120).

² Это выражено, быть может, слишком строго, так как под именем заработной платы рабочий вообще получает больше, чем абсолютно необходимые издержки производства. В этом случае рабочий получает часть чистого продукта страны. Он может сберечь ее или же израсходовать. Она может также дать рабочему возможность способствовать защите страны. [Это примечание сделано к третьему изданию.]

человека, имеющего капитал в 20 тыс. ф. ст., приносящий ему ежегодно 2 000 ф. ст. прибыли, совершенно безразлично, доставляет ли его капитал занятис 100 или 1 000 человек, продается ли произведенный товар за 10 тыс. или 20 тыс. ф. ст., если только прибыль, получаемая им, ни в каком случае не падает ниже 2 000 ф. ст. Не таков ли также и реальный интерес целой нации? Если только ее чистый реальный доход, ее рента и прибыль не изменяются, то не имеет никакого значения, состоит ли эта нация из 10 или 12 млн. людей. Ее способность содержать армию и флот и всякого рода непроизводительный труд должна всегда находиться в соответствии с ее чистым доходом, а не валовым. Если 5 млн. чел. могут производить столько предметов пищи и одежды, сколько необходимо для 10 млн., то пища и одежда для 5 млн. составляет чистый доход. Почему для страны было бы более выгодно, чтобы для производства того же самого чистого дохода требовалось 7 млн. людей, или, другими словами, чтобы 7 млн. человек заняты были производством такого количества одежды и пищи, которого хватило бы на 12 млн. человек? Пища и одежда для 5 млн. продолжали бы оставаться чистым доходом. Употребление более значительного числа людей не дало бы нам возможности увеличить число людей в армии и флоте или внести хотя бы одну лишнюю гинею в виде налога.

И если Адам Смит тоже отдает преимущество такому употреблению капитала, при котором последний приводит в движение максимальное количество промышленного труда, то он это делает не потому, что, по его мнению, большое население доставляет какие-нибудь особенные выгоды или что при этом большее число человеческих существ может пользоваться благополучием. Нет, Адам Смит отдает предпочтение такому употреблению капитала только потому, что оно увеличивает могущество страны¹. Так, он говорит: «Богатство и, поскольку могущество зависит от богатства, могущество каждой страны всегда находятся в соответствии со стоимостью ее годового продукта, того источника, из которого в конечном счете выплачиваются все налоги»*. Но вполне ясно, что налоговоспособность страны зависит не от ее валового, а от чистого дохода.

При распределении различных занятий между всеми странами капитал более бедных наций естественно будет употребляться в таких отраслях промышленности, которые дают возможность содержать большое количество труда внутри страны, так как в подобных странах очень легко можно получить предметы пищи и необходимости для растущего населения. Напротив, в богатых странах, где пища дорога, капитал при свободе торговли будет, естественно, притекать в такие предприятия, которые требуют внутри страны минимального количества труда. Такова транспортная торговля, внешняя торговля с отдаленными странами и производства, в которых требуются дорогие

¹ Сэй меня совершенно не понял, предполагая, что я не придаю никакого значения благополучию столь значительного числа человеческих существ. Текст, мне кажется, вполне достаточно показывает, что мои замечания относятся только к тем аргументам, на которых основывает свое мнение Адам Смит. [Это примечание сделано только к третьему изданию].

* [Кн. 2, гл. V.]

машины, одним словом, такие отрасли торговли и промышленности, в которых прибыль пропорциональна не количеству употребленного труда, а количеству капитала¹.

Я вполне допускаю, что в земледелии данный капитал, — такой, который по самой природе ренты затрачивается на какую угодно землю, но только не на ту, которая позже всех поступила в обработку, — приводит в движение большее количество труда, чем одинаковый капитал, затраченный в обрабатывающей промышленности и торговле, и в то же время не могу согласиться, что есть какое-нибудь различие между количеством труда, употребляемого капиталом, занятым во внутренней торговле, и таким же капиталом, функционирующим во внешней торговле.

«Капитал, отправляющий шотландские промышленные изделия в Лондон и привозящий обратно в Эдинбург английский хлеб и мануфактурные же изделия, — говорит Адам Смит, — при каждой операции этого рода замещает необходимо два британских капитала, которые оба одинаково затрачены на земледелие или обрабатывающую промышленность Великобритании.

Капитал, затраченный на покупку иностранных товаров для внутреннего потребления, если эта покупка совершается посредством предметов внутреннего производства, при каждой операции этого рода также замещает два различных капитала, но только один из них идет на поддержку отечественной промышленности. Капитал, отправляющий британские товары в Португалию и привозящий обратно в Великобританию португальские товары, при всякой операции этого рода замещает только один британский капитал, так как другой капитал занят в португальской промышленности. Следовательно, если бы даже обороты внешней торговли предметами потребления совершались так же быстро, как обороты внутренней торговли, капитал, затраченный в первой, будет в два раза слабее стимулировать развитие промышленности или производительного труда страны»*.

Эта аргументация кажется мне ошибочной. Если даже, согласно предположению Адама Смита, употребляются два капитала, из которых один английский, а другой португальский, то все-таки капитал, затраченный на внешнюю торговлю, в два раза больше, чем капитал, затраченный на внутреннюю торговлю. Предположим, что Шотландия употребляет капитал в 1 000 ф. ст. на производство полотна, которое она обменивает на продукт одинакового капитала, затраченного на производство шелковых изделий в Англии. Таким образом обе страны употребляли бы 2 000 ф. ст. капитала и соответственное ко-

¹ «Мы можем считать большим счастьем, что естественный ход вещей влечет капитал не в такие занятия, которые были бы наиболее прибыльными для него, а в такие, которые наиболее прибыльны для всего общества» (т. II, стр. 122). Сэй забыл только сказать нам, что это за занятия, которые являются наиболее прибыльными для отдельного лица и не являются прибыльными для государства. Если страны, имеющие очень мало капиталов, но очень много плодородной земли, не торопятся принять участие во внешней торговле, то причина этого заключается в том, что это менее выгодно для отдельных лиц, а следовательно также менее выгодно для государства.

* [Кн. 2, гл. V].

личество труда. Предположим дальше, что Англия узнает, что за шелковые изделия, которые она прежде вывозила в Шотландию, она может получить гораздо больше полотна из Германии, а Шотландия узнает, что в обмен на свое полотно она из Франции может получить гораздо больше шелковых изделий, чем из Англии. Разве в этом случае Англия и Шотландия не прекратили бы немедленно торговлю друг с другом и не превратилась ли бы немедленно внутренняя торговля для потребления во внешнюю? И разве, несмотря на то, что в этой торговле будут теперь принимать участие два новых капитала, — один — германский, а другой — французский, — не будет и дальше употребляться такая же сумма шотландского и английского капитала? И не будут ли они приводить в движение такое же количество промышленного труда, как если бы они были затрачены на внутреннюю торговлю?

ГЛАВА XXVII

О ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ И О БАНКАХ*

О денежном обращении писали уже так много, что из всех лиц, занимающихся вопросами этого рода, разве одни только предубежденные не знают истинных его законов. Я поэтому ограничусь только кратким очерком некоторых законов, регулирующих количество обращающихся денег и их стоимость.

Стоимость золота и серебра, точно так же, как и стоимость всех других товаров, определяется количеством труда, необходимого для их производства и доставки на рынок. Золото почти в 15 раз дороже серебра не потому, что на него существует больший спрос, не потому, что предложение серебра в 15 раз больше, чем предложение золота, но потому, что на производство определенного количества золота требуется в 15 раз больше труда, чем на производство серебра.

Количество денег, которое может быть употребляемо в стране, определяется их стоимостью: если бы употреблялось только одно золото как средство обращения товаров, то количество, которое потребовалось бы для этой цели, было бы в пятнадцать раз меньше того количества серебра, которое потребовалось бы, если бы серебро в свою очередь было единственным средством обращения.

Каково бы ни было количество средств обращения, оно никогда не может оказаться излишним, ибо, уменьшая их стоимость, вы в той же самой пропорции увеличиваете их количество, а увеличивая их стоимость, вы уменьшаете их количество**.

Пока государство чеканит монету и не взимает никакой пошлины

* [В первом издании глава начиналась следующими словами: «Я не имею намерения утомлять читателя длинным рассуждением по вопросу о деньгах»].

** [В первом издании имелось еще следующее примечание:

«Употребление золота и серебра устанавливает таким образом в каждой местности известную необходимость в этих товарах и если страна обладает количеством, необходимым для удовлетворения этой потребности, то все, что вывится свыше того, не встречая спроса, представляет бесплатную стоимость, не приносящую пользы их собственникам» (Say, ч. I, p. 187).

На стр. 196 господин Сэй говорит: «Предположим, что страна требует для нужд внутреннего сообщения тысячу повозок, а на деле имеет 1 500. Тогда все повозки свыше 1 000 будут бесполезны». Отсюда он делает вывод, что если эта страна владеет большим количеством денег, чем это *необходимо*, то излишек не будет употреблен»].

за чеканку, металлические деньги будут иметь такую же стоимость, как и любой кусок того же металла одинакового веса и пробы. Но если государство взимает известную пошлину за чеканку монеты, то стоимость монеты будет превосходить стоимость куска металла на всю сумму пошлины, так как на производство монеты требуется большее количество труда, или—что то же самое—на приобретение ее требуется стоимость продукта большего количества труда.

Пока государство пользуется монополией чекана, трудно поставить какие-либо пределы повышению пошлины за чеканку, ибо стоимость монеты может быть путем уменьшения ее количества поднята до какой угодно высоты.

Именно на этом принципе основывается обращение бумажных денег: все расходы, сопряженные с ним, могут быть рассматриваемы как пошлина за чеканку. Конечно бумажные деньги не имеют никакой внутренней стоимости, но путем ограничения их количества меновая стоимость их может стать так же велика, как стоимость монеты такого же наименования или слитка в этой монете. В силу того же самого принципа, а именно путем ограничения количества, стертая монета могла бы обращаться по стоимости, которую она имела бы, если бы обладала законным весом и пробой, а не по той стоимости, которую она действительно содержит. Вот почему в истории британского монетного дела мы часто замечаем, что деньги никогда не обесценивались прямопропорционально уменьшению их веса. Причина этого лежит в том, что количество их никогда не увеличивалось прямопропорционально уменьшению их внутренней стоимости¹.

[Полное понимание всех следствий, вытекающих из принципа ограничения, количества денег,—вот что имеет наиболее важное значение в деле выпуска бумажных денег. Вряд ли кто-нибудь поверит лет через пятьдесят, что директора банков и министры как в парламенте, так и в парламентских комиссиях, могли серьезно утверждать, что выпуски билетов Английского банка, хотя бы размеры этих выпусков не ограничивались правом владельца банковских билетов требовать в обмен на них золото в монетах или слитках, не оказывали и не могли оказывать никакого влияния на цены товаров, слитков или вексельный курс]*.

После образования банков государство теряет свою исключительную привилегию чеканки денег или выпуска их. Денежное обращение может возрасти одинаково как вследствие выпуска монеты, так и вследствие выпуска бумажных денег. Поэтому если бы государство выпустило в обращение неполновесную монету и в то же время сократило бы ее количество, то оно не могло бы поддерживать стоимость этих денег, потому что банки имели бы такую же возможность увеличить количество орудий обращения.

По всем этим причинам очевидно нет никакой необходимости, чтобы бумажные деньги для обеспечения их стоимости были разменны

¹ Все, что сказано мною о золотой монете, относится в равной степени к серебряной, но нет никакой необходимости в каждом отдельном случае говорить об обеих.

* [Вставка во втором и третьем изданиях].

на монету. Необходимо только, чтобы количество их регулировалось в соответствии с стоимостью металла, служащего денежной единицей. Если бы такой единицей было золото определенного веса и пробы, можно было бы увеличивать количество бумажных денег при каждом падении стоимости золота или—что то же самое по своим последствиям—при всяком повышении цены товаров.

«Выпуская слишком большое количество бумажных денег,—говорит доктор Смит,—излишек которых постоянно возвращался назад для обмена на золото и серебро, Английский банк в течение целого ряда лет был вынужден ежегодно чеканить золота на сумму от 800 тыс. до 1 млн. ф. ст., или в среднем—на 850 тыс. ф. ст. Чтобы получить золото, необходимое для чеканки такого большого количества монеты, Английский банк (вследствие того, что золотая монета уже несколько лет находилась в очень плохом состоянии) часто должен был покупать слитки по такой высокой цене, как 4 ф. ст. за унцию. Сейчас же вслед за этим он выпускал этот слиток в обращение в форме монеты, но уже по 3 ф. ст. 17 шилл. 10 $\frac{1}{2}$ пенс. за унцию, и терял таким образом на чеканке такой большой суммы около 2 $\frac{1}{2}$ или 3%. Хотя банк не платил никакой пошлины за чеканку, хотя в действительности все издержки падали на правительство, эта щедрость правительства не избавляла банк от лишних расходов»*.

Установленный выше принцип, по моему мнению, показывает самым ясным образом, что, если бы банк не выпускал опять в обращение предъявленные ему для размена билеты, то стоимость всех средств обращения, как неполновесных, так и новых золотых монет, повысилась бы, и тогда требования на банк прекратились бы.

Бьюкенен впрочем думает иначе. По его мнению, «большие расходы, которые падали тогда на банк, вызывались не излишними выпусками бумажных денег, как думает повидимому доктор Смит, а очень плохим состоянием всего денежного обращения и вследствие этого высокой ценой слитков. Надо заметить, что банк, вынужденный выпускать в обмен на предъявленные билеты новые золотые гинеи, мог получить их, только отсылая на монетный двор слитки золота для перечеканки их в гинеи**». Когда в обращении находилось много неполновесных монет и цена слитков пропорционально этому возросла,

* [Кн. 2, гл. II].

** [В первом издании имелось к этому месту следующее примечание:

«В сделках, которые правительство заключает с частными лицами и в сделках частных лиц между собой, каждая монета получается, какое бы наименование ей не давали, только по своей внутренней стоимости, увеличенной на стоимость, которую к ней прибавляет полезность ее чеканки» (Say, v. I, p. 327).

«Металлические деньги настолько мало являются знаком, что если отдельные экземпляры теряют стоимость, снашиваясь путем трения, употребления или благодаря мошенничеству обрезывателей, то все предметы возрастают в цене пропорционально порче, которой они подвергались. Если правительство принимает перечеканку и восстанавливает каждый экземпляр в его законном весе и пробе, то предметы понизятся до своей прежней цены, если только стоимость их не подверглась изменениям в силу других причин». — Say, v. I, p. 346].

то можно было извлечь большую прибыль, получая от банка в обмен на билеты полновесные гиней: их переплавляли в слитки, продавали с прибылью за билеты банка и снова предъявляли последние, чтобы опять получить от банка новую сумму гиней, которую они в свою очередь переплавляли и продавали. И такому отливу золотой монеты банк будет подвергаться всегда, когда в обращении находится неполновесная монета, так как в этом случае постоянный обмен билетов на монеты приносит легкий и верный барыш. Следует однако заметить, что как бы ни были иногда велики неудобства и расходы, которыми для банка сопровождался такой отлив золотой монеты, никто никогда не останавливался на мысли избавить его от обязательства платить золотом за билеты».

Бьюкенен очевидно думает, что стоимость всех обращающихся денег необходимо понизится до уровня стоимости стертой и неполновесной монеты, а между тем путем одного только уменьшения количества обращающихся денег можно поднять стоимость остающихся в обращении денег до уровня стоимости лучших монет.

Доктор Смит повидимому забыл установленный им же самим принцип в своих рассуждениях о денежном обращении в колониях. Вместо того чтобы объяснить понижение стоимости бумажных денег в колониях слишком большим количеством их, он задает вопрос: будут ли билеты в 100 ф. ст., платеж по которым должен последовать через пятнадцать лет, при условии, что колония дает вполне надежное обеспечение, стоить столько же, сколько билеты в 100 ф. ст., платеж по которым будет произведен немедленно? Я отвечаю: да, если эти билеты не будут выпущены в излишнем количестве.

Опыт однако показывает, что государство или банк, пользовавшиеся правом неограниченного выпуска бумажных денег, всегда злоупотребляли этим правом. Поэтому в каждом государстве выпуск бумажных денег должен подчиняться известным ограничениям и контролю. И трудно указать лучшее средство для достижения этой цели, чем ограничение выпусков бумажных денег обязательством платить за каждый предъявляемый билет золотом—в монете или слитках.

[«Чтобы обеспечить публику¹ от всяких других изменений в стоимости денег, кроме тех, которым подвергается основная денежная единица, и в то же время удовлетворить нужде товарного обращения с помощью наиболее дешевого орудия, необходимо довести наше денежное обращение до последней степени совершенства. И мы пользовались бы всеми выгодами такого совершенного денежного обращения, если бы на банк была возложена обязанность выдавать в обмен на банковые билеты не гиней, а слитки золота или серебра указной пробы или цены. Таким путем можно было бы избежать, чтобы падение курса билетов ниже стоимости слитков не сопровождалось немедленным ограничением их количества. Чтобы предупредить в свою очередь повы-

¹ Эти и следующие страницы, заключенные в скобки, взяты из памфлета: «Проект экономного и прочного денежного обращения», изданного автором в 1816 г. [Эта большая вставка имеется только во втором и третьем изданиях.]

шение цен билетов в сравнении с стоимостью слитков, следовало бы обязать банк выдавать билеты в обмен на золото указной пробы по цене в 3 ф. ст. 17 шилл. за унцию. Чтоб избавить банк от всякой лишней работы, количество золота, которое может быть истребовано в обмен на билеты по монетной цене, т. е. по 3 ф. ст. 17 шилл. 10½ пенс. за унцию, или количество золота, которое может быть продано банку по цене в 3 ф. ст. 17 шилл., никогда не должно быть меньше 20 унций. Другими словами, банк был бы обязан покупать любое количество предлагаемого ему золота, если оно не меньше 20 унций, по 3 ф. ст. 17 шилл. за унцию¹ и продавать любое количество его, которое могло бы быть потребовано у него, по 3 ф. ст. 17 шилл. 10½ пенс. за унцию. Так как банк имеет возможность регулировать количество своих билетов, то он не будет испытывать никаких неудобств вследствие этого ограничения.

В то же самое время вывоз и ввоз всякого рода слитков должны быть совершенно свободны. Такие сделки со слитками были бы очень немногочисленны, если бы банк регулировал свои ссуды и выпуски билетов, пользуясь критерием, о котором я так часто упоминал, а именно ценой слитков указной пробы, не обращая внимания на абсолютное количество билетов, находящихся в обращении.

Цель, которую я имею в виду, была бы в значительной степени достигнута уже и тогда, когда банк был бы обязан выдавать в обмен на предъявляемые ему билеты слитки указной цены и пробы, хотя бы он в то же время вовсе не был обязан покупать любое количество предлагаемых ему слитков по определенной цене, — особенно еще, если монетный двор попрежнему оставался бы открытым для чеканки монеты по требованию частных лиц. Предлагаемая мною мера ставит себе единственную цель: устранить отклонение стоимости денег от стоимости слитков больше, чем на ничтожную разницу между ценами, по которым банк продавал бы и покупал золото. Она таким образом приблизила бы нас к тому однообразию в стоимости денег, которое считается столь желательным.

Если бы банк совершенно произвольно сокращал количество своих билетов, стоимость последних поднялось бы, и золото повидимому понизилось бы в своей стоимости ниже нормы, по которой, по моему предположению, банк должен был покупать его. В этом случае золото было бы отправлено на монетный двор. Превратившись в монету и увеличив количество орудий обращения, оно понизило бы стоимость денег и приблизило бы ее опять к законному курсу. Но это сопровождалось бы большим риском, стоило бы дороже и совершилось бы не так легко, как с помощью предложенных мною средств,

¹ Цена в 3 ф. ст. 17 шилл., о которой говорится в тексте, конечно цена произвольная. Можно было бы привести также доказательства в пользу повышения или понижения ее. Выбрав цену в 3 ф. ст. 17 шилл., я хотел только дать иллюстрацию к общему положению. Цена должна быть фиксирована таким образом, чтобы продавец золота предпочел скорее продать его банку, чем отправить на монетный двор для чеканки.

То же самое замечание относится и к выбранному мною минимуму в 20 унций. Могут найтись основания для установления минимума в 10 или 30 унций.

против которых банк ничего не может возразить, так как ему гораздо выгоднее снабжать обращение билетами, чем обязать других снабжать его монетой.

При такой системе и таким образом урегулированном денежном обращении банк никогда не испытывал бы никаких затруднений, кроме тех, которые возникают в чрезвычайных случаях, когда паника охватывает всю страну и каждый предпочитает драгоценные металлы как наилучшее орудие для реализации или сохранения своего имущества. Против такой паники банки не имеют гарантии *ни при какой системе*. Они подвержены ее действию по самой своей природе, так как ни в банке, ни в стране никогда не может быть такого количества металлических денег или слитков, которое могло бы быть потребовано денежными людьми данной страны. Если бы все они в один и тот же день истребовали свои вклады у банкиров, то даже в несколько раз большее количество банковых билетов оказалось бы недостаточным для удовлетворения этих требований. Именно паника такого рода явилась главной причиной краха в 1797 г., а не—как предполагали некоторые—большие ссуды, которые банк тогда выдал правительству. Ни банк, ни правительство не заслуживали в то время порицания. Неосновательные опасения пугливой части общества распространились с быстротой эпидемии и вызвали натиск на банк. Этот натиск все равно имел бы место, если бы даже банк не делал никаких ссуд правительству и имел вдвое больший капитал. Если бы банк продолжал платить звонкой монетой, то паника вероятно улеглась бы раньше, чем истощилась его металлическая наличность.

Если принять во внимание известные взгляды, которыми руководились директора банка при выпуске бумажных денег, то следует признать, что они пользовались своими полномочиями довольно сдержанно. Очевидно, что они применяли свои принципы с величайшей осторожностью. В силу существующего закона они имеют право без какого-либо контроля увеличить или уменьшить обращение в каких им угодно размерах, право, которое не должно быть предоставлено ни государству, ни кому-либо в государстве, так как при условии, что увеличение или уменьшение количества денег зависит только от воли эмиссионного учреждения, исчезает всякая гарантия однообразия их стоимости. Что банк имеет возможность сократить обращение до минимальных размеров, не будут отрицать даже те, которые признают вместе с директорами банка, что последние не могут бесконечно увеличивать количество обращающихся денег. Хотя лично я вполне убежден, что банк не желал, да и не имел никакой выгоды, воспользоваться своей властью в ущерб интересам публики, все-таки, принимая во внимание все вредные последствия, которые могут быть вызваны внезапным и сильным сокращением обращения, а равно и сильным увеличением, я могу только отнестись с порицанием к той легкости, с какой государство вооружило банк такой страшной прерогативой.

Неудобства, которым подвергались провинциальные банки в эпоху до приостановления размена банком, временами должны были быть очень велики. Во всякий тревожный момент или в ожидании

тревоги они были вынуждены скапливать гиней, чтобы быть готовыми ко всяким требованиям, которые могли бы возникнуть. В таких случаях гиней получались в банке в обмен на крупные банковые билеты и доставлялись провинциальному банку за его счет и риск каким-нибудь доверенным агентом. Выполнив функцию, для которой они предназначались, гиней возвращались обратно в Лондон и по всей вероятности опять попадали в банк, если только они не испытали такой потери в весе, которая ставила их ниже законной нормы.

Если бы предлагаемый теперь план оплаты банковых билетов слитками был принят, то необходимо было бы распространить ту же самую привилегию на провинциальные банки или сделать билеты Английского банка законным платежным средством. В последнем случае не требовалось бы никакого изменения в законодательстве о провинциальных банках, так как они были бы обязаны точно так же, как и теперь, выдавать по востребованию в обмен за свои билеты билеты Английского банка.

Сбережение, которое получилось бы вследствие этого, было бы очень значительно: гиней не теряли бы части своего веса вследствие трения, которому они подвергаются во время своих непрерывных странствований, и мы кроме того сберегли бы расходы по их пересылке. Но еще бóльшие выгоды мы извлекли бы вследствие того, что обращение как в провинции, так и в Лондоне, особенно поскольку речь идет о мелких платежах, постоянно снабжалось бы вместо такого дорогого орудия, как золото, очень дешевым, как билеты. Таким образом вся страна получила бы прибыль, которую можно было бы извлечь при производительном употреблении капитала, равного всей сбереженной сумме. И мы конечно не имели бы никакого основания отказаться от такой решительной выгоды, если только нам не были бы указаны какие-нибудь специфические неудобства, которыми могло бы сопровождаться пользование более дешевым орудием»].

Денежное обращение находится в самом совершенном состоянии, когда оно состоит целиком из бумажных денег, но бумажных денег, стоимость которых равняется стоимости представляемого ими золота. Употребление бумажных денег вместо золота заменяет самое дорогое орудие обращения наиболее дешевым и дает возможность стране без потери для отдельных лиц обменять все золото, которое употреблялось для целей обращения, на сырые материалы, инструменты и предметы пищи. А путем использования последних можно увеличить как богатство страны, так и количество принадлежащих ей предметов удовольствия.

С точки зрения всей нации,—если только бумажное обращение хорошо урегулировано,—совершенно безразлично, кто будет заниматься выпуском бумажных денег—правительство или банк. В общем богатство страны увеличится одинаково в обоих случаях. Иначе представляется дело с точки зрения частных лиц. В стране, где рыночная норма процента равняется 7% и где государство требует ежегодно для какого-нибудь особенного расхода 70 тыс. ф. ст., для граждан этой страны вопрос о том, будут ли они обложены специальным налогом для уплаты этих 70 тыс. ф. ст. в год или они могут уплатить их

другим способом, помимо налога, — вопрос этот имеет большое значение. Предположим, что для снаряжения какой-нибудь экспедиции требуется 1 млн. денег. Если бы государство выпустило на 1 млн. бумажных денег и таким образом извлекло бы из обращения 1 млн. в монете, то экспедиция была бы снаряжена без всякого обременения для народа. Но если бы этот миллион был выпущен в обращение банком, который ссудил бы извлеченный им из обращения миллион в монете правительству из 7%, то страна была бы обременена постоянным налогом в 70 тыс. ф. ст. Народ вносил бы налог, банк получал бы этот налог, и общество в целом было бы так же богато, как и прежде; экспедиция была бы действительно снаряжена благодаря улучшению нашей денежной системы, которое сделало возможным производительное употребление капитала стоимостью в 1 млн., затраченного на товары, вместо того чтобы оставаться непроизводительным в форме монеты. Но все выгоды достались бы учреждению, выпустившему бумажные деньги в обращение. А так как государство является представителем народа, то если бы не банк, а оно выпустило этот миллион, народ мог бы сберечь всю сумму платимого им налога.

Я прежде заметил, что будь у нас полная гарантия, что выпуском бумажных денег не будут злоупотреблять, то с точки зрения национального богатства безразлично, кто будет производить эти выпуски. Теперь же я показал, что население прямо заинтересовано в том, чтобы эти выпуски производились государством, а не компанией торговцев или банкиров. Однако опасность таких злоупотреблений гораздо больше, когда право выпуска принадлежит правительству, а не компании банкиров. Так, некоторые думают, что компания находилась бы больше под контролем законов. Кроме того если бы ей даже было выгодно увеличивать выпуски билетов в самых неограниченных размерах, то она встретила бы препятствие и границу в праве частных лиц требовать в обмен на билеты монеты или слитки. Опасаются также, что если бы правительство пользовалось привилегией выпуска бумажных денег, оно не обращало бы внимания на такие препятствия, так как оно скорее склонно принимать во внимание интересы настоящего, чем интересы будущего. Поэтому, ссылаясь на большое удобство таких выпусков, оно отменило бы всякие ограничения, которыми контролировалось бы количество выпускаемых им денег.

По отношению к деспотическому правительству такое возражение имело бы большую силу. Но в свободной стране, с просвещенным законодательством, право выпускать бумажные деньги, при условии их разменности по желанию предъявителя, могло бы вполне безопасно быть предоставлено назначенным для этой цели комиссарам, которые были бы совершенно независимы от контроля министров.

Фонд погашения находится в заведывании таких комиссаров, ответственных только перед парламентом, и помещение денег, вверенных их заботам, производится с чрезвычайной правильностью. Какое основание имеем мы сомневаться, что выпуски бумажных денег производились бы с такой же правильностью, если бы ими заведывало такое же учреждение?

Конечно могут сказать, что хотя выгоды, проистекающие для

государства, а следовательно и для населения, от выпусков бумажных денег, достаточно очевидны, так как часть национального долга, по которому население платит проценты, превратилась бы в беспроцентный заем, все-таки выпуск бумажных денег правительством был бы невыгоден для торговли, так как торговцы таким образом теряют возможность занимать деньги и учитывать свои векселя, а именно этим способом банк выпускает в обращение часть своих билетов.

Но это было бы равносильно предположению, что нельзя было бы нигде занять денег, если бы банк не ссужал их, и что рыночная норма процента и прибыли зависит от размеров выпуска денег и от того, каким путем они попадают в обращение. Но как страна не испытывала бы никакого недостатка в сукне, в вине или в каком-нибудь другом товаре, если только она имеет средства для уплаты за все эти предметы, точно так же не было бы никакого недостатка в деньгах для ссуд, если бы только заемщики представили хорошее обеспечение и были бы готовы заплатить за них рыночную норму процента.

В другой части этого сочинения я старался показать, что действительная стоимость товара регулируется не случайными выгодами, которые могут быть получены некоторыми из производителей этого товара, а теми реальными трудностями, которые встречает на своем пути производитель, находящийся в наименее благоприятном положении. То же самое можно сказать и о проценте за ссужаемые деньги. Он регулируется не учетным процентом банка, составляет ли он 5, 4 или 3%, а нормой прибыли, которая может быть получена путем употребления капитала и которая совершенно не зависит от количества или стоимости денег. Выдавал ли бы банк ссуды на 1, 10 или 100 млн., он все равно не может на продолжительное время изменить рыночную норму процента. Банк может изменить только стоимость денег, которые он таким образом выпускает. В одном случае для ведения какого-нибудь дела может потребоваться в десять или двадцать раз больше денег, чем могло бы потребоваться в другом. Итак, требования денег, предъявляемые к банку, зависят от отношения между нормой прибыли, которую можно получить с помощью этих денег, и нормой процента, по которой банк ссужает свои деньги. Если банк взимает по своим ссудам меньший процент, чем рыночная норма его, то нет пределов той сумме, которую он мог бы таким образом ссудить, но если процент этот выше рыночной нормы, то разве только расточители и моты согласились бы занимать деньги. Мы видим поэтому, что, когда рыночная норма процента превышает норму в 5%, по которой банк обыкновенно ссужает свои деньги, отделение по учету векселей осаждается желающими получить деньги. И наоборот, когда рыночная норма, хотя бы временно, ниже 5%, служащие в этом отделении сидят без дела.

И если банк, как говорят, в течение последних двадцати лет оказывал большую помощь торговле, снабжая торговцев деньгами, то это объясняется тем, что в течение всего этого периода процент, по которому он ссужал деньги, был ниже рыночной нормы процента, т. е. ниже той нормы, по которой торговцы могли достать деньги в другом месте. Мне лично это кажется скорее доводом против этого учреждения, а не в его пользу.

Что сказали бы мы об учреждении, которое регулярно снабжало бы половину всего числа фабрикантов сукна шерстью по цене, которая ниже ее рыночной цены? Какую пользу принесло бы это всему обществу? Такая практика не содействовала бы развитию нашей промышленности, так как шерсть была бы все равно куплена, даже если бы указанное учреждение брало за нее полную рыночную цену. Она не понизила бы цену сукна для потребителя, ибо цена, как я уже сказал выше, регулируется издержками производства тех производителей, которые находятся в наименее благоприятном положении. Единственным результатом поэтому явится поднятие прибыли части фабрикантов сукна выше обычной и всеобщей нормы прибыли. Учреждение лишилось бы части своей законной прибыли, а другая часть общества выиграла бы в такой же пропорции. Наша банковая система производит точно такое же действие. Законом устанавливается норма процента, которая ниже рыночной его нормы, и банк должен ссужать деньги по этой норме или вовсе не ссужать. По самой природе этого учреждения банк располагает большими суммами, которые он может использовать только путем отдачи их в ссуду, и часть промышленников в стране совершенно несправедливо и в ущерб для всей страны поставлена в особенно благоприятное положение, пользуясь возможностью получать необходимые им средства по меньшей цене, чем те, кому приходится доставать себе такие средства по рыночной цене.

Промышленная деятельность, которую может развить все общество, зависит от количества его капитала, т. е. от количества сырых материалов, машин, предметов пищи, кораблей и т. д., употребляемых в производстве. После того как установилось хорошо регулируемое бумажно-денежное обращение, количество указанных предметов не может быть ни увеличено, ни уменьшено путем банковых операций. Поэтому если бы государство выпускало в обращение бумажные деньги, хотя оно при этом не учитывало бы ни одного векселя и не ссужало никому ни одного шиллинга, в размерах промышленности не произошло бы никакого изменения, так как мы имели бы то же самое количество сырых материалов, машин, предметов пищи и кораблей. Кроме того очень вероятно, что ссужались бы точно такие же суммы денег, но не из 5%—нормы, установленной законом, хотя она была бы ниже рыночной,—а из 6, 7 или 8%—нормы, которая является результатом свободной конкуренции между займодавцами и заемщиками.

Адам Смит говорит о выгодах, которые предоставляются торговцам шотландской системой кредита путем открытия текущих счетов, в сравнении с английской системой.* Такие текущие счета представляют собою кредиты, открываемые шотландским банкиром своим клиентам в дополнение к векселям, которые он для них учитывает. Но так как банкир, авансируя деньги и посылая их в обращение одним путем, тем самым ограничивает для себя возможность пускать их в обращение другим путем, то очень трудно заметить, в чем заключается выгода. Если все обращение может поглотить только 1 млн. бумаж-

* [Жн. 2. т. II].

ных денег, то в обращении будет находиться только 1 млн. И ни для банкира, ни для торговца не имеет никакого значения, выпущена ли вся эта сумма путем учета векселей или таким образом выпущена только одна часть, а другая выпущена в форме указанных текущих счетов.

Необходимо, быть может, сказать еще несколько слов по вопросу о двух металлах—золоте и серебре, употребляемых как денежная единица, тем более, что этот вопрос повидимому в умах многих людей спутал ясные и простые принципы денежного обращения. «В Англии,—говорит доктор Смит,—золото еще долго после того, как из него начала чеканиться монета, не рассматривалось как законное платежное средство. Отношение между стоимостью золотой и серебряной монеты не было установлено никаким законом или актом. Установление этого отношения было предоставлено рынку. Если должник предлагал в уплату своего долга золото, то кредитор мог либо совсем отказать, либо принять золото по оценке, относительно которой он вступал в соглашение с своим должником»*.

Вполне понятно, что при таком положении вещей гиней могла стоить 22 шилл. или еще больше, а иногда 18 шилл. и еще меньше, причем курс ее зависел исключительно от изменения в относительной рыночной стоимости золота и серебра. Кроме того все изменения в стоимости золота точно так же, как и в стоимости серебра, определялись в золотой монете, и казалось, что стоимость серебра как будто не изменяется и что повышению или понижению подвергалась только стоимость золота. Таким образом, хотя гиней стоила 22 шилл. вместо 18 шилл., стоимость золота не изменялась; изменение могло произойти только в стоимости серебра, и следовательно 22 шилл. могли стоить не больше, чем 18 шилл. прежде. И наоборот, изменение могло произойти только в стоимости золота, и стоимость гиней, которая прежде стоила 18 шилл., могла подняться до 22 шилл.

Если мы предположим теперь, что серебряные монеты вследствие обрезаживания потеряли часть своего веса и что кроме того количество их увеличилось, то гиней могла бы в этом случае стоить 30 шилл., так как серебро в 30 шилл. такой испорченной монеты могло бы стоить не больше, чем золото, заключающееся в одной гинее. Если мы заменим испорченную серебряную монету новой,—по той стоимости, которую она получает на монетном дворе,—то стоимость серебряных денег опять повысится. И в этом случае будет казаться, что стоимость золота понизилась, так как гиней теперь будет вероятно стоить не больше чем 21 полновесный шиллинг.

Если золото в свою очередь становится законным платежным средством и каждый должник может по своему желанию уплатить свой долг с помощью 420 серебряных шиллингов, или 20 гиней, за каждые 21 ф. ст., которые он должен, он выберет тот или другой способ, смотря по тому, каким из них он может дешевле уплатить свой долг. Если за 5 кварталов пшеницы он может получить слиток золота, который на монетном дворе был бы перчеканен в 20 гиней, и за ту же самую пше-

* [Кн. 1, гл. V].

ницу—столько серебра, что после перечековки его на монетном дворе он получил бы 430 шилл., должник предпочтет заплатить свой долг серебром, так как он выигрывает при этом 10 шилл. Но если, напротив, он за эту пшеницу получит столько золота, что после перечековки у него будет $20\frac{1}{2}$ гиней, и столько серебра, что у него после перечековки окажется только 420 шилл., он вполне естественно предпочтет заплатить свой долг золотом. Если же количество золота, полученное им, после перечековки даст только 20 гиней, а количество серебра—420 шилл., то для него совершенно безразлично, в какой монете он уплатит свой долг—в серебряной или золотой. Это конечно не зависит от одного только случая. И не потому золото предпочтительно употребляется для уплаты долгов, что оно лучше приспособлено для функции орудия обращения богатой страны, а просто потому, что это выгодно должнику.

В течение долгого периода до 1797 г., когда банк прекратил свои платежи, золото в сравнении с серебром было так дешево, что Английскому банку и всем другим должникам выгодно было покупать на рынке золото, а не серебро, чтобы отправить его на монетный двор для перечековки и таким путем погашать свои обязательства наиболее выгодным для себя образом. Серебряное обращение в течение большей части этого периода состояло из стертых и неполновесных монет. Но количество последних было ограничено, и следовательно в силу развитого мною прежде принципа курс, по которому они обращались, никогда не падал. Несмотря на плохое состояние серебряной монеты, должникам все-таки было бы выгодно платить свои долги в золотой монете. Конечно если бы количество таких неполновесных серебряных монет было чрезвычайно велико или если бы монетный двор выпускал в обращение неполновесные монеты, должникам было бы выгодно уплачивать свои долги в такой монете. Но количество ее было ограничено, и она сохранила свою стоимость, так что на практике действительной денежной единицей было золото.

Никто не отрицает, что дело происходило именно таким образом. Но некоторые утверждали, что это вызвано было законом, в силу которого серебро могло служить законным платежным средством только при уплате долгов не свыше 25 ф. ст., а при погашении более крупных обязательств оно принималось лишь по весу, соответственно указанной пробе.

Но этот закон не мог помешать каждому должнику уплатить свой долг, как бы ни была велика его сумма, в новой и полновесной серебряной монете. Если должник не пользовался этим металлом, то он делал это не случайно или по принуждению, а по своему выбору. Ему просто было невыгодно отправлять на монетный двор серебро, и он предпочитал отправлять туда золото. Вполне вероятно, что если бы количество находившихся в обращении неполновесных серебряных монет было чрезвычайно велико и серебро было бы законным платежным средством, гиней опять стоила бы 30 шилл. Но в этом случае произошло бы понижение стоимости неполновесного шиллинга, а не повышение стоимости гиней.

Итак, оказывается, что пока каждый из этих двух металлов мо-

жет одинаково служить законным средством ликвидации заключенных обязательств, мы должны считаться с постоянной переменной нашей главной единицы-меры стоимости. Исключительно в зависимости от изменений в относительной стоимости двух металлов такой единицей-мерой будет иногда золото, иногда серебро. И всякий раз, когда один из этих металлов перестает быть масштабом стоимости, он в течение всего этого времени будет переплавляться и извлекаться из обращения, так как стоимость его в слитках будет выше его стоимости в монете. Это конечно представляет такое неудобство, устранить которое было бы в высшей степени желательно. Но хотя это неудобство было уже прекрасно разъяснено Локком и с того времени отмечалось всеми писателями по вопросу о денежном обращении, более рациональная система была принята только в парламентскую сессию 1816 г., когда было постановлено, что только одно золото может служить законным платежным средством при уплате сумм свыше 40 шилл.

Доктор Смит повидимому не имел ясного представления о всех следствиях одновременного употребления двух металлов как орудия обращения и как законных платежных средств для погашения всяких обязательств. Так, он говорит, что «в действительности, в продолжение всего периода существования какого-нибудь установленного соотношения между соответственными стоимостями различных металлов в монете стоимость всей обращающейся монеты регулируется стоимостью самого драгоценного металла»*. Так как золото в его время было для должников наиболее выгодным средством погашения принятых обязательств, то Адам Смит думал, что золото имеет какое-то присущее только одному этому металлу свойство, которое делает его навсегда особенно пригодным для регулирования стоимости серебряных монет.

После реформы золотого монетного обращения в 1774 г. новая гиней, только что вышедшая из монетного двора, обменивалась на 21 неполновесный шиллинг. Но в царствование короля Вильгельма, когда серебряная монета находилась не в лучшем положении, такая же новая и полновесная гиней обменивалась уже на 30 шилл. По этому поводу Бьюкенен замечает: «Мы имеем в данном случае дело с очень странным явлением, которое не может быть объяснено обычными теориями денежного обращения. В одну эпоху гиней обменивается на 30 шилл., т. е. на присущую ей стоимость, выраженную в неполновесной серебряной монете, а в другую та же самая гиней обменивается только на 21 неполновесный шиллинг. Ясно, что между этими двумя различными эпохами в состоянии денежного обращения должно было произойти большое изменение, для которого гипотеза доктора Смита не дает никакого объяснения».

Мне кажется, что это затруднение очень легко устраняется, если две различные стоимости гиней в эти две различные эпохи мы будем объяснять различными *количествами* неполновесной серебряной монеты, находившейся в обращении. В царствование Вильгельма

* [Кн. 1. гл. V].

ма золото не служило законным платежным средством, оно принималось в уплату только по заранее условленной стоимости. Все большие платежи вероятно производились в серебре, тем более, что в то время бумажное обращение и банковые операции были очень мало известны. Количество этих стертых серебряных монет превышало количество серебряных денег, которое обращалось бы, если бы употреблялась только полновесная монета, и следовательно последняя была обесценена в такой же степени, как и неполновесная монета. Но в последующую эпоху, когда золото также стало законным платежным средством, когда для уплаты употреблялись уже также банковые билеты, количество старой и стертой серебряной монеты не превышало количества новой и неполновесной монеты, которое обращалось бы, если бы вовсе не было неполновесной серебряной монеты. Поэтому серебряные деньги, несмотря на уменьшение их веса, не были обесценены.

Объяснение Бьюкенена несколько отличается от моего. Бьюкенен думает, что только главное орудие обращения может быть обесценено, а не вспомогательное. В царствование Вильгельма главным орудием обращения было серебро, и поэтому оно могло быть обесценено. В 1774 г. оно было вспомогательным и поэтому сохранило свою стоимость. Но обесценение вовсе не зависит от того, является ли данное орудие обращения главным или вспомогательным, оно зависит целиком от избытка его количества¹.

Против умеренной пошлины за чеканку монеты нельзя почти ничего возразить, особенно если речь идет о тех деньгах, которые служат для маленьких платежей. Металлические деньги обыкновенно увеличиваются в стоимости на всю сумму пошлины. Следовательно эта

¹ Лорд Лодердаль недавно утверждал в парламенте, что при современном монетном законодательстве банк не мог бы платить по своим билетам монетой, потому что при существующей относительной стоимости двух металлов должникам будет гораздо выгоднее платить свои долги в серебряной валюте, а не в золотой, тогда как банк обязан выдавать своим кредиторам в обмен на предъявляемые билеты золото. Это золото, по мнению лорда, могло бы экспортироваться с выгодой, а в таком случае банк, чтобы обеспечить себе необходимое ему количество золота, был бы вынужден покупать постоянно золото с премией и продавать его *à la pari*. Если бы так мог поступить каждый должник, лорд Лодердаль был бы прав, но так могут поступать только должники, долг которых превышает 40 шилл. Последнее обстоятельство ограничило бы количество обращающейся серебряной монеты (если бы государство само не оставило за собою право прекратить чеканку этой монеты, когда оно сочло бы это нужным). Вследствие слишком большого количества серебряной монеты стоимость ее понизилась бы, и никто не принимал бы ее в уплату долга, превышающего 40 шилл., если бы он не получил вознаграждение за ее низшую стоимость. Чтобы уплатить долг в 100 ф. ст., понадобилось бы 100 соверенов золотом, или банковых билетов на сумму в 100 ф. ст., и потребовалось бы 105 ф. ст. в серебряной монете, если бы в обращении находилось слишком много серебра. Итак, переполнение обращения серебром может быть задержано двумя способами: во-первых, непосредственно, так как правительство может в любое время приостановить дальнейшую чеканку серебра; во-вторых, никто не будет отправлять свое серебро на монетный двор, даже если бы он мог это сделать, просто потому, что если бы серебро было перечеканено в монету, оно принималось бы в уплату не по его монетной цене, а только по рыночной стоимости. [Это примечание имеется только во втором и третьем изданиях.]

пошлина несколько не затрагивает тех, кто ее платит, пока в обращении не находится излишнее количество денег. Следует однако заметить, что в стране, где установилось бумажно-денежное обращение, даже при обязательстве со стороны эмиссионных учреждений разменивать билеты по предъявлении на звонкую монету как банковые билеты, так и монеты могут одинаково подвергнуться обесценению на всю сумму пошлины за чеканку этой монеты, которая одна только является законным платежным средством. И это обесценение произойдет еще раньше, чем начнет функционировать механизм, ограничивающий бумажно-денежное обращение. Если пошлина за чеканку золотой монеты составляла бы например 5%, то денежное обращение вследствие излишнего выпуска банковых билетов могло бы в действительности подвергнуться обесценению на 5% еще до того, как держателям банковых билетов стало бы выгодно требовать в обмен на них звонкую монету, чтобы переплавлять ее в слитки. Такое обесценение не могло бы произойти, если бы не существовало пошлины за чеканку золотой монеты или если бы, даже при существовании такой пошлины, держатели банковых билетов могли бы в обмен на них требовать не звонкую монету, а только слитки по монетной цене в 3 ф. ст. 17 шилл. 10 $\frac{1}{2}$ пенс.

Поэтому если только банк не будет вынужден разменивать свои билеты по желанию предъявителей на слитки или монету, последний закон, устанавливающий пошлину в 6%, или 4 пенса за унцию, за чеканку серебра и освобождающий чеканку золота на монетном дворе от всякой пошлины, — закон этот, быть может, является очень целесообразным, так как он наиболее действительным образом устранит ненужные колебания в количестве обращающихся денег*.

* [В первом издании к этому месту имелось следующее примечание: «Господин Сэй предпочитает, чтобы сбор, взимаемый за чеканку, изменился соответственно количеству работы, производимой монетным двором. Правительство должно было бы чеканить слитки частных лиц за плату, покрывающую не только расходы, но и прибыль чеканки. Эта прибыль может быть доведена до значительной высоты в силу исключительной привилегии чеканки, но она должна изменяться в соответствии с условиями монетного двора и с количеством, требующимся для обращения» (v. I, p. 380).

Такое правило было бы в высшей степени губительно и подвергло бы нас значительным и излишним изменениям в слитковой стоимости обращающихся денег].

ГЛАВА XXVIII

О СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ ЗОЛОТА, ХЛЕБА И ТРУДА В БОГАТЫХ И БЕДНЫХ СТРАНАХ

«Как и все другие товары, золото и серебро,—говорит Адам Смит,—естественно направляются на тот рынок, где за них дают лучшую цену. А лучшая цена дается обыкновенно за всякий предмет в той стране, которая производит его наилучшим образом. Следует помнить, что труд есть конечная цена, которая платится за каждую вещь, и в странах, где труд хорошо вознаграждается, денежная цена труда всегда пропорциональна цене средств существования рабочего. Но золото и серебро, разумеется, будут обмениваться в богатой стране, т. е. в стране, которая изобилует средствами существования, на большее количество их, чем в бедной стране, которая снабжена ими лишь в едва достаточном количестве»*.

Но хлеб—такой же товар, как золото, серебро и другие предметы. Если следовательно все товары в богатой стране имеют высокую меновую стоимость, то хлеб не будет составлять исключение. Поэтому мы с полным основанием можем сказать, что хлеб обменивался бы на большее количество денег, потому что он дорог, а это значило бы, что хлеб в одно и то же время дорог и дешев. Ни одно положение в политической экономии не установлено лучше, чем следующее: в богатой стране, точно так же как и в бедной, рост населения задерживается вследствие возрастающей трудности добывания пищи. Эта трудность необходимо должна повышать относительную цену предметов пищи и поощрять их ввоз. Каким же образом могут тогда деньги или золото или серебро обмениваться в богатых странах на большее количество хлеба, чем в бедных? Только в богатых странах, где хлеб дорог, землевладельцы настаивают на том, чтобы закон запретил ввоз хлеба. Кто слышал когда-нибудь о законе, который запрещал бы ввоз сырых произведений в Америку или Польшу? Природа сама гораздо более действительным путем мешает ввозу таких предметов вследствие сравнительной легкости их производства в этих странах.

Как же можно утверждать в таком случае, что «за исключением хлеба и других сельскохозяйственных растений, производимых человеческим трудолюбием, все остальные виды сырья—скот, живность,

* [Кн. 2, гл. XI, раздел 3].

дичь всякого рода, полезные металлы и минералы и т. п. — естественно становятся, по мере развития общества все дороже»*. Почему делается исключение только для хлеба и других сельскохозяйственных растений? Ошибка доктора Смита, проходящая красною нитью через весь его труд, заключается в предположении, что стоимость хлеба представляет постоянную величину, что, в то время как стоимость всех других вещей может повыситься, стоимость хлеба, наоборот, не может возрасти. По его мнению, хлеб всегда имеет одинаковую стоимость, потому что он всегда может прокормить одинаковое число людей. Точно таким же образом мы можем сказать, что сукно всегда имеет одну и ту же стоимость, потому что из него можно всегда сделать одно и то же количество сюртуков. Что общего имеет стоимость с способностью служить предметом пищи и одежды?

Как и всякий другой товар, хлеб в каждой стране имеет свою естественную цену, т. е. цену, покрывающую издержки его производства и достаточную для того, чтобы хлеб мог возделываться. Именно эта цена регулирует его рыночную цену и определяет возможность вывоза его в чужие страны. Если бы в Англии ввоз хлеба был воспрещен, его естественная цена поднялась бы до 6 ф. ст. за кварталер в Англии, тогда как во Франции она была бы наполовину меньше. Если бы в этот момент запрещение ввоза было отменено, цена хлеба на английском рынке упала бы, но в своем падении она в конце концов остановилась бы не на какой-нибудь цене между 6 ф. ст. и 3 ф. ст. за кварталер, а на естественной цене хлеба во Франции, цене, по которой он может быть доставлен на английский рынок и принести обычную и среднюю прибыль на французский капитал. И цена оставалась бы на этом уровне, все равно, составляло ли бы потребление Англии 100 тыс. или 1 млн. кварталеров. Если бы спрос Англии достиг последней цифры, то очень вероятно, что благодаря необходимости обратиться к обработке худших участков для доставки этого большего количества хлеба естественная цена его во Франции повысилась бы, а это в свою очередь повлияло бы на повышение цены хлеба в Англии. И я настаиваю только на том, что именно естественная цена товаров в экспортирующей стране регулирует в конечном счете цены, по которым они должны быть проданы, — если конечно они не являются предметом монополии, — в стране импортирующей.

Но доктор Смит, так искусно защищавший теорию, в силу которой рыночная цена в конечном счете определяется естественной ценой товаров, предположил случай, в котором, по его мнению, рыночная цена не регулируется естественной ценой ни экспортирующей, ни импортирующей страны. «Уменьшите действительное богатство Голландии или Генуи, — говорит он, — но оставьте им их прежнее население, уменьшите также их способность снабжать себя всем необходимым из отдаленных стран, и цена хлеба не только не понизится вследствие уменьшения количества серебра, которое, как причина или следствие, необходимо сопровождало бы этот упадок, но, наоборот, достигнет размеров голодной цены»**.

* [Кн. 1, гл. XI].

** [Там же].

Мне кажется, что произошло бы совершенно обратное явление: уменьшение общей покупательной способности голландцев или генуэзцев могло бы вызвать падение цены хлеба ниже его естественной цены как в стране, откуда он вывозится, так и в стране, куда он ввозится, но ни в каком случае это уменьшение не могло бы повлечь за собою поднятие цены хлеба выше его естественной цены. Только увеличивая богатство голландцев или генуэзцев, вы можете увеличить спрос и поднять цену хлеба выше его прежней цены. И это продолжалось бы очень короткое время, если бы только не возникли новые затруднения при получении требуемого количества.

Далее доктор Смит делает следующее замечание: «Если мы испытываем нужду в предметах необходимости, мы должны отказаться от предметов роскоши, стоимость которых поднимается в периоды богатства и расцвета и падает в периоды нужды и бедствий». Все это несомненно верно, но он продолжает дальше: «Совсем иначе обстоит дело с предметами необходимости. Их реальная цена,—количество труда, которое можно купить на них,—поднимается в периоды нужды и бедствий и падает в периоды богатства и расцвета, которые в то же время являются периодами большого изобилия, ибо иначе они не были бы периодами богатства и расцвета. Хлеб—предмет необходимости, а серебро только предмет роскоши»*.

Перед нами два положения, не имеющие никакой связи друг с другом: одно, согласно которому хлеб при предположенных условиях может купить большее количество труда,—положение, никем не оспариваемое, другое, что хлеб будет продаваться по более высокой денежной цене, что он будет обмениваться на большее количество серебра,—положение, которое я считаю ошибочным. Оно могло быть верным, если бы хлеб в то же время имелся в недостаточном количестве, если бы обычное предлагаемое количество не было доставлено. Но в данном случае хлеб находится в изобилии; Адам Смит не предполагает, что ввезено меньшее количество, чем обыкновенно, или что требуется больше хлеба. Для покупки хлеба голландцы или генуэзцы нуждаются в деньгах, и, чтобы достать эти деньги, они продают принадлежащие им предметы роскоши. Упадет как раз рыночная стоимость и цена этих предметов роскоши, а стоимость денег повысится только в сравнении со стоимостью последних. Но это обстоятельство не увеличит спроса на хлеб и не понизит стоимости денег, а только в силу этих двух причин может подняться цена хлеба. Вследствие отсутствия кредита, а также и других причин, на деньги может существовать большой спрос, и они следовательно будут дороги в сравнении с хлебом. Но нет никаких правильных оснований утверждать, что при этих обстоятельствах деньги были бы дешевы и что следовательно цена хлеба возросла бы.

Когда мы говорим о высокой или низкой стоимости золота, серебра или какого-нибудь другого товара в различных странах, мы всегда должны при этом указать мерилу, с помощью которого мы их оцениваем. Иначе такое предложение теряет всякий смысл. Так например

* [Кн. 1. гл. XI].

если нам говорят, что золото в Англии дороже, чем в Испании, то какой смысл имеет это утверждение, если при этом не называется ни один товар? Если хлеб, маслины, масло, вино и шерсть в Испании дешевле, чем в Англии, то золото, поскольку оно оценивается в этих товарах, в Испании дороже. Напротив, если металлические изделия, сахар, сукно и т. д. в Англии дешевле, чем в Испании, то поскольку золото оценивается в этих товарах, оно дороже в Англии. Золото в Испании будет казаться дороже или дешевле, смотря по тому, какой товар заблагорассудится выбрать наблюдателю, как критерий для измерения стоимости. Так как Адам Смит считает всеобщей мерой стоимости хлеб и труд, то он конечно будет оценивать сравнительную стоимость золота количеством этих двух предметов, на которые оно будет обмениваться. Поэтому, когда он говорит о сравнительной стоимости золота в двух странах, он, по моему мнению, подразумевает стоимость его, поскольку оно оценивается в хлебе и труде.

Но мы уже видели, что, поскольку стоимость золота оценивается в хлебе, она может быть совершенно различна в двух странах. Я старался показать, что она будет низка в богатых странах и высока в бедных. Адам Смит держится другого мнения. Он думает, что стоимость золота, поскольку оно оценивается в хлебе, выше всего в богатых странах. Мы не будем вдаваться в дальнейший разбор правильности этих двух мнений. Каждое из них одинаково показывает, что стоимость золота не будет обязательно ниже в странах, которые владеют рудниками, хотя это положение поддерживается Адамом Смитом. Предположим, что Англия владеет рудниками и что, как думает Адам Смит, стоимость золота выше всего в богатых странах. Хотя в этом случае золото уходило бы из Англии во все другие страны в обмен на их *товары*, из этого еще вовсе не следует, что стоимость золота в сравнении со стоимостью хлеба и труда в Англии ниже, чем в этих странах. Впрочем в другом месте Адам Смит говорит, что стоимость драгоценных металлов в Испании и Португалии необходимо должна быть ниже, чем в других частях Европы, потому что названные две страны являются почти исключительными владельцами драгоценных рудников, доставляющих золото и серебро. «Польша, в которой все еще существует феодальная система, является в наше время такой же бедной страной, как и до открытия Америки. *Однако денежная цена хлеба поднялась; действительная стоимость драгоценных металлов понизилась* в Польше точно так же, как и в других частях Европы. Следовательно количество их увеличилось здесь так же, как и в других странах, *и точно в такой же пропорции к годовому продукту земли и труда*. Однако такое возрастание количества этих металлов повидимому не увеличило годового продукта. Оно не способствовало развитию обрабатывающей промышленности и земледелия страны и не улучшило положения ее жителей. Испания и Португалия, страны, которые владеют рудниками, являются, быть может, после Польши, самыми бедными странами Европы. Но стоимость драгоценных металлов *должна быть в Испании и Португалии ниже*, чем в других странах Европы, так как в последних эта стоимость увеличивается не только вследствие фрахта и страховки, но еще и вследствие расходов

по контрабанде, так как вывоз драгоценных металлов или запрещен, или обложен пошлиной. Следовательно количество их, пропорциональное годовому продукту земли и труда, должно быть в Испании и Португалии больше, чем в какой-либо другой части Европы. И все-таки эти страны беднее, чем большинство европейских стран. Хотя феодальная система в Испании и Португалии была уничтожена, она не была заменена лучшей»*.

Аргументация доктора Смита повидимому такова: поскольку золото оценивается в хлебе, оно в Испании дешевле, чем в других странах. И это доказывается не тем, что хлеб дается Испании другими странами в обмен на золото, а тем, что сукно, сахар, металлические изделия отдаются другими странами в обмен на золото.

* [Кн. 1, гл. XI].

ГЛАВА XXIX

НАЛОГИ, УПЛАЧИВАЕМЫЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЕМ

Сэй сильно преувеличивает неудобства, проистекающие от того, что налог на обработанный продукт взимается на ранней стадии его изготовления, а не на более поздней. Он замечает, что фабриканты, через руки которых последовательно проходит такой продукт, должны употреблять более значительный капитал вследствие необходимости авансировать налог, а это часто ставит в затруднительное положение фабриканта, обладающего незначительным капиталом и кредитом. Против этого замечания нельзя ничего возразить.

Другое неудобство, на котором он останавливается, заключается в том, что вследствие необходимости авансировать налог прибыль на всю сумму этого аванса должна быть переложена на потребителя, а из этого добавочного налога фиск не извлекает никакой выгоды.

В последнем пункте я с Сэем не могу согласиться. Предположим, что государство вынуждено немедленно собрать сумму в 1 000 ф. ст. и взимает их с фабриканта, который только по истечении 12 мес. в состоянии будет переложить эту сумму в цене законченного товара на потребителя. Вследствие этой отсрочки он вынужден прибавить к цене своего товара добавочную сумму не в 1 000 ф. ст. только, т. е. сумму налога, а вероятно в 1 100 ф. ст., из которых 100 ф. ст. составляют проценты на авансированный капитал в 1 000 ф. ст. Но взамен за добавочные 100 ф. ст., уплачиваемые потребителем, последний получает реальную выгоду, поскольку уплата налога, который требуется правительством немедленно и в конце концов все-таки был бы уплачен потребителем, откладывается на целый год. Он таким образом может ссудить фабриканту, нуждающемуся в деньгах, 1 000 ф. ст. из 10% или из какого-нибудь другого процента по взаимному соглашению. 1 100 ф. ст., которые должны быть уплачены по истечении года, стоят при учете из 10% не больше чем 1 000 ф. ст., которые должны быть немедленно уплачены. Если бы правительство отсрочило взимание налога на один год, пока производство товара было бы вполне закончено, оно было бы, может быть, вынуждено выпустить билеты казначейства, приносящие известный процент. Оно будет таким образом платить столько денег в виде процента, сколько потребитель сберег бы на цене, за исключением конечно той части цены, которую фабрикант вследствие налога имел бы возможность прибавить к своей дей-

ствительной прибыли. Если бы правительство должно было по своим билетам казначейства платить 5%, то оно могло бы сберечь 50 ф. ст., если бы не выпустило их. Если фабрикант занял необходимый ему добавочный капитал из 5% и переложил на потребителя 10%, он получил бы кроме обычной прибыли еще 5% на авансированный капитал. Таким образом фабрикант и правительство вместе выиграли бы или сберегли точно такую же сумму, которую потребитель уплачивает.

Симонд (де Сисмонди) в своем прекрасном сочинении «*De la richesse commerciale*», развивая дальше аргументацию Сэя, вычислил, что если бы товар должен был пройти чрез руки пяти различных лиц, то налог в 4 000 фр., уплаченный сначала фабрикантом при умеренной прибыли в 10%, возрос бы для потребителя до суммы в 6 734 фр. Этот расчет основан на предположении, что тот, кто первый авансирует налог, получит от следующего фабриканта 4 400 фр., а этот в свою очередь от следующего за ним 4840 фр., и так каждый раз при переходе товара в руки следующего фабриканта к стоимости его будет прибавляться 10%. Это было бы равносильно предположению, что стоимость налога накапливается по сложным процентам, не по годичной норме в 10%, а по абсолютной норме в 10%, прибавляемой при всякой последовательной передаче товара. Положение Симонда (де Сисмонди) было бы верно, если бы между первым авансированием налога и продажей обложенного товара потребителю прошел срок в пять лет. Но если бы прошел только один год, то вознаграждение, которое получили бы все, авансировавшие этот налог, при годовой норме прибыли в 10%, составляло бы не 2 734, а 400 франков, будет ли при этом товар переходить чрез руки 5 или 50 фабрикантов.

ГЛАВА XXX

О ВЛИЯНИИ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА ЦЕНЫ

Цена товаров в конечном счете регулируется издержками производства, а не, как это часто утверждали, отношением между предложением и спросом. Конечно отношение между предложением и спросом может временно повлиять на рыночную стоимость товара, пока он не будет предложен в большем или меньшем количестве, соответственно возрастанию или уменьшению спроса. Но это влияние будет носить временный характер.

Уменьшите издержки производства шляп, и цена их в конце концов понизится до размеров их новой естественной цены, хотя спрос мог бы удвоиться, утроиться или учетвериться. Уменьшите посредством уменьшения естественной цены предметов пищи и одежды, служащих для поддержания жизни, издержки производства средств существования людей, и заработная плата в конце концов упадет, несмотря на то, что спрос на рабочих может очень сильно увеличиться.

Мнение, что цена товаров зависит исключительно от отношения предложения к спросу или наоборот, в политической экономии превратилось почти в аксиому и стало источником многих ошибок в этой науке. Именно это мнение заставило Бьюкенена утверждать, что заработная плата не находится ни в какой зависимости от роста или падения цен пищевых продуктов, а только от отношения между спросом на труд и его предложением, а также, что налог на заработную плату не повысит ее, потому что он не изменит отношения между спросом на рабочих и их предложением.

Нельзя говорить о возрастании спроса на товар, если не покупается или не потребляется добавочное количество его, и однако при таких условиях его денежная стоимость может возрасть. Так, если бы стоимость денег понизилась, цена всякого товара возросла бы, так как каждый из конкурентов согласен был бы истратить на покупку товара больше денег, чем прежде. Хотя цена его возросла бы на 10 или 20%, однако при условии, что он покупается не в большем количестве, чем прежде, нельзя было бы, по моему мнению, утверждать, что такое изменение в цене товара вызвано возросшим спросом на него. Его естественная цена, издержки производства его, выраженные в деньгах, действительно изменились бы вследствие изменения стоимости денег,

и цена товара без какого-нибудь увеличения спроса на него естественно приспособилась бы к его новой стоимости.

«Мы видели,—говорит Сэй,—что издержки производства определяют низшую цену, по которой могут продаваться товары, цену, ниже которой товары не могут продаваться в течение продолжительного времени, так как производство их в этом случае совсем прекратилось бы или уменьшилось бы» (т. II, стр. 26).

В другом месте он говорит: так как спрос на золото со времени открытия золотых рудников увеличился еще в большей степени, чем его предложение, то «цена его, выраженная в товарах, вместо того чтобы понизиться в пропорции 10:1, понизилась только в пропорции 4:1». Это значит, что, вместо того чтобы понизиться пропорционально понижению его естественной цены, она понизилась только соответственно повышению спроса над предложением¹. «Стоимость каждого товара возрастает всегда прямо пропорционально спросу и обратно пропорционально предложению».

Этого же мнения придерживается и лорд Лодердаль.

«Если бы при исследовании причин изменений в стоимости, которым может подвергаться всякий предмет, обладающий стоимостью, мы могли на время предположить, что какое-нибудь вещество обладает внутренней и постоянной стоимостью, так что определенное количество его имело бы всегда при всяких условиях одинаковую стоимость, если бы, говорим мы, у нас было такое мерило, то степень стоимости всех предметов, измеряемая таким постоянным масштабом, изменялась бы соответственно отношению между их количеством и спросом на них, и поэтому стоимость всякого товара изменялась бы в силу четырех различных условий:

- 1) Стоимость товара увеличилась бы, если бы уменьшилось его количество.
- 2) Стоимость его уменьшилась бы, если бы увеличилось его количество.
- 3) Стоимость его увеличилась бы, если бы увеличился спрос на него.
- 4) Стоимость его уменьшилась бы, если бы уменьшился спрос на него.

Но так как вполне ясно, что ни один товар не может обладать внутренней и постоянной стоимостью, которая делала бы его пригодным для функции меры стоимости всех товаров, то человечество вынуждено выбирать для потребностей практики мерой стоимости такой товар, стоимость которого меньше всего подвергается влиянию указанных

¹ «Если при том количестве золота и серебра, которое в настоящее время существует, эти металлы служили только для производства посуды и украшений, они оказались бы в избытке и были бы дешевле, чем теперь; другими словами, при обмене их на другие товары мы должны были бы отдавать пропорционально большее количество этих металлов. Но, ввиду того что большее количество их употребляется для чеканки денег и эта часть их не употребляется ни для какой другой цели, на производство утвари и ювелирных вещей остается значительно меньшее количество, и вызванная этим редкость их увеличивает их стоимость» (Say, ч. II, р. 316. См. также прим. к стр. 78).

четырёх источников изменения, являющихся исключительными причинами изменения стоимости.

Если следовательно в обыденной речи мы выражаем *стоимость* какого-нибудь товара, то она может изменяться от одного периода до другого вследствие следующих восьми условий:

1) В силу вышеуказанных четырех условий, поскольку они оказывают влияние на товар, стоимость которого мы желаем выразить.

2) В силу тех же четырех условий, поскольку они оказывают влияние на товар, который мы выбрали мерой стоимости»¹.

Все это верно по отношению к товарам, составляющим предмет монополии, и по отношению к рыночной цене всех других товаров в течение ограниченного периода времени. Если спрос на шляпы удвоится, цена их немедленно поднимется, но рост этот является только временным, если конечно издержки производства шляп, или их естественная цена, в свою очередь не возрастут. Если естественная цена хлеба вследствие какого-нибудь крупного открытия в агрономии понизилась бы на 50%, то спрос не увеличился бы в очень сильной степени, так как ни один человек не желал бы иметь больше хлеба, чем ему необходимо, а если бы не возрастал спрос, то не увеличилось бы и предложение. Товар предлагается не потому только, что он может быть произведен, но потому, что на него существует спрос. Таким образом мы имеем перед собою случай, где спрос и предложение едва изменились или если и возросли, то в одинаковой степени, и все-таки цена хлеба понизится на 50% в такое время, когда стоимость денег оставалась бы без изменения.

Цена товаров, составляющих предмет монополии отдельного лица или компании, изменяется в согласии с законом, который был изложен лордом Лодердалем: она понижается, если продавцы увеличивают их количество, и повышается в соответствии с усилением требования на них со стороны покупателей. Цена их не стоит ни в какой необходимой связи с их естественной стоимостью. Что же касается цены товаров, составляющих предмет конкуренции и количество которых может быть увеличено в умеренной степени, то она в конечном счете зависит не от отношения между спросом и предложением, а от увеличения или уменьшения издержек их производства.

¹ «An Inquiry into the Nature and Origin of Public Wealth», p. 13.

ГЛАВА XXXI

О МАШИНАХ

В настоящей главе я хочу исследовать влияние машин на интересы различных классов общества. Этот вопрос имеет громадное значение и, кажется, никогда еще не был рассмотрен таким образом, чтобы привести к каким-нибудь определенным или удовлетворительным результатам. И я тем более считаю себя обязанным изложить свои взгляды на этот вопрос, что после долгих размышлений я их в значительной степени изменил. Хотя, поскольку мне известно, я ни в одном из опубликованных мною произведений не написал по вопросу о влиянии машин ничего такого, от чего я считал бы необходимым отказаться, я все-таки другим путем оказал поддержку теориям, которые я признаю ошибочными. Я считаю поэтому своим долгом повергнуть на рассмотрение критики мои настоящие взгляды со всеми доказательствами, которые я могу привести в их пользу.

Когда я впервые обратил свое внимание на изучение вопросов политической экономии, я придерживался взгляда, что применение машин в какой-нибудь отрасли производства, поскольку оно сберегает труд, является благом для всех и сопровождается только теми неудобствами, которые в большинстве случаев вызываются передвижением капитала и труда из одного занятия в другое. Мне казалось, что землевладельцы при условии, что они получают ту же самую денежную ренту, выиграли бы вследствие понижения цен некоторых товаров, на которые они расходуют свою ренту, а это понижение цен явилось бы неизбежным следствием употребления машин. Капиталист, по моему мнению, точно так же выиграл бы. Действительно тот, кто сделал известное открытие или впервые утилизировал его, пользовался бы добавочной выгодой, так как в течение известного периода он получал бы большую прибыль. Но по мере того как машина входила бы во всеобщее употребление, цена производимого с ее помощью товара вследствие конкуренции понизилась бы опять до издержек его производства. Тогда капиталист получал бы такую же денежную прибыль, как и прежде, и участвовал бы в общих выгодах только как потребитель, так как при помощи того же движимого дохода он мог бы получать добавочное количество предметов комфорта и удовольствия. Рабочий класс также, думал я тогда, выиграл бы в одинаковой степени от введения машин, потому что при той же самой денежной за-

рабочей плате рабочие могли бы теперь покупать больше товаров. Я полагал при этом, что заработная плата не понизилась бы, так как капиталист мог бы предъявлять спрос на такое же количество труда и употреблять его, как и прежде, хотя он был бы вынужден приложить его к производству нового или до некоторой степени отличного товара. Если бы вследствие улучшения машин при употреблении того же количества труда можно было бы учетверить количество чулок, тогда как спрос на чулки увеличился бы только вдвое, некоторые рабочие необходимо должны были бы уйти из чулочной промышленности. Но ввиду того что капитал, дававший им занятие, продолжал бы существовать и его владельцам было бы выгодно употребить его производительно, мне казалось, что он будет затрачен на производство какого-нибудь другого товара, полезного для общества, на который непременно существовал бы спрос. На меня произвело тогда глубокое впечатление, да и теперь еще производит, верное замечание Адама Смита, что «потребность в пище каждого человека ограничивается всегда тесными пределами человеческого желудка, но стремление к комфорту и украшениям, желание иметь хорошую квартиру, наряды, экипажи и обстановку, кажется, вовсе не знает границ или, по крайней мере определенных границ»*. А так как мне казалось, что спрос на труд останется неизменным и что заработная плата не понизится, то я думал, что рабочий класс воспользуется в такой же степени, как и другие классы, выгодами всеобщего удешевления товаров, которое явилось бы следствием применения машин.

Таковы были мои взгляды, и поскольку речь идет о землевладельцах и капиталистах, они не изменились, но я теперь убедился, что замена человеческого труда машиной часто приносит большой ущерб интересам рабочего класса.

Моя ошибка вытекала из предположения, что при всяком возрастании чистого дохода общества необходимо должен также возрастать и его валовой доход. Теперь я имею основание думать, что фонд, из которого извлекают свой доход землевладельцы и капиталисты, может возрастать в то время, как другой, от которого главным образом зависит рабочий класс, может уменьшаться. Отсюда следует, если я не ошибаюсь, что та же самая причина, которая увеличивает чистый доход страны, может в то же время вызвать излишек населения и ухудшить положение рабочего.

Предположим, что капиталист употребляет капитал стоимостью в 20 тыс. ф. ст. и что он одновременно является и фермером и фабрикантом предметов необходимости. Предположим дальше, что 7 000 ф. ст. из его капитала вложены в основной капитал, т. е. здания, орудия и т. д., а остальные 13 тыс. ф. ст. употребляются как оборотный капитал на содержание труда. Предположим кроме того, что прибыль составляет 10% и что следовательно капитал нашего капиталиста ежегодно воспроизводится целиком и приносит прибыль в 2 000 ф. ст.

Ежегодно капиталист начинает свои операции, имея в своем владении на 13 тыс. ф. ст. предметов пищи и необходимости, которые он

* [Кн. 1, гл. XI, раздел 2].

в течение года продает своим рабочим за названную сумму денег, и в течение того же периода он выплачивает им заработную плату в размере такой же суммы денег: в конце года они замещают принадлежавшие ему предметы пищи и необходимости на стоимость в 15 тыс. ф. ст., из которых 2 000 ф. ст. он расходует на собственное потребление или распоряжается ими соответственно своим вкусам или удобствам. Поскольку речь идет о названных продуктах, валовой продукт в течение данного года составит 15 тыс. ф. ст., а чистый продукт—2 000 ф. ст. Предположим теперь, что в следующем году капиталист употребляет одну половину своих рабочих на производство машины, а другую, как и раньше, на производство предметов пищи и необходимости. В течение этого года он уплатил бы в виде заработной платы такую же сумму в 13 тыс. ф. ст., как и прежде, и продал бы своим рабочим на такую же сумму предметов пищи и необходимости. Но как сложилось бы дело в следующем году?

Пока строилась бы машина, получилась бы только половина обычного количества предметов пищи и необходимости, и стоимость их была бы наполовину меньше стоимости того количества, которое производилось раньше. Машина стоила бы 7 500 ф. ст., а предметы пищи и необходимости—7 500 ф. ст. Следовательно капитал нашего капиталиста был бы так же велик, как и прежде, потому что кроме этих двух стоимостей он имел бы еще в своем распоряжении основной капитал стоимостью в 7 000 ф. ст.—итого 20 тыс. ф. ст. капитала и 2 000 ф. ст. прибыли. За израсходованием последней суммы на собственные нужды он имел бы в своем распоряжении на ведение дальнейших операций оборотный капитал не свыше 5 500 ф. ст. Следовательно его средства на содержание труда уменьшились бы с 13 тыс. ф. ст. до 5 500 ф. ст., и вслед за этим весь труд, который прежде употреблялся при помощи суммы в 7 500 ф. ст., стал бы излишним.

Уменьшенное количество труда, которое может быть употреблено капиталистом, должно теперь при содействии машины произвести стоимость, равную, за вычетом издержек по ее ремонту, 7 500 ф. ст. Оно должно возместить оборотный капитал вместе с прибылью в 2 000 ф. ст. на весь капитал. Но если бы это было сделано, если бы чистый доход не уменьшился, то не все ли равно капиталисту, представляет ли валовой доход стоимость в 3 000 ф. ст., 10 тыс. ф. ст. или 15 тыс. ф. ст.?

Итак, в разбираемом нами случае, несмотря на то что стоимость чистого продукта не уменьшилась бы, что его покупательная сила по отношению к товарам могла значительно увеличиться, валовой продукт вместо стоимости в 15 тыс. ф. ст. составлял бы стоимость в 7 500 ф. ст. А так как способность содержать население и употреблять труд зависит всегда от валового продукта нации, а не от ее чистого продукта, то уменьшение валового продукта необходимо повлечет за собою уменьшение спроса на труд и вызовет перенаселение. Таким образом положение рабочего класса будет представлять картину нужды и бедствий.

Но ввиду того, что возможность сберегать часть дохода для превращения его в капитал должна зависеть от способности чистого дохода удовлетворять потребности капиталиста, последний вследствие

понижения цен товаров, следующего за введением машин, может увеличить, — если конечно его потребности останутся такими же самыми, — свои сбережения, и таким образом значительно облегчается превращение дохода в капитал. Но с каждым увеличением его капитала капиталист будет употреблять больше рабочих, и следовательно часть их, потерявшая прежде работу, после найдет снова занятие. А если возрастание производства вследствие введения машин будет так велико, что доставит в виде чистого продукта такое большое количество предметов пищи и необходимости, какое прежде существовало в форме валового продукта, то мы имели бы в нашем распоряжении такие же средства для доставления занятий всему населению, как прежде, и таким образом излишек населения не явился бы необходимым следствием.

Я желаю только доказать, что изобретение и употребление машин может сопровождаться уменьшением валового продукта. Каждый раз, как происходит такое уменьшение, оно приносит ущерб рабочему классу, потому что некоторые рабочие лишаются работы, и население становится излишним в сравнении с фондами для его содержания.

Предположенный мною случай представляет самый простой, какой я только мог выбрать, но результаты получились бы те же самые, если бы мы предположили, что машины применяются в производстве каким-нибудь фабрикантом, например фабрикантом сукон или хлопчатобумажных изделий. Если бы машины применялись в производстве сукна, то после их введения было бы произведено меньше сукна, так как на часть того количества, которое прежде предназначалось для оплаты большего числа рабочих, их предприниматель теперь уже не предъявлял бы требования. Вследствие употребления машин он должен был бы воспроизводить стоимость, которая равнялась бы только потребленной стоимости плюс прибыль на весь капитал. И 7 500 ф. ст. могли бы все это выполнить так же хорошо, как прежде 15 тыс. ф. ст., потому что второй пример ничем не отличается от первого. Однако можно было бы сказать, что спрос на сукно будет так же велик, как и прежде, и тогда можно было бы спросить, откуда же возьмется новое предложение? Но кто же предъявил бы спрос на сукно? Фермеры и другие производители предметов необходимости, которые употребляли свои капиталы на производство предметов необходимости как средств для получения сукна. Они отдавали фабриканту сукон хлеб и предметы необходимости в обмен на сукно, а последний передавал их своим рабочим в обмен на сукно, которое ему доставлял их труд.

Эта отрасль производства теперь прекратилась бы; фабрикант сукна не нуждался бы теперь в предметах пищи и одежды, так как он употребляет теперь меньше людей и распоряжается меньшим количеством сукна. Фермеры и все другие производители, которые производили предметы необходимости только как средство для известной цели, уже не могли бы больше получать сукно с помощью такого приложения своего капитала. Они следовательно сами вложили бы свои капиталы в производство сукна или ссудили бы их другим, для того чтобы товар, в котором действительно чувствуется нужда, был достав-

лен, а товар, уплатить за который никто не может или на который нет спроса, перестал производиться. Итак, все это приводит нас к тому же результату: спрос на труд уменьшится, и товары, необходимые для поддержания труда, не производились бы в таком же большом количестве, как прежде.

Если изложенные взгляды верны, то из них вытекают следующие выводы: во-первых, изобретение и полезное применение машин всегда приводят к увеличению чистого продукта страны, хотя они в короткий промежуток времени не могут увеличить, да и действительно не увеличивают, стоимость этого чистого продукта.

Во-вторых, увеличение чистого продукта страны вполне совместимо с уменьшением ее валового продукта. Побуждение употреблять машины всегда является вполне достаточным, если употребление машин приводит к увеличению чистого продукта, хотя оно в то же время может, да часто и должно, уменьшить как количество валового продукта, так и его стоимость.

В-третьих, мнение, разделяемое рабочим классом, что употребление машин часто наносит большой ущерб их интересам, не основано на предрассудке и заблуждении, а соответствует правильным принципам политической экономии.

В-четвертых, если улучшенные средства производства вследствие употребления машин увеличат чистый продукт страны в такой большой степени, что не последует уменьшения валового продукта (я всегда при этом подразумеваю количество товаров, а не их стоимость), то улучшится положение всех классов. Землевладелец и фабрикант выигрывают не только вследствие возрастания ренты и прибыли, но и вследствие выгод, проистекающих от того, что они будут расходовать ту же самую ренту и прибыль на товары, стоимость которых значительно понизилась. Положение рабочего класса также значительно улучшилось бы: во-первых, вследствие увеличения спроса на домашнюю прислугу, во-вторых, вследствие роста сбережений, вызванного избытком чистого продукта, и, в-третьих, вследствие понижения цен всех предметов потребления, на которые расходуется заработная плата.

* * *

Но для рабочего класса имеет значение не только вопрос об изобретении и употреблении машин, который мы только что исследовали. Не меньшее значение для него имеет способ, каким затрачивается чистый доход страны, хотя последний во всех случаях предназначается для пользы и удовольствия всех, кто имеет справедливое право на него.

Если землевладелец или капиталист тратит свой доход, подобно древнему барону, на содержание многочисленной свиты или прислуги, он дает занятие гораздо большему количеству труда, чем если бы он истратил свой доход на тонкие сукна или дорогую мебель, на экипажи, лошадей или на покупку других предметов роскоши.

В обоих случаях чистый доход, а также валовой доход, совершенно одинаковы, но в первом случае они реализовались бы в других то-

варах. Если бы мой доход равнялся 10 тыс. ф. ст., то было бы употреблено почти то же самое количество производительного труда, реализовал ли бы я свой доход в тонких сукнах или дорогой мебели и т. д. или в известном количестве предметов пищи и одежды той же самой стоимости. Однако если бы я реализовал свой доход в товарах первого рода, то это не повлекло бы за собою *как следствие*, употребление большего количества труда: я пользовался бы своей мебелью и сукнами, и этим кончилось бы все дело. Но если бы я реализовал свой доход в предметах пищи и одежды и желал бы увеличить количество своей прислуги, то все люди, которым я дал бы занятие с помощью моего дохода в 10 тыс. ф. ст. или купленных на него предметов пищи и одежды, увеличили бы собою число рабочих, на которых предъявляется спрос. Это увеличение спроса произошло бы только потому, что я выбрал этот способ расходования моего дохода. А так как рабочие заинтересованы в расширении спроса на труд, то они конечно должны желать, чтобы возможно большая часть дохода была затрачена вместо предметов роскоши на содержание прислуги.

Таким же образом страна, втянутая в войну и вынужденная содержать большую армию и флот, употребляет гораздо большее число людей, чем она будет употреблять, когда война окончится и связанные с последней экстренные расходы прекратятся.

Если бы в военное время я не должен был внести налог в 500 ф. ст., затрачиваемый на содержание солдат и матросов, я мог бы вероятно израсходовать эту часть своего дохода на мебель, сукна, книги и т. д. Был ли бы мой доход затрачен таким или иным путем, количество труда, употребляемого в производстве, оставалось бы то же самое, так как производство предметов пищи и одежды для солдат и матросов требовало бы такого же количества труда, как и производство более роскошных товаров. Но в случае войны мы имели бы дело с добавочным спросом на людей для армии и флота. Вследствие этого война, которая ведется на доход, а не на капитал страны, оказывает благоприятное действие на возрастание населения.

По окончании войны, когда часть моего дохода возвращается ко мне обратно и употребляется мною, как и прежде, на покупку вина, мебели или других предметов роскоши, население, которое вызвано было к жизни войной и прежде содержалось за счет этого дохода, стало бы излишним, и конкуренция его при поисках работы понизила бы стоимость заработной платы и очень существенно ухудшила бы положение рабочего класса.

Следует отметить еще и другой случай, в котором возрастание чистого дохода страны и даже валового дохода ее может совпасть с уменьшением спроса на труд, а именно тот случай, когда труд лошадей замещает труд людей. Если бы я потреблял на своей ферме 100 чел. и если бы я нашел, что пища, предназначенная для половины этого числа, могла бы пойти на содержание лошадей и дать мне, за уплатой процентов на капитал, затраченный на покупку лошадей, гораздо большее количество сырых произведений, то мне было бы выгодно заменить людей лошадьми, и я так и поступил бы. Но это было бы невыгодно для рабочих, и если только мой доход не возрос до такой сте-

пени, чтобы дать мне возможность употреблять как людей, так и лошадей, то почувствовался бы избыток населения, и положение рабочего вообще ухудшилось бы. Очевидно, что он не мог бы при известных условиях найти занятие в земледелии. Но если продукт земли увеличился вследствие замены людей лошадьми, он мог бы найти занятие на фабриках или в качестве прислуги.

Изложенные мною взгляды, я надеюсь, не приведут к заключению, что не следует поощрять введение машин. Чтобы выяснить основное положение, я предположил, что усовершенствованные машины были *внезапно* изобретены и применены в широких размерах. В действительности же такие изобретения делаются постепенно и скорее действуют таким образом, что они изменяют употребление капитала, который сберегается и накапливается, а не отвлекают капитал от его постоянного употребления.

При всяком возрастании капитала и населения цена предметов пищи необходимо будет возрастать вследствие увеличения трудности их производства. Возрастание цен предметов пищи повлечет за собою повышение заработной платы, а всякое повышение заработной платы будет иметь тенденцию обращать еще в более значительной степени, чем прежде, всякий вновь сбереженный капитал на употребление машин. Машин и труд находятся в постоянной конкуренции между собою, и первые часто могут быть применены только, когда поднимается цена труда.

В Америке и многих других странах, где легко добывается пища для человека, нет такого большого искушения употреблять машины, как в Англии, где цена предметов пищи высока и где для производства не требуется много труда. Та самая причина, которая повышает цену труда, не увеличивает еще стоимость машин, и следовательно при каждом увеличении капитала более значительная часть его будет употреблена на машины. Спрос на труд будет возрастать вместе с ростом капитала, но не в одинаковой пропорции. Эта пропорция необходимо будет уменьшаться¹.

¹ «Спрос на труд зависит от увеличения оборотного капитала, а не основного. Если бы отношение между этими двумя формами капитала действительно было во все времена и во всех странах одинаково, тогда, разумеется, мы могли бы сделать вывод, что число занятых работой увеличивается вместе с ростом богатства в государстве. Но такое предположение не имеет и тени вероятия. По мере развития искусств и распространения цивилизации основной капитал становится все больше и больше по отношению к оборотному. Размер основного капитала, употребляемого при производстве штуки британского муслина, по крайней мере в сто, а может быть и в тысячу раз больше, чем капитал, употребленный на производство такой же штуки индийского муслина, а размер употребляемого оборотного капитала в сто или в тысячу раз меньше. Можно себе поэтому представить, что при известных условиях вся сумма годичных сбережений какого-нибудь промышленного народа может быть прибавлена к основному капиталу, а в таком случае это не оказало бы никакого влияния на возрастание спроса на труд» (Barton, On the condition of the Labouring Classes of Society, p. 16).

Трудно представить себе, по моему мнению, что при каких бы то ни было условиях возрастание капитала не сопровождалось бы возрастанием спроса на труд. Самое большое, что мы можем сказать, это—что спрос увеличивался бы в уменьшающейся пропорции. Мне кажется, что Бартон в вышеназванном со-

Я заметил уже прежде, что рост чистого дохода, выраженного в товарах, всегда являющийся следствием усовершенствования машин, повлечет за собою новые сбережения и рост накопления. Следует помнить, что эти сбережения—годовые сбережения и что они должны скоро создать фонд более значительный, чем фонд, первоначально потерянный вследствие изобретения машин. Тогда спрос на труд будет так же велик, как и прежде, и положение народа будет дальше улучшаться еще в большей степени вследствие увеличения сбережений, которые позволят делать возросший чистый доход.

Употребление машин не может быть задержано в государстве без ущерба для него: если капиталу мешали бы получить наибольшую сумму чистого дохода, которую только может доставить употребление машин, он эмигрировал бы за границу, а это в гораздо большей степени способствовало бы уменьшению спроса на труд, чем самое широкое применение машин. Пока капитал употребляется внутри страны, он должен создавать спрос на некоторое количество труда. Машин не могут быть построены без содействия людей, они могут быть произведены только при помощи их труда. Вкладывая часть капитала в усовершенствованные машины, мы только задерживаем возрастание спроса на труд; вывозя капитал в другую страну, мы совершенно уничтожаем этот спрос.

К тому же цены товаров регулируются издержками их производства. Употребляя усовершенствованные машины, вы уменьшаете издержки производства товаров и вследствие этого вы можете продать их на внешних рынках по более дешевой цене. Но если бы вы отказались от употребления машин, в то время как другие страны поощряли бы их применение, вы были бы вынуждены вывозить ваши деньги в обмен на иностранные товары, пока естественные цены ваших товаров не понизятся до уровня цен других стран. Вступая в обмен с этими странами, вы можете отдавать товар, стоящий здесь двух дней труда, в обмен на товар, стоящий за границей одного дня труда. Этот невыгодный обмен был бы следствием вашего собственного образа действий, так как товар, вывозимый вами и стоящий вам двух дней труда, стоил бы вам не больше одного дня труда, если бы вы не отказались от употребления машин, услуги которых ваши соседи использовали более благоразумно для самих себя.

чинении развивал вполне правильный взгляд на некоторые следствия увеличения размеров основного капитала и их влияние на положение рабочего класса. Его опыт содержит много ценных указаний.

ГЛАВА XXXII

ВЗГЛЯДЫ МАЛЬТУСА НА РЕНТУ

Хотя в предыдущих частях этого труда я уже очень подробно говорил о природе ренты, я все-таки считаю необходимым отметить некоторые взгляды на этот предмет, которые я считаю ошибочными. Я приписываю им тем большее значение, что они находятся в сочинениях одного из людей, кому в настоящее время всего более обязаны своим развитием некоторые отделы политической экономии. Я очень счастлив, что могу при этом случае выразить свое удивление перед «Опытом о народонаселении» Мальтуса. Нападки противников этого великого труда только доказали все его значение, и я убежден, что истинная оценка его будет распространяться по мере того, как будет дальше продолжаться разработка науки, которой он служит столь выдающимся украшением. Мальтус еще, кроме того, удовлетворительно выяснил принципы ренты. Он показал, что она повышается или понижается в соответствии с относительными выгодами, которыми пользуются различные земли благодаря их плодородию или местоположению, и, таким образом, пролил много света на многие неясные пункты, связанные с вопросом о ренте, которые прежде были совершенно неизвестны или очень плохо поняты. Но мне кажется, что Мальтус при этом впал в некоторые ошибки. И в то время, как авторитет Мальтуса делает тем более необходимым указание на его ошибки, свойственная ему прямота характера делает для меня эту задачу менее неприятной. Одна из этих ошибок заключается в предположении, что рента является чистым выигрышем и вновь созданным богатством.

Я не могу согласиться со всеми взглядами Бьюкенена на ренту, но я вполне присоединяюсь к мнению, которое выражено им в цитате, приводимой Мальтусом. Поэтому я не могу согласиться и с комментарием, который дает к этому месту Мальтус.

«С этой точки зрения она (рента) не может представлять общую прибавку к капиталу всего общества, так как чистый прибавочный продукт, о котором в данном случае идет речь, есть не что иное как доход, перенесенный от одного класса к другому. А из одного такого перемещения из рук в руки не может возникнуть новый источник, из которого могли бы уплачиваться налоги. Доход, который идет на уплату за продукты земли, находится уже в руках тех, кто покупает эти продукты. Если бы цена средств существования была ниже, он про-

должал бы оставаться в их руках и был бы в этом случае так же пригоден для обложения, как и в том случае, если бы при более высоких ценах он перешел в руки землевладельца».

Сделав несколько замечаний о разнице между сырыми продуктами и мануфактурными изделиями, Мальтус задает вопрос: «Возможно ли таким образом, как это делает Сисмонди, рассматривать ренту как простой продукт труда, имеющий чисто номинальную стоимость, и как простой результат того увеличения цены, которое продавец получает в силу особенной привилегии, или вместе с Бьюкененом видеть в ней не прибавку к национальному богатству, а только перенос стоимости, выгодный исключительно для землевладельцев и в той же мере *убыточный* для потребителей?»¹.

Я уже высказал свой взгляд на этот предмет, говоря о ренте, могу теперь только прибавить, что рента создает стоимость в том смысле, в котором я употребляю это слово, но что она не создает богатства. Если цена хлеба вследствие возрастающей трудности производства известной части его повысится с 4 ф. ст. до 5 ф. ст. за квартал, то миллион кварталов будет стоить 5 млн. ф. ст. вместо 4 млн. ф. ст. А так как этот хлеб будет обмениваться не только на большее количество денег, но и на большее количество всякого другого товара, то землевладельцы получают в свое распоряжение более значительную сумму стоимости. Никто вследствие этого не будет иметь меньшую стоимость, и общество поэтому будет обладать большею стоимостью. В этом смысле рента создает стоимость. Но стоимость эта является номинальной, поскольку она ничего не прибавляет к богатству, т. е. к сумме предметов необходимости, комфорта и удовольствия, принадлежащих обществу. Мы будем иметь точно такое же, а не большее, количество товаров и тот же миллион кварталов хлеба, что и прежде. И результатом более высокой цены квартала—5 ф. ст. вместо 4 ф. ст.—явился бы только перенос части стоимости хлеба и товаров от их прежних владельцев к землевладельцам. Поэтому рента создает стоимость, но не создает богатства, она ничего не прибавляет к ресурсам страны; она не увеличивает способность последней содержать армию и флот. Страна имела бы в своем распоряжении более значительный фонд, если бы земля была более плодородна и если бы она могла употреблять на землю такой же капитал, не производя ренты.

[Мы должны поэтому признать, что Сисмонди и Бьюкенен, мнения которых по существу одинаковы, вполне правы, рассматривая ренту как чисто номинальную стоимость и видя в ней не прибавку к богатству, а простой перенос стоимости, выгодный только для землевладельцев и *убыточный* для потребителя]*.

В другой части своего «Исследования» Мальтус замечает, что «непосредственной причиной ренты очевидно является избыток цены над издержками производства, цены, по которой сырые произведения

¹ «An Inquiry into the Nature and Progress of Rent», p. 15 («Исследование о природе и движении ренты», стр. 15).

* [Вставка только во втором и третьем изданиях.]

сбываются на рынке», а после он указывает, что «существуют три причины высокой цены сырых произведений:

Во-первых, и главным образом, свойство земли, в силу которого она может доставлять более значительное количество предметов необходимости, чем требуется на содержание людей, которые заняты ее обработкой.

Во-вторых, особое свойство предметов необходимости, в силу которого они сами могут создавать для себя спрос или увеличивать количество потребителей, пропорционально количеству производимых предметов необходимости.

И, в-третьих, относительная редкость очень плодородных земель».

Говоря о высокой цене хлеба, Мальтус очевидно подразумевает не цену квартера или бушеля, а скорее излишек цены, по которой продается весь продукт, над издержками его производства, включая всегда в термин «издержки производства» как прибыль, так и заработную плату; 150 кварталов хлеба по 3 ф. ст. 10 шилл. за квартал всегда принесут землевладельцу более значительную ренту, чем 100 кварталов по 4 ф. ст., при условии, что издержки производства в обоих случаях одинаковы.

Итак, если выражение «высокая цена» употребляется в этом смысле, то она не может быть названа *причиной* ренты. Нельзя сказать, что «непосредственной причиной ренты очевидно является излишек цены над издержками производства, цены, по которой сырые произведения сбываются на рынке», так как именно этот излишек и составляет ренту. По определению Мальтуса, рента представляет «ту часть стоимости всего продукта, которая остается у землевладельца после того, как были уплачены расходы всякого рода, сопряженные с обработкой земли, включая сюда и прибыль на употребленный капитал, определяемую согласно обычной и средней норме прибыли на сельскохозяйственный капитал в данное время». Следовательно всякая сумма, за которую может быть продан этот излишек, составляет денежную ренту. Именно это Мальтус подразумевает, когда он говорит об «излишке цены над издержками производства, цены, по которой сырые произведения сбываются на рынке». Поэтому при исследовании причин, в силу которых цена сырых произведений поднимается в сравнении с издержками их производства, мы в то же время исследуем причины, которые могут повысить ренту.

По поводу первой причины [вызывающей, по мнению Мальтуса, повышение ренты, а именно, «свойства земли, в силу которого она может доставлять более значительное количество предметов необходимости, чем требуется на содержание людей, занятых ее обработкой»]* он делает следующие замечания: «Мы желали бы знать, почему потребление и предложение могут привести к такому большому превышению цены над издержками производства. Очевидно, что главная причина заключается в *плодородии* земли, производящей предметы необ-

* [В первом издании сказано: «По поводу первой причины роста ренты Мальтус имеет следующие соображения»].

ходимости. Уменьшите это изобилие, уменьшите плодородие земли, уменьшите это изобилие еще дальше, и избыток совсем исчезнет». Конечно излишек предметов необходимости уменьшится и исчезнет, но не в этом дело. Вопрос заключается в том, уменьшится ли или исчезнет излишек их цены над издержками их производства, так как денежная рента зависит только от этого излишка. И чем может доказать Мальтус свое следующее утверждение: так как избыток количества уменьшится и исчезнет, то «причину *высокой цены* предметов необходимости в сравнении с издержками их производства следует искать скорее в их изобилии, чем в их редкости, и эта высокая цена отличается существенно не только от высокой цены, которая вызывается искусственной монополией, но и от высокой цены тех особенных произведений земли, кроме предметов пищи, которые могут быть названы предметами естественной и необходимой монополии?»

Разве не существует таких условий, при которых плодородие земли и изобилие ее произведений могут уменьшаться, не вызывая уменьшения излишка их цены над издержками их производства, т. е. не вызывая уменьшения ренты? Если они существуют, то утверждение Мальтуса слишком универсально. Мне кажется, что он устанавливает как всеобщий принцип, верный при всяких условиях, положение, что рента повышается вместе с возрастанием плодородия земли и понижается с его уменьшением.

Мальтус, без всякого сомнения, был бы прав, если бы из продукта, полученного на данной ферме, землевладельцу, пропорционально большей производительности земли, выдавалась более значительная часть всего продукта. Но, в действительности, происходит прямо обратное явление; когда в обработке находится только наиболее плодородная земля, землевладелец получает минимальную часть всего продукта точно так же, как и минимальную стоимость. Только когда вследствие размножения населения в обработку поступает менее плодородная земля, прогрессивно увеличивается как часть всего продукта, так и стоимость его, получаемая землевладельцем.

Предположим, что существует спрос на миллион кварталов хлеба и что они составляют продукт земли, находящейся в обработке в данный момент. Предположим теперь, что плодородие всей земли уменьшилось и что она доставляет теперь всего 900 тыс. кварталов. Так как спрос предъявляется на миллион кварталов, то цена хлеба поднимется и необходимо будет прибегнуть к обработке земли низшего качества раньше, чем в том случае, если бы лучшая земля продолжала давать миллион кварталов. Именно эта необходимость обращаться к обработке земель худшего качества является причиной возрастания ренты [и будет повышать ее дальше, хотя бы количество хлеба, получаемое землевладельцем, уменьшилось]*. Следует помнить, что рента находится в соответствии не с абсолютным плодородием обрабатываемой земли, а с ее относительным плодородием. Всякая причина, которая привлекает капитал к обработке земель худшего качества, повышает ренту с земель лучшего качества, потому что причиной рен-

* [Эта вставка сделана только в третьем издании.]

ты, как говорит Мальтус в своем третьем положении, является «относительная редкость очень плодородных земель». Цена хлеба будет, разумеется, подниматься вместе с возрастанием трудности производства последней части его, и стоимость всего количества, произведенного на отдельной ферме, увеличится, хотя количество это уменьшится. Но так как издержки производства на более плодородных землях не увеличатся, так как прибыль и заработная плата вместе взятые будут продолжать составлять точно такую же стоимость¹, то очевидно, что излишек цены над издержками производства, или, другими словами, рента должна расти вместе с уменьшением плодородия земли, если только это уменьшение не сопровождается большим уменьшением капитала, населения и спроса. Итак, положение Мальтуса не может быть признано правильным: рента вовсе не возрастает и не понижается непосредственно вслед за возрастанием или уменьшением плодородия земли, но возрастание плодородия земли делает ее способной приносить в будущем более высокую ренту. Земля, очень мало плодородная, никогда не приносит ренты; земля, обладающая умеренным плодородием, может при увеличении населения приносить умеренную ренту, а земля, обладающая большим плодородием, — высокую ренту. Но одно дело — быть способным приносить высокую ренту, и другое дело — уже приносить ее. В стране, в которой земля очень плодородна, рента может быть ниже, чем в той стране, где земля дает умеренный доход, потому что рента зависит скорее от относительного плодородия, а не от абсолютного плодородия, от стоимости продукта земли, а не от его изобилия².

[Мальтус предполагает, что рента с земли, доставляющей те особенные произведения земли, которые могут быть названы естественными и необходимыми предметами монополии, регулируется законами, существенно отличными от законов, регулирующих ренту с земель, доставляющих предметы необходимости. По его мнению, в первом случае причиной высокой ренты является редкость таких монополь-

¹ См. стр. 61—52, где я старался показать, что, какова бы ни была легкость или трудность производства хлеба, заработная плата и прибыль вместе взятые имели бы ту же стоимость. Заработная плата всегда повышается за счет прибыли, а, когда она падает, прибыль поднимается.

² В одном из последних своих сочинений Мальтус замечает, что я не понял его, так как он вовсе не думал утверждать, что рента непосредственно и необходимо повышается и понижается вместе с увеличением или уменьшением плодородия почвы. Если это так, то я действительно не понял его. Положение Мальтуса гласило: «Уменьшите это изобилие, уменьшите плодородие земли, и избыток уменьшится; уменьшите это изобилие еще дальше, и избыток совсем исчезнет». Мальтус выставляет это положение не как условное, а как абсолютное. Я возражал только против положения, которое, как мне показалось, он поддерживал, а именно, что уменьшение плодородия почвы будто бы несовместимо с возрастанием ренты. [Это примечание впервые появляется в третьем издании. Речь идет, как видно из переписки Рикардо, о сочинении Мальтуса, опубликованном в 1820 г. Это — «The Principles of Political Economy considered with a view to their practical application», London 1820. Рикардо оставил подробный критический комментарий к этому сочинению, который издан только в 1928 г.]

ных продуктов, во втором, наоборот, рента является результатом изобилия продуктов.

Мне кажется, что различие очень плохо обосновано: увеличив количество продуктов, вы так же хорошо можете увеличить ренту с земель, доставляющих редкие вина, как и ренту с земель, доставляющих хлеб, если вам удастся в то же время увеличить спрос на эти особые предметы. А без такого расширения спроса слишком изобильное предложение хлеба, вместо того чтобы повысить ренту с земли, доставляющей хлеб, наоборот, понизит ее. Каковы бы ни были свойства данной земли, высокая рента зависит от высокой цены продукта, но при данной высокой цене высота ренты пропорциональна не редкости продукта, а его изобилию]*.

Ничто не может заставить нас производить постоянно какой-нибудь товар в большем количестве, чем он требуется. Если случайно было бы произведено большее количество товаров, то цена их упала бы ниже их естественной цены и следовательно не могла бы возместить издержек производства, включая в них обычную прибыль на капитал. Таким образом, предложение их сократилось бы до тех пор, пока оно не пришло бы в соответствие со спросом, и рыночная цена их опять не сравнялась бы с их естественной ценой.

Мне кажется, что Мальтус слишком склонен думать, что население возрастает только, когда этому предшествует накопление запаса средств существования, — «предметы пищи сами создают себе спрос», — что только после образования запаса пищи число браков увеличивается. А между тем общее возрастание населения вызывается ростом капитала и, как следствие этого роста, расширением спроса на труд и повышением заработной платы, так что производство предметов пищи является только результатом этого нового спроса.

Положение рабочего улучшается только тогда, когда он получает больше денег или большее количество какого-нибудь другого товара, в котором выплачивается заработная плата и стоимость которого не понизилась. Возрастание населения и увеличение количества предметов пищи вообще является следствием высокой заработной платы, но не всегда они являются ее необходимым следствием. Улучшение положения рабочего вследствие возрастания стоимости, уплачиваемой

* [В первом издании вместо этих двух абзацев сказано было следующее: «Мальтус говорит, что «причина превышения цены предметов первой необходимости над издержками производства заключается скорее в их изобилии, чем их редкости, и существенно отлична от высокой цены тех особенных произведений земли, не связанных с пищей, которые могли быть названы естественными и необходимыми монополиями». В чем собственно они различаются существенно? Разве изобилие этих особенных произведений земли не вызовет повышения ренты, если спрос на них в то же время возрастет? И может ли рента когда-либо возрасти, каковы бы ни были производственные товары, только в силу изобилия и без возрастания спроса?—Вторая причина ренты, упоминаемая Мальтусом, а именно «свойство, присущее предметам первой необходимости создавать себе собственный спрос или увеличивать число предъявляющих спрос пропорционально количеству произведенных предметов первой необходимости», не кажется мне ни в какой мере характерной для них. Не изобилие предметов первой необходимости увеличивает число предъявляющих спрос, а изобилие предъявляющих спрос увеличивает число предметов первой необходимости».]

ему, не является для него необходимо стимулом к тому, чтобы вступить в брак и взять на себя бремя содержания семьи. Всего вероятнее, он употребит часть своей повышенной заработной платы на покушку более значительного количества предметов пищи и необходимости, а на остаток он может, если ему угодно, купить товары, которые увеличат его комфорт,—стулья, столы, металлические изделия или лучшее платье, сахар и табак. Таким образом, повышение заработной платы рабочего не будет сопровождаться никакими другими последствиями, кроме увеличения спроса на некоторые из указанных товаров. А так как количество рабочих не увеличится в очень значительной степени, то заработная плата их будет все время оставаться на высоком уровне. Но хотя следствия высокой заработной платы могут быть именно такими, как мы только что указали, все-таки преимущества семейной жизни настолько велики, что в действительности улучшение положения рабочего неизменно влечет за собой возрастание населения. И только потому, что она за маленьким исключением, упомянутым нами выше, приводит к таким последствиям, возникает новый и расширенный спрос на предметы пищи. Итак, этот спрос есть не причина, а следствие возрастания капитала и населения. Только потому, что расходы народа принимают такое направление, рыночная цена предметов необходимости превышает их естественную цену, производится требуемое количество предметов необходимости, и уже вследствие возрастания населения заработная плата опять падает.

Какие мотивы могут заставить фермера производить больше хлеба, чем в действительности требуется, если последствием этого было бы падение рыночной цены хлеба ниже его естественной цены, а следовательно и потеря им части прибыли вследствие падения ее ниже общей нормы? «Если бы,—говорит Мальтус,—предметы необходимости, т. е. наиболее важные произведения земли, не имели свойства увеличивать спрос пропорционально увеличению их количества, то это увеличенное количество вызвало бы падение их меновой стоимости¹. Как бы ни были обильны запасы продуктов в стране, население ее может оставаться неподвижным. А такое изобилие, без пропорционального увеличения спроса и при очень высокой цене труда, выраженной в хлебе, которая явилась бы вполне естественной при этих условиях, такое изобилие могло бы понизить цены сырых произведений, подобно ценам мануфактурных изделий до уровня их издержек производства».

«Могло бы понизить цены сырых произведений до уровня их издержек производства»? А разве цена их может в течение продолжительного времени оставаться выше или ниже этой цены?

И разве сам Мальтус не констатирует, что этого никогда не бывает? «Я надеюсь,—говорит он,—что читатель извинит меня, если я немного остановлюсь, чтобы представить ему в различных формах учение, согласно которому хлеб, поскольку речь идет о действительно произведенном количестве, продается по необходимой цене, как

¹ О каком увеличенном количестве говорит Мальтус? Кто производит его? У кого может явиться побуждение производить его раньше, чем является спрос на добавочное количество?

и промышленные изделия. Эта, по моему мнению, в высшей степени важная истина не была замечена ни экономистами*, ни Адамом Смитом, ни другими писателями, которые думают, что сырые произведения всегда продаются по монопольной цене».

«Всякая обширная страна может быть рассматриваема как совокупность расположенных в известной градации машин для производства хлеба и сырых произведений, включающая не только всякого рода бедные земли, которыми изобилует вообще каждая территория, но и менее совершенные машины, которые поступают в употребление, когда хорошая земля принуждена производить все большее и большее количество добавочных продуктов. Так как цена сырых произведений продолжает подниматься, то эти менее совершенные машины постепенно вводятся в употребление, но как только цена сырых произведений начинает падать, эти машины постепенно забрасываются. Приведенный нами пример должен показать всю *необходимость существующей цены хлеба при наличии существующего количества продукта* и различные следствия, которые будут вызваны крупным понижением цены какого-нибудь отдельного промышленного товара и крупным понижением цены сырых произведений»¹.

Как согласовать эти места с местом, в котором Мальтус утверждает, что если бы предметы необходимости не обладали свойством вызывать увеличение спроса, пропорциональное увеличению их количества, то избыток произведенных предметов необходимости в таком случае—и только в таком случае—понижил бы цену сырых произведений до уровня издержек производства? Если цена хлеба никогда не бывает ниже его естественной цены, то он никогда и не может быть в большем количестве, чем сколько население требует для собственного потребления. Тогда нельзя делать запасы для потребления других, и тогда дешевизна и избыток хлеба не могут служить стимулом к размножению населения. Чем дешевле вновь производимый хлеб, тем больше рабочий имеет возможность на увеличенную заработную плату содержать семью.

* [Т. е. физиократами].

¹ «Inquiry» («Исследование») и т. д. «Во всех развивающихся странах средняя цена хлеба никогда не бывает выше цены, которая необходима, чтобы поддерживать возрастание продукта на известном среднем уровне» («Observations», p. 21).

«При затрате нового капитала на землю с целью удовлетворить нужды возросшего населения важный вопрос о том, будет ли этот капитал употреблен на обработку новых земель или на улучшение уже обрабатываемой земли, решается всегда в зависимости от ожидаемого дохода на капитал. Всякое уменьшение валовой прибыли уменьшает побуждение затрачивать таким образом капитал. Всякое понижение цены, которое не уравновешивается сейчас же, и в полной степени соответственным понижением всех расходов по содержанию фермы, всякий поземельный налог, всякий налог на капитал фермера, всякий налог на предметы необходимости фермера—все это принимается в расчет. И если, после того как все эти вычеты будут сделаны, цена продукта не даст справедливого вознаграждения за употребленный капитал в соответствии с общей нормой прибыли и ренты, равной, по крайней мере, ренте с земли в ее прежнем состоянии, то исчезнет всякое побуждение предпринять проектированное улучшение» («Observations», p. 22).

В Америке население растет быстро, потому что предметы пищи производятся по дешевым ценам, а не потому, что предварительно были накоплены обильные запасы. В Европе, наоборот, население растет медленно, потому что предметы пищи не могут производиться дешево. При обычном ходе вещей спрос на все товары предшествует их предложению. Говоря, что цена хлеба, точно так же как и промышленных изделий, понизится до их цены производства, если не возрастет спрос, Мальтус не думает конечно, что будет поглощена вся рента. Ведь он сам вполне справедливо заметил, что если бы землевладельцы отказались от ренты, то цена хлеба не понизилась бы. Рента есть следствие, а не причина высокой цены. Кроме того, в обработке всегда находится земля, совсем не платящая ренты и доставляющая хлеб, цена которого возмещает только заработную плату и прибыль.

В следующей цитате Мальтус дал талантливое изложение причин возрастания цены сырых произведений в богатых и развивающихся странах, с каждым словом которого я согласен. Но мне кажется, что оно находится в противоречии с его же положением в «Опыте о ренте».

«Я нисколько не колеблюсь констатировать, что, независимо от недостатков денежного обращения и других временных и случайных обстоятельств, причина относительно высокой денежной цены хлеба лежит в его относительной высокой *действительной цене* или в более значительном количестве капитала и труда, которые должны быть употреблены на его производство. Я думаю также, что в странах, которые уже достигли богатства, где население и благосостояние продолжают увеличиваться, действительная цена хлеба выше и продолжает постоянно расти, потому что необходимость принуждает переходить постоянно к обработке все более бедных земель, к машинам, которые можно пустить в ход только при помощи более значительных расходов. Вследствие всего этого всякое новое добавочное количество сырых произведений в стране покупается по более дорогой цене. Говоря короче, причины высокой цены на хлеб заключаются в том, что хлеб в развивающейся стране продается по цене, необходимой для доставки требуемого запаса и что вследствие возрастающей трудности получения этого запаса цена на хлеб соответственно поднимается».

Здесь совершенно ясно констатируется, что действительная цена товара зависит от большего или меньшего количества труда или капитала (т. е. накопленного труда), которые должны быть употреблены на его производство. Действительная цена товара, в противоположность утверждению некоторых писателей, не зависит ни от денежной стоимости, ни от отношения его стоимости к стоимости хлеба, труда или какого-нибудь другого товара, взятого в отдельности, или всех товаров, взятых вместе, как утверждают другие. Она зависит, как вполне справедливо говорит Мальтус, от «большого или меньшего количества капитала и труда, которые должны быть употреблены на производство товара».

В числе причин повышения ренты Мальтус упоминает и «такое возрастание населения, которое повлечет за собою понижение зара-

ботной платы»¹. Но если падение заработной платы сопровождается повышением прибыли с капитала, причем обе вместе всегда составляют одну и ту же стоимость, то никакое падение заработной платы не может привести к повышению ренты: такое падение не уменьшит ни размеров, ни стоимости той части продукта, которая достанется вместе и фермеру и рабочему, и следовательно землевладелец не получит ни более значительную долю, ни более значительную стоимость. Чем меньше приходится на долю заработной платы, тем больше останется на долю прибыли и *vice versa*. Раздел будет произведен между фермером и рабочим без всякого вмешательства со стороны землевладельца. И действительно, последний совершенно не заинтересован в этом деле, разве лишь постольку, поскольку один способ раздела будет больше, чем другой, способствовать накоплению новых капиталов и дальнейшему спросу на землю. Если заработная плата падает, то поднимается прибыль, а не рента. Если заработная плата поднимается, то падает прибыль, а не рента. Рост ренты и заработной платы и падение прибыли являются неизбежными следствиями одной и той же причины, возрастания спроса на предметы пищи, увеличения количества труда, требующегося для их производства, и следующего за этим повышения цен. Если бы землевладелец отказался от всей своей ренты, рабочие от этого не выиграли бы ровно ничего. Если бы рабочие могли отказаться* от всей своей заработной платы, землевладельцы не извлекли бы никакой выгоды из этого обстоятельства. Но в том и другом случае фермеры получили бы и удержали в свою пользу все, от чего отказались бы землевладелец или рабочие. Я старался показать в этом сочинении, что падение заработной платы имело бы своим последствием только повышение прибыли. [А всякое повышение прибыли способствует накоплению капитала и дальнейшему возрастанию населения и следовательно, по всей вероятности, в конце концов ведет к возрастанию ренты]**.

Другой причиной повышения ренты, по мнению Мальтуса, являются «такие сельскохозяйственные улучшения или такое увеличение производительности, которые уменьшили бы число рабочих, необходимое для производства известной работы». [Против этого места я могу привести те самые возражения, которые приводил уже против его мнения, что увеличение плодородия земли служит непосредственной причиной повышения ренты. Как сельскохозяйственные улучшения, так и возрастание плодородия могут дать земле способность приносить в более или менее отдаленном будущем более высокую ренту, потому что при той же самой цене на предметы пищи их будет теперь гораздо более значительное количество. Но пока рост населения будет продолжаться в прежних размерах, не будет спроса на добавочное количество предметов пищи, и следовательно рента не повысилась, а, наоборот, понизилась бы. Количество предметов пищи, которое могло бы потребляться при существовавших тогда условиях, было бы полу-

¹ См. стр. 61—62.

* [В первом и втором изданиях сказано было: «если бы рабочие отказались».]

** [Вставка в третьем издании.]

чено с помощью меньшего числа рабочих]* или с меньшего пространства земли; тогда цена сырых произведений понизилась бы, и капитал был бы извлечен из земли¹. Рента может повыситься только вследствие появления спроса на новые земли низшего качества или в силу какой-нибудь другой причины, которая вызвала бы изменение относительно плодородия земель, уже находящихся в обработке². Успехи агрономии и развитие разделения труда распространяются одинаково на все участки, они увеличивают абсолютное количество сырых произведений, получаемых с различных участков, но, по всей вероятности, не нарушают в значительной степени сравнительное соотношение, существовавшее между ними прежде.

Мальтус верно указал всю ошибочность утверждения доктора Смита, что [хлеб представляет совершенно особенный товар и что производство его не может быть поощряемо таким же путем, каким поощряется производство других товаров. Он по этому поводу замечает]**. «Я нисколько не думаю отрицать могучее влияние, которое

* [В первом издании сказано было вместо: «Против этого—рабочих» следующее:

«Это не увеличило бы стоимости всего продукта и не увеличило бы поэтому ренты. Оно скорее имело бы обратную тенденцию, оно понизило бы ренту, ибо если вследствие этих улучшений наличное количество требуемой пищи могло бы быть доставлено с помощью меньшего числа рабочих» и т. д.,—как в тексте.]

¹ См. стр. 38 и сл. и т. д.

² Нет никакой надобности напоминать об этом при каждом случае, но необходимо всегда иметь в виду, что, поскольку речь идет о цене сырых произведений и повышении ренты, результаты получатся те же самые, будет ли добавочный капитал данных размеров затрачен на новую землю, за которую не платится никакой ренты, или на землю, которая уже находится в обработке, если только количество продукта, получаемого с обоих участков, будет совершенно одинаково (см. стр. 32).

В своих примечаниях к французскому переводу этого сочинения Сэй старался показать, что никогда не бывает таких земель, которые находились бы в обработке и не платили бы ренты, и, вполне удовлетворенный своей аргументацией, он заключил из этого, что опроверг все выводы, которые следуют из учения о ренте. Так например он думает, что я неправ, утверждая, что налоги на хлеб и другие сырые произведения, повышая их цену, падают на потребителя, а не на ренту. Он настаивает, что такие налоги должны падать на ренту. Но прежде, чем доказать правильность своего вывода, Сэй должен еще показать, что не существует совсем капитала, который затрачивался бы на землю, не приносящую ренты (см. начало этого примечания и стр. 30 и 33 настоящего сочинения). А он даже не пытался сделать это. Ни в одном из своих примечаний он не опровергнул или даже отметил это важное учение. Из примечания его к стр. 182 второго тома французского издания видно, что он даже не знает, что существует такое учение.

[Вместо этого примечания в первом издании другое: «Нет необходимости при всяком случае повторять, но нужно всегда иметь в виду, что тот же самый эффект был бы достигнут при помощи употребления различных, не равных частей капитала на уже находящейся в обработке земле, с различными результатами. Рента есть разница в продуктах, получаемых при помощи равных капиталов и равного труда на земле того же самого или различного качества»].

** [В первом издании вместо от «хлеб» до—«замечает» было сказано следующее:

«Мальтус верно указал ошибку Адама Смита и говорит: «Сущность его (доктора Смита) аргумента заключается в том, что хлеб есть совершенно особенный товар, что его реальная цена не может быть повышена путем возрастания его основной цены и что если, как это ясно, только возрастание реальной цены мо-

цена хлеба, на протяжении многих лет, оказывает в среднем на цену труда. Но что влияние это не настолько сильно, чтобы воздействовать на привлечение капиталов к земледелию или на отвлечение их от последнего, — это именно и составляет главную сторону разбираемого вопроса, — станет совершенно ясно, если мы хотя бы вкратце исследуем вопрос о способе, каким оплачивается и доставляется на рынок труд, и если мы рассмотрим следствия, к которым неизбежно привело бы принятие положения Адама Смита»¹.

Мальтус затем переходит к доказательству, что расширение спроса и высокая цена будут в такой же мере способствовать увеличению производства сырых произведений, в какой расширение спроса и высокая цена способствуют росту производства всякого другого товара. Из того, что я прежде говорил о последствиях премий, видно, что в этом пункте я вполне соглашаюсь с Мальтусом. Я привел цитату из сочинения Мальтуса «Observations on the Corn Laws», чтобы показать, что термин «действительная цена» употребляется в указанном сочинении в совершенно другом смысле, чем в другом его памфлете «Grounds of an Opinion» и т. д. В этой же цитате Мальтус говорит: «Ясно, что только повышение действительной цены может поощрять производство хлеба», причем под действительной ценой он очевидно подразумевает увеличение его стоимости по отношению к другим предметам или, другими словами, рост его рыночной цены выше его естественной цены или издержек его производства. Если именно это Мальтус подразумевает под действительной ценой, то, даже не соглашаясь с таким употреблением этого термина, я должен признать его мнение безусловно правильным. Действительно, только повышение рыночной цены хлеба поощряет его производство, и мы можем принять, как правило, всегда сохраняющее свою силу, что только превышение рыночной стоимости товара над его естественной или необходимой стоимостью может в сильной степени способствовать расширению производства этого товара.

Но сам же Мальтус в других случаях придает термину «действительная цена» совершенно другое значение. В «Опыте о ренте» он говорит: «Под действительной ценой, по которой добывается хлеб, я подразумеваю действительное количество труда и капитала, которое было употреблено на производство последних прибавок, сделанных к национальному производству». В другой части он констатирует, что «относительно высокая—действительная—цена хлеба объясняется более значительным количеством капитала и труда, которое должно быть употреблено на его производство»². Предположим, что в пре-

жет поощрить производство, то повышение денежной цены, вызванное премией, не может иметь такого действия. Он продолжает:]

¹ «Observations on the Corn Laws», p. 4.

² Когда я, перед тем как отдать эти страницы в печать, показал их Мальтусу, он сказал мне, что «в обоих этих случаях он, по недосмотру, употребил термин *действительная цена* вместо *издержек производства*». Из всего сказанного уже мною по этому поводу видно, что, по моему мнению, как раз в этих двух случаях Мальтус употребил термин «действительная цена» в его истинном и верном значении и что только в предыдущем случае он употребил его неправильно.

дыдущей цитате мы подставляем это определение действительной цены. Разве она не будет тогда гласить так: «Ясно, что только повышение количества труда и капитала, которое должно быть употреблено на производство хлеба, может поощрять его производство». Но это значило бы то же самое, как если бы мы сказали, что ясно, что повышение естественной или необходимой цены хлеба поощряет его производство, — положение, которое нельзя было бы отстаивать. На количество хлеба, уже произведенное, оказывает влияние не цена хлеба, по которой он может быть произведен, а цена, по которой он может быть продан. Капитал привлекается к земле или отвлекается от нее, смотря по тому, насколько цена хлеба выше или ниже издержек производства. Если это превышение настолько велико, что капитал, употребленный в земледелии, приносит более высокую прибыль, чем обычная, то капитал будет привлекаться к земле, а если он приносит менее высокую прибыль, то капитал будет извлечен из земледелия.

Итак, производство хлеба расширяется не вследствие изменения в действительной цене хлеба, а вследствие изменения в его рыночной цене. «Если к земле привлекается более значительное количество капитала и труда, то это происходит не потому, что для производства хлеба требуется более значительное количество труда и капитала (как Мальтус правильно определяет действительную цену), но потому, что рыночная цена хлеба поднимается выше его действительной цены и, несмотря на увеличение расходов, делает земледелие более прибыльным занятием для капитала».

Следующие замечания Мальтуса о масштабе стоимости, который был выбран Адамом Смитом, вполне справедливы:

«Адам Смит, очевидно, был увлечен на этот путь ошибочной аргументации вследствие своей привычки *рассматривать труд* как *главную единицу-меру стоимости*, и хлеб как мерило труда. Но история нашей собственной страны лучше всего доказывает, что хлеб является очень недостаточной мерой труда: она свидетельствует, что труд, сравнительно с хлебом, подвергался очень крупным и резким изменениям не только из года в год, но из века в век, и даже в течение десяти, двадцати и тридцати лет подряд. *А что ни труд, ни какой-нибудь другой товар не могут служить точной мерой действительной меновой стоимости*—это положение является теперь одним из наиболее неопровержимых учений в политической экономии и естественно вытекает из самого определения меновой стоимости».

Если, как это вполне ясно, ни хлеб, ни труд не могут служить точной мерой действительной меновой стоимости, то какой другой товар может играть эту роль? Разумеется, ни один из товаров. Поэтому, если выражение «действительная цена товаров» имеет какое-нибудь значение, то только такое, какое ему придает Мальтус в своем «Опыте о ренте»,—действительная цена измеряется соответствующим количеством капитала и труда, необходимого для их производства.

В «Исследовании о природе ренты» Мальтус говорит, что, «независимо от недостатков денежного обращения данной страны и других временных и случайных условий, причиной относительно высокой денежной цены хлеба является его относительно высокая дей-

ствительная цена или более значительное количество капитала и труда, которое должно быть употреблено на его производство»¹.

Я полагаю, что это вполне правильно объясняет все постоянные изменения, которые могут происходить в цене хлеба или какого-нибудь другого товара. Цена какого-нибудь товара может долго держаться на высоком уровне только потому, что на производство его требуется более значительное количество капитала и труда, или потому, что понизилась стоимость денег. И наоборот, цена товара может понизиться только потому, что на производство его может быть употреблено меньшее количество труда и капитала, или потому, что стоимость денег повысилась.

Изменение, которое происходит в силу последней причины, изменения стоимости денег, распространяется одинаково на все товары, тогда как изменение, происходящее в силу первой из указанных причин, ограничивается только тем товаром, на производство которого требуется больше или меньше труда. Вследствие свободновозова хлеба или вследствие успехов агрономии цена сырых произведений может понизиться, но при этом цена других товаров будет затронута лишь постольку, поскольку упадет действительная стоимость или издержки производства сырого материала, который входит в состав данного товара.

Раз Мальтус признает этот принцип, то он, по моему мнению, не может, если он только хочет быть последовательным, признавать, что валовая денежная стоимость всех товаров в стране должна падать в строгом соответствии с понижением стоимости хлеба. Если бы стоимость хлеба, ежегодно потребляемого страной, составляла 10 млн., а стоимость промышленных изделий и иностранных товаров—20 млн., или вместе 30 млн., то мы не могли бы только потому, что стоимость хлеба упала на 50%, или с 10 до 5 млн., сделать вывод, что годовые расходы понизились до 15 млн.

Стоимость сырых произведений, входивших в состав промышленных изделий, могла бы например составлять не больше 20% их валовой стоимости, и следовательно стоимость промышленных товаров понизилась бы не с 20 до 10, а только с 20 до 18 млн. Таким образом, после падения цены хлеба наполовину, валовая сумма годовых расходов понизилась бы не с 30 до 15 млн., а только с 30 до 23 млн.²

[Такова была бы, по моему мнению, стоимость всех потребляемых товаров, если бы возможно было предположить, что при такой дешевой цене хлеба не увеличилось бы потребление хлеба и других товаров. Но ввиду того, что все затратившие свой капитал на получение хлеба с таких земель, обработка которых прекратилась бы, могли бы употребить его на производство промышленных изделий, что только

¹ Стр. 40.

² Стоимость промышленных товаров в действительности понизилась бы в такой пропорции потому, что, при предположенных нами условиях, произошло бы другое распределение драгоценных металлов среди различных стран. Наши дешевые товары экспортировались бы в обмен на хлеб и золото, пока накопление золота не понизило бы его стоимости и не повысило бы вследствие этого денежную цену товаров.

часть последних была бы отдана в обмен на иностранный хлеб,— так как при всяком другом предположении ввоз и низкие цены не принесли бы никакой выгоды,—излишек стоимости всей суммы произведенных, но не вывезенных промышленных изделий, был бы присоединен к вышеуказанной стоимости. Таким образом, действительное уменьшение стоимости,—даже если речь идет об их денежной стоимости,—всех товаров в стране, включая и хлеб, свелось бы только к потере для землевладельцев вследствие уменьшения их ренты, тогда как количество предметов удовольствия значительно увеличилось бы]*.

Вместо того чтобы рассмотреть следствия понижения стоимости сырых произведений с указанной точки зрения, Мальтус, изменяя своему прежнему предположению, отождествляет это понижение с повышением стоимости денег на 100% и вследствие этого делает такой вывод, что цена всех товаров понизится наполовину.

«В течение двадцати лет, начиная с 1794 г.,—говорит он,— и до 1813 г. включительно, средняя цена британского хлеба составляла около 83 шилл.; в течение последних десяти лет этого периода— 92 шилл., а в течение последних пяти лет—108 шилл. В продолжение всего этого периода правительство заняло около 500 млн. действительного капитала и обязалось платить за него, круглым числом, около 5%, не считая фонда на погашение. Но если бы цена хлеба упала до 50 шилл. за квартал и в соответствии с этим понизились бы цены всех других товаров, то правительство в действительности платило бы 7, 8 и 9, а за последние 200 млн.—даже 10%.

Я не расположен был бы делать какие-нибудь возражения против такой необыкновенной щедрости по отношению к кредиторам государства, если бы при этом не было необходимости исследовать, на кого в сущности падает уплата указанных процентов. Нетрудно понять, что последние могут быть уплачены только производительными классами общества и землевладельцами, т. е. теми классами, номинальный доход которых изменяется с каждым изменением в мере стоимости. Номинальные доходы этой части общества, в сравнении с средним доходом последних пяти лет, уменьшились бы наполовину, и из такого номинально уменьшенного дохода эти классы должны были бы уплачивать ту же самую номинальную стоимость в виде налогов, что они уплачивали и прежде»¹.

Во-первых, я, как мне кажется, уже доказал, что даже стоимость валового дохода всей страны не уменьшилась бы в такой пропорции, как думает Мальтус. Из того обстоятельства, что цена хлеба упала на 50%, еще вовсе не следует, что стоимость валового дохода каждого человека должна уменьшиться на 50%². [В действительности стоимость его чистого дохода может увеличиться]**.

* [Эта вставка сделана только в третьем издании.]

¹ «The Grounds of an Opinion etc.», p. 36.

² В другой части того же самого сочинения Мальтус предполагает, что стоимость товаров может измениться на 25 или 20%, в то время как стоимость хлеба изеняется на 33½%.

** [Эта вставка сделана только в третьем издании.]

Во-вторых, читатель, надеюсь, согласится со мною, что если это увеличение расходов действительно произойдет, то оно не падет исключительно «на землевладельцев и производительные классы общества». Денежные капиталисты, производя личные расходы, вносят свою часть на покрытие государственных расходов точно так же, как и другие классы общества. Поэтому, если бы стоимость денег действительно повысилась, то они, даже получая более значительную стоимость, должны были бы также вносить более значительную стоимость в виде налогов. Итак, совершенно неверно, что вся прибавка к действительной стоимости процентов была бы уплачена «землевладельцами и производительными классами».

Впрочем, вся аргументация Мальтуса покоится на шатком основании: она основывается на предположении, что раз уменьшается валовой доход страны, то вследствие этого должен уменьшиться в такой же самой пропорции и чистый доход. Одной из задач этого труда являлось стремление показать, что при каждом понижении действительной стоимости предметов необходимости падает заработная плата и в соответствии с этим поднимается прибыль с капитала. Говоря другими словами, из данной годовой стоимости на долю рабочего класса останется тем меньше, чем больше получают те, на чьи фонды содержится этот класс. Предположим, что стоимость товаров, производимых на какой-нибудь фабрике, составляет 1 000 ф. ст. и что она делится между хозяином и рабочими так, что первый получает 200 ф. ст., а последние—800 ф. ст. Если бы стоимость этих товаров понизилась до 900 ф. ст. и 100 ф. ст. вследствие падения цены предметов необходимости были бы сбережены за счет заработной платы, то чистый доход хозяина несколько бы не уменьшился. Он следовательно мог бы платить ту же сумму налогов с такой же легкостью, как и прежде, до уменьшения цены¹.

[Очень важно проводить отчетливое различие между валовым и чистым доходом, потому что все налоги должны уплачиваться из чистого дохода общества. Предположим, что все товары в стране—весь хлеб, сырые произведения, мануфактурные изделия и т. п.,—которые могут быть доставлены на рынок в течение года, имеют стоимость в 20 млн., что для получения этой стоимости необходим труд известного числа людей и что предметы насущной необходимости для этих рабочих требуют расхода в 10 млн. Я сказал бы тогда, что валовой доход такого общества составляет 20 млн., а чистый—10 млн. Из этого пред-

¹ Вот что говорит Сэй о чистом и валовом продукте: «Вся произведенная стоимость составляет валовой продукт; та же стоимость за вычетом из нее издержек производства составляет чистый продукт» (v. II, p. 491). Таким образом чистый продукт не может существовать, так как, согласно Сэю, издержки производства состоят из ренты, заработной платы и прибыли. На стр. 508 он говорит: «Стоимость продукта, стоимость производительных услуг, стоимость издержек производства—все это сходные стоимости, если вещи предоставлены своему естественному ходу». Отнимите от целого целое, и у вас ничего не останется.

В первом и втором изданиях вместо этого примечания имелось следующее: «В гл. XXVI я заметил, что реальные ресурсы страны и ее способность нести налоги зависят не от ее валового, а чистого дохода.»]

положения вовсе не следует, что рабочие получили бы за свой труд только 10 млн., они могли бы иметь 12, 14 или 15 млн., и в этом случае они получили бы из чистого дохода 2, 4 или 5 млн. Остаток был бы разделен между землевладельцами и капиталистами, но весь чистый доход не превышал бы 10 млн. Предположим, что такое общество платит 2 млн. в виде налогов: тогда его чистый доход уменьшится до 8 млн.

Предположим теперь, что стоимость денег увеличилась на одну десятую. Тогда понизится цена всех товаров, упадет также цена труда, потому что предметы насущной необходимости рабочего составляли часть этих товаров, и следовательно валовой доход уменьшился бы до 18 млн., а чистый—до 9 млн. Если бы налоги понизились в такой же степени и вместо 2 млн. взималось бы только 1 800 тыс. ф. ст., то чистый доход уменьшился бы и дальше, до 7 200 тыс. ф. ст., которые имели бы такую же стоимость, как прежде 8 млн. Следовательно общество вследствие этой перемены ничего бы не потеряло и ничего бы не выиграло. Но предположим, что после повышения стоимости денег взимались бы, как и прежде, 2 млн., тогда общество стало бы беднее на 200 тыс. ф. ст. в год, так как налоги действительно возросли бы на одну десятую. Изменить путем изменения стоимости денег денежную стоимость товаров и взимать в виде налогов такую же сумму денег—это значит без сомнения увеличить бремя, лежащее на обществе.

Но предположим, что из 10 млн., составляющих чистый доход, землевладельцы получили 5 млн. в виде ренты и что вследствие легкости производства или ввоза хлеба необходимые издержки его производства уменьшатся на 1 млн. Тогда рента понизится на 1 млн., и в таких же размерах понизятся и цены всей массы товаров, но чистый доход останется таким же, как и прежде. Правда, валовой доход будет составлять только 19 млн., а необходимые расходы для получения его—9 млн., но чистый доход все-таки составит 10 млн. Предположим теперь, что из этого уменьшенного валового дохода высчитывается налогами 2 млн. Стало ли бы общество богаче или беднее? Конечно богаче, так как после уплаты налогов оно имело бы в своем распоряжении чистый доход в 8 млн. и могло бы затратить его на покупку товаров, количество которых увеличилось, а цена понизилась в пропорции 20:19. Таким образом общество могло бы легко вынести не только прежнее податное бремя, но и более значительное, и, несмотря на это, народные массы были бы лучше снабжены предметами удобства и необходимости.

Если чистый доход общества, после уплаты той же суммы денег в форме налогов, был бы так же велик, как и прежде, а класс землевладельцев потерял бы 1 млн. вследствие понижения ренты, то другие производительные классы должны были бы иметь в своем распоряжении увеличенные денежные доходы, несмотря на падение цен. Капиталист тогда выиграл бы в двояком отношении: во-первых, уменьшилась бы цена хлеба и мяса, потребляемых им и его семьей, во-вторых, понизилась бы заработная плата его прислуги, садовников и всякого рода рабочих. Его лошади и скот стоили бы меньше, и расходы на их содержание уменьшились бы. Цены всех товаров, в состав которых сырые произведения входят как главная часть их

стоимости, понизились бы. Валовая сумма всех этих сбережений, сделанных капиталистом при расходовании его дохода, в то время как денежный доход его увеличился, принесла бы ему двойную выгоду и дала бы ему возможность не только увеличить количество своих удовольствий, но и платить также добавочные налоги, если бы это потребовалось. Добавочное потребление обложенных товаров со стороны капиталиста с избытком уравнило бы уменьшение спроса со стороны землевладельцев, вызванное понижением их ренты. Те же самые замечания относятся к фермерам и промышленникам всех категорий.

Но нам могут возразить, что доход капиталиста ничуть не увеличился, что миллион, который был вычтен из ренты землевладельца, будет уплачен в виде добавочной заработной платы рабочим. Пусть будет так, но это несколько не ослабляет моей аргументации. Положение общества улучшилось бы, и оно было бы в состоянии нести то же самое денежное бремя с большей легкостью, чем прежде. Это только доказывало бы, что вследствие нового распределения главным образом улучшилось бы—а это было бы гораздо более желательно—положение другого класса, и именно наиболее важного класса общества. Все, что он получил бы сверх 9 млн., составляет часть чистого дохода страны и не может быть израсходовано, не увеличивая в то же время ее доход, благосостояние или могущество. Вы можете поэтому распределить чистый доход как вам угодно. Отдайте немного больше одному классу, дайте немного меньше другому—вы этим не уменьшаете сумму чистого дохода. При помощи того же самого количества труда будет производиться более значительное количество товаров, хотя размеры валовой денежной стоимости таких товаров уменьшились бы. Но чистый денежный доход страны, фонд, из которого выплачиваются налоги и получают средства на предметы удовольствия, будет гораздо более приспособлен, чем прежде, для содержания существующего населения, для доставления ему предметов роскоши и удовольствия и для несения известного податного бремени]*.

* [Вместо стр. 273—275, начиная от «Очень важно» до «податного бремени», в первом и втором изданиях было сказано:

Таким образом весьма вероятно, что заработная плата понизится настолько же, насколько и вся масса товаров, или, скорее, что чистый доход, остающийся в распоряжении лендлордов, фермеров, фабрикантов, торговцев и денежных капиталистов, единственных действительных налогоплательщиков, был бы так же велик, как и прежде, ибо общество не потеряло бы ничего, даже номинально, вследствие наиболее свободного ввоза хлеба, кроме части ренты, которой лишились бы землевладельцы вследствие падения цен на сырые произведения.

Разница между стоимостью хлеба и всех других товаров, продаваемых в стране до и после ввоза дешевого хлеба, равнялась бы только снижению ренты, потому что независимо от ренты одно и то же количество труда производило бы всегда одну и ту же стоимость.

Вся сумма, на которую уменьшилась заработная плата, есть реальная стоимость, которая прибавляется к стоимости чистого дохода, находившегося до того в распоряжении общества, в то время как единственная стоимость, взятая из этого чистого дохода, есть стоимость той части их ренты, которой лишены бу-

Не подлежит никакому сомнению, что денежный капиталист также выигрывает при большом падении стоимости хлеба. Но если никто не страдает от этого понижения, то нет никакого основания стараться сделать хлеб дороже. Прибыль, получаемая денежными капиталистами, составляет прибыль для всей нации и, как всякая другая прибыль, увеличивает реальное богатство и могущество страны. Если же прибыль их чересчур велика, то необходимо установить это вполне точно, и тогда уже законодательство должно будет изыскивать соответственные меры. Но трудно придумать более неблагоприятную политику, чем та, которая заставляет нас отказаться от больших выгод, сопряженных с дешевизной и избытком хлеба, только потому, что денежные капиталисты могут получить слишком большую долю этих выгод.

Никто еще не пытался до сих пор регулировать проценты на капитал на основании денежной стоимости хлеба. Если бы справедливость и честность требовали такой регулировки, то денежным капиталистам прежних времен следовал бы большой долг. Ведь они в те-

дут лендлорды вследствие падения цен на сырые произведения. Когда мы принимаем во внимание, что понижение цен этих продуктов производит свое действие на ограниченное число землевладельцев, тогда как оно снижает заработную плату не только тех, кто занят в земледелии, но и всех тех, кто занят в промышленности и торговле, то можно сомневаться, будет ли чистый доход общества хотя бы в малейшей степени уцерблен¹.

Но если даже предположить, что он был бы уцерблен, то не следует думать, что налогоспособность уменьшится в такой же степени, как и денежная стоимость даже чистого дохода. Предположим, что мой чистый доход уменьшился с 1 000 до 900 ф. ст., но что мои налоги остались без изменения; разве невозможно, что моя способность уплатить эти 100 ф. ст. может быть больше при меньшем доходе, чем при большем? Товары не могут понижаться в своей цене так огульно, как это предполагает Мальтус, без того, чтобы потребители извлекли из этого большую прибыль, без того, чтобы они могли таким путем при меньшем денежном доходе получить для себя гораздо большую сумму предметов необходимости, удобства или роскоши для удовлетворения своих человеческих потребностей. Вопрос сводится к следующему: выиграют ли те, кто владеет чистым доходом страны, столько же в силу уменьшения цены товаров, сколько они потеряют вследствие большего действительного налогового обложения. В какую сторону склонится баланс, будет зависеть от пропорции, в которой налоги будут находиться к годовому доходу; если он будет чрезвычайно велик, то он несомненно более чем уравнивает выгоды от более дешевых предметов необходимости. Но, думается мне, я в достаточной степени показал, что Мальтус в слишком большой степени преувеличил потери налогоплательщиков вследствие падения цены на один из наиболее важных предметов необходимости и что, если бы они не были вполне вознаграждены за действительное возрастание налогов падением заработной платы и повышением прибыли, они были бы более чем вознаграждены вследствие более дешевой цены всех предметов, на которые тратится их доход.]

¹ Все это в предположении, что деньги продолжают сохранять свою прежнюю стоимость. В последнем примечании я старался показать, что деньги не сохраняют свою прежнюю стоимость—что она понижается вследствие возросшего ввоза, факт, который гораздо больше говорит в пользу моего взгляда.

чение ста лет получали один и тот же денежный доход, хотя цена хлеба за это время, быть может, удвоилась или утроилась¹.

[Но было бы большой ошибкой предполагать, что положение денежного капиталиста улучшилось бы в большей степени, чем положение фермера, фабриканта и других капиталистов в стране. На самом деле оно улучшилось бы в меньшей степени.

Денежный капиталист, без сомнения, будет получать тот же самый денежный доход, в то время как понизятся не только цены на сырые произведения и на труд, но и цены многих других предметов, в которые сырые произведения входят как составная часть. Но это, как я уже только что констатировал, такая выгода, которой он пользуется наравне со всеми другими лицами, которые располагают для своих расходов такими же самыми денежными доходами. Его денежный доход не увеличился бы, тогда как денежный доход фермера, фабриканта и других работодателей увеличился бы, и все они следовательно выиграли бы в двойном отношении.

Но, скажут нам, пусть капиталисты действительно выигрывают от повышения прибыли, вызываемого падением заработной платы, но ведь их доходы должны понизиться вследствие падения денежной стоимости их товаров. Но какая причина могла вызвать это понижение? Не изменение стоимости денег, ибо, по нашему предположению, не случилось ничего такого, что могло бы изменить их стоимость. И не уменьшение количества труда, необходимого для производства этих товаров, потому что такое изменение не произошло, да если бы оно и произошло, оно не понизило бы денежную прибыль, хотя могло бы понизить денежные цены товаров. Но мы предположили, что понизилась цена сырья, из которого сделаны эти товары, и следовательно цены товаров могли понизиться по этой причине. Эти товары, правда, станут дешевле, но падение их цены не будет сопровождаться каким-либо уменьшением денежного дохода для их производителя. Если последний продает свой товар за меньшее количество денег, то он это делает потому, что понизилась стоимость одного из материалов, из которых сделан его товар. Если фабрикант сукон продает свое сукно вместо 1 000 ф. ст. за 900 ф. ст., то его доход еще не уменьшится вследствие того, что стоимость шерсти, из которой сделано его сукно, в свою очередь уменьшилась на 100 ф. ст.]*.

Мальтус говорит: «Справедливо, что последние прибавки к сельскохозяйственному производству процветающей страны не сопровождаются повышением ренты. Именно в силу этого обстоятельства богатая страна может допустить ввоз части необходимого ей хлеба, если она может быть уверена, что получит достаточное количество.

¹ Мак-Коллох в своем превосходном сочинении выступил очень энергично в защиту правомерности мероприятий, приспособляющих проценты по государственным долгам к уменьшенной стоимости хлеба. Он стоит за свободу торговли хлебом, но думает, что она должна быть связана с понижением процентов для государственных кредиторов. [Это примечание Мак-Коллох не поместил ни в одном из своих изданий собрания сочинений Рикардо, хотя оно имеется во всех трех изданиях «Начал».]

* [Стр. 277, начиная от «Но было бы» до «100 ф. ст.», представляет вставку, сделанную только в третьем издании.]

Но во всяком случае ввоз иностранного хлеба не будет выгоден для всей нации, если цена его не настолько ниже цены туземного хлеба, чтобы покрывать прибыль и ренту с хлеба, который он замещает»¹.

[Это замечание Мальтуса совершенно правильно. Но ввозимый хлеб *должен* быть всегда настолько дешевле туземного, чтобы «покрывать прибыль и ренту с хлеба, который он замещает». Если бы это было иначе, то не было бы никакой выгоды ввозить его]*.

Так как рента есть следствие высокой цены хлеба, то падение ренты есть следствие низкой цены. Иностраный хлеб никогда не может конкурировать с хлебом внутреннего производства, приносящим ренту. Падение цены приносит землевладельцу неизменно убыток, пока наконец не поглощает всю его ренту. Если бы цена упала еще ниже, то она не доставляла бы даже обычной прибыли на капитал. Последний тогда оставил бы землю для какого-нибудь другого занятия. Хлеб, который прежде производился на этой земле, был бы только тогда, но не раньше, замещен привозным хлебом. Падение ренты в этом случае повлекло бы за собою потерю в стоимости, выраженной в деньгах, но зато увеличилось бы богатство. Количество сырых произведений и других продуктов возросло бы, но вследствие большой легкости, с которой они производятся, увеличение их количества будет сопровождаться уменьшением их стоимости.

Два человека употребляют одинаковые капиталы: один—в земледелии, другой—в обрабатывающей промышленности. Капитал, функционирующий в земледелии, производит чистую годовую стоимость в 1 200 ф. ст., из которых 1 000 удерживаются как прибыль, а 200 ф. ст. идут на уплату ренты, а капитал, функционирующий в обрабатывающей промышленности, производит годовую стоимость в размере только 1 000 ф. ст. Предположим, что с помощью ввоза то самое количество хлеба, которое стоит 1 200 ф. ст., может быть получено за товары, стоящие 950 ф. ст., и что вследствие этого капитал, употребленный в земледелии, будет перемещен в мануфактурную промышленность, где он может произвести стоимость в 1 000 ф. ст. Тогда стоимость чистого дохода страны понизилась бы, и он уменьшился бы с 2 200 до 2 000 ф. ст. Но при этом страна располагала бы для своего потребления не только тем же самым количеством товаров и хлеба, но еще и добавочным количеством, которое можно было бы купить на 50 ф. ст., т. е. на разность между стоимостью ее промышленных товаров, продаваемых за границу, и стоимостью закупаемого там хлеба.

[В этом в сущности и заключается весь вопрос о выгодах ввоза хлеба или производства его внутри страны. Хлеб не может быть ввозим до тех пор, пока количество его, получаемое из-за границы при помощи определенного капитала, не превысит количества, которое при содействии того же самого капитала может быть произведено внутри страны, — пока оно не превысит не только количество, которое до-

¹ «Grounds etc.», p. 36.

* [Эта вставка сделана только в третьем издании.]

стается на долю фермера, но и то, которое уплачивается в виде ренты землевладельцу]*.

Мальтус говорит: «Адам Смит справедливо заметил, что никогда одно и то же количество производительного труда, затраченного на мануфактурную промышленность, не произведет такого большого количества продуктов, как в земледелии». Если Адам Смит говорит о стоимости, он прав; если он говорит о богатстве, он заблуждается, так как он сам определяет богатство как сумму предметов необходимости, удобства и удовольствия. Одна категория предметов необходимости и удобства не может быть сравниваема с другой. *Нет такого мерилла, с помощью которого мы могли бы измерить потребительную стоимость: разными лицами она оценивается совершенно различно.*

* [Вставка эта имеется только во втором и третьем изданиях, но во втором за словами «ренты землевладельцу» следовало еще: «Мальтус может быть по этому вполне спокоен, что никакой ввоз иностранного хлеба не будет иметь места, если он не настолько дешевле, чем хлеб внутреннего производства, чтобы возместить как прибыль, так и ренту с хлеба, который он вытесняет».]

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ ПЕРВОЙ

О Т Д Е Л III

Принцип, установленный в предыдущем отделе, изменяется в значительной степени вследствие употребления машин как основного капитала.

(Помимо изменений в относительной стоимости товаров, вызванных тем, что для производства требуется больше или меньше труда, они также подвергаются колебаниям вследствие роста заработной платы и следующего за ним падения прибыли, если основные капиталы, занятые в промышленности, представляют неодинаковую стоимость или неодинаково долговечны)*.

*Первое издание**.* Если основной и оборотный капиталы имелись бы в различных пропорциях или если бы основной капитал был различной долговечности, тогда относительная стоимость произведенных товаров была бы ущемлена вследствие повышения заработной платы. Во-первых, при условии, что основной и оборотный капиталы имеются в различных пропорциях.

Второе издание. Так, предположим, что основной и оборотный капиталы охотника и рыболова равны по своей величине, но различны по своим пропорциям.

Предположим, что вместо 100 ф. ст. основного капитала и 100 ф. ст. оборотного капитала охотник должен употребить 150 ф. ст. основного капитала и 50 ф. ст. оборотного капитала, а что рыболов, напротив, должен употребить только 50 ф. ст. основного и 150 ф. ст. оборотного капитала.

Если прибыль составляет 10%, то охотник должен продать свои товары за 79 ф. ст. 8 шилл. Ибо, чтобы возместить свой оборотный капитал в 50 ф. ст. с прибылью в 10%, потребовалась бы стоимость в 55 ф. ст.

Чтобы возместить его основной капитал с 10% прибыли при существующей стоимости аннуитета на десять лет в раз-

мере 24,4 ф. ст. из 10% в 150 ф. ст.	24,4 ф. ст.
	79,4 ф. ст.

Первое издание. Если прибыль составляет 10%, то

Второе издание. Но при той же норме прибыли в 10%,

рыболов должен продать свои товары за 173 ф. ст. 2 шилл. 7 пенс.

Чтобы возместить свой оборотный капитал в 150 ф. ст. с 10% прибыли	165 ф. ст.
--	------------

Чтобы возместить свой основной капитал с 10% прибыли, одна треть прибыли охотника	8,13 ф. ст.
	173,13 ф. ст.

* [Это начало внесено только во втором издании.]

** Следующий абзац изменен уже во втором издании. Мы даем оба варианта.

Если теперь заработная плата повышается, хотя ни один из этих товаров не требует больше труда на их производство, то их относительная стоимость все же будет изменена. Предположим, что заработная плата повышается на 6%, тогда охотнику понадобится только увеличение его капитала на 3 ф. ст., чтобы занять то же самое число людей и получить то же самое количество дичи; рыболову же понадобится сумма в три раза большая, или 9 ф. ст. Прибыль на капитал упала бы до 4%, охотник был бы вынужден продать свою дичь за 73 ф. 12 шилл. 2 пенса:

Чтобы возместить свой оборотный капитал с прибылью в 4%	55,12 ф. ст.
Чтобы возместить основной капитал, ежегодно изнашивающийся при существующей стоимости аннуитета в 18,42 ф. ст. на десять лет, когда деньги ссужаются из 4% в 150 ф. ст.	18,49 ф. ст. 73,61 ф. ст.
Рыболов должен был бы продать свою рыбу за 171 ф. ст. 11 шилл. 5 пенс., а именно, чтобы возместить свой оборотный капитал в 159 ф. ст. с прибылью в 4%	165,360 ф. ст.
Чтобы возместить основной капитал, ежегодно изнашивающийся при существующей стоимости аннуитета в 6,163 ф. ст. на десять лет из 4% в 50 ф. ст.	6,163 ф. ст. 171,523 ф. ст.

Дичь относилась прежде к рыбе, как 100:218.
Теперь это отношение составляет 100:233.

Первое издание. Мы видим таким образом, что с каждым повышением заработной платы пропорционально тому, в какой степени капитал, употребляемый в каком-нибудь промысле, состоит из оборотного капитала, его продукт будет иметь большую относительную стоимость, чем продукты, произведенные в другом промысле, где употребляется меньшая пропорция оборотного и большая пропорция основного капитала.

Второе издание. Итак, разделение капитала на основной и оборотный в различных пропорциях в разных отраслях производства вводит, как оказывается, значительное видоизменение в правило, которое имеет всеобщее применение, когда в производстве применяется почти исключительно труд, а именно, что стоимость товаров не изменяется, если на их производство не затрачивается больше или меньше труда. А в этом отделе было показано, что даже при отсутствии каких-либо изменений в количестве труда одно повышение его стоимости вызовет падение меновой стоимости тех товаров, в производстве которых употребляется основной капитал, и, чем большую долю составляет основной капитал, тем больше будет это падение.

О Т Д Е Л IV

Принцип, в силу которого стоимость не изменяется вследствие повышения или падения заработной платы, видоизменяется также вследствие неодинаковой долговечности капитала и неодинаковой скорости, с которой он возвращается к своему предпринимателю.

В последнем отделе мы предполагали, что в двух разных отраслях промышленности доля основного и доля оборотного капитала не равны; теперь предположим, что они одинаковы, но долговечность их неодинакова. Чем менее долговечен основной капитал, тем более он приближается по своему характеру к оборотному капиталу. Он будет потребляться и его стоимость воспроизводиться в более короткий срок, чтобы капитал фабриканта сохранялся. Мы только

что видели, что при повышении заработной платы стоимость товаров, произведенных на фабрике, где преобладает основной капитал, понижается в сравнении со стоимостью товаров, произведенных на фабрике, где преобладает оборотный капитал. Тот же результат и от действия той же причины будет обнаруживаться по мере того, как основной капитал становится менее долговечным и приближается по своему характеру к оборотному*.

Предположим, что произведена машина, которая будет работать сто лет, и что стоимость ее составляет 20 тыс. ф. ст. Предположим также, что эта машина без содействия чьего-либо труда может производить ежегодно определенное количество товаров и что прибыль составляет 10%: вся стоимость производимых продуктов будет ежегодно составлять 2 000 ф. ст. 2 шилл. 11 пенс., ибо прибыль с 20 тыс. ф. ст. при 10% в год равняется 2 000 ф. ст.

И аннуитет в 2 шилл. 11 пенс. на сто лет из 10% к концу второго периода возместит капитал в 20 тыс. ф. ст. 2 шилл. 11 пенс.

Следовательно продукты должны быть проданы за 2 000 ф. ст. 2 шилл. 11 пенсов.

Если то же самое количество капитала, а именно 20 тыс. ф. ст., употреблено было бы на поддержание производительного труда и было бы ежегодно потреблено и воспроизведено, как это бывает, когда капитал употребляется на уплату заработной платы, то для получения такой же прибыли в 10% на 20 тыс. ф. ст. произведенные товары должны быть проданы за 22 тыс. ф. ст. Предположим теперь, что заработная плата повысилась настолько, что вместо 20 тыс. ф. ст., которых прежде было достаточно, чтобы оплатить заработную плату занятых в производстве последних рабочих, теперь требуется 20 952 ф. ст. Тогда прибыль упадет до 5%, ибо, поскольку эти товары не могут быть проданы дороже, чем до сих пор, а именно за 22 тыс. ф. ст., и для производства их требуется 20 252 ф. ст., останется не больше чем 1 048 ф. ст., или 5% прибыли на капитал в 20 592 ф. ст. Если бы заработная плата повысилась настолько, что потребовалось бы 21 153 ф. ст., то прибыль упала бы до 4%, а если бы она снова повысилась настолько, что понадобилось бы пустить в ход 21 359 ф. ст., то прибыль упала бы до 3%.

Но ввиду того, что владелец машины, которая будет работать сто лет, не будет выплачивать никакой заработной платы, при падении прибыли до 5% цена его продуктов должна понизиться до 1 007 ф. ст. 13 шилл. 8 пенс., а именно 1 000 ф. ст. для покрытия его прибыли и 7 ф. ст. 13 шилл. 8 пенс., с целью накопления в течение ста лет из 5%, чтобы возместить капитал в 20 тыс. ф. ст. Когда прибыль падает до 4%, его продукты должны продаваться за 816 ф. ст. 3 шилл. 2 пенса, а когда она падает до 3%—за 632 ф. ст. 16 шилл. 7 пенс. Повышение цены труда не свыше 7%, которое совершенно не влияет на цены товаров, производимых только трудом, вызывает понижение не меньше чем на 68% цены тех товаров, которые производятся машинами. Если бы собственник машины продал свои продукты больше чем за 632 ф. ст. 16 шилл. 7 пенс., он получил бы больше 3% общей нормы прибыли с капитала, а так как другие могли бы сами достать машины по той же цене в 20 тыс. ф. ст., то они размножились бы до такой степени, что он неизбежно вынужден был бы понизить цену своих продуктов, пока они начали бы ему доставлять только обычную и общую норму прибыли с капитала.

По мере того как эта машина теряла бы свою долговечность, цены все меньше подвергались бы воздействию падения прибыли и повышения заработной платы. Если бы например машина могла работать только десять лет, если бы прибыль составляла 10%,

то товары продавались бы за	3 254 ф. ст.
при 5%	» 2 590 » »
» 4%	» 2 465 » »
» 3%	» 2 344 » »

* [До сих пор тождественно с текстом начала пятого отдела в третьем издании. Следующая дальше часть четвертого отдела в первом и втором изданиях была в третьем исключена.]

ибо таковы были бы суммы, которые требовались бы, чтобы поднять свою прибыль на один уровень с другими и возместить свой капитал по истечении десяти лет. Или, что то же самое, таковы были бы аннуитеты, которые можно было бы купить за 20 тыс. ф. ст. на десять лет при таких нормах прибыли. Если бы машина работала только три года, если бы прибыль равнялась 10%,

цена товаров составляла бы	8 042 ф. ст.
при 5%	7 344 » »
» 4%	7 206 » »
» 3%	7 070 » »

Если бы она работала только один год, если бы прибыль равнялась 10%.

то продавались бы за	22 000 ф. ст.
при 5%	» 21 000 » »
» 4%	» 20 800 » »
» 3%	» 20 600 » »

Поэтому, если прибыль понизится с 10 до 3%, то продукты, которые произведены при помощи равных капиталов, понизятся в стоимости:

- на 68%, если машина будет сохраняться 100 лет,
- » 28%, если машина будет сохраняться 10 лет,
- » 13%, если она будет сохраняться 3 года, и немного больше 6%, если она будет сохраняться только 1 год*.

Тот же самый результат будет иметь место, если оборотный капитал будет неодинаковой долговечности. Если в силу природы двух различных промыслов, в которых употребляются равные капиталы, один фабрикант может доставить производимый им товар только через год, тогда как другой может доставить его через 3 месяца, относительная стоимость товара первого из них понизится в сравнении с товаром второго при каждом повышении заработной платы и падении прибыли. Нет никакой необходимости приводить дальнейшие расчеты, чтобы доказать истинность этого положения, так как она покоится на том же самом принципе, как и случай, уже рассмотренный, а именно различные степени долговечности двух равных капиталов**.

Эти выводы имеют такое большое значение для науки политической экономии, но столь мало согласуются с принципами, в ней принятыми, которые утверждают, что всякое повышение заработной платы переносится на цену товаров, что, быть может, не лишним будет осветить еще больше этот предмет.

Фабрикант шляп употребляет 100 чел. по 50 ф. ст. в год, которые производят ему стоимость в 8 000 ф. ст. Ему предлагают машину, рассчитанную точно на один год и производящую ту же работу так же хорошо, как и 100 чел., за 5 000 ф. ст., т. е. за сумму, в точности равную его затратам на заработную плату. Для фабриканта в этом случае совершенно безразлично, покупает ли он машину

* [Во втором издании к этому месту сделано следующее примечание: «Чтобы выявить более строго принцип, я предположил, что машина работает без всякого содействия человеческого труда, что очевидно невозможно. Критик в «British Review» нелепо рассуждает, как будто это предположение было существенно для доказательства истины принципа. Но очевидно, что подобные следствия, хотя и не одинаковы в степени, будут иметь место, когда оба фабриканта учитывают труд и машины или другой капитал, хотя последний был бы неодинаково долговечным».]

** [Этот абзац вставлен только во втором издании.]

или продолжает занимать в производстве рабочих. Если теперь заработная плата повышается на 10% и вследствие этого требуется дополнительный капитал в 500 ф. ст., чтобы дать ему возможность употреблять то же количество труда, тогда как его товары продолжают продаваться за 8 000 ф. ст., он не будет больше колебаться и сейчас же купит машину и будет продолжать так поступать ежегодно, пока заработная плата будет выше первоначальных 5 000 ф. ст.

Но будет ли он в состоянии купить машину по прежней цене? Не возрастет ли ее стоимость вследствие повышения стоимости труда? Она возросла бы, если бы на ее производство не был затрачен капитал и не выплачивалась бы никакая прибыль ее производителю. Если бы например машина была продуктом труда 100 чел., работающих год и получающих заработную плату в 50 ф. ст. каждый, и цена ее была 5 000 ф. ст., то в случае повышения заработной платы до 55 ф. ст. ее цена была бы 5 500 ф. ст. Но это невозможно: или занято менее 100 рабочих, или машина не может быть продана за 5 000 ф. ст., так как из этой суммы должна быть уплачена прибыль на капитал, затраченный на рабочих. Итак, предположим, что было занято только 85 чел. с расходом в 50 ф. ст. на каждого, или 4 250 ф. ст. в год, и что 750 ф. ст., которые доставит продажа машины сверх заработной платы, уплаченной рабочим, составляли прибыль на капитал машиностроения. При повышении заработной платы на 10% он будет вынужден употребить добавочный капитал в 425 ф. ст. и поэтому будет употреблять 4 675 ф. ст. вместо 4 250 ф. ст.—капитал, на который он получит только 325 ф. ст. прибыли, если попрежнему продаст машину за 5 000 ф. ст. Но точно в таком же положении находятся все фабриканты и капиталисты: повышение заработной платы отражается на всех них одинаково. А поэтому, если бы машиностроитель поднял цену машины вследствие повышения заработной платы, то капитал стал бы притекать в отрасль промышленности, производящую эти машины, в необычных размерах, пока цены их не давали бы только обычную прибыль. Фабрикант шляп, используя машину и продавая свои шляпы за 8 000 ф. ст., находится точно в таком же положении, как и прежде: он употребляет такой же самый капитал и получает такую же точно прибыль. Торговая конкуренция не будет допускать этого долго, ибо так как капитал будет притекать в более прибыльную отрасль промышленности, то он будет вынужден снижать цену шляп, пока прибыль его не упадет до общей нормы. Таким образом в выигрыше от машины оказывается публика: эти немые агенты всегда являются продуктами гораздо меньшего труда, чем сколько они вытесняют, хотя бы они имели ту же денежную стоимость. Благодаря их влиянию увеличение в цене средств пропитания, которое повышает заработную плату, отражается на меньшем числе лиц. В вышеприведенном примере оно коснется 85 чел. вместо 100, и явившееся в результате этого сбережение скажется в уменьшенной цене изготовленных товаров. Не повысятся ни цена машин, ни цена других товаров, но понизятся цены всех товаров, изготовленных с помощью машин, и понизятся при этом пропорционально их долговечности.

Таким образом оказывается, что соразмерно с количеством и долговечностью основного капитала, занятого в какой-либо отрасли производства, относительные цены тех товаров, на производство которых употребляется такой капитал, будут изменяться в обратном отношении к заработной плате: они будут падать с повышением заработной платы. Оказывается также, что никакие товары не повышаются в абсолютной цене только потому, что повышается заработная плата, что они повышаются только тогда, когда на них затрачен дополнительный труд, но что все товары, в производство которых входит основной капитал, не только не повышаются в цене вместе с повышением заработной платы, а напротив, абсолютно понижаются и понижаются на целые 68% при повышении заработной платы всего на 7%, если на производство их употребляется исключительно основной капитал, долговечность которого составляет сто лет.

Вышеприведенное положение, доказывающее совместимость повышения заработной платы с понижением цен, имеет, мне известно, невыгоду новизны и должно опираться на собственную состоятельность, чтобы найти защитников, а пока оно имеет своими противниками писателей выдающейся и заслуженной репутации. Следует однако тщательно помнить, что во всей этой аргументации я исхожу из того, что деньги имеют неизменную стоимость, другими словами,

являются всегда продуктами одного и того же количества труда без всякого стороннего содействия.

Так как деньги представляют изменяющийся (в стоимости) товар, то повышение заработной платы, а равно и (стоимости) товаров часто вызывается падением стоимости денег. Повышение заработной платы в силу этой причины будет в действительности сопровождаться неизменно возрастанием цены товаров, но в таких случаях мы найдем, что труд и все товары не изменились по отношению друг к другу и что изменение ограничилось только деньгами*.

* [В первом издании окончание четвертого отдела сильно отличается от второго издания. Мы даем продолжение его по первому изданию. Оно заключено в круглые скобки.]

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Банки.—Их учреждение ограничивает монопольное право государства на чеканку монеты, 226—227. Последствия чрезмерного выпуска банкнот Английским банком, 227. Лучшим средством препятствовать неограниченному выпуску бумажных денег является обязательство платить за каждый предъявленный билет золотом, в монете или слитках, 228—230. Поддержка, оказываемая Английским банком торговле, 233—234.

Богатство.—39. Определение, 171. Разница между стоимостью и богатством, 171—174. Способы увеличения богатства страны, 175. Ошибочные взгляды Сэя по этому вопросу, 175—181.

Бумажные деньги.—Объяснение их обращения, 225—226. Для обеспечения стоимости бумажных денег не требуется, чтобы они были разменными, но количество их должно регулироваться в соответствии со стоимостью металла, выполняющего роль денег, 226—227. Причины, в силу которых Английский банк подвержен отливу золотых монет для оплаты его банкнот, 227—228. Единственным способом борьбы против чрезмерных выпусков бумажных денег является обязательный обмен их на золото в монетах или в слитках, 228—231. При наличии действительных мер против чрезмерных выпусков бумажных денег с национальной точки зрения не представляет никакой разницы, кто выпускает эти деньги, 231—232. Иллюстрация к этому пункту, 233—235.

Бьюкенен.—Разбор взглядов Бьюкенена на учение А. Смита о производительном и непроизводительном труде (примечание), 39. Его возражение против мнения Смита о влиянии налога на заработную плату, 131—132. Замечания по этому вопросу, 132—145. Замечания по поводу его мнения о вывозных премиях, 199—200.

Валовой доход.—Преувеличение выгод, получаемых от валового дохода, у Адама Смита, 221. То же у Сэя (примечание), 221. Разбор их взглядов, 221—224. Уменьшение валового дохода не означает уменьшения чистого дохода, 222.

Ввоз.—Ввоз хлеба. Влияние запрещений ввоза хлеба, 197—199.

Вексельный курс.—Вексельный курс не является показателем увеличивающейся стоимости денег, 283. Влияние изменений вексельного курса на внешнюю торговлю определяется по стоимости средства обращения одной страны, выраженной в средстве обращения другой, 84, и следовательно определяется путем сравнения с каким-нибудь масштабом, общим для обеих стран, 84—85. Влияние бумажноденежного обращения на вексельный курс, 83—85.

Внешняя торговля.—Влияние расширения внешней торговли, 72. Доказательство, что прибыль, получаемая от наиболее благоприятствуемой торговли, приводит к быстрому понижению общей нормы прибыли, 72—83.

Возделывание земли.—Налог на землю и ее продукты и вопрос о влиянии его на развитие земледелия, 106—111.

Гербовая пошлина.—Гербовая пошлина задерживает перемещение собственности, 89.

Голландия.—Рассуждение о низкой норме процента в Голландии (примечание), 183.

Государственные ценные бумаги.—Цена их не может служить постоянным критерием для суждения о норме процента, 188—189. Держатель государственных ценных бумаг выигрывает от значительного падения цены хлеба, 276—277.

Дома.—В ренте с домов различаются две части, 120—121. Различие между рентой с домов и рентой с земли, 121. Кем оплачивается в конечном счете рента с домов, 121.

Денежное обращение.—Количество средств обращения никогда не может быть избыточным и причины этого, 225. Обращение бумажных денег—см. *Золото и серебро, Бумажные деньги.*

Деньги.—Влияние повышения стоимости денег на цены товаров, 29—31. Норма прибыли не зависит от изменения стоимости денег, 31—32. Рассуждение о различной стоимости денег в различных странах, 81—82. Стоимость денег в общем уменьшается с улучшениями в эксплуатации рудников, где добываются благородные металлы, 83. Уменьшение стоимости денег повышает цены средств продовольствия, 95—98. Спрос на деньги регулируется их стоимостью, а их стоимость—их количеством, 114. Низкая стоимость денег в Испании является препятствием для торговли и промышленности этой страны, 116—118. Исследование нормы процента на деньги, 187—189. Стоимость денег уменьшается временно, но не навсегда, под влиянием премий за вывоз хлеба, 200. Количество денег, обращающихся в стране, зависит от их стоимости, 225—226. Влияние взимания государственной платы за чеканку монет, 225, 226, 238, 239.

Десятина.—Природа ее, 103. Является равномерным налогом, 103. Различие между десятиной и налогом на сырые произведения, 103. Десятина материально урезывает хлебную ренту, 104—105. Она действует как премия за ввоз и поэтому невыгодна землевладельцу, 105.

Доход.—Валовой и чистый доходы, природа их, 221—224.

Займы государственные.—Рассуждение о них, 150—154.

Законы о бедных.—Вредное влияние их современной формы, 57—59. Средства против них, 58—59.

Запрещение.—Рассуждение о влиянии запрещения ввоза хлеба, 150—154.

Заработная плата.—Влияние ее повышения на относительную стоимость товаров, 17—25, 27—29. Естественная и рыночная цена труда, 49—51. Возрастание капитала в количестве и стоимости повышает естественную цену труда, 51. Возрастание капитала в количестве, но не в стоимости, влечет за собой повышение рыночной цены труда, 51. Влияние спроса и предложения на заработную плату, 52—54. Доказательство, что возрастающая трудность производства добавочного количества средств питания при помощи того же количества труда вызывает возрастание заработной платы, 55. Рост заработной платы не всегда улучшает условия жизни рабочих, 55—57. Заработная плата не должна контролироваться законодательной властью, 57. Повышение заработной платы не влечет за собой повышения цен товаров, 57. Заработная плата возрастает при обложении предметов первой необходимости, 92—93. И при обложении заработной платы, 131. Недопустимость регулирования денежной заработной платы в зависимости от цен на пищевые продукты, 94. Влияние налога на заработную плату, 131—149.

Земледелие.—Влияние усовершенствований в земледелии и на ренту, 40—43. Их важность (примечание), 42. Ущерб, причиняемый земледелию внезапными изменениями в торговле, 166—170. Сельскохозяйственные улучшения не являются причиной увеличения ренты, 267—268.

Земля.—Судить о величине ренты, прибыли и заработной платы можно только по разделению всего продукта между землевладельцами, капиталистами и рабочими, 30—32. Различия в производительности земли как причина ренты, 35—36. Влияние сельскохозяйственных улучшений на увеличение производительности земли, 41—43. Рассмотрение учения Адама Смита о земельной ренте, 207—214.

Золото и серебро.—Как несовершенное мерило для определения изменяющейся стоимости товаров, 7—10. Но тем не менее они в общем являются наименее неудобным масштабом стоимости, 45. На кого в конечном счете падает налог на золото, 113—114. Стоимость золота в конечном счете определяется сравнительной легкостью или трудностью его производства, 115. Влияние налога на золото, 116—119. Стоимость золота и серебра определяется количеством труда, необходимого для их производства и доставки на рынок, 225. Замечание об употреблении этих металлов в качестве денег, 235—236. Относительная стоимость золота и серебра в различные периоды, 236—239. Сравнительная стоимость золота, хлеба и труда в богатых и бедных странах, 240—244.

Испания.—Вредное влияние низкой стоимости денег на ее торговлю и промышленность, 116—118.

Капиталисты.—Денежный капиталист выигрывает от сильного падения цен на хлеб, 276—277.

Капитал.—Его действие в первобытном или первоначальном состоянии общества, 12—15. Его действие в более развитом обществе, 14—15. Влияние оборотного и основного капитала на относительную стоимость товаров, 19—20. Влияние употребления машин и другого основного и долговечного капитала, 20—23. Неодинаковая долговечность капитала и неодинаковая скорость, с которой он возвращается к предпринимателю, изменяют закон, согласно которому стоимость не изменяется вследствие повышения или падения заработной платы, 24—27. Случаи, в которых капитал доставляет ренту, 35—36. Трудность точного определения разницы между основным и оборотным капиталом, 86. Вред обложения капитала налогами, 86—88. Правительство должно поощрять стремление к накоплению капитала, 88. Рассуждение о различных способах его применения, 35—36. Возрастание капитала в количестве и стоимости вызывает повышение естественной цены труда, 50—51. Если капитал увеличивается только в количестве, происходит повышение рыночной цены труда, 50—51. Отрицательное действие налогов на переход капиталов, 88—89. Влияние налогов на прибыль с капитала, 123—124. Влияние накопления капитала на прибыль и процент, 182—189. Единственным последствием вывозных премий является отлив части капитала в такие отрасли производства, в которые при естественных условиях он не направился бы, 198—199. Замечания о влиянии, которое вывозные премии оказывают на капитал, 199—202. Увеличение оборотного, а не основного капитала регулирует спрос на труд, 256. Норма процента регулируется прибылью, получаемой путем употребления капитала, 233.

Колониальная торговля.—Замечания о ней, 215. Возможность такого регулирования торговли с колонией, что она может оказаться менее выгодной для колоний и более выгодной для метрополии, чем свободная торговля, 216—218. Выгоды колониальной торговли, 217—220.

Лодердаль.—Его мнение о влиянии спроса и предложения на цены, 248—249. Замечание об этом вопросе, 249. Разбор его мнения, что банк при существующем монетном законодательстве не мог бы платить наличными деньгами по своим банкнотам (примечание), 238.

Мальтус.—Разбор его теории ренты, 258—266. Цены товаров регулируются действительными издержками производства, 266. Увеличение населения не является причиной роста ренты, как и сельскохозяйственные улучшения, 266—268. Опровержение его положения, что чистый доход уменьшается пропорционально уменьшению валового дохода, 273—275. Понижение ренты как следствие понижения цены хлеба, 278.

Машины.—Их влияние на труд, 8, 10. Первоначально ошибочная оценка их автором, 250—251. Его позднейший взгляд исходит из факта, что машины часто наносят большой вред рабочим, 251—254. Защита употребления машин, 256—257.

Монопольная цена.—Рассуждение о ней, 154—156. Исследование изменения стоимости монопольных товаров, 249.

Накопление капитала.—Влияние накопления капитала на прибыль и процент, 182—189.

Налоги.—Объяснение их природы, 86. Вред налогов на капитал, 86—88. Налоги на перемещение собственности, 88—89. На кого падают главным образом различные виды налогов, 89. Влияние налогов на сырые произведения, 90. Повышение цены сырых произведений является единственным средством, при помощи которого возделыватель земли может оплатить налог на сырые произведения, 90—92. Налог на сырые произведения фактически оплачивается потребителем, 90—92. Налоги на сырые произведения и предметы существования рабочих повышают заработную плату, 92—93. Анализ и опровержение возражений против обложения продуктов земли, 92—100. Налог на ренту падает целиком на землевладельца, 101, и задерживает обработку земли, 101—102. Десятина имеет равномерный характер, 103. Различие между десятиной и налогом на сырые произведения, 103—104. Налог на землю как скрытый налог на ренту, 106. Налог на землю должен быть точным и определенным, 106. Исправление ошибок Адама Смита по этому вопросу, 107—109, а также—Сэя, 109—112. О влиянии налогов на золото, 113—119. Земельная рента не является подходящим объектом обложения, 117. Кем оплачиваются в конечном счете налоги с домов, 120. Налоги на предметы необходимости являются скрытыми налогами на прибыль, 123. Действие налогов на прибыль, 121—129. Влияние налогов на заработную плату, 131—149. Налоги на роскошь. Их недостатки и преимущества, 148—149. Естественные объекты обложения, 148—149. Анализ обложения других товаров в отличие от сырых произведений, 150. Влияние налогов, взимаемых для оплаты процентов по государственным займам, 150—154. Замечания об обложении солода и некоторых других сырых произведений, 156—159. Возражения против невыгод, связанных с оплатой налогов производителями, 245—246.

Налоги в пользу бедных.—Их характер, 160. На кого падает их тяжесть, 160—163. В большей мере падают на фермера, чем на владельца фабрики, поскольку речь идет о прибыли, 162—163.

Национальный долг.—Рассуждение о нем, 152—154.

Питт.—Его взгляды на закон о бедных (примечание), 58.

Поземельный налог.—Поземельный налог—скрытый налог на ренту, 106. Влияние равномерного поземельного налога, падающего на все обрабатываемые земли, 107. Ошибочное мнение Адама Смита о неравномерном характере поземельного налога, 107—109. Рассмотрение влияния поземельного налога на Великобританию, 109—112. Исправление ошибки Сэя, 109—112.

Полезность.—Предпосылка меновой стоимости, 5.

Потребитель.—Потребитель, а не производитель сырья уплачивает налог на сырье, 90—92.

Пошлина от чеканки монеты.—Ее влияние на стоимость денег, 225—226, 238—239.

Предложение и спрос.—Влияние их на цены, 247. Мнения по этому вопросу Сэя, 248, Лодердаля, 248—249. Критика их, 249.

Предметы первой необходимости.—Налоги на них как причина высокой цены средств продовольствия, 91—92.

Предметы питания.—Причины их высокой цены, 93—94. Во-первых, недостаточное предложение, 93—94. Во-вторых, постепенное увеличение спроса, которому в конечном счете сопутствует увеличение издержек производства, 94—95. В-третьих, падение стоимости денег, 95—96. В-четвертых, налог на предметы необходимости, 96, 98—99.

Предметы роскоши.—Обложение их падает на тех, кто пользуется ими, 122. Рассуждение о налогах на предметы роскоши, 143. Преимущества и отрицательные стороны их обложения, 148—149.

Премии. Премии за экспорт хлеба понижают цену хлеба для иностран-

ного потребителя, 190—191. Влияние премии на повышение цены хлеба, иллюстрации, 190—194. Хотя премия может привести к частичному понижению стоимости денег, тем не менее это понижение не может быть постоянным, 196—197. Премии за экспорт промышленных изделий повышают их рыночную, но не естественную цену, 198. Единственным последствием премий является отлив части капитала в такие отрасли производства, в которые он при естественных условиях не направился бы, 198—199. Отрицательные стороны этой системы, 199—201. Премия за производство хлеба не оказала бы никакого действительного воздействия на годовую продукт земли и труда страны, хотя она сделала бы хлеб относительно дешевле, а промышленные изделия относительно дороже, 203—206. Но налог на хлеб, взимаемый с целью собрать фонд, из которого выплачивались бы премии за производство промышленных товаров, привел бы к повышению цен на хлеб и понижению цен на остальные товары, 206.

Прибыль.—Трудность исследования прибыли на капитал, 187. Размер нормы прибыли, заработной платы и ренты может быть определен на основе количества труда, необходимого для добывания продукта земли, 30—32. Влияние повышения и понижения цены товаров на прибыль, 46—47. Повышение цены на хлеб вызывает уменьшение прибыли фермера, выраженной в деньгах, 60—62. Повышение цены сырых произведений, если оно сопровождается ростом заработной платы, понижает земледельческую и промышленную прибыль, 63—65. Доказательство, что прибыль зависит от количества труда, затраченного на производство необходимых средств существования, на той земле (или при помощи того капитала), которая не приносит ренты, 66—71. Влияние расширения внешней торговли на прибыль, 72. Доказательство, что прибыль, получаемая от благоприятствуемой торговли, быстро снижается к общей норме прибыли, 72—75. Это же относится и к внутренней торговле, 75—76. Дальнейшее доказательство, что прибыль зависит от реальной заработной платы, 81—83. Налог на предметы первой необходимости является вместе с тем налогом на прибыль, 123. Рассуждение о влиянии обложения прибыли, 124—125. Прибыль на капитал уменьшается с обложением заработной платы, 131. Влияние накопления на прибыль и процент, 182—189.

Продукт.—Распределение продукта земли и труда страны между капиталистами, землевладельцами и рабочими определяет величину ренты, прибыли и заработной платы, 30—32. Повышение сравнительной стоимости сырых произведений, 37—38. Рост цены сырых произведений, если он сопровождается повышением заработной платы, понижает прибыль, 63—64. Влияние налога на сырые произведения, 90—92. Налог на сырые произведения повышает цену труда, 92—93. Разбор возражений против обложения продуктов земли, 92—100. Замечания о неудобствах, проистекающих от налогов, падающих на производителя, 245—246.

Производство.—Трудность производства приносит выгоду землевладельцам, 41—43. Издержки производства как регулятор цены товаров, 247, 257, 266—270.

Процент.—Рассуждение о низкой норме процента в Голландии (примечание), 183. Влияние накопления капитала на прибыль и процент, 182—189. Замечание о норме процента, 188—189. Норма процента регулируется нормой прибыли, получаемой от приложения капитала, 233.

Редкость.—Источник меновой стоимости, 5—6.

Рента.—Характер ее, 33—34. Изложение учения Адама Смита о ренте, 33—34. Различия в производительности земли и увеличение населения как причина ренты, 34—36. Увеличение ренты как *результат* увеличения богатства страны, 39—41. Влияние цены хлеба на ренту, 38—40. Влияние сельскохозяйственных улучшений на ренту, 41—43. Анализ ренты с рудников, 44—45. Рента оплачивается потребителем, но никогда не фермером, 63. Налог на ренту падает целиком на землевладельца, 101. Налог на ренту тормозит развитие земледелия, 101—102. Десятина влияет на размер хлебной ренты, 104. Возражения против теории Адама Смита о земельной ренте, 207—214, и мнение Мальтуса о ренте, 258—268. Увеличение населения не является причиной роста ренты, 266—267. То же относится к сельскохозяйственным улучшениям, 267—268. Падение ренты как результат низкой цены на хлеб, 278.

Рудники.—Рудники отличаются степенью их богатства, 44—45. Влияние открытия богатых рудников Америки на цену благородных металлов, 45. Влияние улучшений в эксплуатации рудников на стоимость денег, 83. Рассуждение о ренте с рудников, 44—45.

Сбережение.—Сбережение в труде понижает относительную стоимость товаров, 15. Иллюстрация этого положения, 15—18.

Свобода торговли.—Значение ее для Великобритании, 200—201, и примечание, 201.

Серебро.—См. *Золото и серебро*.

Сисмонди.—Разбор его мнения о неудобствах, вытекающих из оплаты налогов производителем, 246.

Смит Адам.—Его мнение о термине «стоимость», 5. Рассмотрение взгляда Сэя на этот предмет, 179—181. Возражение против теории Смита, что хлеб является подходящим мериллом для определения изменяющейся стоимости других товаров, 7—11. Критика его теории, что труд является в конечном счете единственным масштабом стоимости товаров (примечания), 11, 12, 13. Его определения ренты, 33—34. Его возражения против обложения перемещения собственности, 88—89. Ошибочное мнение Смита о неравномерном характере налога на землю и всех других налогов, 107—108. Его мнение о налоге на заработную плату, 131. Возражения по этому вопросу Бьюкенена, 131—132. Взгляд на этот вопрос автора настоящей книги, 132—143. Ошибочное учение Смита о налогах на роскошь, 143—144. Его определение богатства, 171. Замечания по этому поводу, 174—175. Мнение Смита, что падение прибыли является результатом накопления и конкуренции капиталов, 182—187. Замечания к его учению о вывозных премиях, 198—199. Возражения против его теории земельной ренты, 207—214; против его теории колониальной торговли, 215—220; против теории валового и чистого дохода, 221—224. Критика его взглядов на бумажноденежное обращение, 227—228. Опровержение его положения о выгодах шотландской системы кредита, 234—238. Замечания о его теории относительной стоимости золота, хлеба и труда в богатых и бедных странах, 240—244.

Собственность.—Перенос собственности задерживается наличием гербовых пошлин, 88, 89.

Солод.—Влияние налога на солод, 156—158.

Спрос и предложение.—Рассуждение о влиянии спроса и предложения на цены, 247—248. Мнение Сэя по этому вопросу, 248. Мнение Лодердаля, 248—249. Рассуждение об этом вопросе, 249. Спрос на труд определяется увеличением оборотного, а не основного капитала, 256.

Стоимость.—Определение ее, 5. Различие между стоимостью и богатством, 171—177. См. *Труд*. Полезность как предпосылка меновой стоимости, 5. Редкость как один из источников меновой стоимости, 5—6. Количество труда, затраченного на производство товаров, как главный источник меновой стоимости, 6—12. Влияние накопления капитала на относительную стоимость товаров, 12—18. Закон, в силу которого количество труда, затраченного на производство товаров, регулирует их относительную стоимость, в значительной степени изменяется вследствие употребления машин и другого основного и долговечного капитала, 19—24. Действие закона, в силу которого стоимость не изменяется вследствие повышения или понижения заработной платы, также ограничивается вследствие неодинаковой долговечности капитала и неодинаковой скорости, с которой он возвращается к своему предпринимателю, 24—27. О неизменной мере стоимости, 27—29. Влияние повышения заработной платы на относительную стоимость товаров, 24—26. Влияние ренты на стоимость товаров, 33. Изменения в стоимости денег не отражаются на *норме* прибыли, 31—32. Как изменяется стоимость денег под влиянием улучшений в разработке рудников, 83. Стоимость золота и серебра определяется трудом, необходимым для производства и доставки их на рынок, 225. Исследование о сравнительной стоимости золота, хлеба и труда в богатых и бедных странах, 240—244.

Сэй.—Его противоречивые суждения о регулировании цен издержками производства (примечание), 37. Его правильные замечания о вреде налогов на перенос собственности, 89. Разбор взгляда Сэя на кредит (примечание), 154.

Его ошибочный взгляд на принципы земельного налога Великобритании, 109—112. Возражение против некоторых его положений об обложении, 144—149. Замечания об его ошибочном взгляде на высокое обложение хлопка (примечание), 146. О стоимости и богатстве, 175—181. Его замечание о займах (примечание), 189. Возражение против его взгляда на вывозные премии, 201—202. Его взгляды на валовой и чистый доход, 221—223. Разбор его учения о неудобствах, вытекающих из оплаты налогов производителем, 245—246. Разбор его мнения о влиянии спроса и предложения на цены, 247. Ошибочность его взгляда на валовой и чистый доход (примечание), 273.

Технические усовершенствования.—Технические усовершенствования в земледелии, их влияние на ренту, 40—43. Их значение (примечание), 42. Влияние технических усовершенствований в промышленности на распределение благородных металлов между разными странами, 77—81.

Товары.—Золото как несовершенное мерило для определения изменения стоимости товаров, 9—10. Хлеб как несовершенный масштаб стоимости товаров, 10—11. Различное вознаграждение за труд различного качества не служит причиной изменения относительной стоимости товаров, 11—12. Стоимость товаров определяется не только трудом, затраченным непосредственно на их производство, но и трудом, затраченным на орудия и т. д., участвующие в процессе производства, 12—18. Влияние увеличения заработной платы на стоимость товаров, 30, и на уровень ренты, 30—31. Меновая стоимость товаров регулируется наибольшим количеством труда, необходимо затрачиваемого на их производство теми, кто производит при самых неблагоприятных условиях, 36—37. Увеличение цен товаров не находится в необходимой связи с увеличением цены труда, 57. Издержки производства регулируют цены товаров, 257, 266—270. Изменения стоимости монопольных товаров и причины этого, 249.

Торговля.—Всеобщие причины внезапных перемен в ходе торговли, 164—165. Особенно резко проявляются в начале войны, после заключения мира или в обратном случае, 165—166. Влияние подобных изменений на сельское хозяйство, 166—170. Условия транзитной торговли, 185—186. Преимущества свободной торговли, 200—201. Замечания о колониальной торговле, 215—220. См. *Внешняя торговля.*

Транзитная торговля.—Замечания о ней, 185—186.

Труд.—Спрос на труд зависит от увеличения оборотного, но не основного капитала, 256. Количество труда, необходимое для производства товаров, является главным источником их меновой стоимости, 6—7. Рассуждение о влиянии машин, 8—9. Труд различной квалификации различно оплачивается, 11. Это не является причиной изменения относительной стоимости товаров, 14—15. Иллюстрация этого положения, 15—18. Закон, в силу которого количество труда, затраченного на производство товаров, регулирует их относительную стоимость, в значительной степени изменяется вследствие употребления машин и другого основного и долговечного капитала, 19—24. Рассуждение о теории Смита о производительном и непроизводительном труде, 38—39. Естественная цена труда, 49. Рыночная цена труда, 49—50. Ее влияние на благосостояние рабочих, 50. Влияние спроса и предложения на заработную плату, 52—54. Рассуждение об обложении заработной платы, 131—149. Сравнительная стоимость труда, золота и хлеба в богатых и бедных странах, 240—244. В каких случаях машины наносят ущерб рабочим, 251—254. Рабочие заинтересованы в способах расходования чистого дохода страны, 254—257.

Фабрики.—Улучшения на фабриках какой-нибудь страны сопровождаются изменением распределения благородных металлов между разными странами, 80. Владельцы фабрик платят меньший налог на бедных, чем фермеры, 160—163. Премии за вывоз промышленных товаров повышают рыночную цену, но не естественную цену, 198.

Фермеры.—Фермеры платят больший налог в пользу бедных, чем промышленники, 160—163. Выгоды, получаемые ими от обложения, падающего только а их прибыль, 128.

Фонд погашения.—Фонд погашения в Англии имел чисто номинальный характер, 154. Кто управляет этим фондом, 232.

Хлеб.—Хлеб как неустойчивый масштаб изменяющейся стоимости товаров, 7—11. Влияние цены хлеба на ренту, 39. Хлебная рента изменяется в величине под влиянием десятины, 104, а также налогов на сырой продукт, 91. Влияние увеличения спроса на хлеб на его цену, 94—95. Выгоды, проистекающие от относительно низкой цены на хлеб, 169—170. Премии за экспорт хлеба понижают его цену для иностранного потребителя, 190—191. Эти премии вызывают повышение цены на хлеб, 194. Рассуждение о влиянии запрещения ввоза хлеба, 197—198. Премия за производство хлеба не оказывает никакого действительного воздействия на годовой продукт земли и труда страны, 203—206. Цена на хлеб увеличивается вследствие налога, взимаемого для накопления фонда, из которого выплачиваются премии за производство товаров, 206. Выгоды, получаемые землевладельцем от высокой цены на хлеб, 213—214. Исследование сравнительной стоимости хлеба, золота и труда в богатых и бедных странах, 240—244. Производство хлеба стимулируется повышением его рыночной цены, 269—270. Падение стоимости хлеба выгодно капиталисту, 276—277. Изложение вопроса о ввозе и вывозе хлеба, 277—278.

Цена.—Определение цены продуктов, 6. Определение естественной и рыночной цены и законов, управляющих ими, 46—48, в частности труда, 49—52. Увеличение цен товаров не находится в необходимой связи с ростом цены труда, 57. Рост цен на сырой материал является единственным способом, посредством которого возделыватель земли может оплатить налог на сырье, 90. Премии за вывоз промышленных товаров повышают их рыночную, а не естественную цену, 198. Рассуждение о влиянии спроса и предложения на цены, 247—248. Повышение рыночной цены на хлеб стимулирует его производство, 269—270.

Чистый доход.—Выгоды его неправильно оценены Адамом Смитом, 221, и Сэем (примечание), 221. Разбор их учений, 221—224. Рабочий класс заинтересован в способах употребления чистого дохода страны, 254—256. Чистый доход не уменьшается пропорционально уменьшению валового дохода, 273—275.

«Edinburgh Review».—Рассуждения об ошибке этого журнала в вопросе о влиянии цены труда на мануфактурные товары, 191—192.

Экспорт хлеба.—Вывозные премии на хлеб понижают его цену для иностранного потребителя, 190—191. Влияние вывоза хлеба на повышение его цены, иллюстрация, 192—193. Премии за вывоз промышленных изделий повышают их рыночную, но не естественную цену, 198.

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРОВАННЫХ СОЧИНЕНИЙ

- Бартон* (Barton John. Observations on the circumstances which influence the Condition of the labouring Classes of society, London 1817)—стр. 256.
- Бьюкенен* (Buchanan David. Observations and Notes on Ad. Smith's «Wealth of Nations», Edinburgh 1814)—стр. 39, 58, 131—134, 155—158, 199, 200, 212, 228, 237, 238, 247, 258, 259.
- Дестю де Траси* (Destutt de Tracy. Elements d'idéologie, Paris 1815)—стр. 177—178.
- Гансард* (Hansard's Parliamentary History, v. XXXII)—стр. 58.
- Лодердаль* (Lauderdale (Earl of). An Inquiry into the Nature and Origin of Public Wealth and into the Means and Causes of its Increase, Edinburgh 1804)—стр. 173, 238, 248, 249.
- Мак-Куллох* (Mac Culloch, F. J. R. Corn Laws and Trade. Supplement of the Encyclopaedia Britannica, 1818; Essay on the Question of reducing the Interest of the National Debt, 1816)—стр. 167, 201 и 277.
- Мальтус* (Malthus, T. R. Essay on Population, London 1798, 2-е изд. в 1803; Inquiry into the Nature and Progress of Rent and the Principles by which it is regulated, London 1815; The Grounds of an Opinion on the Policy of restricting the Importation of foreign Corn, London 1815; The Principles of Political Economy considered with a View to their practical Application, London 1820; Observations on the Effects of the Corn Laws and of a Rise or Fall in the Price of Corn on the Agriculture and general Wealth of the Country, London 1814)—стр. 1, 10, 29, 133, 134, 259—273, 276—279.
- Сэй* (Say, I. B. Traité d'économie politique ou simple exposition de la manière, dont se forment, se distribuent et se consomment les richesses. Первое издание. Paris 1802. Четвертое издание, цитируемое Рикардо, Paris 1819, 2-е и 3-е издания в 1814 и 1817 гг.)—стр. 1, 2, 34, 37, 89, 109—112, 139, 144—146, 150, 151, 154, 158, 159, 165, 172, 175—183, 189, 194, 200, 201, 219, 221—223, 225, 227, 239, 245, 246, 248, 273.
- Сисмонди* (Sismondi, Simonde de. Traité de la richesse commerciale ou principes de l'économie politique, appliqués à la législation du commerce. 2 vol. Genève 1863)—стр. 1, 246, 259.
- Смит* (Smith Adam. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations, London 1776. Рикардо цитирует издание Бьюкенена с примечаниями и комментарием последнего, 4 vol, Edinburgh 1814)—стр. 1, 2, 5—7, 9—13, 33, 34, 38, 39, 48, 72, 88, 89, 106—109, 120—122, 131—133, 137—141, 143—145, 156—158, 171—174, 176, 177, 179, 180, 182—187, 192—200, 207—216, 219—223, 227, 228, 234, 235, 237, 240—244, 251, 279.
- Торренс* (Torrens Robert. An Essay on the External Corn Trade)—стр. 51, 120.
- Уэст* (West Edward. Essay on the Application of Capital to Land etc. By a fellow of University College Oxford, London 1815)—стр. 1.
- Кроме того Рикардо называет Локка (237), Тюрго (1), Стюарта (1) и статью о премиях за вывоз хлеба в «Edinburgh Review» (191, 194, 199).

О Т И З Д А Т Е Л Ь С Т В А

Настоящее издание работы Рикардо представляет перевод, вновь сверенный с оригиналом. Примечания переводчика составлены в результате сличения трех изданий «Начал» Рикардо: 1817, 1819 и 1821 гг. В примечаниях внесены дополнения, исправления и т. д., сделанные самим Рикардо.

Сноски, отмеченные цифрами, принадлежат Рикардо, а отмеченные звездочками и взятые в прямые скобки, принадлежат переводчику.

H. 8 P. 35 K.

